АКАДЕМИЯ МАГИИ
АЛЕСЯ НАВАРРО
АКАДЕМИЯ РИНВУД
УЧЕНИЦА ТЕМНОГО МАГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В наказание за шалости и проделки наследницу Темного Дара, юную Амалию Хэмптон, определяют в ученицы самому страшному и беспощадному человеку во всей магической Академии Ринвуд – профессору Грегору Коннери. Теперь о беззаботной студенческой жизни можно забыть навсегда. Но кто же на самом деле скрывается под маской мрачного колдуна? Древнее чудовище или единственный верный защитник? На страницах загадочного дневника, написанного полтора века назад, любовь и смерть слились воедино, но свою судьбу Амалия напишет сама.

- Академия Ринвуд. Ученица темного мага
  -
  - Пролог
  - Первая часть
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Эпилог
  - Вторая часть
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8

- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Эпилог

Академия Ринвуд. Ученица темного мага

© Наварро А., 2017
© Оформление ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Ветер налетел внезапно. Влажное дыхание тумана, непроглядной пеленой окутавшего колокольню, забралось под ночную рубашку. Холодными липкими пальцами пробежало по телу, еще хранившему тепло постели. Амалия поежилась и обхватила руками обнаженные плечи. Гадкое местечко. Неудивительно, что сюда никто уже давно не ходит, – даже колокол позеленел от времени. Доски под ногами прогнили насквозь: один неосторожный шаг – и упадешь с высоты нескольких десятков футов. Что она вообще здесь забыла? И кто сейчас поднимается по лестнице?

Шаги раздавались откуда-то снизу, громкие и уверенные. Тот, кто решил среди ночи посетить это забытое Всемогущим Отцом место, явно бывал здесь раньше и не боялся оступиться. Хрупкие древние ступени жалобно скрипели под ногами ночного гостя, но все же не ломались. Амалия не стала тратить времени на раздумья и укрылась в тени. Тому, кто в такое время разгуливает по заброшенным колокольням, определенно не стоит попадаться на глаза.

– Я здесь.

Вот странно. Голос у ночного гостя оказался юный, почти мальчишеский. Амалия уже успела представить себе чернокнижника, головореза или беглого каторжника, но никак не парнишку, всего на год или на два старше ее самой. Страх уступил место любопытству, и она осторожно сдвинулась влево, прижимаясь животом к колоколу.

Отсюда Амалия могла разглядеть только неровно светящийся по краям невысокий силуэт: у одетого в короткий плащ юноши была то ли свечка, то ли магический огонек, без которого он бы точно переломал на лестнице все ноги.

– Я здесь, – твердо повторил юноша, поднимая свет повыше. – Я пришел.

Крохотный огонек в его руках дернулся и едва не потух. По ногам протянуло холодом, и вся колокольня натужно заскрипела от вновь налетевшего ветра. Темнота в нескольких шагах перед юношей пришла в движение и начала сплетаться в длинный уродливый силуэт, лишь отдаленно напоминающий человеческий. Тощий, вытянутый, с неожиданно коротким туловищем и непропорционально огромными руками (или лапами?), свисающими ниже узловатых колен. Отец Всемогущий! Амалия съежилась и затаила дыхание, боясь выдать свое присутствие. С каждым мгновением ей становилось все холоднее,

но ткань ночной рубашки на спине все равно намокла от пота.

Чудовище вдвое возвышалось над худощавой фигурой юноши и даже чуть склонялось над ним, чтобы не упереться крохотной головой на тонкой длинной шее в потолок.

– Чудес-с-с-с-сно, – прошелестело оно. – Прос-с-с-с-сто чудес-с-с-с-сно…

Как будто шепот нескольких десятков, а то и сотен человек – с разных сторон. Черная тварь стояла не только перед юношей, но и за спиной Амалии, по ту сторону старого колокола, в каждом темном углу – везде.

– Ты готов, мой друг?.. – поинтересовалось чудовище. – Ты обдумал мое предлош-ш-шение?

– Нет! – прошептала Амалия. – Не слушай его!

От ужаса горло словно сдавило невидимой ледяной рукой. В груди не хватало воздуха, будто бы немыслимая тяжесть вжимала Амалию в холодную медь колокола. Она проклинала себя за трусость, но никак не могла отважиться и закричать, спасти юношу. Слишком самонадеянного или глупого, чтобы увидеть, чем на самом деле было создание, предлагавшее ему сделку. Амалия могла лишь смотреть, как юноша кивает и медленно опускается на колени перед чудовищем, которое уже протягивало к нему свои длинные когтистые лапы. «Беги! Спасайся!» – только и успела подумать Амалия…

Чудовище посмотрело прямо на нее.

Первая часть

Глава 1

– Просыпайся, милая.

Амалия несколько раз дернулась и сбросила на пол мокрое от пота одеяло. Свет, пробивавшийся сквозь ставни, больно резанул по глазам, но окончательно прогнал жуткие видения. Старая колокольня с чудовищем внутри растаяла в утренних лучах, выпуская Амалию обратно в ее комнатку на втором этаже Вудсайд Хаус.

– Плохой сон? – тревожно поинтересовался отец, накрывая ее лоб прохладной ладонью. – Ты в порядке, милая?

Амалия вздохнула. То, что должно случиться, ничем не лучше самого страшного ночного кошмара. Она уже знала, что ответит отец, но все равно спросила. Не могла не спросить.

– Папа, мне обязательно ехать?

С губ отца тут же исчезла привычная улыбка. Оливер Хэмптон был мягким человеком, но когда его взгляд за стеклами очков становился таким, как сейчас… И все же попробовать стоило. Хотя бы еще раз.

– Это действительно так нужно? – робко начала Амалия. – Может быть, в следующем году…

– Амалия.

Амалия. Не малышка, не детка, не милая. Даже не Ами. Амалия. Значит, спорить бесполезно. Как можно так поступить с собственным ребенком? Еще совсем недавно отец обещал, что никогда не оставит свою маленькую дочурку, а теперь… Конечно, он знал, как нужно, как правильно, но Амалия никак не могла отделаться от ощущения, что ее попросту предали. Выбросили. Вот Мирону разрешили учиться в Эйлсбери – всего в получасе езды от Вудсайд Хаус, совсем рядом. Правда, в конце концов непоседа братец все равно укатил доучиваться в далекую заснеженную Московию, где все время зима, а по улицам ходят медведи в меховых шапках. Два года назад, когда Амалии едва исполнилось четырнадцать. Отец был против, но особо спорить не стал. И почему сейчас нельзя так же? Но нет – Амалии придется на целых пять лет отправиться к черту на рога. В проклятую Академию! Снова захотелось плакать.

Воздух в комнате подернулся рябью, и свечка на столе потухла, беспомощно выпустив из почерневшего фитиля сгусток дыма.

– Амалия.

Отец нахмурился и слегка повысил голос. Вот это уж совсем редкость. Значит, пора вставать и собираться.

* * *

– Мы уже приехали? – поинтересовалась Амалия и пересела поближе к окну кареты.

Котенок недовольно пискнул у нее на коленях, но тут же снова задремал, уткнувшись в ладонь мокрым носиком. С тех пор, как Амалия подобрала серого полосатого малыша на конюшне, они не расставались. Отец недовольно ворчал, но в конце концов обещал замолвить за пушистого разбойника словечко. Если повезет, ректор разрешит оставить котенка при кухне или в караулке.

Карета неторопливо катилась по мощеной дороге – такой ровной и гладкой, будто бы камни для нее специально подбирали вручную, а потом еще долго полировали. В родном Эйлсбери, конечно, были дороги и пошире, особенно на окраинах, застроенных всего каких-то десять-пятнадцать лет назад, но таких аккуратных Амалии видеть еще не приходилось.

– Ты уже спрашивала всего пару минут назад, – улыбнулся отец. – Но на этот раз мы действительно почти приехали. Смотри!

Густые темные заросли по обе стороны дороги расступились, открывая Амалии дивный вид. Замок Ринвуд словно вырастал из дубов и вязов, окружавших ее плотным кольцом. Деревья уже примеряли осенний наряд, и среди буйства красок листвы высокие стены из серого камня, пожалуй, выглядели бы мрачновато, если бы не сияющие прямо над ними черепичные крыши – яркие, задорно-красные, хотя, по словам отца, им была уже не одна сотня лет. Смотровая башня вонзалась в ослепительную синеву неба острым шпилем, увенчанным золотым флюгером.

За полторы недели пути Амалия окончательно свыклась с мыслью, что ближайшие пять лет ей придется провести вдали от родного Вудсайд Хаус. Вечно плакать невозможно, и любопытство постепенно брало верх над отчаянием, превращая глухую тоску Амалии в нетерпеливое ожидание. Она бесцеремонно спихнула котенка на сиденье и чуть ли не по пояс высунулась из окна, не обращая внимания на ворчание отца. Ветер сорвал с волос чепец и забросил его куда-то в дорожную пыль. Амалия даже не проводила его взглядом, засмотревшись на широкие ворота замка.

– Ведите себя прилично, юная леди, – рассмеялся отец. – Посмотри! Похоже, нас уже ждут.

Высокий мужчина в черном стоял прямо у ворот, привалившись спиной к каменной стене. Когда карета подъехала поближе, Амалия разглядела, что встречающий уже немолод, –

пожалуй, даже старше отца. Его коротко остриженные волосы были белыми, как свежевыпавший снег, но при этом назвать незнакомца стариком язык как-то не поворачивался – во всем его облике чувствовалась сила… Нет, даже не так – Сила! Амалия чуть прикрыла глаза, стараясь разглядеть ауру незнакомца. На мгновение ей показалось, что она ослепла. Человек, стоящий у ворот, был магом, причем магом необыкновенной мощи. Его Дар полыхал, окрашивая ауру в яркие цвета, – белый, алый, желтый и даже те, которым Амалия не могла найти подходящего названия.

Незнакомец широко улыбнулся, шагнул вперед и учтиво распахнул перед Амалией дверцу кареты. Ничего себе! Пожалуй, Академия Ринвуд и правда непростое место, раз здесь даже привратники наделены таким Даром!

– Оливер! – радостно произнес он. – Давно же я тебя жду! А рядом с тобой, как я полагаю, юная леди Амалия Хэмптон?

– Это я, – пискнула Амалия, неловко опираясь на крепкую руку привратника. – Очень рада вас видеть…

Почему-то ей вдруг стало безумно стыдно за свое незамысловатое платье из серой шерсти. Да и отец… Его потертый дорожный сюртук не шел ни в какое сравнение с изящным и наверняка безумно дорогим нарядом привратника. Угольно-черный камзол был скроен просто, но сидел на высокой и широкоплечей фигуре мужчины безупречно. Почти никаких украшений: только две серебряные пряжки, одна на поясе, а вторая, удерживающая плащ, – на вороте, но от этого общее впечатление роскоши почему-то только усиливалось. Вряд ли это была обычная форма – скорее парадная, которая надевалась не чаще, чем несколько раз в год. Что же здесь в таком случае носят преподаватели?..

– Та самая малышка Ами, – задумчиво произнес привратник. – Особенная девочка.

– Ты даже не представляешь, насколько особенная, – отозвался отец, выбираясь из кареты.

– Хорошего же ты обо мне мнения.

Привратник улыбнулся, но улыбка у него получилась совсем невеселая. Он отступил на полшага и смерил Амалию взглядом – от макушки до носков туфель. Несколько раз Амалия ощутила легкое покалывание, словно голубые глаза привратника просвечивали ее насквозь. Не самое приятное чувство – на мгновение ей даже захотелось спрятаться за спину отца. Но ведь она уже взрослая леди – а взрослые леди так не поступают.

– Ты позволишь нам проехать, Элвин? – спросил отец, положив руку на плечо Амалии. – Устроим Ами, а потом сядем где-нибудь с кружечкой эля…

– Пожалуй, я сам провожу госпожу Хэмптон в ее комнату. – Элвин не дал отцу договорить. – Тебе лучше уехать, Оливер.

Щеки Амалии вспыхнули. Да что этот напыщенный болван себе позволяет?! Даже если он наделен могучим Даром и вырядился, как самый настоящий лорд, он всего лишь простой привратник, а сэр Оливер Хэмптон, виконт Фалмут, – потомственный дворянин и к тому же один из самых известных ученых страны! И не слуге указывать ему, когда следует уезжать!

Но отец промолчал и покорно склонил голову. Похоже, их с Элвином связывала давняя дружба, хотя отец никогда не рассказывал, что водился с простолюдинами из прислуги, которые к тому же имели наглость обращаться к нему по имени. Холодно распрощавшись с Элвином, отец вновь повернулся к Амалии.

– Будь хорошей девочкой, – произнес он, слегка потрепав ее по волосам. – Не забывай нас с мамой.

– Не говори глупости, пап! – всхлипнула Амалия. – Мы ведь увидимся совсем скоро!

Не раньше чем перед самым праздником Рождения Солнца. Почти через полгода! Амалия изо всех сил старалась вести себя достойно, но не выдержала и разрыдалась в голос. Отец неловко обнял ее за плечи и смущенно забормотал что-то успокаивающее. Как больно! Это ведь по его воле Амалия остается здесь, это он предал, обманул ее… но злиться не осталось никаких сил. Амалия оцепенело вжималась мокрым от слез лицом в колючую жилетку отца, пока тот не освободился от ее объятий. Элвин – надо отдать ему должное – не пытался прервать сцену семейного прощания и молча стоял в стороне, пока отец забирался обратно в карету. Хмурый кучер из Эйлсбери отсалютовал Амалии рукоятью кнута и встряхнул вожжами. Видавшая виды колымага заскрипела и начала разворачиваться. Усталое и печальное лицо отца мелькнуло в оконце и тут же исчезло за шторкой. Вот и все. Даже слез не осталось. Кончились.

– Что ж, госпожа Хэмптон, – улыбнулся привратник. – Нам пора идти.

Наверное, он хотел как-то ее приободрить – и совершенно зря. Было бы куда лучше, если бы он вовсе не обратил внимания на ее заплаканные глаза. Уж в чем в чем, а в поддержке какого-то слуги с дурными манерами дочь Оливера Хэмптона точно не нуждалась.

– Благодарю вас, Элвин, – сухо кивнула Амалия. – Я вам очень признательна.

* * *

Внутри Академия оказалась даже больше, чем Амалия могла подумать, глядя на стены замка из окна кареты. Не меньше полутора-двух десятков зданий разных размеров жались друг к другу, постепенно забираясь вверх к смотровой башне. Сплошной серый камень, и только почти у самого входа промелькнули и тут же исчезли за спиной две небольших бревенчатых избушки. Наверное, склады или караулки – или что-нибудь еще в этом же роде. Странно, но людей навстречу почти не попадалось. Только раз в десятке шагов под аркой справа мелькнули разноцветные мантии – наверное, другие студенты или кто-то из преподавателей. Амалия забыла о них, как только увидела пятиэтажную махину, показавшуюся сразу за поворотом дороги.

Огромное здание было покрыто той же самой ярко-красной черепицей, что и его скромные соседи, но на этом сходство заканчивалось. Стены, сложенные из белоснежного камня, блестели так, что становилось больно глазам. Ничего себе! В Эйлсбери не было ничего похожего – даже богатый дом губернатора и близко не стоял с такой красотой. Интересно, а что там внутри?

– Главный корпус, Дом Четырех Стихий, – торжественно произнес Элвин, угадав немой вопрос Амалии. – Сердце Академии.

Да, лучшего названия нельзя было и придумать. Сердце Академии. Дом Четырех Стихий и грозная смотровая башня – такие непохожие – будто бы составляли единое целое. Основание башни виднелось сразу за аркой, куда вела дорога, переходившая в широкую лестницу из того же белого камня, что и сам Дом.

Уже поднимаясь по ступеням вверх, Амалия еще раз украдкой бросила взгляд на своего спутника. Элвин шагал легко, совершенно не обращая внимания на тяжеленный чемодан, под весом которого сама Амалия, пожалуй, свалилась бы, не пройдя и пяти ступенек. Только сейчас она заметила, что Элвин держал ношу в левой руке. Для того чтобы поприветствовать отца, он протягивал правую, а эту прятал под плащом – или, что более вероятно, Амалия просто не присматривалась к ней раньше. Едва ли человек столь вольных нравов стал бы скрывать такое.

Хотя скрывать, возможно, и следовало. Чуть ниже локтя черная ткань камзола сменялась металлом – таким же блестящим, как и пряжки на вороте и поясе, но наверняка куда более прочным. На поверхности латной рукавицы невозможно было различить ни единой царапинки, которые неизбежно бы появились на серебре… ну, например, от переноски чемоданов. Амалия не могла не восхититься тонкой работой мастера, выковавшего для Элвина этот странный элемент доспеха. Металл

сидел на руке, как вторая кожа. Даже сочленения в блестящей броне казались скорее условностью, добавленной исключительно для пущего эффекта, как и узкие щели на тыльной стороне ладони. Сквозь них без труда можно было разглядеть… Ручку чемодана?! Амалия зацепилась ногой за очередную ступеньку и едва не рухнула. Блестящая рукавица не скрывала руку Элвина – *она и была рукой*! Не из плоти и крови, а из холодного металла! Разве такое возможно?!

– Будьте осторожнее, госпожа Хэмптон! – воскликнул Элвин, легким движением перехватывая чемодан в правую руку. – Лестница довольно крутая. Ваш отец не простит мне, если с вами что-то случится. Думаю, лучше ухватиться за меня – если вам будет угодно.

Ухватиться за эту гадость?! Амалия скорее предпочла бы прикоснуться к змее или жабе, чем к гладкому серебристому механизму, заменявшему Элвину левую руку. Тот заметил, как она разглядывала его уродство, и, вне всякого сомнения, наслаждался произведенным эффектом.

– Благодарю, – испуганно пробормотала Амалия. – Уверяю вас, я вполне могу передвигаться самостоятельно.

Продолжая неуклюже пятиться все дальше и дальше от Элвина, она изо всех сил пыталась не смотреть на его металлическую руку. И, как это всегда бывает в таких случаях, у нее никак не получалось. Когда чьи-то тяжелые шаги раздались спереди, совсем рядом, Амалия едва успела повернуть голову.

И тут же налетела на высокого косматого мужчину, спускавшегося по лестнице ей навстречу. Седая борода и выцветшая серая куртка, наискось перетянутая широким кожаным ремнем, мелькнули перед глазами, и в следующее мгновение Амалия уже летела с лестницы вниз. Вернее, летела бы, если бы обладатель куртки не действовал с неожиданной для его почтенного возраста прытью. Седоволосый словно стальными клещами обхватил тонкое запястье Амалии, выдернул ее на две ступеньки вверх и с тихим ворчанием заковылял вниз по лестнице, заметно припадая на левую ногу.

– Простите, сэр, – пролепетала Амалия, обращаясь к широкой спине, укрытой длинным плащом из серого меха, – я вас не заметила…

– А стоило бы, юная леди, – хрипло отозвался тот, поворачивая голову, – а стоило бы.

Последних его слов Амалия уже почти не слышала – они потонули в звоне в ушах. Из глаз чудовища в меховом плаще на нее смотрел обжигающий беспощадным холодом мрак. Амалии никогда раньше не приходилось видеть ауры темного мага. Отец

рассказывал, что их всех истребили давным-давно, задолго до ее рождения. И все же сомнений быть не могло – вот он, темный маг, прямо перед ней, на широкой лестнице, ведущей в Дом Четырех Стихий! Черный вихрь его ауры бешено крутился и, казалось, затягивал в себя даже яркий солнечный свет, вместе с которым и из самой Амалии уходило все теплое и хорошее. Один короткий взгляд темного мага словно выпил Амалию досуха, оставляя внутри лишь гнетущую и тоскливую пустоту. Если бы она изо всех сил не вцепилась в руку Элвина – ту самую, которая только что казалась страшной и уродливой, – то повалилась бы прямо на белый камень лестницы. Металл неприятно холодил кожу, но хотя бы не ходил ходуном, в отличие от ступеней под ногами.

– Что ты увидела?

Голос Элвина привел ее в чувство, прогоняя подступающую дурноту. Но сил стоять уже не осталось – не говоря уже о том, чтобы возмущаться в ответ на наглое обращение. Амалия опустилась прямо на ступени и снова разрыдалась, как маленькая девочка.

– Там, – всхлипнула она, указывая рукой туда, куда удалился страшный старик. – Там темный маг!

– Сэр Грегор Коннери. – Элвин понимающе кивнул и уселся на корточки прямо перед Амалией. – Наш профессор защитной и боевой магии.

– Темный маг! Отец говорил, что их больше не осталось!

– Ну, один уж точно остался. – Элвин задумчиво улыбнулся одними уголками губ. – Вы умеете читать ауру?

– Да, – слабым голосом отозвалась Амалия. – Отец научил. Я думала, это все могут.

– Не все. – Элвин недовольно покачал головой. – Проклятье. Мне следовало предупредить вас, госпожа Хэмптон. На такое нельзя смотреть неподготовленным.

– Ректор держит здесь, в Академии, настоящего темного мага? – недоверчиво спросила Амалия, вытирая слезы. – Как такое возможно?

– У ректора… – Элвин рассмеялся. – Скажем, у ректора весьма своеобразный взгляд на некоторые вещи. У него есть все основания полагаться на сэра Коннери. А лучшего профессора не найти во всем мире – уж вы мне поверьте.

Амалия поморщилась. Пожалуй, ректор Торвальдсен и впрямь необычный человек. Для начала ему бы следовало прогнать взашей наглого и самоуверенного привратника… Какой позор – дочь благородного семейства Хэмптон ревет на ступенях Академии, да еще и на глазах у прислуги! Эта мысль придала Амалии сил, чтобы подняться на ноги. Колени все еще дрожали,

но она больше не собиралась показывать Элвину, как ей на самом деле плохо. Чего доброго, он еще начнет утешать. Нет уж, пусть лучше поскорее возьмется за чемодан своей железякой и шагает дальше – молча.

И все-таки по-настоящему рассердиться у Амалии не получалось. Она еще раз коротко взглянула на Элвина, преодолевая последние ступеньки. Нет, на простолюдина он совсем не похож: благородно очерченный профиль, волосы аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб, живые, пронзительно-голубые глаза, и в них ясно читается незаурядный ум. Щеки гладко выбриты. Интересно, сколько ему лет? Сорок? Пятьдесят? И почему маг такой силы довольствуется должностью привратника? Или он вовсе не так прост?..

Разглядывая Элвина, Амалия совершенно перестала следить за дорогой. Они уже несколько раз повернули и выбрались из хитросплетения узеньких улочек на небольшую площадь с огромным дубом посередине.

– Старина Боб. – Элвин похлопал рукой по шершавой коре дерева, раскинувшего могучие ветви до самых стен домов вокруг. – Одному Всеотцу известно, сколько ему сотен лет. А прямо за ним – жилой корпус. Женская половина – направо. Думаю, мне не стоит заходить внутрь. Ваша комната на втором этаже, госпожа Хэмптон. Номер двадцать четыре. Добро пожаловать в новый дом! – Элвин учтиво распахнул перед Амалией дверь.

Нет, все-таки он ей положительно не нравился. Но это уж точно не было поводом уронить честь виконтов Фалмут и демонстрировать скаредность. Великодушие и учтивость даже с недостойными – вот качества, присущие настоящей леди. Амалия открыла сумочку и, пошарив внутри, протянула привратнику маленькую серебряную монетку.

– Благодарю вас за помощь, Элвин, – холодно произнесла она. – Думаю, дальше я справлюсь сама. Было очень приятно с вами познакомиться.

Привратник без всякого смущения принял награду и, задумчиво повертев монетку в пальцах, спрятал где-то на поясе. В его глазах заплясали веселые искорки, словно он вдруг подумал о чем-то смешном.

– Премного благодарен, добрая леди. – Элвин церемониально поклонился. – Буду с нетерпением ждать нашей следующей встречи.

Нет, это уже действительно выходило за любые рамки! Фыркнув, Амалия обеими руками ухватилась за чемодан и решительно шагнула в темноту жилого корпуса.

* * *

Не зря говорят, что гнев придает силы. С пыхтением преодолев половину ступенек, Амалия бросила взгляд на зеркало, зачем-то повешенное на стенку на крохотной площадке, разделяющей лестничные пролеты. Света от узкого витражного окна было совсем немного, но вполне достаточно, чтобы разглядеть невысокую девушку с растрепанными светлыми волосами и крайне недовольным выражением лица. Темно-карие глаза, доставшиеся Амалии от отца, метали молнии. Выдохнув, она бросила чемодан и уселась на него сверху.

– Это совершенно никуда не годится! – Амалия зачем-то сказала это вслух. – Да что же сегодня за день такой?!

– Мне кажется, что день просто замечательный. Особенно теперь, когда ты здесь!

Мягкий юношеский голос прозвучал откуда-то сверху. Амалия никак не могла предположить, что кому-то придет в голову отвечать на ее вопрос. Строго говоря, она даже не могла предположить, что на лестнице был еще кто-то, кроме нее самой. Незнакомец стоял высоко, и Амалия разглядела только силуэт и белозубую улыбку, сверкавшую в полумраке. Она едва успела предпринять жалкую попытку привести в порядок разметавшиеся волосы, как незнакомец ловко запрыгнул на перила и, соскользнув по ним вниз, очутился прямо перед ней.

– Откуда же ты взялась, прелестное создание? – поинтересовался юноша, бесцеремонно завладев рукой Амалии. – Ты человек или фея из мира сказок? У тебя есть имя?

Теперь его хотя бы было хорошо видно. Не слишком рослый – почти на голову ниже привратника Элвина, но все же повыше самой Амалии. Во всех его движениях сквозило что-то мягкое, кошачье. Казалось, что еще немного – и он замурлычет и начнет вылизываться. Слегка полинявший темно-синий кафтан с широкими рукавами явно был не слишком новым, но сидел на незнакомце на удивление ладно. Высокие сапоги из мягкой кожи и широкий алый пояс придавали своему хозяину вид если не роскошный, то, по крайней мере, яркий. Длинные локоны цвета спелой пшеницы доходили почти до плеч и скрывали правый глаз юноши. Левый же, синий и искрящийся, требовательно смотрел на Амалию в ожидании ответа.

– Я – Амалия, – пробормотала она, от смущения забыв прибавить необходимые «Хэмптон, леди Фалмут, уважаемый сэр».

Впрочем, на «уважаемого сэра» ее по-мальчишески подвижный собеседник явно не тянул. Не дожидаясь, пока Амалия скажет еще хоть слово, он отпустил ее руку и ловким

движением достал из-за спины лютню.

– Амалия, – вполголоса пропел юноша, пробежавшись тонкими пальцами по струнам. – Магнолия, могу ли я, хочу ли я… Нет, баллады не будет, – сокрушенно покачал он головой, но тут же добавил: – Пока не будет. Но я обещаю, для тебя я сочиню самые лучшие стихи о любви!

– Мы едва знакомы. – Щеки Амалии вспыхнули. – Ты мог бы хотя бы представиться!

Так ведь можно говорить, да? Конечно, это неприлично, но не обращаться же к нему по всем правилам этикета! Чего доброго, посчитает ее провинциальной дурочкой… Или вообще обидится! В конце концов, если в Академии Ринвуд даже простые привратники и бродячие музыканты позволяют себе такие вольности, то почему бы и леди из рода виконтов Фалмут не вести себя… немного проще?

– Я – бард, – с готовностью ответил юноша, попутно отвешивая глубокий поклон.

– Это я заметила, – кивнула Амалия. – А как насчет имени?

– От самого пролива, что отделяет Ританию от Серединных Земель, и до высоких гор на севере, – юноша торжественно приосанился, – меня знают как Барда. И для меня нет имени милее и дороже… Скажи, ты здесь новенькая?

– Только что приехала. – Амалия улыбнулась. – Меня зачислили на первый курс.

– Тогда я просто обязан показать тебе здесь все! – с жаром воскликнул Бард, снова хватая Амалию за руку. – Уверен, ты никогда в жизни не видела и десятой доли того, что увидишь здесь. А кто лучше Барда знает все входы и выходы в Академии?

– Что, прямо сейчас?! – Амалия попыталась освободить пальцы из цепкой хватки. – Я даже не была в своей комнате! Мой чемодан…

– Да-да, чемодан, понимаю. – Бард опасливо покосился на ношу Амалии. – Пожалуй, ты права, сейчас не лучшее время. Я вынужден покинуть тебя, о леди моего сердца, но я буду ждать сегодня в полночь на третьей площадке Дозорной Башни! – Последние слова Бард прокричал, уже мчась вниз по лестнице.

– Где-где? – переспросила Амалия, перегибаясь через перила. – В полночь? Ты с ума сошел!

– В полночь в Дозорной Башне! – раздался голос снизу. – И если встретишь старика Коннери – не говори, что я был здесь. Он меня убьет!

– Не расскажу, – испуганно прошептала Амалия.

Одного упоминания имени Грегора Коннери оказалось достаточно, чтобы оживить свежие воспоминания о встрече с ним.

Амалия поежилась, еще раз вспоминая пронизывающий ледяной взгляд темного мага. Разумеется, она ничего не расскажет. Вполне возможно, что Бард выражался вовсе не фигурально. А смерти он уж точно не заслужил – хотя Амалия скорее бы предпочла всем его медовым речам действенную помощь в перемещении чемодана. Но, похоже, тащить его все-таки придется одной…

Ступенек до второго этажа оставалось не так уж и много, уже через несколько минут Амалия стояла перед узкой деревянной дверью, на которой красовались золоченые циферки – два и четыре. Ее комната. Ее новый дом на ближайшие пять лет. Только сейчас она поняла, что Элвин не дал ей ключ и даже не сказал, где его можно раздобыть. Особо ни на что не рассчитывая, она дернула ручку вниз и сердито толкнула дверь плечом. Та неожиданно распахнулась, и Амалия едва не полетела на пол, в последний момент успев ухватиться за чемодан.

Глава 2

– И кого тут принесла нелегкая?

Насмешливый голос принадлежал невысокой рыжей девушке, сидевшей на одной из трех кроватей, – той, что стояла почти у широко распахнутого окна. Амалия постепенно начинала осознавать, что такое количество кроватей в ее комнате совершенно не случайно. Ей придется делить жилье с еще двумя студентками Академии, одной из которых, по-видимому, и была обладательница роскошной огненной шевелюры и целой россыпи веснушек. Та требовательно взирала на Амалию и словно спрашивала: а какого черта ты, голубушка, забыла в моей комнате? Новая соседка явно была с характером – носик вздернут, изумрудные глаза смотрят дерзко. Даже бесформенный вязаный черный с красным свитер, мешком висевший на плечах девушки, будто бы бросал вызов скромному серому платью Амалии. Еще несколько похожих бесформенных одеяний валялись на полу вперемежку с уродливыми юбками в крупную красную клетку. Да и обувь рыжеволосая подобрала себе под стать – кожаные ботинки со шнуровкой и на толстой подошве, стоявшие у кровати, не могли принадлежать никому другому. Они наверняка доставали своей хозяйке до колена, если не выше… Амалия прищурилась и попыталась разглядеть ауру соседки.

Ну конечно – полыхает даже ярче, чем рыжие волосы. Природная магия, могучий талант, но сильно завязанный на стихию огня. Не зря мама говорила – если видишь рыжую магичку, значит, точно из огненных. Подвижная и горячая, взрывной темперамент – как же иначе? Одним словом, тот еще подарочек… но что поделать.

– Амалия Хэмптон, леди Фалмут, – представилась Амалия. – Рада вас видеть.

– Амалия, – повторила рыжеволосая и тут же продолжила, делая трагическую паузу после каждого слова: – Хэмптон. Леди. Фалмут! Да откуда же вас таких берут?!

На этом месте она уже не смогла сдерживаться и громко расхохоталась, откинув голову назад и выпуская изо рта клуб дыма. На мгновение Амалия даже подумала, что в животе у ее соседки от смеха разыгралось магическое пламя, но крохотная бумажная трубочка в пальцах у рыжеволосой поставила все на свои места. Самокрутка! Амалия не раз видела, как подобные курят извозчики или небогатые служащие в Эйлсбери, но здесь?.. Впрочем, пряный запах, царивший в комнате, сильно отличался от вонючего табака, который могли себе позволить представители

низшего сословия. В каком-то смысле его можно было бы даже назвать приятным.

– Ты куришь?! – возмутилась Амалия, демонстративно помахав рукой перед лицом. – Разве это не запрещено правилами?

Говорить о том, что подобное совершенно недопустимо для леди из приличной семьи, было заведомо бессмысленно. Совершенно очевидно, что рыжеволосая даже не собиралась казаться воспитанной девушкой. Наверное, провинциалка или вовсе простолюдинка, у отца которой чудом хватило денег оплатить обучение дочери. Даже говорила она как-то странно, забавно обрубая слова и произнося согласные непривычно твердо – будто бы гвозди забивала. Южанка, не иначе…

– Вообще-то запрещено, – рыжеволосая лучезарно улыбнулась. – Но Торвальдсен и Коннери сюда не заходят, старуха Мерсье сама дымит, как труба крематория, а на остальных мне плевать с Дозорной Башни. Разве что ты наябедничаешь…

– Больно надо, – фыркнула Амалия и потащила чемодан к ближайшей свободной кровати.

– Эта моя, – сердито предупредила рыжеволосая.

Пожав плечами, Амалия двинулась дальше.

– Эта тоже моя!

– Значит, буду спать на твоей! – Амалия грохнула чемоданом об пол и демонстративно плюхнулась на кровать. – А тебе придется довольствоваться оставшимися двумя. Как раз хватит места, чтобы разложить твое дурацкое барахло!

– Та-а-ак, – протянула рыжеволосая. – Девочка из добропорядочной семьи показывает коготки. Прелестно!

Щелчок пальцами – и на ее ладони вспыхнуло алое колдовское пламя. Не крохотные слабенькие искорки, которыми так любят баловаться дети, получившие Дар огненной стихии, – настоящее боевое заклинание. Амалия мысленно выругала отца, наотрез отказывавшегося учить ее чему-то подобному. Магия – не игрушка, еще слишком рано, в Академии тебе расскажут куда лучше, чем мы с мамой… Отлично, папенька! Вот только что ты скажешь, когда все, что останется от единственной дочери, можно будет ссыпать в почтовый конверт? Амалия почему-то очень ясно представила себе этот самой конверт из дешевой серой бумаги в руках отца: вот он надрывает краешек, и в его ладони струится пепел – в магическом пламени не уцелеют даже кости… Но страха не было. Кончики пальцев начало покалывать – словно крохотными острыми иголочками. Вот она, Сила. Не боевые заклинания, даже не щитовые чары. Что-то совсем другое – но

милой соседушке это точно не понравится…

– Могу я полюбопытствовать, что здесь происходит?

Ни Амалия, ни рыжая бандитка не заметили, как на пороге их комнаты появилось еще одно действующее лицо. Девушка со светлыми волосами, убранными в аккуратную высокую прическу, стояла прямо в дверях и с явным недоумением взирала на происходящее. Амалия с трудом заставила себя отвести взгляд от боевого пламени в руках рыжеволосой и повернулась к незнакомке. Довольно высокая, но изящная, маленькие руки будто бы выточены из мрамора. Узкое серебристое платье в пол, хоть и было предельно скромным, только подчеркивало совершенство фигуры. Амалия украдкой вздохнула от зависти. Судя по недовольному фырканью, ее соседка тоже почувствовала себя нескладной плебейкой рядом с этой похожей на сказочную принцессу сероглазой красавицей. Колдовской огонь потух, вновь погружая комнату в мягкий полумрак.

– Ничего, – буркнула рыжеволосая. – Знакомлюсь с новой соседкой.

– Тогда я присоединюсь к вашей беседе, леди. – Незнакомка шагнула вперед. – Если я не ошибаюсь, это комната номер двадцать четыре. Выходит, мы будем жить здесь все вместе.

– Блеск! – Рыжеволосая демонстративно закрыла лицо руками. – Еще одна герцогиня или что-то в этом роде.

От более оскорбительных замечаний она, впрочем, воздержалась. В облике новоявленной соседки было что-то, внушавшее невольное уважение, – и не только Амалии, но даже взбалмошной рыжей магичке.

– Если вы не возражаете, я устроюсь здесь, – коротко произнесла она, шагнув к ближайшей от входа кровати.

– Я еще как возражаю, – сердито проворчала рыжеволосая, откидываясь на подушки. – Знаешь, кого ты мне напоминаешь? У меня на курсе есть парень – точь-в-точь как ты – такая же смазливая дылда! А уж как заговорит – хоть вешайся! Не будет ли вам угодно, леди? Позвольте подать вам плащ, леди… Терпеть его не могу!

– Ты, верно, имеешь в виду моего брата Алекса, – улыбнулась новая соседка. – Кстати, позвольте представиться: Оливия Монтгомери, маркиза Саффолк.

– Еще одна Монтгомери, – простонала рыжеволосая. – Меня сейчас стошнит. Я серьезно.

– Принести тазик? – участливо поинтересовалась Оливия.

– Засунь его себе в…

Последние слова рыжеволосой утонули в подушке, в которую та зарылась лицом.

– Амалия Хэмптон, – представилась Амалия и, опасливо покосившись на сердито сопящее в кровати рыжее чудовище, тихо добавила: – Леди Фалмут.

– Рада с тобой познакомиться. – Оливия очаровательно улыбнулась и протянула Амалии руку. – Ты уже успела узнать имя нашей очаровательной соседки?

– Агнешка, кур-р-рвамать, Ковальски, – рявкнула рыжеволосая. – Леди черт-знает-какой избы в самой заднице Серединных Земель. А теперь, если все формальности соблюдены, я, с вашего позволения, отправлюсь в трактир за кружечкой эля.

* * *

– И что, нам теперь вот с этим жить? – опасливо поинтересовалась Амалия, когда топот тяжеленных ботинок Агнешки стих в коридоре. – Она меня чуть не спалила!

– Просто пугает. – Оливия ободряюще улыбнулась. – Не обращай на нее внимания, сама отстанет. Алекс мне рассказывал – тут всякое случается.

– Здорово, наверное, иметь брата-старшекурсника. – Амалия сбросила туфли и устроилась на кровати. – А у меня здесь никого нет. Вот только этот…

Котенок любопытно высунул мордочку из открытого чемодана, зацепился коготками и шустро перебрался на подушку. И тут же улегся, всем своим видом показывая, что теперь это место принадлежит исключительно ему одному.

– Никому не расскажешь, Оливия? – попросила Амалия. – Он мой единственный друг.

– Можно просто Ливи. – Та подошла и миролюбиво потрепала доверчиво мурлычущего котенка по загривку. – Буду молчать. Конечно, если твой пушистый воспитанник не повадится портить мои туфли.

Амалия благодарно закивала. Что ж, хотя бы с одной соседкой повезло. Ливи наверняка может рассказать кучу всего – раз уж у нее в Академии учится старший брат.

– Хочешь, пойдем навестим Алекса? – предложила Ливи. – Он приехал уже неделю назад. Наверное, опять торчит в библиотеке или в тренировочном зале.

– А что делают в тренировочном зале? – Амалия с готовностью сбросила ноги на пол и нашарила туфли.

– Тренируются, – рассмеялась Ливи. – Пойдем, я тебе все покажу. Может быть, даже получится вытащить Алекса из-за книжек.

– А мы не заблудимся?

– Идем, не бойся. – Ливи взяла Амалию за руку. – Не так уж тут все и сложно. Все дороги рано или поздно приходят к Дому Четырех Стихий. Хотя Алекс утверждает, что некоторые ведут в кабак…

* * *

Звон стали они услышали еще в коридоре.

– Кажется, мы застали самое интересное, – тихо произнесла Ливи, увлекая Амалию к скамье у стены. – Посидим тихо, не будем мешать. Смотри, вот Алекс – в белом.

Этого она бы могла и не говорить. Тренировочный зал освещали лишь громадные витражные окна и едва ли десяток факелов, но сходство между статным юношей в свободном белом костюме и самой Ливи сложно было не заметить даже в полумраке. Длинные светлые волосы Алекс убрал в хвост, чтобы не лезли в глаза и не мешали фехтовать. Он был почти на голову выше своего противника, облаченного в черную одежду с широким ремнем на поясе. Приземистый крепыш со сросшимися на переносице бровями и темным ежиком волос упрямо пер вперед, но Алекс ловко уходил от мощных размашистых движений, отыгрываясь на контратаках, – будто бы танцевал, а не дрался.

– Выше меч! Что, плохо позавтракал, бедненький? Тьфу…

Амалия недовольно посмотрела на Агнешку, невесть как тоже оказавшуюся в тренировочном зале. Взбалмошная соседка сидела чуть поодаль рядом с невысоким худощавым пареньком с длинными волосами, закрывавшими половину лица. И что она здесь вообще забыла? Только отвлекает бойцов своими дурацкими комментариями…

– Ну вот, опять! – Агнешка сокрушенно всплеснула руками. – Это не вязальная спица, Монтгомери, держи крепче!

Алекс бросил сердитый взгляд в сторону скамеек, но промолчал – берег дыхание. Его противник вовсе не выглядел опытным фехтовальщиком, но в его движениях чувствовалась грубая звериная сила, которой куда более ловкий и умелый Алекс все же вынужден был уступать.

– Роберт Морган, – прошептала Ливи. – Друг Алекса, гостил у нас летом. Мрачноватый тип, но в целом ничего.

– Монтгомери, ты что, оставил все силенки в женской половине жилого корпуса? – снова подала голос Агнешка. – Это тебе не наивные первокурсницы, Морган задаст тебе трепку!

– Задаст, – печально согласилась Ливи. – Алекса учили лучшие фехтовальщики Ритании… но Роба учил сам Коннери. Никаких шансов. Еще пара минут, и моего братца как следует отделают.

– Посмотрим! – Амалия упрямо тряхнула головой.

Ей почему-то очень захотелось, чтобы Алекс победил. Да, Роб покрепче, но он же совершенно неправильно дерется! Даже бьет как-то странно – будто бы не фехтует клинком в половину собственного роста, а дрова рубит. Алекс атаковал только мечом, а Роб не стеснялся грязных приемов – Амалия заметила, как он пару раз попытался подцепить ногу Алекса носком сапога или ударить локтем, когда оказывался достаточно близко. Пока Алексу удавалось избегать этих подлых выпадов, но он явно уставал, в то время как его противник, казалось, только набирался сил.

– Монтгомери, не зевай! – крикнула Агнешка. – Сейчас тебя…

Ее постоянные подначки довели бы даже мертвого. И Алекс не выдержал. Он нахмурился и лишь на мгновение повернул голову – но и этого мгновения Робу оказалось достаточно. Он резко шагнул вперед, отбил клинок Алекса, заставив того раскрыться, и ударил ногой в незащищенный живот.

– Так нечестно! – закричала Амалия, вскакивая со скамейки.

Алекс выпустил меч и с грохотом приложился лопатками о пол. Агнешка расхохоталась и радостно захлопала в ладоши. Вот ведь дрянь! Ему же больно – как можно над таким смеяться?!

– Ты в порядке? – Амалия подбежала к поверженному Алексу и опустилась на колени. – Не сильно ударился?

– Нет, ерунда…

Алекс чуть приподнялся на локтях. Вблизи он оказался даже больше похож на Ливи, чем Амалия сначала подумала. Те же серые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, тот же безупречный овал лица. Сразу видно – старший брат. Но если Ливи, несмотря на высокий рост и грацию настоящей леди, все-таки сохранила в себе что-то девичье, то Алекс уже перешагнул рубеж, отделяющий мальчика от молодого мужчины. Плечи и грудь широкие, а на щеках пробивается светлая поросль, которую он наверняка каждое утро нещадно истребляет бритвой. Интересно, сильно колется? Вот бы потрогать…

– Я в порядке. – Алекс улыбнулся. – Старина Роб частенько выколачивает из меня пыль. Можно сказать, я уже привык.

– Амалия Хэмптон, леди Фалмут. Вставай, братец, и поприветствуй мою соседку. – Ливи подошла и протянула Алексу руку. – С госпожой Ковальски, как я понимаю, ты уже знаком.

– К глубочайшему сожалению госпожи Ковальски, – изрекла

Агнешка, поднимаясь со скамейки. – Браво, Монтгомери. Кажется, у тебя появилась очередная поклонница.

Амалия покраснела. Ну и глупо же она, наверное, выглядит – раскричалась, плюхнулась на пол, а ведь ничего страшного вовсе не случилось. Обычная тренировка. Теперь все, наверное, посчитают ее за дурочку…

– Благодарю вас за заботу, добрая леди. – Алекс поднялся на ноги. – Александр Монтгомери, маркиз Саффолк.

– Очень приятно, маркиз. – Амалия украдкой отряхнула испачканный подол платья. – Простите меня за глупую выходку. Мне показалось, что вы здорово ушиблись.

– Как трогательно, – Агнешка всплеснула руками, – я сейчас разрыдаюсь. После такого маркиз Саффолк просто обязан на тебе жениться. Или хотя бы пригласить на завтрашний бал.

– Действительно, а почему бы и нет? – Ливи пожала плечами. – Ами еще никого здесь не знает, да и у Алекса как будто пока нет пары.

– Бал? – восторженно пробормотала Амалия. – Настоящий бал?

Ей еще не приходилось бывать на подобных мероприятиях, хотя в Эйсбери почти каждую неделю кто-то из купцов или аристократов устраивал танцы или даже маскарады. Отец, мама или Мирон нечасто выбирались из Вудсайд Хаус в город, зато горничные, которым удавалось хоть одним глазком заглянуть в бальные залы, рассказывали такое, что дух захватывало! Знатные господа, разодетые в лучшие выходные наряды, дамы в великолепных платьях, рыцари в цветах своих родов… И музыка! Отец еще в детстве научил Амалию танцевать, но так и не разрешил поехать на бал – даже когда ей исполнилось шестнадцать. А ведь ее ровесницы из соседних поместий выходили в свет еще год назад… И зачем только Ливи предложила Алексу ее пригласить? Он красивый и знатный, может пригласить любую – что ему какая-то замухрышка?..

– Леди Фалмут, – Алекс склонился перед Амалией. – Могу ли я просить вас сопровождать меня на бал в честь начала занятий?

– Конечно…

Ну все, теперь он точно примет ее за умалишенную. Нужно было поклониться в ответ, обратиться к нему «маркиз», протянуть руку… впрочем, руку можно протянуть и сейчас. Ведь можно?

– Благодарю. – Алекс коснулся кончиков похолодевших от волнения пальцев теплыми губами. – И можешь называть меня просто Алекс.

– Объявляю вас мужем и женой, – проворчала Агнешка. – Можете поцеловать друг друга.

– Вы очень милы, госпожа Ковальски. – Алекс беззлобно рассмеялся. – И все же я бы предпочел для начала ополоснуться. Боюсь, мы с Робом сейчас не слишком-то ароматны. А моей сестре и леди Фалмут не помешало бы сходить на вступительную лекцию ректора Торвальдсена.

– Что это за лекция? – вдруг подал голос спутник Агнешки. – Я думал, занятия начнутся только в понедельник.

Если бы он не заговорил, никто бы, наверное, и вовсе не обратил на него внимания. Было бы на что обращать: невысокий смуглый паренек в потертой одежде непонятного мешковатого покроя – совершенно невзрачный. Острый нос с горбинкой, темные, почти черные глаза и длинные волосы, лезущие в глаза. Неровные, словно он сам их постригал (а скорее просто отрезал тупым ножом), да еще и давно не мытые… Совсем не похож на студента лучшей магической Академии в Ритании – скорее на подмастерье или слугу какого-нибудь небогатого дворянина. И что Агнешка в нем нашла?

– Дерек Каннингем, – еле слышно буркнул парнишка. – Первый курс.

Надо же, такой же зеленый новичок, как и сама Амалия… Похоже, всеобщее внимание пришлось ему не по вкусу – Дерек покраснел и закашлялся, словно уже жалея, что задал вопрос. Но Агнешка тут же пришла ему на помощь.

– Это традиция. – Она взяла Дерека под руку. – Что-то вроде вступительной речи для первокурсников. Можно и прогулять, но я бы сходила. В прошлом году было интересно – не то что История Магии или Руны.

– Так давай сходим? – предложила Ливи. – Заодно познакомишься поближе с соседками. И твоему кавалеру будет приятно. Кстати, вы давно знакомы?

– Четверть часа, – ухмыльнулась Агнешка. – Но ради него я готова… ну, хотя бы сходить на эту вашу чертову лекцию. За мной, мелкота!

С этими словами она с видом полководца устремилась к выходу, подхватив под руку слабо упиравшегося Дерека.

– Поздравляю, сестренка. – Алекс легонько потрепал Ливи по плечу. – Тебя поселили с мантикорой.

Амалия вздохнула. Если бы Алекс и ее так же приобнял, это стало бы достойной компенсацией за проживание с рыжим чудовищем.

* * *

Аудитория для больших собраний располагалась в Доме Четырех Стихий на первом этаже, но уходила вверх еще на один. Или даже на два. Потолки огромного зала были столь высокими, что Амалии пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть украшавшие их фрески, изображавшие деяния великих магов и волшебниц прошлого. Кое-кого она даже узнала: вот Седрик Старстоун, еще при жизни прозванный Лордом Грозой. Живописец изобразил его во время сражения с силами Иберии, когда тот в одиночку противостоял почти сотне боевых магов, высадившихся под покровом ночи на южном побережье. Тот бой стал для Старстоуна последним – он отправил на дно половину кораблей врага, но достигшие земли маги набросились целой толпой и сожгли Лорда Грозу дотла. И все же исход битвы был уже предрешен: подоспевшее войско Короля без труда одержало победу над иберийцами. На фреске Старстоун предстал грозным воителем, вздымавшим руки к небесам, с которых на вражеские корабли обрушивался невиданной силы шторм. Темно-синее одеяние мага водной стихии, длинные седые волосы и борода, растрепанная порывами ветра… Жутковато, но все равно красиво.

Персиваль Сеймур, основатель Академии Ринвуд, внешне напоминал Старстоуна – тоже убеленный сединами старец, но на этом их сходство заканчивалось. Сеймур был изображен на фоне серых башен Академии. Его наряд лучился мягким светом, а в руках он держал посох: не страшное волшебное оружие – простую узловатую палку, которая помогала при ходьбе древнему магу. Весь облик Сеймура источал спокойствие, умиротворение и мудрость. Только так и следовало изображать того, кто избрал путь Учителя, оставив войны другим…

– Закрой рот, – Агнешка помахала рукой перед лицом Амалии, – не позорь соседок. Еще подумают, что ты приехала из какой-нибудь дремучей деревни.

– Будто бы ты сама не глазела так же в прошлом году, – огрызнулась Амалия. – Нечасто такое увидишь, правда?

Они заняли места почти на самом верху. Парты в Большом Зале располагались амфитеатром, и отсюда было прекрасно видно все. В основном – таких же, как Амалия, первокурсников, с любопытством устроившихся поближе к кафедре и с изумленными лицами разглядывающих молчаливое великолепие Большого Зала. Они наперебой спорили и тыкали пальцами в портреты, развешанные между колоннами, поддерживающими свод потолка.

– Все ректоры Академии, – прошептала Ливи. – По порядку, слева направо.

Действительно. Первый – Персиваль Сеймур. Остальных

Амалия почти не знала – Академия редко вмешивалась в государственные дела Ритании, и среди ректоров было немного политических или военных деятелей – пусть даже бывших. Лицо на последнем портрете показалось Амалии смутно знакомым. И где же она могла его видеть? Нынешний ректор – Торвальдсен – ничуть не напоминал своих предшественников. Гладко выбритое лицо, волосы – хоть и седые – пострижены коротко. Он и так выглядел чуть ли не вдвое моложе того же Сеймура, а широкая улыбка и вовсе делала голубоглазого (и что уж говорить – весьма привлекательного, несмотря на почтенный возраст) Торвальдсена похожим на мальчишку.

– Попрошу немного внимания!

Громкий голос прокатился по Большому Залу, отразился от стен и ушел куда-то в покрытый фресками потолок. Студенты тут же притихли и устремили свой взор на кафедру, на которую как раз поднимался высокий седой мужчина в черном камзоле с серебряными пряжками.

– Это ректор? – помертвевшим голосом спросила Амалия, закрывая лицо руками.

– Разумеется, – ответила Ливи. – Элвин Галахэд Мэйнард Торвальдсен, рыцарь Белого Огня, герцог Девоншир. Кто же его не знает?

– А я тебе скажу кто, – ядовито захихикала Агнешка. – Видимо, рыцари, герцоги или какие-то там ректоры в очередь выстраиваются, чтобы им доверили нести чемодан леди Фалмут.

Голова Амалии с тихим стуком ударилась о парту.

Глава 3

– Итак, позвольте еще раз представиться: меня зовут Элвин Торвальдсен, и я уже двадцать лет занимаю пост ректора Академии Ринвуд. На то, чтобы перечислить все мои титулы, из которых я сам не помню и половины, ушел бы весь отведенный мне час, поэтому я не буду на них останавливаться. – Торвальдсен улыбнулся. – Некоторые из здесь присутствующих почему-то решили обращаться ко мне по имени. Не то чтобы я был так уж против, но все-таки хотел бы попросить вас использовать «сэр», «ректор», «профессор» или хотя бы «господин Торвальдсен».

Амалия готова была поклясться, что сразу после этих слов ректор посмотрел прямо на нее. Проклятье! К счастью, тот ограничился лишь безобидным выпадом и тут же продолжил:

– Несмотря на то, что в этом полугодии меня не будет в числе ваших преподавателей, первую лекцию всегда читает ректор – такова традиция, еще со времен Персиваля Сеймура. – Торвальдсен спустился с кафедры и, заложив руки за спину, медленно двинулся вдоль первого ряда парт. – Возможно, я буду говорить вещи, которые большей части из вас покажутся очевидными, но хочу напомнить: среди нас присутствуют не только те, кто родился и вырос в сообществе магов Ритании, но и те, кто узнал о своем Даре совсем недавно. Или даже гости из Серединных Земель…

И какой же надо быть дурой, чтобы принять ректора Академии за простого привратника – и это после всего, что отец о нем рассказывал! Разумеется, она с самого детства знала его имя – все его знали! Элвин Торвальдсен, величайший или, по крайней мере, один из величайших волшебников своего времени, герой Ритании и близкий друг самой Королевы нес ее чемодан, а она… От того, чтобы снова не начать биться головой о парту, Амалию удерживало только одно: это привлекло бы к ней абсолютно ненужное внимание.

– …не говоря уже о том, что родители или учителя, – продолжал ректор, – могут и не знать деталей и истинного смысла того, что лежит в основе магической культуры нашего государства… Итак, – Торвальдсен резко развернулся на месте и поднял обе руки вверх, – позвольте задать вопрос: что такое магия?

– Совокупность действий и слов, обладающих чудодейственными свойствами и способных подчинить особую энергию, именуемую Силой, а также использовать ее в определенных целях, – бодро оттарабанил голос с первой парты.

– Я вижу, некоторые из вас уже заглядывали в книги, – усмехнулся Торвальдсен. – Весьма распространенное определение, хотя, на мой взгляд, далеко не лучшее и безнадежно устаревшее. Но я бы хотел услышать от вас совсем другое. От мертвых знаний, как бы они ни были велики, немного толку. Как вы понимаете магию? Чем она является именно для вас?

К такому вопросу умник на первой парте не был готов. К нему вообще никто не был готов, но Торвальдсена это нисколько не смущало. Он окинул взглядом всю аудиторию, но не увидел ни одной поднятой руки. Амалия лихорадочно перебирала в голове любые, хоть как-то подходящие варианты ответа. Что такое магия?..

– Магия – это долг.

Ливи произнесла эти слова совсем негромко, но в тишине аудитории они прозвучали как раскат грома. Все студенты словно по команде повернули головы в ее сторону.

– Долг, – повторил Торвальдсен. – Прекрасный ответ, госпожа Монтгомери. Ровно год назад, в этой же самой аудитории, один юноша сказал эти же слова. Думаю, вы понимаете, о ком я?

– Александр, – кивнула Ливи. – Мой брат.

– Именно. – Торвальдсен улыбнулся. – Маг приносит присягу и использует свой Дар во благо государства. Пройдет несколько лет, и будущий герцог Александр Монтгомери по праву займет свое место в палате лордов, тем самым выполнив свой долг перед Короной и народом Ритании. Точно так же, как и остальные лорды, большая часть которых не обладает Даром. Как видите, госпожа Монтгомери, их долг равен долгу вашего брата, хотя они и не маги… И все же я принимаю ваш ответ.

Торвальдсен взмахнул рукой, и в нескольких футах над его головой зажглись огненные буквы. «Долг».

– Магия – это власть.

На этот раз ответила высокая черноволосая девушка, сидевшая на четвертом ряду в окружении подружек.

– Урания Клиффорд, – прошептала Агнешка. – В прошлом году училась вместе со мной, но перед зимними экзаменами куда-то пропала и снова загремела на первый курс. Редкостная курва.

– Власть, – кивнул Торвальдсен. – Дар дает магу возможности, недоступные для обычного человека. Власть над стихией. Власть над пространством. Власть над потусторонними сущностями. В конце концов, власть над людьми. Мне хорошо известны амбиции вашего отца, госпожа Клиффорд, – и, похоже, вы унаследовали их полностью. А вот Дар, если мне не изменяет память, достался вам по линии матери. Так позвольте спросить: кому же принадлежит власть в семье Клиффорд?

Урания вспыхнула и хотела было что-то сказать, но тут же опустила голову. Возразить ей было нечего.

– Не все маги стремятся к власти, – подытожил Торвальдсен. – И не все власть имущие – маги. Но я принимаю ваш ответ.

Слово «власть» загорелось в воздухе сразу под словом «долг». Но и этого ректору оказалось мало.

– Долголетие, – негромко произнес юноша на третьем ряду. – Маги могут жить сто лет.

– Маги могут жить и куда дольше, господин Тайрен, – задумчиво отозвался Торвальдсен. – А могут и не жить. Вы едва ли слышали о маге по имени Бенжамин Коул… Нет? Так я и думал. Весьма одаренный юноша, я бы даже сказал, талантливый. Через сотню-другую лет он мог бы стать сильнее меня, но судьба распорядилась иначе. Проезжая через лес неподалеку от Хаммерфилда, бедняга Бен схлопотал арбалетный болт между лопатками и, разумеется, скончался, не дожив всего недели до двадцати семи.

Кто-то засмеялся, но большинство студентов слова ректора, похоже, заставили задуматься. Слово «долголетие» появилось в воздухе не сразу, но потом все же заняло свое место рядом с «долгом» и «властью».

– Магия – это сила. – Дерек наконец набрался смелости и предложил свой ответ. – Могущество.

– Сила, господин Каннингем, – Торвальдсен приподнял брови, – в каком-то смысле сила сродни власти – одна редко идет без другой… но допустим. Возможности в чистом виде, магия как оружие или инструмент. Но подобные же возможности любому человеку может дать золото. Богатство поможет достичь цели или уничтожить недругов вернее, чем Дар. – Торвальдсен сделал паузу. – Но и ваш ответ я тоже принимаю. Еще?

Слова, которые так любил повторять отец, сами всплыли в голове. А что, если?.. Амалия выдохнула и все-таки подняла руку. В конце концов, нельзя же вечно прятаться от ректора из-за дурацкой истории с монеткой. Заметив ее жест, Торвальдсен мягко улыбнулся и кивнул.

– Знание. Магия – это знание, – твердо произнесла Амалия.

– И это так, – согласился ректор. – Слова истинной дочери своего отца. Оливер Хэмптон по праву называется одним из величайших ученых Ритании, и магия всегда служила ему в его исследованиях. Но родись он даже обычным человеком, его научные изыскания все равно были бы завершены – пусть на это и понадобилось бы вдвое больше времени. И все же ваш ответ не менее верен, чем любой из предыдущих. Итак! – Торвальдсен

зажег в воздухе последнее слово – «знание». – Думаю, мы получили достаточно ответов. И среди них нет ни одного истинного.

Амалия выдохнула. Как это – нет? Но он ведь сам только что…

– Я вообще не уверен, что на вопрос «что такое магия?» существует по-настоящему верный ответ. – Торвальдсен раскинул руки, и огненные буквы над его головой вспыхнули еще ярче. – И рано или поздно каждый из вас должен будет ответить на этот вопрос сам. Магия дает нам силу.

Одно из слов замерцало и превратилось в небольшую огненную птицу, тут же взмывшую под самый потолок аудитории.

– Кто-то из вас выберет путь власти.

Птица спикировала вниз и, вобрав в себя еще одно слово, вдвое увеличилась в размерах. Теперь от нее исходил жар, который Амалия чувствовала за десятки футов.

– Кто-то посвятит свою жизнь служению Короне и народу, тем самым выполнив долг.

Еще один взмах искрящимися крыльями – и еще на одно слово меньше. Торвальдсен поднял металлическую руку, и невесомый феникс уселся ему на ладонь. Пламя, почти ставшее ослепительно-белым, не причиняло своему хозяину никакого вреда.

– Кто-то выберет своим уделом знание и посвятит всю свою немыслимо долгую по человеческим меркам жизнь изучению бытия. – Торвальдсен вновь отправил птицу в полет, и та вобрала в себя последние два слова. Теперь размах ее крыльев был столь велик, что она уже не могла кружить по аудитории и просто застыла в воздухе над притихшими студентами. – Сила, власть, знания, долголетие и долг. Магия включает в себя все это. Но всего этого можно достичь и без помощи Дара. Не магия делает нас теми, кто мы есть.

Как только Торвальдсен замолк, огненная птица взмахнула гигантскими крыльями, на мгновение вспыхнула еще ярче и с негромким хлопком исчезла.

– Силен, – тихо прокомментировала Агнешка. – В прошлом году такого не было.

Кроме нее, никто не отважился сказать и слова – Торвальдсен, бесспорно, умел произвести впечатление. Студенты на какое-то время притихли, переваривая сказанное, а потом начали едва слышно перешептываться.

– Интересно, что он хотел этим сказать? – Амалия незаметно толкнула Ливи в бок. – Я думала, он расскажет про классификацию видов магии или про то, как нас будут обучать…

– Ни за что на свете, – встряла Агнешка. – Для этой занудной болтовни есть де Вилья, Крамер и Олбани. Старина Эл не разменивается на подобную ерунду.

* * *

– Как думаешь, не слишком… откровенно?

Амалия еще раз крутанулась перед зеркалом. Юбка послушно взметнулась и снова опала, приятно скользнув по ногам мягким шелком. Какая красота! Настоящее бальное платье, первое в жизни. Пурпурное, с жемчугом и золотым шитьем на пояске и на груди. Стоит, наверное, как половина Вудсайд Хаус… И почему только мама так старательно прятала его раньше? Ведь специально же сложила на самое дно чемодана! Конечно, туго затянутый корсет не позволяет толком вздохнуть, но зато в нем талия кажется такой стройной… Вот только руки и плечи неприлично открыты – разве так можно?

– Было бы на что смотреть, – фыркнула Агнешка. – Тощая, как кобыла моего дядюшки, перед тем как она околела.

– Не слушай ее. – Ливи сердито посмотрела на соседку и снова взялась за шнуровку. – Ты отлично выглядишь, Ами. Завтра вечером ты будешь блистать!

– Надеюсь. – Амалия понуро опустила голову. – Не хочу, чтобы твоему брату было за меня стыдно.

Да, платье действительно сидело неплохо. Но все равно не добавляло ни роста, ни грации, и уж тем более не могло ничего поделать с растрепанными светлыми волосами, которые никак не хотели дольше пары часов сохранять пристойную форму. Совсем не красавица, что уж там…

– Ничего, – Ливи словно прочитала мысли Амалии и слегка пригладила ей макушку. – Есть у меня одно средство от мамы – уложим тебе волосы. Сама себя не узнаешь.

– Главное, не забудь прогнать ворон из этого гнезда. – Агнешка захихикала. – Надеюсь, они еще не успели снести яйца. Впрочем, какая разница. Даже если бы стащила весь гардероб самой Королевы, все равно на тебя никто не посмотрит… Кроме Монтгомери, конечно же. Он ведь даже родной сестре боится слово поперек сказать.

– Неправда! – воскликнула Амалия и, не успев даже толком подумать, выпалила: – Между прочим, меня уже пригласили на свидание!

– Да? – язвительно спросила Агнешка. – И могу я полюбопытствовать – кто именно?

Отступать было уже поздно. Амалия вовсе не собиралась тащиться ночью куда-то в Дозорную Башню, но…

– Парень в синем кафтане! Он называет себя Бардом.

– О-о-о! – Агнешка многозначительно покачала головой. – В полночь на третьей площадке Дозорной Башни?

– Да… – смущенно пролепетала Амалия. – Как… как ты узнала?

– Магия, подруга, магия. – Агнешка поднялась с кровати и, подойдя почти вплотную, покровительственно похлопала Амалию по плечу. – Только зря потратишь время.

– А вот и нет! – Амалия стряхнула руку соседки. – Я пойду!

– Пойдешь? – Ливи чуть приподняла брови.

Проклятье! Амалии захотелось врезать себе самой по лбу. Ливи защищает ее от вечных нападок Агнешки, помогает, даже попросила своего красавчика брата пригласить Амалию на бал. Пойти на свидание с Бардом было бы черной неблагодарностью… но ведь и уступать Агнешке не хочется!

– Я пойду, – негромко повторила Амалия. – Но только чтобы сказать Барду, что ему ничего не светит!

Кажется, пронесло. Ливи перестала хмуриться и опустилась на свою кровать.

– Возьми мой плащ, – она указала на шкаф. – Темно-серый. Конечно, не мантия-невидимка, но мама говорила, что он отводит глаза. С ним ты не попадешься Коннери или призракам.

– Призракам? – Амалия поежилась. – А они правда здесь есть?

– Алекс рассказывал всякие страшные истории, – рассмеялась Ливи. – Но сам признавался, что ни разу не видел ничего подобного. Скорее всего, просто глупые сказки.

* * *

Даже ночью Академия не стихла. В некоторых окнах жилых корпусов горел свет – по-видимому, студенты отмечали грядущее начало занятий. Иногда Амалии попадались стражники, но она без труда укрывалась от них в тени. Один раз здоровяк с алебардой прошел так близко, что Амалия при желании могла бы коснуться его рукой. Кажется, плащ Ливи действительно работал – или просто везло. Как бы то ни было, до Дозорной Башни Амалия добралась без приключений. Окованная железом дверь оказалась не заперта. Ну и громадина! Наверное, осталась с тех времен, когда замок Ринвуд еще не был Академией и предназначался для того, чтобы выдерживать осаду. Чтобы сдвинуть дверь, Амалии пришлось ухватиться за ручку двумя

руками. Древние петли чуть слышно скрипнули, и уже через несколько мгновений путь внутрь был свободен.

Сквозь узкие бойницы пробивался лунный свет, и Амалия без труда разглядела винтовую лестницу, уходящую куда-то вверх. Кое-как прошагав десяток ступеней, она все-таки решилась зажечь на ладони крохотный белый огонек. Не только из боязни споткнуться – пробираться по темному и холодному нутру Дозорной Башни было все-таки страшновато. Самое время как следует отругать себя за глупость: тащиться невесть куда в темноте и рисковать дружбой Ливи только для того, чтобы утереть нос взбалмошной рыжей неряхе? Отличный план!

Несколько раз Амалия слышала то ли шепот, то ли скрип. На ум сразу же приходили страшные истории, которыми Нянюшка Энн так любила пугать ее перед сном, но Амалия решительно отогнала подобные мысли. Это просто ветер – ничего больше. Через какое-то время лестница закончилась и вывела Амалию в просторное помещение с огромными окнами и балконом, с которого вся Академия была видна как на ладони. Ага, это, наверное, первая площадка. Значит, впереди еще вдвое больше ступенек. Неужели Бард не мог найти места получше? Амалия прошлась вдоль стены и нашла еще одну лестницу – на этот раз самую обычную и намного шире предыдущей. По ней придется подниматься куда дольше, но, по крайней мере, можно не бояться свернуть шею. Вздохнув, Амалия двинулась по ступенькам. Но не успела она пройти и двух пролетов, как сверху послышались голоса.

Их при всем желании нельзя было спутать с завываниями ветра или призраками. Мертвым некуда торопиться и нечего больше хотеть. Эти двое же о чем-то страстно спорили. Амалия замерла.

– …послушай меня! Ради всего святого… Ты не можешь знать, чем все это закончится!

Первый голос принадлежал женщине. Она явно пыталась убедить в чем-то своего немногословного собеседника, но у нее это едва ли получалось. Похоже, женщина была из тех, кто привык добиваться своего, но сейчас в ее голосе слышалась мольба.

– Напротив, Кет, только я и могу.

Амалия почувствовала, как по ее рукам и ногам разливается холод. Сердце на мгновение замерло, а потом заколошматило так, что в ушах начало звенеть. Один раз услышав этот низкий и хриплый голос, она уже никогда не сможет его забыть. Вместе с неизвестной женщиной по лестнице спускался профессор Коннери.

– Ты погубишь девочке жизнь! И ради чего? Чего ты добиваешься?

– У нее нет выбора, – пророкотал Коннери. – С самого ее рождения.

Еще немного – и они выйдут прямо сюда! Амалия затушила магический свет и на цыпочках вернулась обратно на площадку. При желании она бы успела добраться до винтовой лестницы и удрать, но…

Любопытство оказалось сильнее. Амалия мысленно проклинала себя, но делать было больше нечего. Коннери со своей спутницей уже сошли со ступенек, так что ей оставалось только вжиматься в холодный камень стены и молиться, чтобы плащ Ливи не подвел и на этот раз. Первым в тусклом свете луны показался огромный косматый силуэт Коннери. Он шагал не торопясь, но женщина почему-то никак не могла его догнать.

– Ты сумасшедший! Безумец! – она уже почти кричала. – Представь, что может случиться, если она сорвется! Умоляю тебя – отдай ее Селине.

– Селине? Я не ослышался? – Смех Коннери, прокатившийся по стенам, напоминал карканье ворона… если бы, конечно, ворон мог вырасти до размера теленка. – Врачевать больных зверушек и считать древесные кольца?

– Именно так, Грег! Что угодно, только не то, что ты задумал!

Теперь Амалия могла кое-как рассмотреть ту, кто отважился спорить с темным магом. Рядом с ним женщина – кажется, он называл ее Кет – выглядела совсем хрупкой, хотя ростом не уступала Ливи и была куда крупнее ее. Длинные волосы незнакомки, зябко кутавшейся в серебристую мантию, рассыпались по плечам и слегка шевелились, когда их касались порывы холодного ветра, задувавшего снаружи.

– Иногда ты меня поражаешь, – устало проворчал Коннери. – У тебя не получится спрятать или уничтожить ее Дар. Можно сколько угодно пытаться стричь овечек Косой Арея, но рано или поздно ты выпотрошишь все стадо. Оружие создано только для одной цели, и эта цель тебе прекрасно известна.

– Девочка – не оружие!

– Значит, она им станет! – Коннери явно начинал терять терпение. – Пойми, Кет, иногда выбора просто нет. Это не зависит ни от кого – ни от тебя, ни от меня. Даже Эл ничего не сможет с этим поделать.

– Сможет! – Голос Кет стал тише и теперь звучал почти угрожающе. – Я пойду к нему – если потребуется. Он никогда не разрешит тебе…

– Мне не нужно его разрешение, – прорычал Коннери. – И

твое тем более. Будет война, Кет! И куда раньше, чем ты думаешь. Мы не должны, не можем отказываться от…

– Ты все время говоришь о войне, Грег. – Кет развернулась и медленно пошла к окну. – Все время.

– И все время оказываюсь прав. – Коннери догнал ее, аккуратно взял за плечи и развернул лицом к себе. – Но эта война будет куда хуже всех предыдущих.

– Откуда ты знаешь?

Голос Кет все еще звучал упрямо, но Амалия поняла – Коннери победил. Еще немного, и Кет сломается. Да и кто смог бы противиться воле этого страшного человека? Разве что сам ректор Торвальдсен – и даже в этом Амалия не была так уж уверена.

– Знаю, – голос Коннери потеплел – ровно настолько, чтобы перестать напоминать рычание хищного зверя. – Просто знаю. Прошу тебя, Кет, ты должна мне верить. Без тебя и Эла мне не справиться. Вы нужны мне – точно так же, как и я нужен вам.

– Ничего ты не знаешь, Грегор Коннери, – горько выдохнула Кет. – Ровным счетом ничего. Инициация полноценного темного мага – безумие. Возможно, девчонка даже сильнее тебя. Рано или поздно она станет настоящим чудовищем.

– Пусть так, – усмехнулся Коннери. – Но тебе ли говорить о создании чудовищ, Кет?

Больше они так ничего и не произнесли – просто стояли друг напротив друга в гробовом молчании, пока Кет не удалилась в сторону винтовой лестницы. Амалия на мгновение испугалась, что Коннери может заметить ее, притаившуюся в небольшой нише в стене, но тому не было никакого дела до бродящих по ночам студенток. Площадка вновь опустела, но Амалия рискнула выбраться из своего укрытия, только когда шаги Коннери стихли где-то далеко наверху.

* * *

Только через четверть часа Амалия решилась подняться хотя бы на пару пролетов. Едва ли Коннери вдруг задумал бы затаиться где-то на лестнице, но все-таки лучше было подождать – совсем немного. А потом еще немного. И еще. На вторую площадку Дозорной Башни Амалия выползала чуть ли не на четвереньках, даже не думая зажечь магический свет.

Музыка зазвучала неожиданно, но ее Амалия почему-то совершенно не испугалась. Коннери уж точно не стал бы играть на лютне, усевшись в проеме окна. Бард закончил нехитрую

мелодию и выстрелил из пальца несколько голубоватых искр, которые тут же устремились вверх и принялись медленно кружиться под самым потолком.

– Приветствую тебя, моя принцесса. – Бард снова взялся за инструмент. – Я думал, ты уже не придешь.

– Я тоже так думала, – задумчиво ответила Амалия.

После всего, что ей невольно (ну, почти невольно) пришлось подслушать, она была искренне рада видеть Барда, но все же тяжелые мысли роились в голове, не давая окончательно прийти в себя. О чем говорили Коннери и его таинственная собеседница? И кто она вообще такая? И кто та девочка, которая станет чудовищем?..

– Эй, ты еще здесь? – Бард недовольно помотал головой. – Хочешь, я сыграю для тебя?

Не дожидаясь ответа, он вновь начал перебирать струны лютни. Неторопливая и красивая музыка – как раз такая, какая была нужна здесь и сейчас. Ночь, свет луны и мерцание голубых огоньков под потолком превращали Барда, укутанного в плащ из коричневого меха, в загадочного кудесника. У него была своя, особая магия. Амалия просто слушала. Минуту, пять, десять – столько, сколько потребуется. Музыка Барда не терпела суеты и своей странной силой прогоняла все лишнее.

– Тебе понравилось? – спросил он, когда последние звуки растворились в тишине башни.

– Да, – прошептала Амалия. – Ты сам придумал?

– Нет. – Бард улыбнулся. – Это очень старая баллада. Вообще-то там и слова есть, но я решил, что лучше так.

Амалия кивнула. Слова были не нужны. Нет, они вовсе не показались бы неуместными – просто музыка уже дала ей все, в чем она сейчас нуждалась. И даже когда Бард отложил лютню, музыка продолжалась. Ночной прохладный воздух еле слышно звенел, и ему так же тихо отвечали древние камни Дозорной Башни. Странные звуки сплетались в совсем другую мелодию, которая словно шептала что-то на несуществующем языке.

– Ты слышишь? – Амалия поднесла руку к уху. – Это и есть твой Дар?

– Я не знаю. – Бард поднялся на ноги. – Может быть, дело в самом месте. Поэтому я так люблю Дозорную Башню ночью. Очень близко от Кристалла – здесь все по-другому.

– Кристалла?

– Так ты не знаешь? – удивился Бард. – Магический Кристалл, душа Академии. На той самой третьей площадке. Ты не смогла бы добраться туда без меня.

– Ты покажешь? – Амалия шагнула вперед. – А почему туда

так сложно попасть? Какие-нибудь защитные заклятья?

– Не только. – Бард покачал головой. – Лестница ведет вовсе не на третью площадку. Тот, кто попробует вломиться в дверь, попадет прямо в покои старика Коннери.

– Охраны надежнее не придумаешь. – Амалия заставила себя улыбнуться, хотя на самом деле ей было не так уж и весело. Перед глазами снова появился высокий косматый силуэт на фоне ночного неба. Брр-р-р!

– Но мы пройдем другим путем. – Бард довольно ухмыльнулся. – Только чуть попозже. У чертова старикашки чуткий сон, а я не хочу еще раз чистить всю его коллекцию артефактного оружия. Представляешь, у него одних моргенштернов около двадцати.

– Морген… штерн? – Амалия с трудом повторила труднопроизносимое и явно недоброе слово. – Я даже представления не имею, что это такое.

– Зато я теперь имею, – печально выдохнул Бард. – Мушкели, мизерикорды, кистени и прочие отвратительные железки, которые Коннери милее женской ласки, черт бы их побрал… Впрочем, мы ведь здесь не для этого, ведь так? – Бард зажег еще пару крохотных огоньков, осветив расстеленное прямо на полу покрывало, рядом с которым стояли корзинка и пузатая бутыль из темного стекла. – Угощайся, любовь моя. Из запасов самого Торвальдсена.

– Я даже не хочу спрашивать, как ты все это раздобыл, – вздохнула Амалия, усаживаясь на покрывало.

Бард ловким жестом фокусника извлек откуда-то два хрустальных бокала на тонких ножках и разлил вино. Отказываться Амалия не стала. Она уже осчастливила чаевыми ректора Торвальдсена, стала соседкой Агнешки, едва не обидела Ливи и подслушала разговор Коннери и Кет. Что еще могло пойти не так?

– Ты не забыл, что обещал показать мне Кристалл? – Амалия чуть отодвинулась от Барда, плюхнувшегося рядом с ней. – Уже можно идти?

– Кристалл, да… – недовольно пробормотал Бард. – Но ведь Кристалл никуда не убежит, моя принцесса… Может быть, задержимся здесь еще ненадолго?

Его синие глаза блеснули совсем близко, и щеку Амалии обдало горячим дыханием. Да что же он такое делает! Надо оттолкнуть его, сказать, чтобы не смел давать воли рукам, закричать, в конце концов – влепить пощечину! Горничные в Вудсайд Хаус не раз рассказывали, чем обычно заканчивается такое…

Но никаких сил противиться не было. Когда Бард прикоснулся к ней, Амалия смогла лишь пробормотать что-то неразборчивое и сама потянулась ему навстречу. Музыка Дозорной Башни тихо звучала, погружая Амалию то ли в сон, то ли в транс, сквозь который она слышала только голос Барда.

– Ложись, – тихо прошептал он и легонько коснулся горячими губами ее шеи.

Ложиться, да… А, собственно, зачем?!

Амалия дернулась назад и едва не опрокинула бокал.

– Что такое, любимая? – в голосе Барда прозвучало искреннее недоумение. – Ты?..

– Перестань. – Амалия отодвинулась еще дальше, хотя для этого ей и пришлось усесться на холодный пол. – Так нельзя!

Странное наваждение рассеялось. Чудесная музыка все еще звучала в голове, но больше не сминала волю. Что это было такое? Почему она забыла про все?.. Даже про Алекса! А ведь хотела только сказать Барду, чтобы держался от нее подальше. Ну и, может быть, поглядеть на то, что спрятано на третьей площадке Башни…

– Кто тебе сказал, что нельзя? – промурлыкал Бард. – Сегодня можно все.

– В таком случае я бы хотела посмотреть Кристалл, – сухо отрезала Амалия.

Бард разочарованно вздохнул и одним движением затушил все магические огоньки, кроме одного, повисшего прямо над его головой. Потом собрал все лакомства и, свернув покрывало, спрятал его где-то в углу. Вид у него при этом был такой несчастный, что Амалии почему-то на мгновение стало стыдно.

– Прости, если я тебя обидела, – робко произнесла она. – Наверное, мне нужно привыкнуть к Академии… здесь все совсем не так, как дома.

– Извинения приняты. – Бард широко улыбнулся и протянул Амалии руку. – Ну что, идем?

От «принцессы» он на сей раз воздержался. Амалия не знала, радоваться ли тому, что ее разжаловали, или огорчаться. С одной стороны, возможно, Бард больше не будет лезть с поцелуями. С другой… разве найдется девушка – пусть даже самая воспитанная и скромная, – которой бы не хотелось, чтобы ее называли такими словами?

Они прошли по лестнице совсем немного, а потом Бард свернул в узкий проход направо, который оказался к тому же настолько низким, что даже Амалии пришлось пригнуться, чтобы не расшибить голову о нависающий потолок.

– Постарайся не шуметь, – прошептал Бард. – И поглядывай

под ноги… Кажется, где-то здесь…

Он прилепил магический огонек к стене и провел ладонью по камням. Через несколько мгновений под его рукой что-то щелкнуло, и часть стены с глухим звуком отъехала в сторону, открывая темный провал.

– Тайный ход! – воскликнула Амалия.

– Он самый. – Бард заговорщицки улыбнулся и приложил палец к губам. – Идем.

Похоже, этим проходом давно не пользовались – если здесь вообще бывал кто-то, кроме Барда. Пару раз Амалия задела головой что-то, подозрительно напоминавшее паутину, а под ногами шуршали крохотные камешки, отвалившиеся от стен или потолка.

– Куда ты меня завел? – недовольно прошипела Амалия, тревожно обследуя рукой волосы на предмет пауков. – Долго еще?

– Нет, совсем чуть-чуть. – Бард чуть сильнее сжал ее пальцы (чтобы не вырвалась?). – Слушай.

Амалия затаила дыхание и остановилась. Поначалу ей показалась, что в узком каменном мешке, слегка освещенном лишь магическим огоньком Барда, их окружала мертвенная тишина – досюда не доносилось даже завывание ветра. И лишь некоторое время спустя она смогла почувствовать… нет, не звук. Если Амалия и слышала его, то уж точно не ушами. Мягкие, почти осязаемые волны прокатывались по коридору навстречу им с Бардом. Это совсем не было похоже на музыку, но Амалия не смогла бы придумать слова, которое подходило бы к этому лучше, чем «песня». Там, за последним поворотом коридора, что-то пело.

– Смотри, – прошептал Бард, загасив свой огонек. – Красиво, правда?

Стены расступились, впуская их в зал. Ни окон, ни дверей – кроме той, в которую они вошли. Но света при этом было достаточно – в десятке шагов прямо перед Амалией на постаменте из темного камня сиял огромный Кристалл. Чарующая и непонятная песня, которую нельзя было услышать, но которую Амалия ощущала всем своим телом, принадлежала ему. Душа Академии. Целое море магической энергии билось за гладкими, как зеркало, гранями Кристалла подобно сердцу. Раз в несколько мгновений мягкое свечение меняло цвет, озаряя стены и высокий потолок зала то красным, то зеленым, то желтым… И каждому цвету соответствовал свой слог песни, которая тянулась, не прерываясь ни на миг. Амалии безумно захотелось подойти ближе, а еще лучше – коснуться Кристалла хотя бы кончиками пальцев, чтобы унести с собой пусть даже крохотную капельку

того, что было внутри.

– Какой красивый! – восторженно прошептала она, делая шаг вперед.

– Осторожнее! – Бард снова крепко схватил ее за руку и потянул назад. – Тут везде защитные чары. Попадешься – один пепел останется!

Амалия послушно отступила подальше от еле заметной розоватой сферы, окружавшей Кристалл тонкой, но наверняка безумно мощной защитой. Здесь магическое зрение Амалии оказалось почти бессильным. Чувствовалась работа Высшего мага, а то и нескольких. Непробиваемая скорлупа, в которую были вплетены все стихии, мерцавшие разными цветами, и только на самой границе сферы копошилось что-то… черное?

Тихий, едва слышный шепот зазвучал в голове, вплетаясь в музыку Кристалла. Откуда-то потянуло холодком, хотя здесь, в самом сердце Дозорной Башни, сквознякам взяться неоткуда… Но нет! Холод исходил вовсе не от прохода за спиной или древних камней. Сам воздух в нескольких шагах впереди заискрился ледяными крошками и потемнел, словно одна из теней, мелькавших среди отблесков Кристалла, вдруг ожила. Но эта тень не пропала подобно прочим, а быстро поплыла по воздуху в центр зала, на ходу поднимая то ли руку, то ли щупальце.

– Смотри! – закричала Амалия. – Что это?!

Но поделать она ничего не могла – только стояла у самой границы защитной сферы, бессильно протягивая руки к Кристаллу, который будто бы сам по себе скользнул к краю постамента и, сверкнув напоследок мягким зеленоватым светом, с оглушительным звоном ударился о камни и разлетелся на тысячу искрящихся осколков.

Глава 4

– Проклятье! – завопил Бард. – Что ты наделала?

В зале стало темно – только защитная магия, пропустившая таинственную тень, продолжала беспомощно мерцать разными цветами. Амалия в ужасе отпрянула назад и чуть не сбила с ног Барда.

– Это не я! – испуганно пролепетала она. – Там кто-то был! Что же нам делать?

– Стоять на месте.

Голос Торвальдсена прокатился по залу в то же мгновение, как он вдруг появился прямо из воздуха почти у самого пьедестала. Защитные заклятья ожили, хищно потянувшись к облаченной в темно-зеленый халат фигуре ректора разноцветными щупальцами, но тот лишь досадливо отмахнулся от них, заставив тусклое сияние погаснуть, и тут же зажег под самым куполообразным потолком сияющий шар, заливший весь зал ровным белым светом. Амалия на мгновение зажмурилась и услышала за своей спиной торопливые шаги – Бард бросился к выходу, но, судя по сдавленным хрипам, кому-то попался. Амалия обернулась и без колебаний шагнула вперед. Даже разгневанный Торвальдсен был куда более безопасным вариантом, чем тот, кто держал разом поникшего Барда за ворот кафтана, словно нашкодившего кота.

Амалия больше не пыталась прочитать ауру Коннери, но даже внешность профессора боевой магии внушала невольную оторопь. Примерно одного роста и сложения с ректором Торвальдсеном, он почему-то казался чуть ли не вдвое массивнее – то ли за счет тяжелого мехового плаща, то ли из-за свободной одежды из грубой темно-серой ткани, перетянутой кожаными ремнями – на поясе и через правое плечо. На мага совершенно не похож – скорее на старого солдата: спина прямая, кисти рук широкие, с длинными сильными пальцами – такими, наверное, хорошо держать рукоять меча или какого-нибудь другого оружия. Густые серые космы и седая борода – не слишком-то ухоженная. Ее владелец явно не уделял особого внимания внешнему облику. Никаких украшений, кроме металлического амулета на шее, – стального, судя по тусклому блеску. Глаза Коннери недобро мерцали крохотными зелеными огоньками. Лишь на мгновение поймав их взгляд, Амалия захотела провалиться сквозь пол.

– Бедивер Теофилус Уилсон, – пророкотал Коннери. – Почему я не удивлен? Если в Дозорной Башне происходит какая-то чертовщина, вы неизменно оказываетесь рядом.

– Я здесь ни при чем, – прохрипел полузадушенный Бард. – Мы только хотели посмотреть, а потом она вытянула руку и…

– Врешь! – У Амалии перехватило дыхание от возмущения. – Я видела! Это была какая-то тень!

– Тень, госпожа Хэмптон? – переспросил Торвальдсен.

Да уж, звучит как нелепое оправдание… Амалия и сама бы не поверила. Но Торвальдсен, похоже, не слишком-то рассердился. Он все еще хмурился, но его явно куда больше интересовали осколки Кристалла, чем парочка нарушителей распорядка, забравшихся в Дозорную Башню. Ректор задумчиво разглядывал опустевший пьедестал, словно действительно видел что-то, доступное только Высшему магу.

– Мы… то есть я… – пробормотала Амалия.

Коннери выпустил Барда, тут же осевшего на пол, и шагнул вперед. Амалии показалось, что он сейчас точно так же схватит ее саму, но все оказалось куда хуже.

– Не дергайся, – тихо предупредил Коннери.

Его глаза превратились в две бездонных черных ямы. Свет магического шара померк – или Амалии только показалось? Холодная волна захлестнула сначала ноги, потом все тело и, наконец, голову. Амалия беспомощно раскрывала рот, тянулась, но никак не могла вырваться из душной темноты, в которой Коннери беспощадно топил ее разум. Ее собственный Дар таял в его ледяной хватке, как крохотная свечка, – не вырваться, не отвести взгляда. Даже не закричать!

– Профессор, прекратите!

Голос Торвальдсена звучал будто бы издалека, хотя тот стоял всего в нескольких шагах. Неужели он так и будет смотреть, как Коннери медленно высасывает из Амалии жизнь?! Из горла вырвался лишь слабый писк. Чужая воля бесцеремонно потрошила ее сознание, выворачивая наружу весь прошедший день. Отец. Торвальдсен с чемоданом в руках. Бард. Агнешка. Ливи…

– Грег, ты убьешь ее!

Другой голос – женский – показался Амалии смутно знакомым. Кет? Но откуда она здесь взялась?..

…Тренировочный зал. Алекс. Лекция. Платье. Дозорная Башня. Коннери и Кет. Снова Бард. Ступеньки вверх. Кристалл. Тень…

– Достаточно! – рявкнул Торвальдсен, выдергивая Амалию из холодного и темного омута воспоминаний.

– Достаточно. – Коннери удовлетворенно кивнул и отступил на шаг.

Амалия неуклюже взмахнула руками, но все же не удержала

равновесие и опустилась на пол. Холодный камень больно ударил по коленям, но это было уже неважно – Амалия радовалась самой возможности дышать. Она жадно хватала ртом сырой воздух башни, стоя на четвереньках, пока женщина в серебристой мантии не помогла ей подняться.

– Профессор Коннери, вы точно сошли с ума, – воскликнула та. – Неужели вы думали, что девочка способна на подобное?!

– Не думал. – Коннери пожал плечами. – А теперь – знаю. Детишки здесь ни при чем.

– В таком случае не вижу никаких причин задерживать их здесь, – задумчиво произнес Торвальдсен. – Госпожа Хэмптон, можете быть свободны. Бард… просто выметайся отсюда. Если профессор Коннери захочет свернуть тебе шею, на этот раз я не стану ему мешать. И очень не советую болтать обо всем, что вы увидели.

Барда не нужно было просить дважды. Он поспешил к выходу, на всякий случай на безопасном расстоянии обогнув Коннери. Амалия на подгибающихся ногах последовала за ним. В голове все еще шумело, но она нашла в себе силы повернуть голову и благодарно кивнуть Кет. Интересно, кто же она все-таки такая? Наверное, одна из профессоров – могут же женщины преподавать в Академии? Выглядела Кет намного моложе Торвальдсена или Коннери – на сорок с небольшим, – но это само по себе мало что значило. Сильные маги нередко живут неизмеримо дольше обычных людей, почти не старея. Торвальдсену, по словам отца, была уже не одна сотня лет. Кет, конечно же, куда младше ректора, но она вполне могла бы годиться Амалии в прабабушки. Высокая, чуть полноватая. В черных волосах – ни одного седого. Остро очерченные скулы и подбородок делали бы красивое лицо Кет жестким и даже жестоким, если бы не мягкая ободряющая улыбка, которая, впрочем, ту же исчезла, стоило ей снова повернуться к Коннери. Похоже, эти двое нередко спорили. В ярко-синих глазах Кет было столько укора, что даже Амалии стало немного не по себе, но темный маг не моргнув выдержал ледяной взгляд и только недовольно проворчал что-то себе под нос.

– Загляните к Берте в «Вересковый мед», госпожа Хэмптон, – тихо сказал он, когда Амалия проковыляла мимо. – Скажите, что вы от меня. Вам нужно срочно съесть что-нибудь сладкое.

Амалия испуганно закивала и поспешила скрыться в темноте прохода. К счастью, Бард все-таки решил дождаться ее за поворотом. Без него она бы точно заблудилась или переломала бы себе ноги – даже на то, чтобы зажечь крохотной огонек, сил уже не осталось.

– Ты в порядке? – поинтересовался Бард, освещая ей путь. – Выглядишь, как будто мертвеца увидела.

– Отстань! Ты сказал, что это я виновата. – Амалия проигнорировала протянутую руку, хоть ей и пришлось держаться за стену. – И хотел сбежать!

– Я?! – в голосе Барда прозвучало искреннее недоумение. – Я просто хотел перекрыть выход, чтобы твой злоумышленник не удрал! Я его видел – такой страшный, большой, весь в черном… Но я бы ему врезал!

– Ага, конечно, – устало проворчала Амалия. – Ты ведь ничего не боишься. Даже Коннери, да?

И все-таки на Барда было совершенно невозможно сердиться. Он нахохлился, как воробей, собравшийся отобрать хлебную корку у вороны, и с каждым шагом, отделявшим его от зала с разбитым Кристаллом, приобретал все более бесстрашный и героический вид.

– Говорю тебе, там был призрак или вампир, – продолжил Бард. – Мне уже приходилось сталкиваться с ними. Жуткие твари! Кто знает, может быть, он и сейчас где-то рядом…

– Страшный вампир. – Амалия хихикнула. – Но ты ведь меня защитишь, мой отважный Бедивер Теофилус Уилсон?

– Эй, не называй меня так…

– Бедивер, – мстительно повторила Амалия. – Теофилус. Уилсон!

Бард обиженно засопел, но хотя бы прекратил пытаться ухватить ее за руку, и остаток пути они преодолели в тишине, нарушаемой лишь их шагами и шумом ветра. Всю дорогу Амалия думала… нет, думать не получалось. Измученное тело срочно требовало сна и еды – в произвольном порядке. К счастью, тяжелая дверь, ведущая наружу, так и осталась открытой – еще одно физическое упражнение, и Амалия бы точно свалилась.

– Ты знаешь, где здесь «Вересковый мед»? – спросила она, натягивая на голову капюшон плаща Ливи.

– Да, прямо после лестницы, за углом… – Бард рассеянно махнул рукой, указывая дорогу. – Тебя проводить?

– Благодарю, я вполне могу добраться и сама, – ответила Амалия и, подумав, добавила: – Бедивер.

* * *

Обнаружив вывеску, на которой ровными белыми буквами было написано «Вересковый мед», Амалия собралась было постучаться. Но, подумав, просто потянула ручку и

беспрепятственно прошла внутрь. Похоже, двери в Академии не запирались даже ночью – или владелец трактира готов был принимать посетителей в любое время суток. Внутри было пусто, тихо и темно – только в огромном, почти в человеческий рост, камине кое-где мерцали остывающие угольки.

– Есть здесь кто-нибудь? – негромко позвала Амалия, шагая между столами. – Эй…

Ответом была тишина. И только когда Амалия повысила голос и почти закричала, в углу зала скрипнула дверь, в которой показалась приземистая фигура со свечой в руке.

– Отец Всемилостивый, который час? – недовольно проворчал женский голос. – Кто здесь?

– Я ищу Берту. – Амалия несмело помахала рукой. – Меня прислал профессор Коннери и…

– Ни слова больше!

Берта (а кто это еще мог быть?) лишь на мгновение исчезла за стойкой и тут же поспешила навстречу Амалии с каким-то свертком в руках. Сложно было представить, что пожилая женщина столь плотного сложения может передвигаться с таким проворством. При ближайшем рассмотрении Берта оказалась совсем невысокой, но настолько толстой, что Амалия, пожалуй, не смогла бы обхватить ее руками. Впрочем, полнота совершенно не портила хозяйку «Верескового меда» – скорее наоборот. Берта буквально лучилась добродушием и гостеприимством. Амалия не успела опомниться, как уже сидела на лавке у самого камина с огромным куском пирога. Есть совершенно не хотелось, но стоило ей откусить немного, чтобы не обижать Берту, как в животе будто бы раскрылся бездонный провал. Амалия вгрызалась в ароматное тесто с ягодами, как дикий зверь, и прикончила пирог за считаные минуты.

– Бедная девочка. – Берта погладила Амалию по голове. – Ты ведь с этой дикой ночной муштры, да?

Что за муштра? Амалия не имела представления, о чем говорила хозяйка, и ее рот еще был занят пирогом, так что она неопределенно покачала головой и промычала что-то, что можно было при желании трактовать и как «да», и как «нет».

– Этот кровопийца совсем вас не жалеет, – вздохнула Берта. – Беготня, упражнения, боевая магия… неудивительно, что у тебя волчий аппетит! Сиди, милая, я принесу еще.

Амалия хотела было отказаться, но Берта уже ставила на стол мясную похлебку, которая выглядела настолько аппетитно, что рот снова наполнился слюной. Амалия взялась за деревянную ложку, едва успев поблагодарить хозяйку.

– Меня зовут Амалия, – представилась она.

Никаких титулов или родового имени. Милая женщина не заслуживала, чтобы ее вынуждали обращаться к «госпоже Хэмптон», пусть даже она и была лишенной Дара простолюдинкой. Впрочем, ее стряпня сама по себе имела полное право называться магией. По уши залезая в тарелку, Амалия кое-как успевала отвечать на вопросы словоохотливой хозяйки, усевшейся напротив.

– На каком ты курсе? – поинтересовалась та, пододвигая к тарелке ломоть хлеба.

– На первом, – отозвалась Амалия, – я только вчера приехала.

– Какой ужас! Ты же еще совсем ребенок! – Берта всплеснула руками. – Видимо, правду говорят – раз уж Коннери начал натаскивать первокурсников…

– О чем? – Амалия оторвалась от похлебки. – О чем говорят?

– Не нашего это ума дело, милая, – уклончиво ответила Берта, качая головой. – Конечно, ректору Торвальдсену виднее… Но Грегор Коннери, – Берта вздохнула, – проклятье замка Ринвуд.

– Кажется, вы его недолюбливаете, – осторожно произнесла Амалия. – Он не слишком-то приятный, да?

– Можешь говорить прямо, не бойся, малышка, я никому не расскажу… – Берта улыбнулась, но стоило ей продолжить, как голос вновь зазвучал сурово: – Не слишком-то приятный? Ты, верно, думаешь, что Грегор Коннери – страшный старик с дурными манерами?

Амалия молча кивнула – да, именно так она и думала. Конечно, Берте не дано было увидеть Истинным Зрением то, чем профессор боевой магии на самом деле являлся, но для обычного человека лучшего определения было не подобрать.

– Ах, если бы это было так. – Берта склонила голову. – Но я слишком хорошо помню, что творилось на юге страны полвека назад. Помню, хотя я была еще совсем девчонкой, – вдвое младше, чем ты сейчас.

– Полвека назад… – Амалия задумалась. – Война, верно? Захватчики с Серединных Земель? Из Остерайха, из Иберии…

– Верно, – закивала Берта. – Они дошли почти до самой столицы, и тогда юная Королева сделала единственное, что, по ее мнению, могло спасти город и всю Ританию. Она приказала выпустить из Уэверли-Рока генерала Грегора Коннери, который томился там уже почти двадцать лет.

– Генерала? – удивилась Амалия. – Отец рассказывал мне о той войне, но никогда не упоминал Коннери.

– Он мог и не знать. – Берта заговорила чуть тише, тревожно оглядываясь по сторонам. – О том, что творилось в те черные дни, знают немногие, а те, кто знает, предпочитают не вспоминать. Да

и не годятся эти истории для ушей юной леди!

Берта нахмурилась, словно пожалев о том, что начала этот разговор. Но Амалии стало так интересно, что она даже забыла про еду.

– Прошу вас, милая Берта, – воскликнула она, схватив хозяйку таверны за руку, – расскажите еще! Что было дальше?

– Не знаю, милое дитя… – замялась Берта, но потом все же не выдержала умоляющего взгляда Амалии. – Ладно! Но никому не говори! Если он узнает…

– Я буду молчать как рыба! – пообещала Амалия.

– Коннери встал во главе нашей армии, – продолжила Берта. – И встретил врага в десяти милях от Минстера. Захватчиков было втрое больше, но разве под силу простым людям или даже волшебникам выстоять против дьявольской мощи?

– Армия Серединных Земель потерпела поражение, – вспомнила Амалия. – Вы видели эту битву?

– Нет, конечно же. Моя семья в те годы жила далеко на юге, почти у самого моря. Но я видела тех, кто уцелел в резне под Минстером. Десятки, сотни солдат прошли через нашу деревеньку. Они бежали к побережью в напрасной надежде добраться до своих кораблей. Большая часть из них была уже без оружия. Я видела совсем молодых парней – твоих ровесников – с седыми головами. Они шли, стирая в кровь ноги, и все время оглядывались назад, будто бы за ними гналась сама Смерть. И все они повторяли одно: Эскадрон Проклятых вернулся.

– Эскадрон Проклятых?! – Амалия едва не потеряла дар речи. – Я думала, это просто страшная сказка для непослушных детей!

– Эскадрон Проклятых, – повторила Берта. – Мертвые Рыцари, Конница Дьявола – называй как хочешь. Я была еще совсем малышкой, но уже давно перестала верить в сказки. На войне порой творится такое, что не придумать даже безумному менестрелю, – и я, как и ты сейчас, думала, что Мертвые Рыцари – это всего лишь плод воображения перепуганных безумцев. До тех пор, пока не увидела их своими глазами.

Амалия охнула и поднесла руки ко рту. Разве такое возможно? Много лет назад, когда малютка Ами не хотела ложиться спать или есть гадкую остывшую овсянку, Нянюшка Энн частенько запугивала ее рассказами о живых мертвецах в ржавых доспехах, которые по ночам крадут плохих маленьких девочек. Но отец всегда говорил, что все это лишь старушечья болтовня, которую разумной леди совершенно не стоит воспринимать всерьез…

– В тот день захватчиков пришло особенно много, – снова заговорила Берта. – Среди них был даже какой-то генерал – то ли барон, то ли граф. Ему кое-как удавалось держать в руках свое оборванное воинство – по крайней мере, пока не начало темнеть. Они загнали нас всех в подвалы и на чердаки, но никого не тронули. Сестра сказала мне спрятаться, но я все-таки тайком выбралась из подвала, чтобы хотя бы одним глазком посмотреть на тех, кого так боялись барон и его солдаты.

– Мертвых Рыцарей? – прошептала Амалия.

Вопреки желанию, страшные картины уже начинали оживать в ее воображении. Амалия всегда была впечатлительной, а ночь, дрожащий огонек свечи и тихий голос хозяйки «Верескового меда» и вовсе заставили ее прочувствовать эту жуткую историю так, будто она сама была там, рядом с маленькой Бертой, кое-как вскарабкавшейся на табурет и разглядывавшей опустевшую улицу сквозь щели в ставнях.

– Они пришли, как только последние лучи солнца скрылись за лесом. – Берта начала говорить еще тише, словно сама пугалась собственных слов не меньше, чем Амалия. – Я сначала сама не поняла, что они уже близко. Я все детство прожила в деревне – знаешь, там никогда не бывает по-настоящему тихо: то скрипнет половица, то лошадь ударит копытом – они всегда спят стоя, – то закричит какая-нибудь дикая птица… или сверчки – они вообще не смолкают всю ночь… – Берта на мгновение прервалась и продолжила уже совсем шепотом: – Но тогда стало тихо. *Совсем* тихо. За какую-то четверть часа всю деревню затянуло туманом, хотя вечер был погожий. Я слышала, как переговариваются стрелки у окон. Но когда они умолкли, в мертвой тишине послышался стук копыт…

Амалия сдавленно пискнула. Ей показалось, что по ногам протянуло холодом – тем самым могильным холодом, которым дышал туман из рассказа Берты. Холодом, в котором медленным шагом ступали кони Эскадрона Проклятых… Даже безобидные угольки в камине, еще недавно дарившие тепло, теперь зловеще мерцали в полумраке таверны, словно глаза мертвецов.

– Я почти ничего не могла разглядеть – такой был туман, – продолжила Берта. – Лишь тени, мелькавшие за окном. А потом кто-то закричал. Не в нашем доме – где-то через улицу. Взрослый мужчина. Наверное, так должен кричать человек, когда с него заживо сдирают кожу. Арбалетчики начали стрелять… Это был сущий ад. Пара десятков солдат Остерайха – в том числе и барон – остались на улице, чтобы встретить Мертвых Рыцарей с оружием в руках, но большая часть запиралась в домах… будто бы это могло им помочь. Бойня продолжалась недолго. Я своими

глазами видела, как из тумана в окно протянулась рука в заржавленной латной рукавице и утащила одного из стрелков. Что стало с остальными – не знаю. После этого я зажмурилась и бормотала молитвы, пока снаружи не стихло. А когда я открыла глаза, в доме уже было пусто. Все исчезли.

Берта смолкла. История еще не была окончена – Амалия чувствовала это, но все же не торопила. Если хозяйке «Верескового меда» требовалось время, чтобы найти в себе мужество завершить рассказ, не стоило ей мешать. Амалия позволила себе лишь осторожно прикоснуться к подрагивающим пальцам Берты. Та благодарно улыбнулась и наконец продолжила:

– Не знаю, зачем я решила выйти на улицу. Лучше бы мне никогда не видеть того, что я тогда увидела, – вздохнула Берта. – С тех пор прошло уже много лет, я успела выйти замуж, родить детей и состариться, но его лицо до сих пор иногда снится мне по ночам.

– Коннери, – прошептала Амалия. – Это он был там…

– Да, дитя мое. – Берта опустила голову. – Среди мертвых тел, заполнивших всю улицу от края до края, медленно шагал Грегор Коннери – точно такой же, как сейчас. Палач Коннери, Кровопийца Коннери, Дьявол Коннери – у него было много имен, которые теперь забыли. Но я помню! – Глаза Берты загорелись лихорадочным блеском. – Помню, как за его спиной мертвые поднимались с земли! У некоторых не было рук, некоторые были утыканы арбалетными болтами, а их лошади выглядели так, будто бы их похоронили несколько месяцев назад! Я помню, как в десятке шагов передо мной зашевелился и поднялся на ноги барон из Остерайха, пробитый насквозь обломанным копьем. Я тогда даже не закричала – просто не смогла, только вцепилась в дверной косяк и смотрела, как Коннери поднимал свой Эскадрон. А он взглянул на меня и улыбнулся…

Амалия встала и, обойдя стол, изо всех сил стиснула дрожащую Берту в объятиях. Больше она поделать ничего не могла – у нее не было ни дара Агнешки, способного разжечь огонь в камине и наполнить остывающий зал таверны теплом и светом, ни внутреннего спокойствия и силы Ливи, которая бы наверняка знала, что нужно делать или говорить в подобных случаях. На какое-то время в зале «Верескового меда» стало так тихо, что можно было услышать, как потрескивает догорающая свеча, но уже скоро Берта взяла себя в руки.

– Думаю, стоит позвать кого-нибудь из стражников проводить тебя до жилого корпуса, – тихо произнесла она. – После таких историй вряд ли захочется идти одной.

Отказываться Амалия не стала.

Глава 5

Платье сидело отлично – ни одной лишней складочки. Даже волосы перестали напоминать растрепанную мочалку, лежали ровно и слегка поблескивали от чудесного средства, которым щедро поделилась Ливи. Самой ей оно не понадобилось – прическа и так выглядела идеально. Впрочем, как и платье, и туфли, и тонкие перчатки по локоть из черной блестящей ткани, и все остальное. Вот если бы она еще не смотрела *так*…

Еще раз наткнувшись на холодный, как январь в Эйлсбери, взгляд соседки, Амалия не выдержала.

– Ливи, – умоляюще прошептала она, – все было совсем не так, как ты думаешь, я просто…

– Ты просто пришла за пару часов до рассвета. – Ливи улыбнулась. – И я ничего не думаю. В сущности, то, чем ты занимаешься ночью, меня совершенно не касается.

Если бы можно было рассказать Ливи обо всем! Но Торвальдсен велел молчать – а его совет уж точно следовало понимать как приказ. И только ли в этом дело? Чарующая музыка, глаза Барда, отражающие мерцающий свет волшебных огоньков, горячее дыхание и вкрадчивый шепот, от которого можно было совсем потерять себя, предательское тепло, прокатившееся от сердца к низу живота… Нет, об этом Ливи знать точно не следовало. Амалия и сама была рада забыть весь вчерашний день. Но не могла.

– Касается. – Ее губы задрожали. – Прошу тебя, Ливи, поверь мне! Случилось… случилось что-то очень плохое, я уверена, ты скоро и сама все узнаешь!

– Разумеется, – встряла Агнешка. – Скоро об этом будут болтать на каждом углу. Правда, насчет «очень плохого» я не уверена. Лично мне в свое время понравилось.

– Нет! Ничего такого! – Амалия уже была готова разрыдаться. – Клянусь! Дело не в этом! Другое!

– Какая разница? – проворчала Агнешка, поудобнее устраиваясь на подоконнике. – Монтгомери, черт бы тебя побрал, твоя маленькая подружка сейчас расплачется, а ты строишь из себя Цитадель Нравственности и Целомудрия. Или ты думаешь, что твой драгоценный братец пойдет под венец с будущей герцогиней Саффолк непорочным, как херувим? Я могу рассказать…

– Благодарю, не стоит.

Ливи поморщилась, но все же сменила гнев на милость. Во всяком случае, ее взгляд перестал сверкать льдом, а на губах

появилась привычная мягкая улыбка.

– Думаю, мы еще услышим от малышки Ами увлекательную историю. – Она вздохнула и накинула на плечи Амалии полупрозрачный платок. – Идем? Все готовы?

– Лично я – готова. – Агнешка спрыгнула с подоконника.

Амалия неодобрительно взглянула на бессовестно короткое алое платье Агнешки, едва закрывающее колени. Нет, надо признать, ноги у соседки оказались что надо – крепкие, загорелые (и где только успела?). Но это же не повод столь наглядно их демонстрировать! Сменив бесформенный свитер на бальный наряд, а тяжелые ботинки – на туфельки, Агнешка будто бы перевоплотилась. Если бы она еще пожелала хоть что-то сделать со своей гривой… но она не пожелала. Рыжие кудри дерзко топорщились во все стороны и, казалось, освещали своим сиянием светлую кожу лица и плеч, усыпанную веснушками.

– И с кем ты идешь на бал? – невинно поинтересовалась Ливи.

– Не помню, как его зовут. – Агнешка пожала плечами. – Твой однокурсник. Был с нами в тренировочном зале, не помню, как его зовут.

– Дерек Каннингем. – Ливи приподняла брови. – Он уже знает о своем счастье?

– Пока нет. – Агнешка лучезарно улыбнулась и поправила платье на груди. – Пусть это будет для него сюрпризом.

Амалия мысленно представила себе бледного и худосочного Дерека и покачала головой. От судьбы не уйдешь. Если уж Агнешка собралась что-то сделать, ее натиску могла позавидовать колонна закованных в броню рейтаров из Остерайха. У парня не было никаких шансов – он или отправится на бал с Агнешкой, или скончается в мучениях.

– Прелестно. – Ливи чуть склонила голову. – Кстати, Алекс с Уиллом и Робом уже внизу.

– В таком случае не будем заставлять мальчиков ждать. – Агнешка решительно направилась к двери. – Мне еще нужно найти Дерека.

– …И вытрясти из него всю душу, – подытожила Ливи. – Ну что, идем?

* * *

Амалия не сразу узнала Алекса в бальном наряде. Он точно так же выделялся среди своих товарищей, как Ливи среди соседок, и не только ростом и безупречной внешностью, но и

своей манерой держаться. Расстегнутый ворот серого с серебром камзола у кого угодно другого смотрелся бы неопрятно, но Алексу лишь добавлял очаровательной небрежности. Двое его товарищей – Роб и незнакомый полноватый юноша с волосами цвета соломы – рядом с ним смотрелись нескладными деревенскими увальнями.

– Леди Фалмут. – Алекс церемониально поклонился и коснулся губами пальцев Амалии, но тут же широко улыбнулся, давая понять, что с официальной частью покончено. – Роба ты уже знаешь, а это…

– Уильям Конли к вашим услугам, леди, – новый знакомый изогнулся в шутливом поклоне. – Хотя я предпочитаю, когда столь очаровательные юные создания называют меня просто Уилл.

– Не разевай рот, толстячок, – ухмыльнулась Агнешка. – Этот пирожок уже достался красавчику Монтгомери.

– На меня пирожков точно хватит. – Уилл беззаботно рассмеялся и повернулся к Ливи. – Маркиза, вы позволите?

Та взяла его под руку, а Агнешка бесцеремонно вцепилась в Роба. Тот будто бы и вовсе не обращал на нее внимания, да и с остальными почти не разговаривал, даже вместо вежливого приветствия ограничившись коротким кивком. Да уж, ну и тип…

– Он вообще-то неплохой парень, – вполголоса произнес Алекс, поймав взгляд Амалии. – Просто не любит болтать. Боевые маги почти все такие.

– Он уже закончил Академию? – удивилась Амалия.

– Нет, что ты. – Алекс рассмеялся. – Он на третьем курсе, но специализацию выбирают в конце второго. Так что нам с тобой это только предстоит.

– И что ты выберешь?

– Пока не знаю. – Алекс задумался. – В конце концов, у меня еще почти целый год. Отец хочет, чтобы я продолжил семейную традицию и занял кресло в Парламенте. Для этого подойдет любая специализация.

– Похоже, ты не слишком-то горишь желанием заниматься политикой, – заметила Амалия.

– Что есть, то есть. – Алекс улыбнулся. – Будто бы меня кто-то спросит. «Долг и честь» – девиз рода Монтгомери…

– Так что Алексу в один прекрасный день придется навечно запереть себя в Парламенте в окружении полутора десятков престарелых болванов. – Уилл поравнялся с Алексом и хлопнул того по плечу. – Но в ближайшие четыре года ты волен делать все, что пожелаешь, – разумеется, в рамках правил Академии.

– Или слегка за рамками, – добавила Агнешка.

– Воистину, – охотно согласился Уилл.

* * *

От великолепия убранства зала, подготовленного для бала, можно было ослепнуть. Размерами помещение едва ли уступало огромной аудитории, где Торвальдсен выступал с лекцией, но при этом было почти пустым – лишь по краям стояли ряды столов с напитками и закусками. Вокруг них уже толпились юные маги, среди которых изредка мелькали люди постарше, – наверное, профессора или кто-то из рядовых служащих Академии. Амалия изо всех сил смотрела по сторонам, пытаясь разглядеть в толпе черный наряд ректора Торвальдсена, с которым ей совершенно не хотелось встречаться.

– Еда. – Уилл радостно потер руки. – Интересно, а как на этот раз с пойлом? В прошлом году было так себе.

– И в этом году будет то же самое, уверяю тебя. – Агнешка поморщилась. – Молодое вино и разбавленный эль, в которых хмеля меньше, чем в молоке моей мамаши. Старина Эл всеми силами борется за то, чтобы студенты встретили окончание праздника на ногах.

– Боюсь, нам придется его расстроить. – Уилл воровато огляделся и достал из-за отворота камзола плоскую металлическую флягу.

– Приятно видеть столь предусмотрительного юношу.

С этими словами Агнешка бесстыдно задрала подол платья и извлекла на свет точно такой же сосуд, в котором плескалась какая-то жидкость. Уилл радостно оскалился.

– Некоторых жизнь ничему не учит, – тихо произнес Алекс, склонившись к Амалии. – Уверен, завтра кое-кто проваляется до обеда.

– Я бы попросил, – важно отозвался Уилл, отрываясь от горлышка фляги. – За год с нашего первого бала я стал намного мудрее и опытнее.

– И, возможно, даже не уснешь на лестнице, – фыркнула Агнешка.

Уилл нисколько не обиделся на едкое замечание и передал флягу Робу, от которого она перекочевала к Алексу. Тот не стал отказываться и тоже сделал пару глотков.

– Попробуешь, деточка? – Агнешка протянула Амалии свою. – Только осторожнее. Учти, пойло крепкое, а я не собираюсь тащить тебя в комнату на своем горбу.

Амалия растерялась. От Агнешки стоило ожидать подвоха, и

подобное уж точно не приветствовалось профессорами и ректором. Хотя, похоже, мало кто в Академии воспринимал всерьез правила – даже Ливи слегка пригубила напиток из фляги Уилла. Ведь от одного глотка ничего страшного не произойдет?..

Сначала Амалии показалось, что по ее горлу прокатился сгусток жидкого пламени. Она закашлялась, а слезы брызнули из глаз сами собой. Если бы не Алекс, вдруг возникший прямо перед ней со стаканом ягодного сока, Амалии пришлось бы совсем несладко.

– Что там у тебя? – выдохнула она, постепенно вновь обретая зрение и прочие чувства. – Отрава?

– Всего-навсего яблочный бренди с Северных Гор, – ответила Агнешка, пожимая плечами. – Его еще называют «драконий эль». Думаю, не надо объяснять – почему.

Амалия молча кивнула. Она уже начинала чувствовать на себе действие огненного напитка. Горло больше не горело, зато в голове вдруг появилась необычайная легкость. Странное ощущение, но оттого не менее приятное. Второй глоток драконьего эля оказался совсем не страшным – особенно если сразу запивать его соком, а после третьего Амалии захотелось танцевать.

С первыми же звуками музыки разномастная толпа в мантиях, платьях и камзолах пришла в движение. Кавалеры разбирали дам и стремились в центр зала, где уже кружились несколько пар. Первый танец по традиции начали старосты старших курсов со своими партнерами, а потом к ним присоединились и остальные.

– Ты позволишь? – Алекс коснулся пальцев Амалии.

– Еще спрашиваешь, – рассмеялась она. – Мы ведь за этим сюда пришли, верно?

Как Амалия и ожидала, танцевал Алекс замечательно. Уверенно, свободно, но без лишней фамильярности, с которой некоторые кавалеры буквально вжимались в своих партнерш. Мало того что это выглядело неприлично, – Амалия не могла представить, как проделывала бы все сложнейшие танцевальные па, если бы висела на Алексе подобным образом. Ливи с Уиллом тоже вели себя вполне достойно, Роб остался у стола и воздавал должное закускам, а Агнешка куда-то исчезла – то ли отправилась искать Дерека, то ли просто сбежала. Впрочем, уже через несколько минут Амалия вообще перестала о чем-либо думать, полностью отдавшись танцу. Драконий эль горячил кровь, но куда больше Амалию волновало присутствие Алекса. Так близко… Музыка звучала все громче, и с каждым аккордом из головы уходило все странное и неприятное, что случилось за прошедшие

дни. Ректор Торвальдсен с монеткой в руках, таинственная тень в Дозорной Башне и даже грозный облик Грегора Коннери постепенно таяли, уступая место чему-то новому – неизвестному, но оттого лишь более сладкому и манящему. И даже то, что она уже несколько раз споткнулась, нисколько не нарушило ее благостного состояния. Алекс с легкостью удерживал ее, не давая сбиться с ритма.

– Прости. – Амалия на мгновение повисла на шее у Алекса, но тут же снова коснулась ногами пола. – Я ужасно неуклюжая.

– Напротив, ты отлично танцуешь, – рассмеялся тот. – Во всяком случае, мне нравится.

Это, наверное, шутка. Амалия подняла голову, чтобы встретиться взглядом с высоким Алексом. Нет, похоже, он говорил совершенно серьезно. Его глаза задорно сияли – то ли от драконьего эля, то ли от неподдельного удовольствия. И еще в них было что-то, от чего Амалия вдруг густо покраснела и захотела спрятаться. Не придумав ничего лучше, она уткнулась лбом Алексу в грудь. От него приятно пахло. Лицо Амалии помимо ее воли расплылось в блаженной улыбке. Отлично, теперь Алекс, наверное, подумает, что она чокнутая… Не стоило так налегать на бренди!

Когда музыка стихла, они еще какое-то время стояли, не желая выпускать друг друга из объятий. Но уже через несколько мгновений Уилл с Робом бесцеремонно утащили Алекса к столу, а перед Амалией возникла вездесущая Агнешка под руку с Дереком, который за прошедшие часы успел стать еще более тощим и еще более напуганным.

– Амалия, детка, больше никакого бренди. – Агнешка решительно схватила Амалию за локоть и повлекла к столу. – Тебе стоит что-нибудь пожевать. Надеюсь, что ты еле держишься на ногах от хмеля, а не от Алекса Монтгомери. В противном случае я буду презирать тебя до самого выпуска. И будь добра – убери со своего лица ЭТО, пока меня не стошнило.

– Что? – недовольно отозвалась Амалия. – Ты о чем?

– Вот об этом. – Агнешка изобразила на своем лице широкую улыбку, став похожей одновременно на умалишенную и на кошку, засунувшую мордочку в кувшин со свежей сметаной.

Да уж, если Амалия со стороны действительно выглядела так, Алекс точно больше не захочет с ней танцевать. Зато у нее, по крайней мере, платье правильной длины. И вообще…

От сердитых мыслей Амалию отвлек шум, донесшийся откуда-то слева. Несмотря на царивший в бальном зале галдеж, звон разбившегося стекла показался неожиданно громким, хотя и прозвучал в паре десятков футов. Пройдя немного вдоль столов,

Амалия натолкнулась на плотный строй спин, окружавших место события.

– Чего вам вообще надо? – недовольно произнес знакомый голос.

Амалия кое-как растолкала студентов и увидела Дерека, смущенно переминавшегося с ноги на ногу. У его ног лежали осколки разбитой посуды.

– В жизни не видела ничего более жалкого, – насмешливо изрекла высокая черноволосая девица – кажется, ее звали Урания Клиффорд, – подходя еще на шаг ближе. – Какой же из тебя выйдет маг, если ты не можешь справиться даже с тарелкой?

– Я просто уронил… – пробормотал Дерек, – случайно…

– Неуклюжий болван. – Урания едко усмехнулась. – И к тому же одет, как попрошайка. На месте ректора я бы отправила тебя обратно в убогую деревню.

Наряд Дерека действительно не отличался ни богатством, ни изяществом – все та же изрядно потертая куртка и штаны из грубой ткани. Явно не по размеру, словно Дерек донашивал одежду за кем-то из старших родственников. Скорее всего, так оно и было – но разве это повод над ним издеваться?!

– Оставьте его в покое!

Амалия какое-то время не могла разобраться, кому принадлежал голос, от звука которого и Урания Клиффорд, и ее разномастная свита отпрянули назад. И только когда все они вдруг разом повернули головы в сторону Амалии, она поняла, что голос был ее собственный.

– Что вы себе позволяете? – добавила Амалия уже чуть менее уверенно.

Стоять вот так – совсем одной – перед целой толпой, буравящей ее десятками пар внимательных и настороженных глаз, оказалось совсем непросто. Амалия уже начала жалеть о том, что влезла не в свое дело, когда рядом появились ее друзья. Сначала Агнешка, потом Ливи и Алекс и, наконец, Уилл с Робом.

– Кажется, в воздухе запахло жареным, – мечтательно произнесла Агнешка, выпуская из кончика пальца тоненькую струйку пламени. – А между тем я что-то не вижу на столах мяса или птицы… Вы понимаете, к чему я клоню?

Амалия затаила дыхание. Едва ли кто-то начнет швыряться боевыми заклинаниями под самым носом у профессоров, но все-таки обстановка неумолимо накалялась. Среди друзей Урании Клиффорд тоже нашлись старшекурсники, способные ударить чем-нибудь серьезным. Расфуфыренная белобрысая девица в розовом что-то рассеянно бормотала себе под нос, сложив руки в непонятном жесте, а огромного роста коротко стриженный

здоровяк и без всякой магии мог бы растереть Амалию (да и всех остальных) в порошок. Да уж, вот так бал…

– Да кто ты вообще такая? – презрительно бросила Урания, безошибочно определив Амалию как самую безобидную в компании.

Отвечать не хотелось совершенно, и все же правила приличия, о которых воспитанная (в отличие от Урании) девушка никак не могла забывать, того требовали.

– Амалия Хэмптон, леди Фалмут.

От книксена Амалия, впрочем, воздержалась. Много чести.

– Фалмут?.. – Урания подняла глаза к потолку. – Ах да, припоминаю. Оливер Хэмптон – твой отец? Виконт из деревни Эйлсбери, бездарный писака и…

Это было уже слишком. Никто и никогда не смел говорить подобного об отце Амалии! Будь у нее дар огненной стихии, как у Агнешки, она бы спалила Уранию дотла, но никаких познаний в области боевой магии Амалия не имела, поэтому просто шагнула вперед и замахнулась. Рука, уже готовящаяся влепить Урании пощечину, сама собой сжалась в кулак и обрушилась на красивое лицо обидчицы.

– Курвамать! – восхищенно выругалась Агнешка. – Вы все видели? Это моя соседка!

Урания пошатнулась, роняя из носа темно-красные капли. Гигант в темном камзоле метнулся навстречу Амалии, но на его пути возник Алекс. Несколько мгновений они стояли друг напротив друга, сжимая кулаки.

– Не надо, прошу тебя… – умоляюще простонала Амалия.

Она не на шутку испугалась. Алекс и сам отличался вовсе не хрупким сложением, но его огромный противник явно был на несколько лет старше и возвышался над ним почти на голову. К счастью, до драки так и не дошло. Гигант склонил голову к Алексу и, прошептав что-то, отступил назад. Алекс лишь ответил ему коротким кивком.

– Ты, – прорычала Урания, указывая на Амалию дрожащей рукой. – Ты мне за это ответишь! Мой отец позаботится о том, чтобы тебя отсюда вышвырнули! Можешь собирать чемоданы, если они у тебя вообще есть, нищенка!

Амалия шумно выдохнула. На мгновение свет в огромном зале померк, словно в гигантских люстрах под потолком вдруг погасла добрая половина свечей. Воздух зарябил, скручиваясь в невидимую пружину, готовую распрямиться, ударить… Неужели опять это?!

– Нет, не надо… – всхлипнула Амалия, прижимая руки к груди. – Пожалуйста…

Но было уже поздно. Где-то глубоко внутри вспыхнуло черное пламя. Поток Силы сначала хлестнул во все стороны, а потом потянулся вьющимися уродливыми щупальцами прямо к Урании. Все, кто стоял за ее спиной, повалились на пол, здоровяк и девица в розовом согнулись пополам, жадно хватая ртом воздух, но сама Урания продолжала стоять. Ее лицо стремительно синело, а пальцы отчаянно скребли горло, словно пытаясь продрать нежную белую кожу.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы прямо в самом центре черного шторма не сверкнула вспышка. Ректор Торвальдсен не стал тратить время на то, чтобы бежать на шум через весь бальный зал, и просто появился прямо перед Амалией. Он был одет во все тот же черный камзол с длинным плащом, но сейчас ничто в нем больше не напоминало добродушного седовласого мужчину, который утром встретил Амалию и ее отца у ворот Академии. Лицо его стало хмурым и сосредоточенным, а смеющиеся обычно глаза заблестели холодной синевой льда. Торвальдсен выставил полупрозрачный магический щит, прикрывая Уранию. Даже ему оказалось непросто удержать бурлящий поток Силы, который исходил от Амалии, хоть их магическая мощь и была несопоставима.

– Кто-нибудь, позовите Коннери! – рявкнул Торвальдсен. – Быстрее!

– Я уже здесь.

Огромная черная фигура возникла рядом с ректором, разбрасывая искры, будто бы Коннери пронесся на помощь Торвальдсену сквозь пламя Преисподней. Темный маг шагнул вперед и коротко прочертил ладонью наискосок. Ни огненных вихрей, ни молний, ни вспышек. Просто погас свет. Все погасло.

Глава 6

Высокие потолки и паутина по углам. Да уж, ну и местечко… Зато здесь, по крайней мере, не холодно. Снаружи гуляет ветер – его вой слышно даже сквозь толстые каменные стены, но внутри натоплено, да еще и это теплое меховое одеяло… Амалия довольно потянулась, снова открыла глаза – на этот раз оба сразу – и перевернулась на спину.

И тут же с тихим писком вжалась в стену.

Стены, увешанные самым разным оружием и доспехами, сами по себе выглядели жутковато. В отблесках огня камина лезвия мечей и топоров окрашивались красным, будто бы с них так и не смыли кровь убитых врагов. Прямо у изголовья широкой кровати, на которой лежала Амалия, стояла громадная фигура из черного металла. Оживший ночной кошмар – на плечах острые шипы, рукавицы, больше напоминающие когтистые лапы, чем конечности человека, и уродливая маска – то ли птица, то ли зверь, то ли чудовище, которому и вовсе нет имени! Вот сейчас в узких прорезях забрала вспыхнут красные огоньки и монстр протянет свои страшные лапы и…

Но металлический воин не двигался – да и не мог двигаться. Огромный доспех внутри был пуст – из глазниц шлема на Амалию смотрел лишь безжизненный и холодный мрак. Ей уже приходилось видеть полный комплект пластинчатой брони – отец как-то возил их с Мироном на рыцарский турнир в столицу, да и в Эйлсбери нередко можно было встретить закованных в тяжелые доспехи воинов. Но любой из них показался бы тщедушным карликом по сравнению со стальной громадиной, будто бы склонившейся над Амалией. Массивные наплечники и кираса выдержали бы любой удар, но даже сильный и рослый мужчина едва ли смог бы двигаться в этой броне – настолько тяжелой она казалась. Впрочем, владелец страшного черного доспеха не был человеком. Или перестал быть им давным-давно.

Коннери сидел спиной к Амалии и, судя по негромкому скрипу пера, что-то писал. Без своего плаща и куртки он перестал напоминать косматого черного медведя, но все равно оставался огромным и страшным. Даже свободный крой рубахи из грубой бесцветной ткани не скрывал бугры мышц на могучей спине. Плечи чуть ли не вдвое шире спинки кресла. Седые волосы, по цвету похожие на волчью шерсть, убраны в хвост. Темный маг явно был увлечен своей работой – даже не пошевелился, когда Амалия задергалась и забилась на самый дальний край кровати. Его кровати. И комната – тоже его, иначе и быть не может. Кто

еще будет собирать в темной и пыльной берлоге все эти уродливые железки? И еще какие-то шкафы с книгами, сундуки, бочки… Одно узкое окно, две двери – и больше ничего. Даже освещалось это не такое уж и маленькое помещение только камином и простой свечкой на столе, хотя маг силы Коннери без труда мог бы зажечь и волшебный огонь.

– Будешь кофе?

От неожиданности Амалия чуть не подпрыгнула. Голос Коннери, похожий на далекую каменную лавину, звучал совсем негромко, но все равно от него по телу пробежала крупная дрожь. Странное и пугающее ощущение появилось где-то в груди и прокатилось до самых кончиков пальцев ног. Амалия тихонько выдохнула и зарылась поглубже в подушки. Кофе?.. Нет уж, лучше промолчать, притвориться спящей…

– Ты не спишь, – усмехнулся Коннери. – Уже несколько минут. Тебе страшно. На балу ты пила бренди.

Темный маг так и сидел к Амалии спиной. Он что, опять мысли читает?! Нет, едва ли. В прошлый раз это было похоже на ледяную руку, которая бесцеремонно копалась в сознании, а сейчас – ничего. Если не считать того, что само пребывание в одном помещении с Коннери было сомнительным удовольствием.

– Мне не нужно лезть к тебе в голову. – Коннери так и не обернулся. – От тебя до сих пор за милю несет. Пожалуй, я даже угадаю сорт. «Драконий эль»?

– До сих пор? – пробормотала Амалия. – Я… я давно здесь?

– Несколько часов. Сейчас уже ночь. Может, расскажешь мне, сколько ты выпила перед тем, как попыталась прикончить студентов? Если бы не Эл, Уранию Клиффорд уже отправили бы папочке. Возможно, по частям.

Амалия тихо застонала, вспоминая прошедший вечер. Алекса, Агнешку с флягой, потом танцы, потом Уранию, а потом… это. Неужели… неужели она действительно хотела убить Уранию? Нет, она не могла! Она хорошая девочка, она всегда слушалась родителей, она всегда вела себя, как положено настоящей леди… В глазах снова защипало, и Амалия поспешила натянуть одеяло на лицо.

– С тобой такое раньше происходило?

Молчать, ничего не говорить. Амалия сжималась в клубок, стараясь полностью исчезнуть, спрятаться под теплым мехом. Она подвела отца. Подвела всю свою семью! Ей придется вернуться в Эйлсбери и всю оставшуюся жизнь просидеть под замком. Ну и пусть – ведь она же чудовище, монстр! Если ее запереть, всем будет только лучше! И ей даже не дадут попрощаться с Ливи. И с Алексом. Дни будут идти, скоро они уже забудут ее. Потом Ливи

закончит Академию и выйдет замуж… Алекс тоже женится, потом у него родятся дети, а Амалия так и будет сидеть в своей комнате, пока не состарится и не умрет!

Хотелось не просто плакать – выть. Выть и скрести ногтями жесткое ложе Коннери.

– Первый бал, – задумчиво произнес Коннери. – Первый глоток бренди. Наверное, еще какой-нибудь юноша со смазливой мордашкой… В общем, неудивительно. Так ты будешь кофе?

– Оставьте меня в покое! – закричала Амалия. – Уходите!

– Куда? – Коннери, судя по звукам, поднялся со стула и шагнул в дальний угол комнаты. – Я вообще-то здесь живу.

– Тогда уйду я!!!

Амалия вскочила с кровати… и тут же с визгом прыгнула обратно.

От ее чудесного платья почти ничего не осталось. Юбка больше напоминала лохмотья, корсет лопнул, а на груди ткань оказалась будто бы прожжена в нескольких местах. Прожжена изнутри. Амалия с ревом куталась в одеяло, забираясь под него с головой. Вот только у одеял не бывает застежек. Коннери притащил ее сюда почти раздетую, положил в свою постель и укрыл своим плащом!

– Похоже, ты все-таки никуда не собираешься, – усмехнулся он. – Тебе добавить в кофе… нет, лучше не стоит. С твоим темпераментом это небезопасно.

– Мне ничего от вас не надо! – прошипела Амалия, остервенело наматывая на себя черный мех.

– Сильно ошибаешься. – Коннери подошел вплотную к кровати. – Сейчас я задам тебе несколько вопросов, и от того, как ты на них ответишь, будет зависеть твое будущее.

Он все еще говорил негромко, но в голосе прорезалась сталь. Амалия представила, как он одной рукой вытаскивает ее из-под плаща, и, смирившись с неизбежным, высунула наружу кончик носа.

– Славно. – Коннери кивнул и протянул ей кружку с дымящимся напитком. – Итак, мой первый вопрос. Такое уже случалось раньше?

– Раньше… было, – всхлипнула Амалия, – но не так сильно. Иногда гасли свечи, животные разбегались… билась посуда. Но я знала. Знала…

– Знала? – Коннери развернул стул и сел напротив. – Тебе рассказывали?

– Что… что мне должны были рассказывать?

– Значит, не рассказывали, – задумчиво протянул Коннери, откидываясь на спинку стула. – Хорошо. Второй вопрос: почему

ты меня боишься?

– Я вас не боюсь!

– Врешь.

Коннери не возражал – информировал. Более того, ему уже наверняка были известны ответы на все вопросы, которые он зачем-то все же задавал. Видимо, ему просто нравилось мучить беззащитную пленницу.

– Вы чудовище. – Амалия собрала все свое мужество, подняла голову и посмотрела темному магу прямо в глаза. – Жуткое, омерзительное чудовище. Вы не должны жить.

– Умеешь видеть ауру. – Коннери пропустил оскорбление мимо ушей. – Что ж, тем лучше. Тогда ты можешь представить, на что будет похожа твоя собственная… через десяток-другой лет.

– Нет, – прошептала Амалия, но тут же сорвалась на крик: – Я никогда не стану такой же, как вы!!!

Железная кружка, расплескивая кофе, с грохотом ударилась об пол в паре футов от ног Коннери, но тот даже не шелохнулся.

– Злишься, – ухмыльнулся он, обнажая два ряда крепких широких зубов. – Прекрасно. Злость нужна… иногда. Я научу пользоваться ею правильно.

– Никогда! Слышите, никогда…

– Никогда – это слишком долго. – Коннери развернулся к ней спиной и снова склонился над пергаментом. – А мы никуда не торопимся. Ступай. На сундуке у двери лежит одежда. Оставь себе, мне она все равно не по размеру. Хочешь идти через всю Академию голышом – дело твое.

Амалия так и сидела на кровати, завернувшись в его плащ, пока не затекли ноги. Коннери погрузился в работу – писал, макая перо в чернильницу, и совершенно не обращал на нее внимания. Проклиная себя, Амалия все-таки спустилась с кровати – босая, туфли куда-то пропали, – схватила с сундука сверток с одеждой и выскользнула за дверь. На лестнице было безумно холодно – так, что зубы стучали, но сам Дьявол не заставил бы Амалию переодеваться в присутствии Коннери. В свертке оказались полусапожки из светлой кожи – легкие, мягкие, почти без каблука, свободные штаны из плотной ткани с кожаными наколенниками и легкая, но теплая куртка, украшенная металлическими вставками. Подумав, Амалия все-таки надела и широкий пояс с массивной пряжкой. Странная одежда – скорее мужского кроя, но сидела как влитая.

Будто бы на нее, Амалию, и шилась.

Снова накрыло ее уже на лестнице. Желание убраться подальше от Коннери заставляло дышать и даже двигаться, но уже через пару пролетов силы закончились. Амалия опустилась

на ступеньки и уперлась лбом в стену. Холод камня тут же пробрал до костей, выбивая из измученного тела дрожь, но ей было уже все равно. Даже плакать больше не получалось. Хотелось остаться на этой темной лестнице. И замерзнуть. Она не вернется в комнату двадцать четыре. Она – темный маг, чудовище, такое же, как и Кровопийца Коннери, ей не место рядом с обычными людьми. И даже добродушная Берта из «Верескового меда» захлопнет перед ней дверь… или, что еще хуже, будет смотреть так же, как многие годы назад смотрела на другого монстра. Пожалуй, Коннери был бы единственным, кто не прогнал бы Амалию. Смешно.

– Вы в порядке, госпожа Хэмптон?

Торвальдсен появился на лестнице незаметно. Во всяком случае, Амалия не слышала, как он поднимался по ступенькам. Над правым плечом ректора переливался магический огонек, мигом наполнивший узкий пролет мягким голубоватым свечением.

– Не советую сидеть на холодном, юная леди, – Торвальдсен улыбнулся, – ваш отец не простит мне, если вы заболеете.

– Какая разница? – устало выдохнула Амалия. – Вы ведь все равно отправите меня домой.

– Как знать. – Торвальдсен пожал плечами. – Конечно, на моей памяти всего несколько балов – а я видел их немало – заканчивались побоищем… но на этот раз хотя бы все живы.

– Я чудовище. – Амалия подняла голову. – Уродка. Как вы можете вот так говорить со мной? Лучше бы заперли.

– Позвольте с вами не согласиться, госпожа Хэмптон. Более того, я даже осмелюсь сказать, что вы в высшей степени привлекательная молодая особа. – Торвальдсен протянул руку – живую, не металлическую. – Прошу вас. Составите старику компанию?

Амалия слабо улыбнулась. Несмотря на четырехсотлетний возраст, на старика Торвальдсен походил мало. Он с легкостью поднял ее со ступенек и аккуратно взял под локоть.

– Осторожнее, госпожа Хэмптон… Знаете, иногда мне не спится по ночам. Хочется немного пройтись. Это едва ли уместно – распорядок есть распорядок, – но все же я рад вашему обществу…

Не спится? Амалия покачала головой. Вряд ли Торвальдсен специально караулил ее у берлоги Коннери, но он уж точно оказался здесь не случайно. Для разговора?

– Вы не чудовище, госпожа Хэмптон, – продолжил ректор. – Кто вообще сказал вам подобную глупость?

– Профессор Коннери сказал, что я стану такой же, как он.

– Профессор Коннери мудрый человек. Но он ошибается. – Торвальдсен рассмеялся. – Во всяком случае, я еще ни разу не видел, чтобы юные девушки превращались в двухсотлетних седобородых ворчунов.

– Вы знаете, о чем я! – воскликнула Амалия. – Я темный маг? Вы же видите мою ауру!

– Вижу. – Торвальдсен кивнул, даже не посмотрев в ее сторону. – Прекрасно вижу.

– И что там? – Амалия остановилась и требовательно ухватила ректора за рукав камзола. – Скажите, прошу вас. Я должна это знать.

– Неопределенность. Туман, – ответил Торвальдсен. – Называйте как хотите. Вы не такая, как остальные студенты. Впрочем, то же самое можно сказать про любого. Включая профессоров и даже тех, кто не обладает Даром.

– Значит, я смогу быть нормальной? – умоляюще прошептала Амалия. – И вы меня не отчислите?

– Забавно слышать, – губы Торвальдсена дрогнули в едва заметной улыбке. – Четверть часа назад профессор Коннери сказал вам что-то не самое приятное. И вы сбежали от него. Не позволили решать за вас – и это прекрасно! Так почему же сейчас вы хотите, чтобы за вас решал я? Быть нормальной или не быть – это ваш, и только ваш выбор, госпожа Хэмптон.

Амалия из всех сил вцепилась в руку Торвальдсена. Ему – древнему Высшему магу – легко говорить! Но что простая девушка может противопоставить воле чудовища? Нет, самой ей не справиться. Ну почему ректор не хочет помочь? Ему ведь ничего не стоит приструнить Коннери! Наверное…

– Что касается отчисления, – продолжил Торвальдсен, – оно вам пока не грозит. Но – поймите меня правильно – я не могу закрывать глаза на подобные поступки студентов. И вы, и госпожа Клиффорд понесете заслуженное наказание. Профессору Кроу как раз нужна помощь. Думаю, два часа дополнительных работ после ужина до конца следующей недели остудят ваш пыл.

– Разумеется, сэр! – радостно воскликнула Амалия. – Я сделаю все, что вы скажете.

– Советую не разбрасываться подобными обещаниями. – Торвальдсен рассмеялся и зажег на металлической ладони крохотный огненный шарик. – Возьмите, госпожа Хэмптон. Я еще вызову вас, когда придет время. Нравится вам это или нет, но вы уже стали участницей довольно неприятных событий.

Огонек перекатился на ладонь Амалии. Он светился ярко, но совершенно не обжигал кожу – лишь источал мягкое и приятное тепло. Амалия аккуратно обхватила его, чтобы хоть немного

согреть замерзшие пальцы.

– Кристалл, да? – осторожно поинтересовалась она. – Все дело в этом?

– И в этом тоже, госпожа Хэмптон. – Торвальдсен на мгновение задумался. – Боюсь, все куда сложнее. Но вам не следует забивать этим голову. Отправляйтесь в свою комнату.

К Ливи и Агнешке?

– Они меня не примут. – Амалия опустила голову. – После того, что я натворила…

– Позвольте вашим соседкам решить все самим. – Торвальдсен открыл перед Амалией дверь. – У вас и без этого хватает проблем. Ступайте.

* * *

– Отец Всемогущий, где ты пропадала?

Похоже, Ливи так и не смогла уснуть. Она села в кровати, как только Амалия тихонько притворила за собой дверь. Было темно. И хорошо – не придется смотреть в глаза соседкам. Хотя бы до утра.

– Спи, Ливи, – прошептала Амалия. – Завтра рано вставать.

Одежду, подаренную Коннери, она бросила прямо на пол и кое-как на ощупь забралась под одеяло. Но сон не приходил. Беседа с Торвальдсеном успокоила Амалию, но ненадолго. Соседки все равно ее выгонят. Даже великодушная Ливи не захочет жить под одной крышей с тем, что притаилось у Амалии глубоко внутри. Как жаль, что от этого нельзя избавиться, нельзя выцарапать, вырвать из себя этот уродливый Дар! Уж лучше бы она родилась обычной девочкой, осталась в Эйлсбери, вышла замуж за сына какого-нибудь графа или даже торговца…

Что-то внизу едва слышно затопало, а потом запрыгнуло на кровать, прошлось крохотными лапками по животу и с тихим мурчанием устроилось на груди, выпуская маленькие, но уже острые коготки.

– Уходи, – всхлипнула Амалия. – Уходи, маленький. Тебе нельзя со мной оставаться. Я очень плохая.

Котенок, не переставая мурчать, вытянул вперед мордочку и доверчиво коснулся лица Амалии, а потом принялся слизывать с него соленые слезы.

– Может, все-таки расскажешь, что с тобой случилось? – Ливи опустилась на краешек кровати. – Ты в порядке?

Амалия не ответила и только зарылась поглубже в теплое одеяло. Котенок сердито фыркнул и отправился исследовать

разбросанные по полу вещи.

– Послушай… – Ливи аккуратно пригладила растрепанные волосы Амалии. – Я знаю, что с тобой случилось. Это твой Дар. Я сначала испугалась, но потом Торвальдсен все нам объяснил. Такое иногда случается… не со всеми, но случается, просто…

– Просто я чудовище, – прошипела Амалия. – Такая же, как…

– Проклятье, вы дадите мне поспать?

Агнешка заворочалась на своей кровати и одним щелчком пальцев зажгла сразу две свечки. Сразу после рыжей гривы из-под одеяла показалась ее заспанная физиономия, тут же недовольно уставившаяся на Амалию.

– Похоже, наша соседка решила, что мы теперь будем обходить ее стороной, – улыбнулась Ливи. – Интересно, с чего бы это?

– Ты издеваешься, герцогиня. – Агнешка перевернулась на бок и потянулась. – Малютка Ами как следует поправила лицо этой курве Клиффорд. Отец Всемогущий, да это лучший день в моей жизни.

– Значит, ты… – смущенно пробормотала Амалия, – ты меня не ненавидишь?

– Только твои дурацкие платья. – Агнешка рассмеялась и сбросила ноги на пол. – И воронье гнездо на голове. Но в остальном ты просто очаровательна.

– Прекрати, – прыснула Ливи. – Давай-ка лучше как следует обнимем наше крохотное чудовище и ляжем наконец спать.

* * *

– Проклятье, – простонала Амалия, в очередной раз с трудом избежав падения лицом в тарелку, – и кто придумал начинать занятия в такую рань?

Завтрак они, разумеется, проспали. На первую лекцию первого учебного года Амалия и Ливи помчались вдвоем. Агнешка так и не вылезла из-под одеяла: бормотала что-то несвязное (Амалия смогла разобрать только многократно повторяющееся «курвамать»), лягалась и даже подожгла занавески, так и не раскрыв глаза. Уже через полчаса они ей позавидовали – занятие по истории само по себе могло усыпить кого угодно, а уж после таких ночных приключений… На протяжении всей лекции Амалия клевала носом, прерываясь, только чтобы позавидовать Ливи. Маркиза Саффолк даже засыпала в высшей степени аристократично: с прямой спиной и широко открытыми глазами. Впрочем, древнему, как стены

Академии, профессору Олбани не было никакого дела до сонных студентов. Он продолжал бы монотонно бубнить, даже если бы в аудитории обрушился потолок. Кое-как отмучившись положенные полтора часа, Амалия и Ливи поплелись в «Вересковый мед», где и встретили свежую и довольную Агнешку.

– Так ты расскажешь, чем все закончилось? – поинтересовалась та, бесцеремонно усаживаясь между ними. – Ты просто нарасхват, крошка. Алекс, потом Бард, а теперь даже сам Грегор Коннери не устоял перед чарами юной леди Фалмут.

– Прекрати! – сердито ответила Амалия. – Мне назначили наказание.

– Мало не покажется. – Рот Агнешки растянулся до ушей. – Торвальдсен знает толк в порке нерадивых студенток.

– Не исключено. – Ливи покачала головой. – Но, боюсь, все куда хуже. Неделя дополнительных занятий с профессором Кроу. И, судя по всему, визит в кабинет ректора сегодня после ужина.

Она уже была в курсе – за два часа тоскливого бормотания профессора Олбани Амалия успела рассказать ей все, что могла.

– Он тебя точно отшлепает, – авторитетно заявила Агнешка. – Впрочем, почему бы и нет? Папочка Эл уже не так хорош, как был лет этак двести назад, но все еще ничего. Я бы, пожалуй…

– Отец Всемогущий, Агнешка, ты можешь говорить о чем-то другом? – простонала Амалия, обхватив руками голову. – Ты вообще о любом мужчине думаешь… только в этом качестве?

– Ну… да, – Агнешка пожала плечами, – а для чего они тогда вообще нужны?

– И даже Коннери? – полюбопытствовала Ливи.

– Коннери? Хмм… – Агнешка на мгновение задумалась. – Знаете, а в старикане тоже что-то есть. Я пару раз видела его на тренировках – отменная мускулатура. И как двигается! Если бы его еще и постричь…

– Неисправима, – заключила Ливи, закрывая лицо рукой. – Абсолютно.

Амалия понимающе хмыкнула и снова уткнулась в тарелку, пытаясь хоть как-то компенсировать себе пропущенный завтрак. Как и вчера ночью, Берта не взяла с нее ни медяка, хотя даже и виду не подала, что они уже знакомы, – только незаметно добавила к порции овощного супа кусочек вареной телятины. Видимо, у воспитанников профессора Коннери всегда был поистине волчий аппетит.

– После обеда у меня де Вилья, черт бы побрал его вместе с оккультными науками, – пробурчала Агнешка. – А у вас, кажется, Селина. Природная магия и все такое.

– Надеюсь, не такая же скукотища, как история, – вздохнула

Амалия. – У Олбани я чуть не заснула.

– Не советую спать в лесу. – Агнешка покачала головой. – А именно туда вас и поведет дриада. Я тут кое-что разузнала про Уранию Клиффорд. Эта курва схлопотала пять вечеров в библиотеке у Крамера. Я бы за такое убила. Так что – берегись, Ами.

– Дриада? – переспросила Ливи. – Селина настоящая дриада?

– Не буду портить сюрприз. – Агнешка хитро подмигнула. – И на вашем месте я бы думала не о самом уроке, а о том, как его пережить. Урания готовится объявить войну, и на этот раз меня не будет рядом.

– И что она нам сделает? – фыркнула Амалия. – Запугает до смерти своим папочкой?

– И это тоже, – Агнешка кивнула. – Ее отец герцог, так что вокруг Урании уже собираются те, кто готов лизать ей задницу в надежде добиться особой милости после окончания Академии. Подозреваю, что они постараются обеспечить нам веселую жизнь. А если ты отделаешь кого-нибудь из них, Торвальдсен точно тебя вышибет.

– Прелестно, – вздохнула Амалия, – только этого мне сейчас и не хватало.

Глава 7

Дриада. Самая настоящая. Даже кожа у нее совсем… не такая. Будто бы там, под ней, течет древесный сок, а вовсе не человеческая кровь. Амалия все время пыталась забежать хотя бы немного вперед, чтобы получше разглядеть невысокую темноволосую девушку, уводившую первокурсников все дальше и дальше от стен Академии. В лес. Селина – вот так, просто. Селина – без фамилии, без неизменного «профессор». Даже одета она была совсем неподобающе своему статусу – короткое темно-серое платье, простенькие деревянные бусы, мягкие сапожки на тонкой подошве – и все, ничего больше. До ушей Амалии донеслись перешептывания, раздававшиеся где-то за спиной. Она узнала голос Урании – та сердито бормотала что-то вроде «оборванка», «неряха» и «как ректор Торвальдсен допустил…».

– Спрашивай, – негромко произнесла Селина, чуть повернув голову к Амалии.

– Что спрашивать?

– Я же вижу, что тебе интересно. – Селина улыбнулась. – Не нужно стесняться. Я здесь для того, чтобы отвечать на вопросы.

– Вы и правда дриада, – Амалия проклинала себя за бестактность, но любопытство было сильнее, – госпожа Селина?

– Я не дриада, – рассмеялась та. – И я не госпожа. Называй меня просто Селина. Я отказалась от всех титулов и имени моей семьи так давно, что уже и не помню их.

Смех Селины напоминал перезвон крохотных серебряных колокольчиков. Так смеются только дети или совсем молодые женщины, но из темно-зеленых глаз юной, едва ли старше ее самой, девушки на Амалию смотрела вечность.

– Теперь ты поняла, – снова улыбнулась Селина.

Даже улыбка у нее была не совсем человеческая. Мудрая, но вместе с тем какая-то бесцветная – в ней уже не осталось чего-то, что Селина когда-то обменяла на свое необычное могущество.

– Дриады, как и другие представители волшебного народа фейри, исчезли давным-давно, – проговорила она, – если они вообще существовали на самом деле. Такие, как я, полностью отдают себя земле и Лесу. Лес забирает все лишнее.

Амалия кивнула. Истинное Зрение не могло обманывать. Ауры первокурсников мерцали всеми цветами радуги – у кого-то ярче, у кого-то тусклее, но Селина полностью сливалась с окружавшим ее лесом, будто бы и сама была его частью, – такой же, как травы и деревья. Что за обряд может сделать такое с обычным магом? И какова цена, которую заплатила Селина, –

может быть, целую тысячу лет назад?

Они отошли уже почти на милю от Академии, и серые стены давно потерялись в буйстве зелени – только Дозорная Башня возвышалась над лесом, не давая окончательно заблудиться.

– Блаженная дурочка, – едва слышно прошипела Урания, в очередной раз запнувшись о какую-то корягу. – И что мы здесь забыли?

Амалия улыбнулась, с искренним удовольствием разглядывая, как расфуфыренная красотка тащится по узкой тропе, явно не рассчитанной на то, чтобы по ней ходили на таких высоченных каблуках. Но, к глубочайшему сожалению, мучения Урании продлились недолго.

– Здесь, – произнесла Селина, сходя с дороги. – Вот хорошее место.

– Для того чтобы переломать себе все ноги? – проворчала Урания. – И почему мы вообще должны тащиться в такую даль? Я думала, нас будут обучать в аудитории!

– Непросто услышать землю за каменными стенами, – серьезно ответила Селина. – Прошу вас, устраивайтесь поудобнее.

Первокурсники постелили плащи прямо на мягкий мох и расселись вокруг Селины полукругом. Амалия заняла место рядом с Ливи и – на всякий случай – подальше от Урании. Судя по недобрым взглядам и перешептываниям, армия противника планировала взять реванш за вчерашнее. Вокруг Урании собралось уже несколько девушек и юношей, а сама Амалия могла рассчитывать только на Ливи. И, может быть, Дерека, хотя от него едва ли будет много толку.

– Магию природы нередко связывают с магией земной стихии, – начала Селина, набирая в горсть мха, песка и крохотных веточек. – Но это верно лишь отчасти. Сильный стихийный маг – например ректор Торвальдсен – может воззвать даже к мертвому камню. Скалы, песок, сухая земля – все это подошло бы ему для колдовства. Но природная магия возможна только там, где в земле присутствует жизнь. Именно она является источником Силы для друидов, некоторых ведуний и таких, как я. Далеко не все из вас смогут постичь Лес и достучаться до его души, но с простейшими заклинаниями справится любой маг. А в месте, подобном этому, даже малые задатки природного мага возрастут многократно.

Селина раскрыла ладонь, на которой из горсточки земли и песка появился крохотный зеленый росток. Студенты восхищенно зашептали, наблюдая, как побег стремится вверх и протягивает едва заметные листики к солнцу, пробивающемуся сквозь высокие деревья. Селина осторожно опустила росток на землю и на

прощание легонько погладила его кончиками пальцев.

– Через несколько десятков лет будет большое дерево. – Селина мягко улыбнулась. – Я не случайно привела вас сюда. Ринвуд, Звенящий Лес – так назывались эти места задолго до того, как здесь построили замок. Послушайте.

Амалия выдохнула и прикрыла глаза. Истинное Зрение помогло лишь отчасти – она видела потоки Силы, пронизывающие Лес, восходящие от земли к вершинам деревьев, но это была чужая, непонятная Сила. Ее нельзя было взять так просто – для этого требовалось что-то, выходящее за границы возможностей обычного мага… или все-таки нет? А если попробовать по-другому? Именно так, как советовала Селина – слушать. Просто слушать, выкинув из головы все лишнее. Минуту… Две…

Тоненький, едва слышный звук пробился сквозь шум ветра в кронах деревьев. Сначала Амалия приняла его за писк или далекое пение птицы, но этот голос не мог принадлежать живому существу. Хотя – разве Звенящий Лес не был живым? Его голос постепенно разрастался, превращаясь в прерывистый голос сотен, тысяч самых разных колокольчиков. Незнакомая Сила осторожно касалась Амалии, словно спрашивая – вот так? Хорошо? Тебе нравится?

– Да, – прошептала Амалия, раскрываясь навстречу.

Она еще никогда не чувствовала себя так хорошо. Лес обволакивал ее, подхватывал и поднимал над землей. На мгновение Амалия увидела себя и всех остальных откуда-то сверху. Наверное, глазами птицы или какого-нибудь мелкого животного.

– Не стоит увлекаться. Пока не стоит.

Амалия распахнула глаза. Селина смотрела прямо на нее, но губы дриады не шевелились. Не стоит увлекаться? Пожалуй. А что будет, если не отпускать это ощущение? Если позволить своей Силе полностью раствориться в Силе Леса?

– Узнаешь, когда придет время. Этот путь – не для каждого, – одними глазами ответила Селина и продолжила уже вслух: – Похоже, у вас получилось. У некоторых, во всяком случае.

– У меня получилось, – радостно сообщала Ливи. – Похоже на колокольчики, да?

Некоторые студенты закивали, но почти половина лишь недовольно заворчала. Больше всего разочарования доносилось со стороны Урании и ее банды. Похоже, вынашивание планов мести не слишком-то помогало услышать Лес.

– Что ж, попробуем немного практики, – снова заговорила Селина. – Не следует забывать, что магия природы – это не только

управление Силой. Немалого результата можно добиться, зная одни лишь свойства растений. Думаю, кто-то из вас уже знаком с лекарственными травами, которые можно найти в этой части Ритании. Даю вам полчаса: сорвите растение и принесите его ко мне. Одного для каждого будет достаточно, но постарайтесь вспомнить что-нибудь особенное. – Селина улыбнулась. – В прошлом году студенты оборвали весь болотный кисляк на полмили вокруг.

– Ну вот, а я только про него подумала, – вздохнула Ливи. – Мама рассказывала, что кисляк сбивает жар даже при сильной лихорадке… ты знаешь еще какие-нибудь травки?

– Дубовые листья. Серый разиль. Голубой горноцвет. – Амалия пожала плечами. – Нянюшка Энн говорила, что он помогает от головной боли. Не знаю, так ли это на самом деле.

– Ну, даже если ты ошибешься, за такое уж точно не отчислят, – рассудила Ливи. – Пойдем искать твой горноцвет.

* * *

Мутная болотная вода оказалась неожиданно холодной. Амалия выбросила только что сорванный росток горноцвета и попыталась подобрать под платья. Бесполезно – он уже весь был перепачкан зловонной тиной. Правая нога сразу ушла в трясину почти по колено, и любая попытка выбраться лишь затягивала Амалию глубже.

– Свинья в грязи. – Урания довольно ухмыльнулась. – Там, где ей и положено. Достойная дочь своего юродивого папочки.

Амалия рванулась вперед, но лишь застряла сильнее – теперь и левая нога оказалась словно зажатой в тиски между двумя кочками, заросшими длинной и острой травой. Рядом с Уранией стояла невысокая смуглая девушка с волосами, заплетенными в две длинные черные косы, а за их спинами возвышались двое крупных парней. Судя по тому, как ныло плечо, толкнули Амалию явно не женской рукой. И надо же было забраться так далеко в лес… Амалия с тоской осмотрелась по сторонам – не мелькнет ли среди деревьев платье Ливи? Или Дерек… Да хоть кто-нибудь?!

– Даже не думай, хрюшка, – рассмеялась Урания. – Ты здесь совсем одна. Будешь кричать, звать на помощь? Или снова попробуешь что-нибудь из твоих ведьмовских штучек?

– Ну уж нет, – процедила Амалия сквозь зубы. – Не дождешься!

Сила, вспыхнувшая на балу темным цветком, сейчас только слабенько трепетала на кончиках пальцев. Наверное, Амалии

нужно просто посильнее разозлиться… Но разозлиться не получалось. Вместо этого пришел страх – если она снова сорвется, ее точно выгонят! Конечно, можно завопить на весь лес, звать Ливи, Дерека или саму Селину… и предстать перед всем курсом застрявшей в болоте, зареванной и перепачканной тиной. Урания и ее дружки, разумеется, успеют удрать и на любые обвинения будут лишь крутить пальцем у виска, потешаясь над чокнутой, которая зачем-то полезла за горноцветом в самую топь.

– А так тебе нравится?! – Урания подобрала с земли тяжелую палку. – Лови, грязнуля!

Амалия едва успела дернуться в сторону, чуть не рухнув прямо в вязкую болотную жижу. Деревяшка лишь оцарапала щеку и плюхнулась в воду где-то за спиной. Похоже, Урания собралась искупать Амалию целиком – она уже тянулась за следующей палкой.

– Прекратите.

Дерек появился из-за деревьев незаметно. Такой же бледный, нескладный и сутулый, как обычно. Длинные немытые волосы все так же лезли в глаза, а темная потертая одежда все так же висела на острых и худых плечах. Только голос поменялся.

– Прекратите, – твердо повторил Дерек, – и проваливайте отсюда.

– Или что? – Урания ехидно оскалилась. – Побежишь к дриаде за помощью?

– Или я отправлю вас всех в болото.

Из-за спины Урании выдвинулись парни в мантиях – оба чуть ли не на голову выше Дерека. И оба они были явно не прочь размять кулаки. Наверное, дети каких-нибудь рыцарей, унаследовавшие Дар от матери. Амалии приходилось слышать о таких – суровые отцы нередко пытались выбить из сыновей «эту волшебную дурь», заставляя мальчишек изучать ратное дело сутки напролет. Маги из них обычно получались слабенькие – сложно научить тонкому искусству того, кто привык полагаться на грубую силу… но это никак не могло помешать здоровенным парням переломать Дереку все кости.

– Беги! – крикнула Амалия. – Позови Селину!

Дерек лишь молча покачал головой и остался стоять на месте – невысокий, тощий и совершенно не похожий на героя. И все же что-то в нем неуловимо изменилось: темные глаза, затравленно бегавшие по сторонам на балу, теперь чуть сощурились, словно оценивая противников. В них больше не было привычного испуга – только насмешка, презрение и какой-то отрешенный интерес. Дерек широко расставил ноги, несколько раз перекатился с пятки на носок и обратно и расслабленно опустил костлявые плечи,

словно не замечая надвигавшихся на него здоровяков. Даже руки за спину убрал.

– Не надо! – выдохнула Амалия. – Глупый…

Она не успела даже понять, что произошло. Первый из дружков Урании сдавленно вскрикнул и завалился на бок, хватаясь руками за промежность. Следующее движение Дерека Амалия хотя бы смогла разглядеть, хоть его руки и мелькали быстрее молнии. Он метнулся навстречу второму противнику и ударил. Без всякой магии, кулаком. Два раза, коротко выдыхая при каждом выпаде. На его лице не проявилось ни тени злобы или ненависти – только хмурая и холодная сосредоточенность, будто бы он забивал гвозди молотком, а не крушил лицо парня чуть ли не вдвое тяжелее себя самого. Лязгнули зубы, и второй товарищ Урании отправился в мох, выплевывая сгустки крови.

– Пошли вон, – произнес Дерек, потирая левой рукой сбитые костяшки.

Повторять не понадобилось. Урания попятилась назад. Вряд ли Дерек стал бы избивать девушек, но от его голоса даже Амалии на мгновение захотелось с головой нырнуть в болото.

– Ты в порядке? – поинтересовался Дерек, аккуратно ступая на кочку. – Решила искупаться?

Чтобы протянуть Амалии руку, ему пришлось повернуться спиной к Урании и ее банде. Впрочем, тем оказалось достаточно и одного урока. Неприятель позорно отступал в лес, глухо бормоча проклятия и обещая непременно расквитаться. Причем один из парней явно шепелявил.

– Ты очень вовремя. – Амалия изо всех сил вцепилась в Дерека и кое-как выдернула ногу из трясины. – Где ты научился так драться?

– Это мне вместо «спасибо»? – улыбнулся тот. – Скажем, у меня было нелегкое детство.

– Спасибо. – Амалия покачала головой. – Если бы ты не появился, я бы сидела в болоте до конца занятия… Отделал громил Урании, как котят!

– У тебя кровь. Дай посмотреть. – Дерек аккуратно прикоснулся к щеке Амалии.

– Просто ссадина…

– Не вертись. Сейчас исправим.

Амалия почувствовала, как кончики пальцев Дерека потеплели. Его Сила мягко струилась, и с каждым ее касанием боль в оцарапанной щеке стихала. Магия не только залечивала кожу, но и будто бы согревала – даже вымокшие насквозь туфли и чулки почти перестали противно холодить ноги. Странное ощущение, но оттого не менее приятное. И откуда только Дерек

такому научился? Да уж, этот тихоня оказался самым настоящим кладезем сюрпризов… Амалия еще раз вспомнила, как легко он расправился с дружками Урании, и с некоторым стыдом призналась себе, что ей это даже понравилось. Конечно, выяснять отношения с помощью кулаков недостойно воспитанного молодого человека, но он же защищал ее и… Черт возьми, это было здорово! Никто и никогда не дрался ради Амалии раньше, и она никогда бы не подумала, что это может вызвать у нее что-то кроме страха или недоумения.

– Вот, теперь все в порядке. – Дерек удовлетворенно улыбнулся и убрал руку. – Никаких следов.

Амалия едва смогла удержаться от того, чтобы не потянуться щекой за ладонью Дерека. Да что же такое творится?!

– Прости, – смущенно пробормотала она, чувствуя, как краска заливает лицо, – я не…

Дерек усмехнулся и снова провел ладонью по ее щеке. Потом аккуратно взял за подбородок и заставил Амалию поднять голову.

– Знаешь, – задумчиво произнес он, – а у тебя красивые глаза.

* * *

– Это война, – решительно произнесла Агнешка. – Противник силен, но мы выстоим. Если эта чертова курва еще хоть раз к тебе подойдет, я поджарю ее тощую задницу до хрустящей корочки.

– Постарайся держаться поближе ко мне. – Ливи покачала головой. – Меня они тронуть не посмеют, иначе Алекс с Робом спустят с них шкуру.

Амалия вздохнула. Хорошо, когда брат рядом. Если бы Мирон был здесь, в Академии… Неужели ей так и придется все пять лет прятаться за спинами соседок? Но что она может без них? Разве что натаскать котенка испортить Урании и ее прихлебательницам все туфли.

Зверек скакал по кровати и сосредоточенно охотился на завязки платья, сохнущего на спинке. Промокла Амалия не так уж сильно – Селина так ничего и не заметила, но болотный запах, похоже, въелся в ткань навечно. Неужели придется выбрасывать? После очередного рывка коготками платье все-таки сползло на пол, и из его складок на одеяло выкатился светящийся шарик, подаренный Торвальдсеном.

– Ничего себе, – удивилась Агнешка. – Что это за штуковина?

– Это…

Договорить Амалия не успела. Шарик проскользнул между лапками котенка, подлетел высоко в воздух и там с негромким

хлопком вспыхнул огоньком. Пламя закружилось по комнате, а потом устремилось к двери и замерло на уровне ручки, призывно вытягиваясь в светящуюся стрелку.

– Похоже, тебя уже ждут, – заметила Ливи. – Держись.

– Берегите тылы, леди Фалмут. – Агнешка легонько шлепнула Амалию чуть пониже спины. – Есть подозрения, что они в опасности.

Сборы заняли совсем немного времени. Влезть в сухое платье, накинуть плащ, обуть туфли – и вперед. Сразу за дверью путевой огонек метнулся к лестнице и полетел вперед, указывая дорогу. Амалии пришлось поспешить, чтобы успеть за ним. Вниз, потом через площадь мимо Старины Боба, потом в узкие переулки, по которым пришлось изрядно попетлять, потом к Дому Четырех Стихий. Здесь огонек полетел медленнее, чтобы Амалия не упустила его среди сновавших туда-сюда студентов и профессоров. Никто не обращал на нее внимания. Похоже, здесь было сложно удивить кого-то первокурсницей, торопливо шагающей за порхающим в воздухе сгустком пламени.

Вверх по широкой белой лестнице, на которой Амалия впервые встретила Коннери (бррр!), в широкие двери, и снова вверх, вверх, вверх… Похоже, кабинет Торвальдсена располагался на самом верхнем этаже Дома Четырех Стихий. Ступеньки все никак не заканчивались, и Амалия уже почти выбилась из сил, когда огонек скользнул в проход справа и замер перед тяжелой дверью из темного дерева.

По обе стороны от двери стояли огромные – в добрые девять футов ростом – фигуры в доспехах. При приближении Амалии гиганты шевельнулись, чуть склонив устрашающих размеров алебарды, но тут же снова вытянулись. Похоже, волшебный огонек был не только проводником, но и пропуском в кабинет. И все же Амалии пришлось собрать все свое мужество, чтобы пройти мимо жутковатых охранников. Уж точно не людей – големов или каких-то других созданий, оживленных магией Торвальдсена. Страшилища!

– А вот и госпожа Хэмптон. Что ж, начнем.

Амалия не сразу смогла разглядеть Торвальдсена. Его кабинет был настолько просторным, что камин и несколько свечей лишь немного разгоняли царивший внутри полумрак. Почти половину пространства кабинета занимали книжные полки, шкафы и сооружения, о назначении которых Амалия могла только гадать. Все три окна были наглухо закрыты шторами из какого-то плотного и явно тяжелого материала. Кроме того, на них были еще и какие-то чары. Амалия почувствовала, как за ее спиной клубятся потоки Силы, запирая дверь чем-то куда более

мощным, чем щелкнувший в тишине замок. Торвальдсен опасается, что их могут подслушать? Неужели все настолько серьезно?

– Боюсь, что да. – Ректору не понадобилось лезть Амалии в голову, чтобы ответить на незаданный вопрос.

Он сидел за массивным широким столом из того же темного дерева, что и двери кабинета. Прямо перед ним на кресле сидело еще два человека – уже знакомая Амалии Кет и высокий худощавый мужчина с тонкими длинными усами и козлиной бородкой. Коннери подпирал одну из книжных полок и мало чем отличался от стальных чудищ на входе. Только одежда – неизменный черный плащ и ремни – выдавали в нем живого человека, а не статую. Впрочем, для статуи поза темного мага была слишком напряженной – руки сложены на груди, а голова задумчиво наклонена вниз, словно Коннери с интересом изучал носки собственных сапог. Справа от стола ректора, как раз между Коннери и Кет, стояло еще одно кресло, в котором восседала завернутая в цветастую шаль…

Старуха. Не почтенная пожилая леди, а именно старуха – иного слова при всем желании нельзя было подобрать. Древняя и морщинистая, словно на ее лице и руках было вдвое больше кожи, чем требовалось давно усохшему телу. Но внешняя немощность оказалось обманчивой. Аура старухи светилась и вполовину не так ярко, как у Торвальдсена, но все же от нее неуловимо веяло чем-то могучим. И очень-очень старым. Совсем не таким, как обжигающее черное пламя Коннери, но тоже опасным и недобрым.

– Любая мера предосторожности не окажется лишней, – продолжил Торвальдсен. – Именно поэтому я не стал звать всех профессоров.

– Вы боитесь предательства, ректор? – прокаркала старуха в кресле. – Думаете, здесь замешан кто-то из своих?

– Нельзя исключать и такое. – Торвальдсен покачал головой. – Так изящно и быстро обойти защиту Дозорной Башни под силу далеко не каждому магу. Из здесь присутствующих к Кристаллу могло бы подобраться трое. И, пожалуй, только я смог бы сделать это бесшумно.

– В таком случае я не понимаю, что здесь делает эта… – мужчина с козлиной бородкой скривился, – юная леди. Вы не доверяете вашим профессорам, Торвальдсен, но доверяете какой-то девчонке с сомнительной аурой?

Взгляд темно-карих глаз козлобородого будто бы ощупал Амалию с головы до ног, бесцеремонно задержавшись чуть пониже шеи. Липкий и тягучий, после него почему-то сразу

захотелось помыться. И аура у него была под стать – блеклая, невыразительная, с неприятным мутно-зеленым оттенком, хотя магом козлобородый был явно не самым слабым. Несмотря на шикарный черный с золотом камзол и правильные черты чуть смуглого лица, впечатление мужчина производил неприятное.

– Госпожа Хэмптон уже замешана в этой истории, – хмуро отозвался Торвальдсен, – нравится вам это или нет, господин де Вилья. Она сама едва ли счастлива находиться здесь, но мы не можем рисковать.

– Просто совпадение, – проворчал де Вилья, раздраженно хлопнув по подлокотникам кресла. – Мы только зря теряем время.

– Может быть, – кивнул Торвальдсен, – но нельзя исключать…

– Удивительное дело, – бесцеремонно встряла старуха. – Я не удивлена, что сеньор де Вилья видит здесь лишь совпадения. Он – да простит меня юная леди Амалия – всегда был непроходимым болваном. Но ты, Элвин! Ты не можешь не знать – в таких вещах совпадения случаются крайне редко. Девочка оказалась в Башне не просто так.

Ничего себе! Кто же эта странная старуха, раз она позволяет себе говорить такое самому ректору… и открыто ругать профессора де Вилью?

– Я согласна с мадам Мерсье, – подала голос до этого молчавшая Кет. – Кому-то было нужно, чтобы девочка и Бард… простите, господин Уилсон, оказались в Башне в то самое время, как Кристалл разбился.

– Но зачем кому-то было его разбивать? – робко поинтересовалась Амалия, когда Кет замолкла. – Неужели он настолько важен?

– Юная леди задала очень хороший вопрос. – Торвальдсен указал на Амалию рукой. – Очень правильный, я бы сказал. Но перед тем как ответить на него, я бы хотел напомнить, что вообще представлял из себя Кристалл Академии Ринвуд. В первую очередь – это мощнейший накопитель магии. Он подзаряжается от магов, находящихся на сезонном или суточном пике Силы, и подпитывает тех, кто в этом нуждается.

– Лучше рассчитывать на собственные способности, а не на огромную стекляшку, – проворчал Коннери. – Лично я и мои ученики прекрасно сможем обходиться и без Кристалла.

– И не только вы, мой друг, – охотно согласился Торвальдсен. – Академия Ринвуд уже не одну сотню лет собирает в этих стенах только лучших. Подпитка Силой может оказать студентам незначительную помощь, но большинство даже не заметит никаких перемен.

– И именно поэтому таинственный злоумышленник едва ли

планировал лишить нас сил. – Кет поправила волосы. – И вряд ли он хотел ослабить нашу защиту.

– Именно так, госпожа Кроу. – Торвальдсен негромко постучал по столешнице металлическими пальцами. – Конечно, Кристалл усиливал защитные чары Академии, но только безумец отважится попытаться взять замок Ринвуд штурмом – даже сейчас. Два Высших мага… и профессор Коннери, разумеется, – для этого потребовалась бы целая армия.

– Или несколько Высших магов, – вздохнула Кет. – Трое не справятся. Четверо – возможно. Против пятерых нам, скорее всего, не выстоять. – Она повернулась к Коннери: – Или цена победы окажется слишком велика.

Амалия переступила с ноги на ногу. Значит, Кет и есть тот самый профессор Кроу, у которого ей предстоит проходить дополнительные занятия, назначенные в качестве наказания. Она наверняка сможет рассказать немало интересного!

– Альварес. – Коннери пригладил бороду. – Ам-Хашем. Лакруа. Китецу…

– Стрелковский из Московии… – напомнила Кроу, когда Коннери на мгновение задумался.

– И Стрелковский, – кивнул тот. – Высшие. Причем разве что вместе взятые. Бессмыслица.

– Или неизвестный нам маг огромной силы, – подытожил Торвальдсен. – Тот, кто это сделал, – не безумец и не дурак. Дураки и безумцы не живут достаточно долго для того, чтобы стать Высшими… Но вернемся же к вопросу юной госпожи Хэмптон: зачем разбивать Кристалл?

– Чем это нам грозит? – поинтересовался де Вилья.

– Главным образом – потерей престижа. – Торвальдсен пожал плечами. – Раздобыть новый Кристалл и зарядить его не так уж и сложно. Но подобное происшествие в любом случае скажется на статусе Академии Ринвуд. Королеву могут вынудить требовать моей отставки. – Торвальдсен устало склонил голову. – А к новому скандалу я сейчас не готов. Большая часть Парламента до сих пор не может простить мне темного мага в качестве профессора.

– И это единственный вопрос, по которому Лорды и Общины не имеют никаких разногласий, – усмехнулся Коннери. – Если бы эти трусливые кролики проводили армейские реформы так же рьяно, как визжат на каждом заседании о бездарном ректоре и профессоре-кровопийце…

– Я должен отправиться за новым Кристаллом. – Торвальдсен тяжело опустил ладони на стол. – И чем скорее, тем лучше. Если повезет, я успею вернуться до того, как слухи дойдут до

Минстера.

– Исключено. – Коннери шагнул вперед. – Это может быть ловушкой. Я поеду.

– Не поедешь. – Торвальдсен мягко улыбнулся. – За этими стенами у тебя слишком много врагов, Грег. Тебе придется идти по трупам.

– Если понадобится.

– И все же я вынужден сказать «нет», – отрезал Торвальдсен. – Я не могу рисковать тобой и Кет. А остальным это задание может оказаться не по зубам. Я отправляюсь завтра на рассвете. В мое отсутствие обязанности ректора будет исполнять профессор Кроу.

– Что? – де Вилья едва ли не подпрыгнул. – Вы шутите, ректор? Вы оставите Академию в руках женщины?

– У вас есть какие-то основания сомневаться в способностях профессора Кроу, сеньор де Вилья?

Коннери не повышал голоса. Если бы не едва заметный нажим в слове «сеньор», можно было бы подумать, что он просто интересуется.

– Я ни в чем не сомневаюсь, – недовольно пробормотал де Вилья, чуть съежившись в кресле. – Просто подумал, что эта ноша может оказаться слишком тяжелой, чтобы взваливать ее на женские плечи.

– Уверяю вас, профессор Кроу прекрасно с этим справится, – произнес Торвальдсен. – Думаю, вы с профессором Коннери будете помогать ей так же, как всегда помогали мне… Что же до вас, госпожа Хэмптон, – Торвальдсен повернулся к Амалии, – прошу простить нас за все эти дрязги. Я позвал вас с одной-единственной целью: вы должны понять, что события позавчерашней ночи – лишь начало того, что может произойти уже в самое ближайшее время. Не исключено, что кто-то использовал вас и господина Уилсона в своих целях. Если вы заметите что-то странное – немедленно дайте знать профессору Кроу. И, разумеется, все, что было сказано здесь, не должно выйти за двери моего кабинета. – Торвальдсен обвел глазами присутствующих. – И это касается всех.

Академия останется без ректора? Амалия поежилась. Судя по тому, что она только что услышала о таинственном злоумышленнике, он вполне мог помериться силами с любым из присутствующих магов. Но когда здесь Торвальдсен, можно ничего не бояться. А что же будет, когда он уедет? Пожалуй, Коннери сможет защитить Академию, но кто защитит от Коннери саму Амалию?..

– Разумеется, сэр, – закивала она. – Если я увижу что-то, я тут же помчусь к профессору Кроу.

– Вот и славно. – Торвальдсен ободряюще улыбнулся. – У вас как раз будет возможность познакомиться поближе. Ваши совместные занятия начинаются прямо сейчас.

Глава 8

– У вас, наверное, накопилась целая куча вопросов, госпожа Хэмптон? – Кроу открыла перед Амалией тяжелую дверь. – И у меня как раз есть время ответить… на некоторые из них. Пока мы будем разгребать все эти завалы.

Внутри оказалось совсем темно. Только где-то высоко, почти под самым потолком, сквозь узкие окна пробивался свет клонившегося к закату солнца, выхватывающий из темноты только серые камни, бессчетное количество покрытых пылью полок и паутину. Очень много паутины.

– Что это за место, профессор? – поинтересовалась Амалия, поднимая фонарь повыше. – Похоже на какую-то помойку… Ой, извините.

– В каком-то смысле вы правы, – рассмеялась Кроу. – Это архив Академии. Проще говоря – место, куда стаскивается все, что обнаруживают среди пыли подвалов, чердаков и тайных ходов. По-хорошему давно пора поручить эту работу кому-нибудь из старшекурсников, но иногда среди хлама попадаются действительно опасные штуки. Так что, если заметите что-нибудь подозрительное, сразу зовите меня. Пожалуй, начнем вот с этой полки. Учетные книги, письма столетней давности… можете смело выбрасывать в мешок за дверью. Вряд ли кто-то заинтересуется, сколько стоунов пшеницы нужно было закупать на зиму еще при Персивале Сеймуре.

Амалия кое-как облачилась в безразмерную рабочую мантию, закатала рукава, болтавшиеся чуть ли не до самых колен, и принялась за работу. Поначалу было тяжеловато – приходилось вчитываться в выцветшие от времени записи дотошных хозяйственников, но уже через четверть часа Амалия научилась с легкостью находить в кипе бумаг учетные книги. Их она без сомнений отправляла в пыльный мешок. Туда же отправлялись пожелтевшие и хрупкие купчие и закладные. Перебирать написанные сто с лишним лет назад бумажки было не то чтобы весело, но совсем несложно. Самое время попытаться хоть немного разговорить Кроу. Вопросов у Амалии действительно было великое множество. Правда ли она в скором времени превратится в темного мага? Чего же все-таки добивается Коннери? Кто и зачем может угрожать Академии? Но самый главный вопрос у Амалии пока не получалось толком понять самой. Это неожиданное заседание профессоров в кабинете у ректора – кто-то на нем явно был лишним. А если точнее – она, Амалия Хэмптон. Ее не покидало странное чувство, что

Торвальдсен по какой-то причине разыгрывал какое-то действие специально для нее. Вот только зачем?

– Профессор, – несмело начала Амалия, – там, в кабинете… кто все эти люди?

– Ректора и профессора Коннери вы уже знаете, – отозвалась Кроу с другой стороны полки. – Меня зовут Кеттрикен Кроу, я преподаю магию сознания и еще несколько специализированных дисциплин. Пожилая леди – мадам Брижит Мерсье. Ее специализация… скажем, она не возражает, когда ее называют ведьмой. Вы увидитесь с мадам Мерсье на прорицании, зельеварении, а некоторые смогут продолжить обучение у нее и на старших курсах.

Ведьма! А ведь точно – похожа. Амалия почему-то очень хорошо представила, как мадам Мерсье бросает в котел с зеленым варевом травки, мышей, червяков… человеческие кости. Теперь понятно, почему у нее такая аура – совсем не как у обычных магов. Страшная, гадкая старуха. И зачем только Торвальдсен позвал ее к себе в кабинет?

Наверное, мысли Амалии легко читались на ее лице даже в полумраке – или Кроу прекрасно знала, как первокурсники реагируют на древнюю ведьму.

– Вам не стоит бояться мадам Мерсье или относиться к ней предвзято, юная леди, – строго продолжила Кроу. – Несмотря на не самый привлекательный внешний облик, это умнейшая и добрейшая женщина. И я не говорю про ее колоссальный жизненный опыт – никто точно не знает, сколько ей лет. Поговаривают, она старше самого ректора Торвальдсена. Уверена, вы с ней подружитесь.

Амалия послушно кивнула, хотя совершенно не собиралась заводить дружбу с ведьмой. В ее личном списке отвратительных и страшных созданий мадам Мерсье уже успела занять место где-то между ядовитыми змеями и профессором Коннери. Тот, о ком Кроу заговорила дальше, в этом списке также присутствовал.

– Профессор Софронайо Эрменжильдо де Вилья. – Кроу понимающе прервалась, дав Амалии похихикать. – Он иберие, и для нашего уха его имя звучит потешно. Но я очень не советую вам смеяться на его лекциях. По назначению дополнительных занятий профессору де Вилье нет равных. Насколько я помню, оккультные науки у первого курса начнутся только зимой, после праздника Рождения Солнца.

– Похоже, эти двое не слишком-то ладят, – осторожно заметила Амалия. – Мадам Мерсье…

– Мадам Мерсье может многое себе позволить, – отрезала Кроу. – В отличие от нас с вами, юная леди. Профессора де Вилью

сложно назвать приятным человеком. Но в своей области он лучший.

Амалия ненадолго замолчала перед тем, как задать самый важный вопрос. Точнее, даже два вопроса.

– Госпожа Кроу, вы знаете, чего от меня добивается профессор Коннери? – выдохнула она. – Я стану темным магом?

На этот раз замолчала Кроу. Ее руки, до этого резво порхавшие по древним бумагам, замерли. Амалии даже показалось, что длинные тонкие пальцы женщины вздрогнули, но та быстро совладала с собой и вернулась к работе.

– Похоже, вы очень любите задавать этот вопрос, госпожа Хэмптон, – негромко произнесла Кроу. – Но я вряд ли смогу сказать вам больше, чем ректор Торвальдсен. Вы унаследовали очень необычный Дар – так уж случилось, и этого не изменить. Но выбор остается за вами. Я склонна думать, что темными магами не рождаются. Что же касается профессора Коннери, – Кроу тяжело вздохнула, – если он что-то задумал, остановить его будет непросто. Я бы сказала – почти невозможно.

– Он говорил, что может научить меня чему-то. – Амалия покачала головой. – Это… что-то очень плохое, да? Темное?

– Есть знания, которых опасается даже ректор Торвальдсен. – Кроу оперлась на полку. – И у него есть на это все основания. Профессор Коннери давно ищет того, кому можно было бы их передать.

– Но я не хочу! – воскликнула Амалия. – Я не собираюсь…

– Я сделаю все, что смогу, госпожа Хэмптон, – хмуро отозвалась Кроу. – Но этот человек неимоверно, безумно упрям. И пусть вас не обманывает его прямота – профессор Коннери очень хитер. За его плечами десятки войн, и ни одной из них он не проиграл.

– Похоже, вы давно его знаете, – заметила Амалия. – Кто он? Откуда?

– Он солдат. – Кроу пожала плечами. – Он был солдатом, когда мы познакомились полтора века назад, и остается им до сих пор. Многим из профессоров не нравятся его методы, но Грегор Коннери – непревзойденный боевой маг. А для ректора Торвальдсена это всегда было самым важным в выборе нового профессора для Академии.

– Отец говорил, что темных магов больше не осталось. – Амалия отложила в сторону очередную тяжелую книгу. – Они действительно так опасны?

– Только для врагов, – твердо ответила Кроу. – Вам не нужно бояться профессора Коннери, госпожа Хэмптон. Он не причинит вреда ни вам, ни кому-либо другому из студентов. Но его знания

могут быть опасны сами по себе.

– Значит, эти знания мне не нужны, – буркнула Амалия и снова взялась за бумаги.

– Хотелось бы мне верить, что все будет так просто. – Кроу рассеянно смахнула пыль с полки. – Ваш Дар еще не раз напомнит о себе. Я повторяю – выбор зависит от вас, но никто не говорит, что он будет легким.

– Не хочу. – Амалия устало прижалась лбом к корешкам книг. – За что? Почему я? Почему я вообще должна выбирать?

Кроу молча обошла полку и, склонившись над Амалией, крепко взяла ее за плечи.

– Потому, что в противном случае за вас обязательно решит кто-то другой, – тихо произнесла она. – Например, профессор Коннери. Я сделаю все, чтобы помочь вам, но этого будет недостаточно. Вы должны сами справиться с этим, госпожа Хэмптон.

Амалия мягко высвободилась из рук Кроу и отвернулась к полкам. Разговор не принес облегчения. Только ответы на вопросы – но и тех стало еще больше. Как и ректор, профессор Кроу играла в какую-то свою игру. Намекала, подсказывала, но не отвечала прямо. Выбор? Разве у Амалии он был? Неужели нельзя просто приказать Коннери оставить ее в покое или вообще убираться хоть к черту на рога?! Неужели Кроу и Торвальдсен позволят сделать из студентки чудовище?

Амалия сердито распахнула очередную книгу и подняла в воздух целое облако пыли. И тут же оглушительно чихнула, едва не приложившись головой об полку. Тяжелый фолиант наклонился, и из его страниц на пол выпала тоненькая книжечка в истертом переплете из черной кожи. Амалия присела на корточки, чтобы получше рассмотреть находку. Хрупкие пожелтевшие страницы грозились рассыпаться от малейшего прикосновения, некоторые склеились между собой, а на некоторых красовались целые лужи из побуревших за долгие годы чернил. Но все-таки кое-что можно было прочитать. Почерк в книжечке оказался совсем не похожим на убористую и ровную каллиграфию хозяйственников Академии. Громоздкие и неровные буквы словно плясали на бумаге какой-то дерганый танец, а строчки к концу неизменно задирались вверх – как будто ребенок писал. Но следы пальцев, попадавшиеся чуть ли не на каждой странице, никак не могли принадлежать ребенку. Амалия приложила к бумаге собственную ладонь – она оказалась короче на добрых четыре дюйма. Ничего себе лапища!

– Госпожа Хэмптон, вы в порядке? – поинтересовалась Кроу. – Нашли что-то?

– Нет, – быстро ответила Амалия. – Просто несколько листов со списками. Ничего особенного.

Она соврала быстрее, чем успела подумать, зачем ей вообще нужна эта странная вещица. Наверное, дело было в запахе. Старые учетные книги пахли почти так же – древностью, залежавшейся бумагой, пылью и сыростью. Но от этой небольшой книжечки исходил еще один сладковатый и будоражащий запах – запах тайны. И теперь эта тайна принадлежала только Амалии!

Оставшийся час работы тянулся невыносимо долго. Амалия по большей части молчала, невпопад отвечая на вопросы профессора Кроу, и каждые несколько минут ощупывала под мантией свою драгоценную находку. Ей так хотелось поскорее добраться до содержимого книжечки, что когда Кроу наконец сообщила об окончании ее наказания, Амалия умчалась, едва успев попрощаться. Уже спускаясь вприпрыжку по лестнице Дома Четырех Стихий, она чудом не налетела на Дерека, зачем-то усевшегося на ступеньки.

С того самого момента, как он вытащил Амалию из болота, она почему-то всячески его избегала. Но пройти мимо не поздоровавшись было бы просто неприлично.

– Привет. – Амалия чуть замедлила шаг. – Что ты тут… Отец Всемогущий!

Сначала она подумала, что попросту обозналась. Но нет – перепачканная в грязи мешковатая одежда определенно принадлежала Дереку, как и худые плечи и длинные свалявшиеся волосы. Но лицо… нет, лицом это было уже не назвать. Левый глаз превратился в узенькую щелочку, а щека распухла, увеличившись чуть ли не вдвое. Разбитые губы и подбородок Дерека покрывала толстая корка из запекшейся крови, которую сложно было не заметить даже в сумерках. Из носа кровь еще текла, падая на белоснежный камень лестницы тяжелыми багровыми каплями. Судя по тому, сколько ее было на ступенях, сидел он здесь уже довольно долго.

– Что с тобой случилось? – забормотала Амалия, безуспешно шаря по складкам рабочей мантии в поисках хоть какой-нибудь тряпицы. – Кто… кто это сделал?

– Ерунда, – буркнул Дерек и отвернулся. – Просто споткнулся. Не обращай внимания.

– Споткнулся?! – Амалия чуть не подпрыгнула на месте. – Ты бы себя видел! Это они, да? Те громилы из леса? Сколько их было?

– Не знаю. – Дерек уткнулся лбом в собственные колени. – Отстань. Я в порядке.

– Ты совсем не в порядке. – Амалия уселась на корточки

перед ним и безуспешно попробовала оторвать кусок ткани от мантии. – Подожди, я позову кого-нибудь из профессоров…

– Не надо, – проворчал Дерек. – Я и сам могу о себе позаботиться. Я разберусь, правда. Уходи!

– Ну и ладно. – Амалия обиженно вздохнула. – Сиди здесь, если тебе так нравится.

Сейчас Дерек совершенно не был похож на человека, который с легкостью уложил двоих здоровяков. Тот бы уж точно не стал опускать глаз и сердито сопеть в ответ на заботу. Конечно, он пострадал из-за нее, из-за Амалии, но ей почему-то совсем не было стыдно оставлять его одного на лестнице. В конце концов, он и сам умеет исцелять порезы и ссадины. Если ему так нравится корчить из себя недотрогу – прекрасно! А ее ждут соседки и таинственная черная книжка!

* * *

– И что, вот прямо так?

– Если леди Фалмут будет угодно, она может оставить полотенце. – Агнешка пожала плечами. – Можно подумать, я чего-то там не видела.

Саму ее нагота не стесняла совершенно. Она с головой окунулась в огромный бассейн, выложенный мозаикой, и тут же вынырнула, довольно фыркая и улыбаясь.

– Отец Всемогущий, спасибо тебе за возможность смыть с себя пот праведных трудов, – блаженно протянула Агнешка, вытягиваясь на сиденье. – Давай к нам, Ами.

Стоило Амалии переступить порог комнаты номер двадцать четыре, как соседки, не сговариваясь, вытряхнули ее из покрытой пылью мантии и потащили в подвал корпуса, где располагалась самая настоящая баня. Правда, больше это огромное мозаичное чудо, освещаемое сотнями свечей, походило на дворец. В Эйлсбери воду для мытья слуги сначала таскали ведрами, а потом долго нагревали на огне. Но здесь – здесь все было по-другому. Амалия почти четверть часа не могла заставить себя отойти от двух золоченых рукояток. Стоило нажать одну, и из широкой трубы начинала течь горячая вода. На другую – и текла уже ледяная! И таких труб в бане было больше десятка – по паре на каждый бассейн. Агнешка безо всякого стеснения заняла самый большой и теперь нежилась в горячей воде, устроившись на сиденье у края.

– Ну, раз уж тут так принято… – задумчиво проговорила Ливи и сбросила на пол полотенце.

Амалия снова завистливо вздохнула и поспешила отвернуться, чтобы не слишком уж разглядывать точеную фигуру соседки. Хорошо же быть такой красавицей! В свои семнадцать с небольшим лет не знать стыда, подобно Агнешке, наверное, тоже хорошо. А вот быть невысокой, стеснительной и совершенно не выдающейся дочерью виконта из Эйлсбери… Еще раз тяжело вздохнув, Амалия зажмурилась, размотала полотенце и с тихим писком плюхнулась в воду.

– Отлично выглядите, леди Фалмут, – прыснула Агнешка. – Неудивительно, что старина Эл так хотел видеть вас у себя в кабинете. Ну же, рассказывай!

– Мне запретили. – Амалия нахмурилась. – Происходит что-то очень нехорошее… кажется.

– И ты нам не говоришь? – Агнешка нетерпеливо тряхнула мокрой гривой. – А ты знаешь, что седьмая поправка устава Академии Ринвуд запрещает скрывать от соседок?!

– Да? И когда же была введена эта поправка? – Ливи приподняла бровь. – И кем?

– Только что! – рявкнула Агнешка и брызнула водой Ливи в лицо. – Временно назначенной на пост ректора госпожой Ковальски. Ами, если ты сейчас же мне все не расскажешь, я сварю тебя заживо. И меня оправдают.

Амалия искренне пыталась отмолчаться, соврать или хотя бы сбежать из бани, но все было напрасно. Упорству и коварству ее соседок позавидовали бы даже иберийские Инквизиторы. Через полчаса уговоров, ругани и вялых попыток сопротивления Амалия выложила все, умолчав только об искорке, проскочившей между ней и Дереком на болоте. Едва ли Агнешка всерьез была увлечена первокурсником, но шутить с ее пылким характером не хотелось совершенно.

– Проклятье, почему все самое интересное происходит с такими тихонями? – проворчала Агнешка. – Таинственные злоумышленники, драки в лесу и даже приглашение в апартаменты профессора Коннери. Знаешь, я сама была там только один раз, когда…

– Прошу тебя, не надо подробностей, – умоляюще простонала Ливи, зажимая уши. – В твоих устах даже сказка про волка и трех поросят может превратиться в немыслимую похабщину.

– Ладно, ладно. – Агнешка невинно захлопала глазами. – На самом деле, ничего такого. Старикан абсолютно непробиваем. Кремень. У меня есть подозрение, что вчера ночью малышка Ами услышала от него больше слов, чем все обитатели Академии, вместе взятые, слышат за год… Так, значит, ты у нас самый настоящий темный маг? Сильно.

– Давай меняться, – сердито буркнула Амалия.

– Значит, Академии угрожает кто-то, не уступающий по силе самому Торвальдсену?.. – Ливи откинула волосы назад. – Так?

– Возможно, их даже несколько, – ответила Амалия. – Интересно, кому это вообще может быть нужно?

– Темным магам, кому же еще, – авторитетно заявила Агнешка. – Когда-то давно их было много. Но потом всех перебили. Торвальдсен наверняка приложил к этому руку – ему же лет четыреста, не меньше.

– И сейчас уцелевшие решили отомстить. – Ливи покачала головой. – Звучит правдоподобно.

– И один из них преподает боевую магию прямо здесь, – буркнула Амалия.

Завтра ректор Торвальдсен покинет Академию, оставив студентов и профессоров на попечение профессора Кроу. Но если Коннери задумает что-то, та едва ли сможет его остановить. На ум почему-то снова пришла жуткая и неприятная история, рассказанная Бертой. Коннери поднимал мертвых, и хозяйка таверны видела это своими глазами! Разве может темный маг по-настоящему перестать быть плохим? И почему Торвальдсен ему доверяет? На его месте Амалия уж точно задумалась бы – а не замешан ли во всех последних событиях мрачный и немногословный профессор боевой магии?

– Старик Коннери? – удивилась Ливи. – Ну, он, конечно, страшный, но разбить Кристалл?.. Да и зачем ему это?

– Хотела бы я знать. – Амалия выбралась из бассейна и тут же замоталась в полотенце. – Но мне кажется, что без темной магии тут не обошлось.

* * *

…пало еще две лошади. Если так продолжится и дальше, скоро мы вообще не сможем двигаться. Осенние дожди начались слишком рано – или на нас ополчились сами Небеса. Но я не должен, не имею права отступить сейчас. Если то, что говорили Кошка и Бродяга, верно, погода переменилась неспроста. Это дело рук Матабера. А это значит, что он боится. Разве не глупость? Чего ради владыке, который железной рукой держит все Серединные Земли, опасаться горстки голодных и замерзших солдат, которым просто посчастливилось забраться чуть дальше, чем остальным? Половина из нас уже больна, многие ранены. Старики с каждым часом теряют силы, а мальчишек уже слишком мало – они всегда гибнут первыми. Я не знаю, зачем мы продолжаем идти. Но я верю.

Верю, потому что только это помогает мне держать меч. Если бы Бродяга был здесь! Он здорово умеет все объяснять. Он сказал, что Матабер боится меня, – и я поверил. В то, что все это не зря. В то, что мне отведена особая роль во всей этой запутанной истории. В то, что я должен добраться до Винтерберга до того, как ляжет снег. Если надо, я пойду один. Пора заканчивать эту чертову войну.

24 августа,

Лето 1242 от Рождения Солнца

Ничего себе! Амалия еще раз вгляделась в расплывшиеся от влаги цифры. Но нет – ошибки быть не могло. Древняя черная книжечка оказалась дневником, написанным почти сто пятьдесят лет назад. Почерк у владельца дневника был ужасно неуклюжим – как будто он толком не умел держать перо. Впрочем, куда больше Амалию интересовал не тот, кто писал эти строчки полтора века назад, а упомянутый владыка Матабер. Едва ли домашнее образование, полученное в Вудсайд Хаус, было лучшим в Ритании, но и отец, и Нянюшка Энн, и госпожа Харрис рассказывали достаточно, чтобы Амалия неплохо представляла себе историю Ритании и Серединных Земель. Но о владыке Матабере ей слышать еще не приходилось.

– Странно, – пробормотала Амалия, чуть ярче зажигая волшебный огонек. – Очень странно.

– Проклятье, ты собираешься спать? – сонно проворчала Агнешка. – Чего ты там шелестишь?

– Послушай… – Амалия спрятала дневник под подушку. – Ты ведь с Серединных Земель, да? Ты когда-нибудь слышала о владыке Матабере?

– Матабер – выдумка для маленьких детей и выживших из ума старух. – Агнешка перевернулась на другой бок. – Кайзер Маркус-Герарт просто был редкостным ублюдком, вот и все.

– Маркус-Герарт? – переспросила Амалия. – Маркус-Завоеватель? Ты про него?

– Отстань. – Агнешка погрозила кулаком. – Если я из-за тебя опять просплю и загремлю на дополнительные занятия – будешь жить с Уранией Клиффорд!

Глава 9

Амалия проворочалась полночи, но все равно упустила момент, когда Агнешка проснулась и убежала на занятия. Видимо, де Вилья нещадно карал опоздавших, и та не стала рисковать.

– Магия сознания, вступительный курс, – прочитала Ливи и бросила листок с расписанием на столик у кровати. – Профессор Кеттрикен Кроу, твоя знакомая. Не стоит ее разочаровывать. Так что – бегом на завтрак. Я угощаю.

Быстро проглотив овсяную кашу с ягодами в «Вересковом меде», Амалия и Ливи помчались на лекцию Кроу. Та уже явилась заранее и готовилась к занятию, перелистывая какую-то старую книгу, и поприветствовала Амалию лишь коротким кивком. Дерек все-таки нашел в себе силы добраться до аудитории, да и выглядел куда лучше, чем вечером. От крови и ссадин не осталось и следа, и о вчерашнем напоминали лишь кровоподтеки и изрядно сузившийся глаз. Дерек специально забрался на самую верхнюю парту и недовольно смотрел на всех, кто пытался устроиться неподалеку. Первокурсники обходили обладателя разукрашенной физиономии стороной, и его это, похоже, полностью устраивало. Амалия хотела было поздороваться, но Дерек скривился и отвернулся к окну. Ну и пожалуйста. Не хватало еще леди Фалмут бегать за каким-то неотесанным мужланом. И совершенно неважно, что он спас ее и вытащил из болота. На его месте так бы поступил любой… кто способен в одиночку отделать двух верзил.

– Ливи, – Амалия села рядом с соседкой. – Тебе не приходилось слышать о некоем владыке Матабере? Он может быть как-то связан с кайзером Маркусом-Герартом.

– Это действительно то, что интересует тебя в такую рань? – Ливи зевнула, изящно прикрыв рот рукой. – Матабер? Странное имя. Отец как-то заставлял меня прочитать все исторические хроники, и там было про Маркуса-Герарта, кайзера Остерайха. Кажется, он захватил чуть ли не все Серединные Земли полтора века назад, но его Империя быстро развалилась. Может быть, Алекс помнит больше.

– Или Агнешка. – Амалия покачала головой. – Она явно где-то слышала это имя. Матабер.

– Это из твоей черной книжки? – Ливи указала рукой на сумку Амалии. – Может быть, это вообще сказки.

Амалия хотела было возразить, что мрачные события из дневника неизвестного рыцаря мало походили на сказку, но не

успела. Профессор Кроу подошла к кафедре.

– Доброе утро, юные господа студенты. Рада поприветствовать вас на первой лекции, посвященной магии сознания. – Кроу подняла руки, призывая к тишине. – Но все же позвольте мне начать с небольшого объявления. Обстоятельства требуют присутствия ректора Торвальдсена в столице, так что на ближайшие несколько недель он покинет Академию. На все это время его буду замещать я.

По рядам пробежал негромкий шум. Отъезд ректора в самом начале учебного года – мыслимое ли дело! Амалии приходилось слышать, что Королева обращалась за помощью к магам Академии и раньше, но такое случалось крайне редко. Так что удивление и даже испуг студентов были вполне понятны. Как хорошо, что они не знают, что случилось в Дозорной Башне.

– Никому не рассказывай, – Амалия стиснула пальцы Ливи, – даже Алексу.

– Я что, похожа на умалишенную? – Ливи нахмурилась. – О таких вещах не болтают. Тут такое начнется…

– …И, как того требует традиция, я расскажу вам об Инициации, – продолжила Кроу. – Большинство из вас уже наверняка знает об этом древнем обряде, но все же повторение будет нелишним. Тем более что легенд и вымысла в рассказах старших магов обычно немногим меньше, чем правды.

– Это точно, – буркнул кто-то с первой парты. – От болтовни моей бабули можно поседеть.

– В следующий раз не поленитесь поднять руку, господин Тайрен. – Кроу погрозила пальцем. – Уверяю вас, ничего жуткого или пугающего в обряде Инициации нет. Более того, в наше время это немногим более чем обычная формальность. После ритуала юные маги получают в качестве Наставника одного из профессоров Академии и право носить мантию.

– Какова роль Наставника? – Ливи подняла руку. – Сколько студентов инициирует каждый профессор?

– Я повторюсь: роль Наставника – скорее формальность. – Кроу облокотилась на кафедру. – И все же каждый из студентов может обратиться к Наставнику по любому вопросу в любое время суток. Но хочу предупредить тех из вас, чью Инициацию буду проводить лично я: настоятельно не советую беспокоить меня по пустякам после ужина. – Кроу улыбнулась. – Иначе вы рискуете узнать о себе много нового или даже заработать парочку дополнительных занятий.

Студенты на задних рядах сдержанно захихикали, но тут же притихли, стоило Кроу грозно на них глянуть. Амалия на всякий случай выпрямила спину и сложила руки на парте. Да уж, с этой

леди шутки плохи. Она не боится поспорить с самим Коннери, да и Торвальдсен не стал бы оставлять вместо себя кого попало. За добродушной внешностью Кроу скрывался стальной стержень, и тем, кто вовремя не успеет это понять, придется несладко.

– Чтобы обряд не занимал слишком много времени, студенты распределяются по группам – примерно поровну на каждого из профессоров, – продолжила Кроу. – Иногда Инициацию проводит кто-то из гостей Академии или из родителей студентов, хотя такое бывает нечасто. Профессор Коннери и мадам Мерсье в обряде обычно не участвуют.

– Хоть одна хорошая новость за сегодня, – пробормотала Амалия.

Оказаться наедине с темным магом или страшной старухой – сомнительное удовольствие. Даже неприятный профессор де Вилья на их фоне выглядел не такой уж гадкой перспективой.

– В самом обряде нет ничего сложного. – Кроу спустилась с кафедры. – Просто следуйте указаниям профессоров, и все закончится быстро. И, вероятнее всего, безболезненно. В следующий раз вы столкнетесь с чем-то подобным только в конце второго курса при выборе специализации. А посох мага вы получите уже в конце пятого.

– Посох? – на этот раз руку подняла Урания. – Это такая палка, да? Это вообще обязательно?

– Посох, – ответила Кроу, – это вовсе не палка, как вы изволили выразиться, госпожа Клиффорд. Это крайне важный символ знаний мага. Советую относиться к нему с уважением. Он не только откроет перед вами любые… почти любые двери. Также он может служить оружием. В былые времена маги редко расставались со своими посохами, и за долгие годы те накапливали колоссальный запас Силы. Даже сейчас в глухих закоулках Ритании может быть небезопасно, но только самый отчаянный головорез позарится на имущество человека с посохом. Не говоря уже о том, что увесистая палка в умелых руках – серьезный аргумент. И все же посох – это тоже дань традициям. Совершенно необязательно использовать в качестве накопителя Силы именно его. Посохи носят в основном маги-мужчины. Волшебницы предпочитают артефакты более скромных размеров.

– А у ректора Торвальдсена есть посох? – поинтересовался паренек с первой парты.

– Разумеется, – Кроу кивнула. – Хотя я не припомню, чтобы он когда-либо им пользовался. А профессор Коннери и вовсе предпочитает посоху полуторный меч.

– Кто бы сомневался, – тихо фыркнула Амалия.

Сама она и так неплохо представляла себе обряд Инициации – надеть белую мантию, повторить за взрослым магом слова клятвы, выпить несколько глотков вина – всего-то. Но студенты с первых парт уже засыпали Кроу бесчисленными дурацкими вопросами – наверное, просто хотели обратить на себя внимание. Самое время еще разок заглянуть в черную книжечку…

Сегодня перед рассветом мы взяли Мазенхайм. Легкая победа – если это вообще можно назвать победой. Большая часть гарнизона разбежалась за несколько дней до нашего появления. Остальным я дал час на размышление – как всегда. В старой крепости засели не более полусотни человек, но и их сил бы хватило, если бы мы решились на штурм при свете дня. К счастью, они даже не представляли, как нас осталось мало. На каждого из моих бойцов приходилось не менее двоих откормленных и вооруженных до зубов кнехтов. Когда мы поднялись на стены, оставшиеся в живых сложили оружие. Я приказал повесить всех. Кроме одного. Думаю, уже через пару дней он будет в Нойвиде. И если повезет, горожане сами откроют нам ворота. Еще один такой штурм – и нас останется едва ли полтора десятка. Но если Нойвид падет, дорога на Винтерберг будет свободна.

Надеюсь, Бродяга не ошибся. Если бы он был с нами, мальчишки, которых кнехты подняли на копья, остались бы живы. Но даже больше, чем Бродяги, мне не хватает Кошки. Как бы я хотел назвать ее настоящее имя хотя бы этой бумаге! Но я не могу. Если со мной что-нибудь случится, дневник достанется Матаберу. Я не хочу даже думать, что этот ублюдок может с ней сотворить. За себя я не боюсь – оказывается, меня не так уж просто убить. Порез, полученный ночью, затянулся за пару часов. Осталась только боль. От нее мне, похоже, не избавиться уже никогда.

3 октября,
Лето 1242 от Рождения Солнца

– Вставай. Эй, ты что, собираешься просидеть здесь до самого ужина?

– А? Что? – Амалия рассеянно заозиралась. – Уже все?

Кое-как разбирая расплывчатые каракули, она не заметила, как Кроу закончила занятие. Десяток страниц оказались безнадежно испорчены. Уцелела только запись от третьего октября – с той, что Амалия прочитала вчерашней ночью, прошел целый месяц. Неизвестный рыцарь потерял еще часть отряда, но продолжал упрямо двигаться к Винтербергу. Судя по названиям городов – Мазенхайм, Нойвид, – это где-то на землях Остерайха.

Надо бы посмотреть на карте…

– Леди Фалмут, если вы сейчас же не поднимете свой благородный зад, я вынуждена буду отобрать ваш антиквариат.

С этими словами Агнешка бросила прямо на раскрытые страницы дневника какой-то копошащийся сверток.

– Что это? – поинтересовалась Амалия, с опаской стряхивая сверток на скамью.

– Не что, а кто, – поправила Агнешка. – Это Сэр Голохвост.

– Крыса? – Ливи заглянула соседке через плечо и поморщилась. – Где ты ее раздобыла?

– Неважно, – отмахнулась Агнешка. – И вообще, имей уважение к нашему рыцарю! Пусть он вовсе не похож на дворянина благородных кровей, но в его серой груди бьется отважное сердце. И он поможет нам в священной войне с Силами Зла!

– Ты задумала что-то плохое. – Амалия покачала головой. – Что-то очень, очень плохое.

– Точно, – ухмыльнулась Агнешка. – Я тут случайно обмолвилась одной болтунье, что Алекс Монтгомери ждет тебя в холле второго этажа с огромным букетом тюльпанов.

– Правда? – Амалия вспыхнула. – Алекс… ждет меня?

– Чистой воды вранье. – Агнешка многозначительно подняла палец вверх. – Но Урания не будет Уранией, если снова не попытается подстроить какую-нибудь гадость. Так что никакого Алекса в холле не будет. Зато там будет Сэр Голохвост.

– Если мы загремим на дополнительные занятия – задушу тебя ночью подушкой, – пообещала Ливи. – Я серьезно.

– Возьмите себя в руки, маркиза, – отрезала Агнешка. – Отбросьте сомнения и уверуйте в отвагу храброго рыцаря. Зло будет наказано!

Аудиторию они покидали в спешке – нужно было успеть на второй этаж раньше, чем туда доберутся Урания и ее прихлебательницы. Агнешка уверенно волокла соседок по лестницам и коридорам, и уже через несколько минут они тихо пробрались в просторное помещение с занавешенными окнами.

– Тут… темно. – Амалия зажгла волшебный огонек. – Что это вообще такое?

– Место, где рождается любовь, – торжественно произнесла Агнешка. – Я не знаю, откуда появилась традиция назначать свидания именно в холле второго этажа, но здесь постоянно кто-нибудь обжимается. Наверное, потому, что дверь в соседнее крыло закрыта давным-давно и делать здесь, в общем, нечего. Никто из профессоров сюда не заходит. А Уранию и ее куриц ждет романтическая встреча с Сэром Голохвостом.

Амалия шагнула вперед и осмотрелась. Если не считать нескольких пыльных книжных полок и пары низких диванчиков, холл был почти пустым. В паре десятков футов от них в темноте виднелась вторая дверь – по-видимому, та самая, что вела в соседнее крыло Дома Четырех Стихий. Похоже, ее действительно давно не открывали – прямо под ней слой пыли оказался чуть ли не в палец толщиной. А вот на диванчиках пыли почему-то почти не было. Нетрудно догадаться почему… Амалия почувствовала, как лицо заливает краска. Она почему-то представила себя здесь вместе с Алексом. Или не с Алексом, а с…

– Силы Зла на подходе, – зашипела Агнешка, отпрыгивая от лестницы. – Прячемся и готовимся к представлению!

По ступенькам уже цокали каблуки. Кто-то явно спешил сюда, и этот кто-то был не один. Амалия юркнула за тяжелую пыльную штору и затаила дыхание.

Урания старалась ступать неслышно, но у нее это плохо получалось. Следом за ней на второй этаж поднялись ее подружки, уже знакомые Амалии по балу и болоту, – высокая и крупная светловолосая девушка в нелепом платье с кружевами и вторая, смуглая с черными косами.

– Тут никого нет, – недовольно проворчала Урания, вглядываясь в темноту. – Ты уверена, Мэй?

– Я слышала, как ее рыжая соседка болтала об этом перед лекцией, – отозвалась светловолосая. – Говорю тебе, Алекс Монтгомери втрескался в эту сумасшедшую дурочку.

– Мэй Ван Дер Хиден, – прошептала Агнешка, – моя однокурсница. Из чертовски богатой семьи, но тупа, как пробка.

– Может быть, они придут чуть позже? – Смуглая девушка зашла в холл следом за подругами. – Попробуем подкараулить их?

– Вперед! – рявкнула Агнешка, откидывая шторы. – В бой, Сэр Голохвост!

Она взмахнула рукой, и отважный рыцарь, напоследок мелькнув серой шкуркой, улетел в темноту холла. Агнешка широко развела ладони, а потом резко соединила их, и тяжелые створки дверей с грохотом захлопнулись, оставляя Уранию и ее подружек в обществе Сэра Голохвоста.

– Пусть попробуют открыть. – Агнешка произвела еще несколько быстрых движений руками. – Запирающее заклятье моей бабушки. Сам Торвальдсен провозился бы добрые полчаса. Ну, или выбил бы дверь – с его-то силищей.

– Ковальски! – завопила из-за двери Мэй Ван Дер Хиден. – Ах ты, рыжая стерва! Я тебе все волосы повыдираю!!!

– Какие у вас отвратительные манеры, госпожа Ван Дер

Хиден, – ехидно отозвалась Агнешка. – Сэр Голохвост, разве вы позволите дочери какого-то полуграмотного купчишки так обращаться с дамой вашего сердца?

– Полуграмотного купчишки? – взревела Мэй, колотя в дверь кулаками. – Да я тебя… проклятье, что это? Оно коснулось моей ноги! Оно живое!!!

Истошные вопли в три голоса, зазвучавшие из-за двери сразу после этого, показались Амалии чудесной музыкой. Похоже, Сэр Голохвост наконец вступил в схватку с Силами Зла и уверенно одерживал победу. Урания и ее подружки метались по холлу, сворачивая в темноте книжные полки, и голосили так, будто бы их заперли с самим Дьяволом.

– Удивительно. – Агнешка покачала головой. – Никогда бы не подумала, что человеческое горло способно произвести столь мерзостные звуки. Не знай я, что за этой дверью дочь герцога, я бы решила, что Сэр Голохвост сражается с целой стаей гарпий.

Гарпии продолжали верещать, носиться по холлу и биться в запертую дверь – так громко, что Амалия расслышала шаги на лестнице, только когда они зазвучали совсем близко.

– Проклятье! – Агнешка крепко схватила Амалию за рукав. – Похоже, сюда тащится твой любимый Коннери – слышишь, как хромает? Бежим!

За спиной остался запертый холл с Уранией. Впереди – лестница, по которой поднимался темный маг. И все – ни прохода, ни места, чтобы спрятаться. Амалия всерьез начала задумываться о том, чтобы выброситься в окно, но бесстрашная Агнешка поволокла ее навстречу Коннери.

– Нет! Пусти меня! – пискнула Амалия и дернулась назад. – Не надо!

– Ну же! – Агнешка рванула сильнее. – Проскочим!

Амалия сдалась и ринулась следом за соседками. Спасительный коридор был уже совсем близко!

Но Коннери успел выйти на лестничную площадку раньше. Время остановилось. Амалия будто бы во сне увидела собственную руку, выскальзывавшую из пальцев Агнешки. Затем – стремительно приближающийся пол. Коннери задумчиво проводил взглядом соседок Амалии, прорвавшихся в коридор прямо у него перед носом, а потом лениво, словно никуда не торопясь, взмахнул рукой. Амалия попыталась было на четвереньках проскользнуть между закрывающимися створками двери, но только ушибла лоб. Топот Агнешки и Ливи и вопли Урании наверху даже не стихли – просто исчезли. И только после этого в гробовой тишине зазвучал голос Коннери.

– Удивительное дело. Когда в стенах Академии звучат крики

и грохот, рядом неизменно оказывается Амалия Хэмптон. Что на этот раз?

Амалия потерла лоб и отползла подальше к стене. Сидеть на полу прямо у ног темного мага было унизительно, но это по крайней мере давало возможность держаться от него подальше. Амалия боялась неизбежного наказания, боялась самого Коннери, но страх все равно пересиливали обида и злость. Так глупо попасться – споткнуться в паре футов от спасения! Впрочем, Коннери без труда мог бы изловить их всех – но почему-то отпустил Агнешку и Ливи.

– Вы… вы это специально! – Амалия обиженно всхлипнула. – Поймали только меня!

– Понятия не имею, о чем ты, – скучающим тоном отозвался Коннери. – Наверное, просто старею – зрение уже не то, что раньше. Вас ведь было трое? Или ты одна?

Опять его бессмысленные вопросы. Издевается?!

– Нет, только я. – Амалия вскинула голову и посмотрела темному магу прямо в глаза. – Одна.

– И чего ради тебе понадобилось нестись по лестнице, рискуя затоптать старого профессора? – ухмыльнулся Коннери. – Куда-то спешила?

– Опаздывала на занятия! – Амалия вскочила на ноги и закричала: – И сейчас опаздываю еще больше!

– Кстати, о занятиях, – оживился Коннери. – Пару недель назад мне совершенно случайно попал в руки один древний трактат. Не знаю, откуда его привезли в Ританию, но уж точно издалека. Я не слишком-то хорошо читаю на языках Южных Земель, но кое-что смог разобрать. Заклинание Мрта Бхаса. Очень интересное. В первую очередь тем, что произнесение Слов Силы или пассы руками необязательны. Но куда важнее другое – в этой области магии всплески Силы при совершении колдовства почти отсутствуют. Иными словами, защититься от Мрта Бхаса традиционными способами практически невозможно. Точно так же, как и опознать мага, наложившего заклинание. Мне осталось только разобраться с его действием – кажется, что-то связанное с молчанием.

– Зачем вы мне все это рассказываете, профессор? – хмуро поинтересовалась Амалия.

– Действительно – зачем? – Коннери пригладил седую бороду. – Тебе же нужно спешить на занятие.

Он рассеянно махнул рукой, и дверь перед Амалией распахнулась, явив ей перепуганных и растрепанных Агнешку и Ливи. Вместе с соседками вернулись и звуки. Вопли Урании и ее банды до сих пор доносились из запертого холла наверху.

Впрочем, теперь они кричали куда тише и как будто бы даже по очереди, лишь изредка подкрепляя призывы о помощи ударами в дверь.

– Какой-то шум наверху? – Коннери задумчиво нахмурился. – Хотя откуда ему там взяться? Ключи от двери в южное крыло потеряли давным-давно, и в старый холл никто не ходит уже добрые лет двадцать. Видимо, действительно старею. Померещится же всякая чертовщина…

С этими словами Коннери развернулся и грузно затопал вниз по лестнице.

Глава 10

Следующие несколько недель пролетели как один день. Профессора словно сговорились и завалили первокурсников таким количеством заданий, что те едва успевали забежать в «Вересковый мед» после занятий и смести предложенный Бертой ужин перед тем, как снова ломиться в аудитории и библиотеку для самостоятельной работы. Даже неугомонная Урания притихла, ограничиваясь лишь полными злобы взглядами и ехидными смешками за спиной, и почти не отравляла Амалии жизнь.

Профессор Кроу сжалилась и разрешила приходить раз в три дня. Часть работы по пыльным архивам Академии легла на проштрафившуюся Агнешку, которая заработала две недели дополнительных занятий. После того как кафедра профессора де Вильи «случайно» загорелась прямо посреди лекции. Впрочем, по словам Агнешки, «оно того определенно стоило». Амалия несколько раз пыталась расспросить ее про кайзера Маркуса-Герарта и загадочного Матабера из черной книжечки, но в ответ получала лишь сердитое фырчанье, которое тут же сменялось сопением. Занятий у второго курса было не меньше, чем у первого, и со своим невероятным талантом зарабатывать наказания Агнешка спала всего по несколько часов в сутки, а днем соседки встречали ее нечасто. Да и у самой Амалии совсем не осталось времени читать дневник неизвестного рыцаря, и черная книжечка так и лежала у нее под подушкой, дожидаясь своего часа.

Синяки на лице Дерека сошли за несколько дней, но он так и продолжал отмалчиваться, и Амалия в конце концов перестала с ним даже здороваться. Барда она не видела с того самого дня, как они вместе побывали в Дозорной Башне. По-видимому, тот решил держаться подальше от возможных последствий и не показывался ни в «Вересковом меде», ни в Доме Четырех Стихий. Несмотря на все опасения, Коннери Амалия тоже почти не встречала. Тот то ли решил оставить ее в покое, то ли просто дожидался чего-то. Изредка Амалия будто бы ощущала на себе чей-то пристальный и недобрый взгляд и тут же оборачивалась, ища глазами рослую фигуру в черном плаще. Но не находила.

– Все. Я больше не могу. – Ливи захлопнула книгу. – Еще немного «Деяний Седрика Безумного» – и я сама превращусь в Оливию Безумную. С магией земли я пока не в слишком хороших отношениях, так что просто вцеплюсь в старикашку Олбани зубами.

– Я бы не стала рисковать, – вздохнула Амалия. – В его возрасте от подобного можно и скончаться. И неизвестно, кого Кроу назначит ему на замену. Олбани хотя бы не мешает нам спать на занятиях.

– Разумное замечание, леди Фалмут. – Ливи сделала серьезное лицо и закивала. – Он оглох настолько, что не слышит, как Дин Тайрен храпит полтора часа без перерыва.

– Именно. – Амалия рассмеялась и швырнула «Деяния Седрика Безумного» на кровать. – Давай пробежимся до «Верескового меда»? Я ужасно проголодалась.

– Мудрая мысль. – Ливи кивнула. – Земляничный пирог… пусть в нашей жизни останется хоть что-то сладкое.

На улице лил дождь, так что Амалия с соседкой натянули на головы капюшоны и старались держаться поближе к стенам зданий. Здесь было немного суше, хоть и приходилось через каждые несколько шагов спотыкаться о незаметные в тени выбоины на мостовой.

– До чего же теперь рано темнеет, – проворчала Ливи, в очередной раз наступив в лужу. – Не удивлюсь, если через пару недель выпадет снег.

Амалия не ответила и снова тревожно оглянулась назад. С того самого момента, как за ними закрылись двери жилого корпуса, ее не покидало ощущение, что их кто-то преследует. Что же такое там, в узком проходе между домами? Человек? Животное? Или просто какой-то бесформенный сгусток темноты? Нет, ничего, показалось… Иногда сквозь стук капель дождя и грохот грома Амалия будто бы слышала чьи-то легкие шаги, но они тут же затихали, стоило ей остановиться. В конце концов ей это надоело.

– Кто здесь? – негромко позвала Амалия, зажигая магический огонек. – Эй!

Темнота не ответила. Амалия постояла еще немного, напрягая зрение и слух, но так ничего и не заметила. Чертовщина какая-то. Теперь Ливи уж точно подумает, что ее соседка окончательно спятила. Амалия невесело вздохнула и развернулась.

Ливи не оказалось рядом. Наверное, просто ушла вперед и не заметила, как Амалия отстала… но куда она могла деться на узкой улице? Свернула? Налево или направо? Куда здесь вообще нужно сворачивать?

– Ливи! – закричала Амалия. – Ливи, подожди меня!

Нет ответа. Теперь ей стало по-настоящему страшно. Такие уютные и знакомые улочки замка Ринвуд вдруг показались чужими и пугающими. Но куда больше пугала тишина – ни

голосов, ни скрипа дверей. Даже окна не светятся. Будто бы Академия вымерла и Амалия осталась совсем одна среди угрюмых и мокрых от дождя серых зданий. Магический огонек на кончиках пальцев беспомощно замигал и потух, погружая улицу в кромешную темноту. Сила упрямо отказывалась подчиняться перепуганной Амалии, и замерзшие руки выдавали лишь жалкие искорки.

И тогда за спиной вновь раздались шаги.

Амалия сдавленно вскрикнула и бросилась бежать, но через несколько шагов споткнулась и упала на камни. Поднялась, не обращая внимания на боль в разбитой коленке, и помчалась дальше. Дождь еще усилился и теперь хлестал по лицу тяжелыми холодными плетями, выбивая слезы, а ноги предательски разъезжались на скользкой мостовой. Амалия хваталась за стены домов, но все же снова падала, снова поднималась и ковыляла дальше. Но таинственный преследователь не отставал – он будто бы играл со своей жертвой, не спеша шагая следом в паре десятков футов. Амалия звала на помощь, но ее крик тонул в раскатах грома.

– Помогите, – прошептала она, из последних сил устремляясь вперед. – Кто-нибудь! Пожалуйста…

И, словно отвечая на ее мольбы, небо прорезал ослепительный росчерк молнии. На мгновение стало светло, как днем, и Амалия увидела впереди лестницу Дома Четырех Стихий. Дождь стих, осталась лишь медленно оседающая в воздухе водяная пыль. Темнота отступала, и вместе с ней уходил и ужас. Амалия больше не слышала шаги за спиной и даже осмелилась оглянуться. Никого. Академия вновь ожила, вспыхнув парой десятков окон. И как можно было не видеть их раньше?

– Я точно сумасшедшая, – вздохнула Амалия, отжимая насквозь вымокшие полы плаща. – Перепугалась, как маленькая девочка…

Страх исчез, но теперь его место занял стыд. Хорошо, что никто не видел, как она вопила и валялась в лужах! Если об этом узнает Урания Клиффорд, завтра вся Академия будет тыкать в Амалию пальцем… Проклятье! И Ливи, наверное, уже с ног сбилась, разыскивая непутевую соседку. Амалия устало прислонилась к холодному белому камню. Сейчас, нужно только немного постоять здесь, в тени под лестницей, и можно будет отправиться за земляничным пирогом. Не идти же в «Вересковый мед» с дрожащими губами и в перепачканном грязью плаще.

– Не торопись так, Кет. Я за тобой не успеваю.

Негромкий старушечий голос зазвучал откуда-то сверху. По-видимому, мадам Мерсье спускалась по ступенькам вместе с

профессором Кроу. Амалия пригнулась – ей совершенно не хотелось попадаться на глаза противной старухе.

– Пожалей мои старые кости, – снова заворчала мадам Мерсье. – Я уже не так проворна, как была полвека назад.

– Ради Отца Всемогущего, переходите к делу, – недовольно отозвалась Кроу. – Зачем вам вообще понадобилось вытаскивать меня на улицу в такую отвратительную погоду?

– Прогулки на свежем воздухе неплохо разгоняют кровь, – прокаркала мадам Мерсье. – И еще лучше очищают разум. В моем возрасте этим не следует пренебрегать. Да и тебе тоже пойдет на пользу. Нельзя круглые сутки проводить за столом – даже если это стол ректора.

– Представления не имею, как Эл успевал за всем следить. – Кроу устало вздохнула. – Студенты, профессора, библиотека…

– Все очень просто, – рассмеялась мадам Мерсье. – Эл никогда не успевал ровным счетом ничего.

Смех старухи напоминал клекот птицы. Хищной и очень-очень старой. Амалия, собравшаяся было покинуть свое укрытие, снова замерла на месте. Неизвестно, что сделает мадам Мерсье, если узнает, что кто-то подслушал, как она ругает самого Торвальдсена.

– Но он всегда умел вовремя понять, что сейчас важнее всего, – продолжила та. – А это куда разумнее, чем взвалить на себя все тяготы этого мира.

– Я очень рада за него. – Кроу явно начинала терять терпение. – Так мы здесь, чтобы поговорить о талантах Элвина Торвальдсена? Если так, то я, пожалуй, вернусь к своим делам. При всем моем уважении к ректору и к вам, у меня слишком много работы.

– Нет, девочка. – Мадам Мерсье тяжело вздохнула. – Я бы и рада была просто поболтать, но все куда серьезнее. Дурные вести не дают мне покоя: две недели назад в Лютессе похоронили Софи Дюбуа.

– Примите мои соболезнования, – тихо произнесла Кроу. – Я слышала, что вы были с покойной близкими подругами.

– Оставь сочувствие при себе, девочка, – прокаркала мадам Мерсье. – У старой карги был слишком мерзкий характер, чтобы кто-то мог называть себя ее другом. По сравнению с покойной даже я показалась бы кроткой овечкой.

– Тогда я снова не понимаю, зачем я здесь.

– Кет, Софи Дюбуа была старше меня почти на полторы сотни лет, – голос мадам Мерсье зазвучал громче. – Ведьмы ее уровня крайне редко умирают просто потому, что пришло их время.

– Вы… вы думаете, что ее убили? – сдавленно пробормотала

Кроу. – Но кому могла понадобиться жизнь беззащитной женщины?

– Поверь мне, девочка, – мадам Мерсье вновь насмешливо закаркала, – Софи вовсе не была той выжившей из ума немощной старухой, которой так хотела казаться. И тот, кто пришел за ней, прекрасно это знал.

– Как она умерла?

– В собственной постели, за дверями, которые так и остались запертыми изнутри. Все защитные чары тоже оказались на месте – а их у Софи всегда было предостаточно. И я бы и рада думать, что все это просто немыслимое совпадение. Но три дня назад пришли вести от Игоря Стрелковского: кто-то пытался убить и его.

Амалия затаила дыхание. Кто-то пробрался мимо сильнейших защитных чар! Точно так же, как и в Дозорной Башне! Неужели?..

– Игорь в порядке? – выдохнула Кроу. – Кто это сделал?

– Игорь прекрасно себя чувствует. – Мадам Мерсье усмехнулась и продолжила: – В отличие от того, кто пытался подстрелить его из арбалета. Надо признать, что у негодяя это почти получилось, и Стрелковскому пришлось бить наверняка. Так что допрашивать оказалось некого. Непросто выпытать что-то у горстки пепла.

– Проклятье!

Кроу с силой опустила руки на перила, и Амалии пришлось еще сильнее вжаться в лестницу, чтобы ее не заметили.

– Кто-то попытался убить Высшего мага, – прорычала Кроу. – И, возможно, убил одну из старейших ведьм. Если это то, о чем я думаю… нельзя говорить об этом Грегу. Он тут же помчится спасать Элвина и отправит на тот свет любого, кто вздумает встать у него на пути.

– Ты думаешь, Грег еще не знает? – усмехнулась мадам Мерсье. – У него отличные осведомители. И он уже не тот мальчишка, которым был полтора века назад. Элвин может сам о себе позаботиться. Сейчас Грег нужнее здесь, тебе, и он это прекрасно понимает. Но это не единственная причина, по которой он ни за что не покинет Академию.

– Девочка. – Кроу устало вздохнула. – Вы ведь говорите о ней, да? Она очень важна для Грега.

Амалия вздрогнула. В Академии вряд ли было много девочек, удостоившихся столь пристального внимания профессора Коннери. Если точнее – только одна. Амалия Хэмптон, леди Фалмут, студентка первого курса. Которая совершенно случайно оказалась сейчас под лестницей Дома Четырех Стихий.

– Не только для него, – подала голос мадам Мерсье. – Для

всех нас. Дар Изначальной Тьмы. Сила настолько же страшная, насколько редкая. Если сейчас происходит то же самое, что и в тысяча двести сорок первом… она не сможет остаться в стороне.

– Грег хочет учить ее. – Кроу оперлась спиной на перила. – Это безумие. Что будет, если она сорвется? Или – хуже того – предаст нас? Мы не можем так рисковать.

– Пожалуй, – согласилась мадам Мерсье. – Но что еще мы можем сделать? В одном Грег полностью прав – такой Дар невозможно спрятать или уничтожить. Он умрет только вместе с девочкой, и никак иначе.

– Нет! – Кроу почти закричала. – Должен быть выход. Селина может провести ритуал…

– …на подготовку которого уйдут годы, – насмешливо возразила мадам Мерсье. – Если такое вообще возможно проделать с настоящим темным магом. Но у нас нет этих лет, Кет. Тебе придется принимать решение, и уже очень скоро… если от тебя сейчас хоть что-то зависит.

– И что же вы предлагаете, мадам Мерсье? Просто сидеть сложа руки? Ждать, пока проблема разрешится сама собой? Или надеяться, что Элвин сам со всем справится?

– Вовсе нет. – Голос старухи понизился до едва слышного шепота. – Риск действительно велик. Но дети… дети такие хрупкие. Девочка может случайно съесть что-нибудь за ужином, и даже Селина ее не спасет. Мои зелья не оставляют следов.

– Замолчите! – Судя по звукам, Кроу схватила старуху за ворот плаща. – Ради всего святого, замолчите. Как вы можете…

– Я могу, девочка.

На мгновение Амалии показалось, что рослая и сильная Кроу сейчас попросту придушит мерзкую старуху, но уже через несколько мгновений мадам Мерсье снова закаркала:

– Иногда приходится выбирать меньшее зло. И чем раньше ты это поймешь – тем лучше.

– Она же еще совсем ребенок, – процедила Кроу сквозь зубы. – Грег убьет вас, если узнает, что вы хотя бы подумали о подобном.

– Пусть так. – Мадам Мерсье сдавленно захихикала. – Я уже достаточно пожила на этом свете. Я не боюсь ни тебя, ни Грега, ни Элвина, ни самого Дьявола. И когда придет время действовать – я буду готова. Но я не настолько выжила из ума, чтобы взять это на себя. Ты сама сделаешь то, что нужно.

Как же Амалии хотелось, чтобы Кроу свернула тощую морщинистую шею! Конечно же, она должна это сделать. Вот прямо сейчас! Как может эта старая ведьма говорить такое той, кого сам ректор оставил управлять Академией?! Ведь профессор

Кроу хорошая женщина, и она обещала помочь Амалии. Почему она молчит?!

Но мгновение уходило за мгновением, а шея мадам Мерсье так и осталась нетронутой. Амалия даже осторожно высунула голову наверх и посмотрела, что же происходит на лестнице. Силуэты обеих женщин – прямой и высокий, и второй, сгорбленный и уродливый, – неподвижно замерли друг напротив друга. Из-под капюшонов плащей вылетали клубы пара, но ни Кроу, ни мадам Мерсье больше не произносили ни слова. Только спустя несколько минут Кроу снова заговорила.

– Уходите, мадам Мерсье, – ледяным тоном произнесла она. – Если вы мне понадобитесь, я дам вам знать.

Амалия в бессильном отчаянии ударила кулаком по лестнице. Ее предали. Снова. Сначала отец, потом ректор, а теперь еще и профессор Кроу. Не получалось даже заплакать – из груди вырывались лишь беззвучные рыдания. Кроу и мадам Мерсье уже давно ушли, а Амалия так и стояла, кутаясь в мокрый и грязный плащ. Внутри вдруг стало так пусто и холодно, что захотелось улечься прямо здесь, под лестницей, и заснуть. А потом проснуться оттого, что мама ласково гладит по голове и зовет на завтрак. Но мамы не было здесь, в Академии. Зато были Ливи и Агнешка, которые уже наверняка искали ее по всему замку. Вздохнув, Амалия поплелась обратно к жилому корпусу, шлепая мокрыми башмаками прямо по лужам.

Ненавистный хриплый голос окликнул ее, когда она уже шагала через площадь мимо Старины Боба.

– Не поздновато для прогулок? – поинтересовался Коннери.

– Убирайтесь к Дьяволу! – Амалия резко развернулась. – Оставьте меня в покое!

Коннери стоял в тени дерева и почти полностью сливался с окружавшей его темнотой. Если бы не глаза, тускло мерцавшие зеленым, можно было бы подумать, что под Стариной Бобом вовсе никого и нет. Грегор Коннери вновь явился, чтобы помучить свою жертву, невозмутимый и насмешливый. Амалия почувствовала, как где-то глубоко внутри черным цветком распускается ярость, сметающая холод и оцепенение. Руки сами собой сжались в кулаки.

– Послушайте, вы! – Она бесстрашно шагнула вперед, откидывая с головы капюшон. – Я не знаю, что вы задумали, но лучше бы вам…

Амалия даже не представляла, что скажет дальше, но когда она подошла ближе к Старине Бобу, там уже никого не было. Только в ветвях дерева еле слышно шелестел хриплый шепот:

– Отлично, девочка. Убьешь меня в другой день. Но не

сегодня.

* * *

– Над Академией сгущались тучи, – задумчиво произнесла Агнешка. – Но самые… густые тучи сгущались в комнате номер двадцать четыре. Что стряслось?

Амалия молча швырнула плащ в угол и принялась стаскивать с себя мокрое платье. Сейчас болтовня Агнешки только раздражала. Котенок, почуяв неладное, спрыгнул с кровати и стрелой унесся куда-то за шкаф. Тучи действительно сгущались – только внутри. Перед встречей с Коннери Амалия больше всего на свете хотела оказаться в своей комнате с соседками и котенком – единственными, кто еще не предавал ее, но теперь ей куда больше хотелось просто побыть одной.

– Куда ты пропала, Ами? – тревожно поинтересовалась Ливи. – Я тебя везде искала! Ты что, упала? Что с тобой случилось?

– Ничего, – буркнула Амалия, залезая под одеяло. – Отстань.

– Не трогай ее, герцогиня. – Агнешка спрыгнула с подоконника. – Похоже, кто-то наступил нашей девочке на хвост, и теперь она готова убить любого, кто подойдет ближе чем на три фута.

– Ты хотя бы цела? – Ливи не обратила внимания на предупреждение и подошла к кровати Амалии. – Кто тебя обидел? Урания?

– Нет, – устало выдохнула Амалия. – Все в порядке, Ливи. Просто заблудилась.

– И просто извалялась. – Агнешка с ногами забралась на свою постель. – Не уверена, что сейчас подходящее время, но если хочешь, я расскажу тебе о твоем ненаглядном Матабере. М-м-м?

Амалия не ответила и отвернулась к стене. Еще утром тайна черной книжечки манила ее сильнее, чем свет свечи манит глупых мотыльков, но сейчас все изменилось. Матабер, загадочный маг, убивший ведьму в далеком Лютессе… Какая разница?

– Было время, когда правил в славной Виенне юный кайзер Маркус-Герарт, – негромко начала Агнешка, расценив молчание как согласие. – И не было во всем Остерайхе юноши красивее и сильнее…

– А вот и неправда, – фыркнула Ливи. – В «Истории Серединных Земель» написано, что Маркус-Завоеватель был невысоким, колченогим, да еще и толстым, как пивная бочка!

– Ну и читай свои книжки. – Агнешка показала язык. – Я рассказываю так, как рассказывала моя бабка. Она-то, понятное дело, никакого кайзера в глаза не видела. Но в сказках же всегда все так – если принц, то непременно красивый – точь-в-точь как твой братец. А на самом деле они все сплошь кривозубые и хромые.

– Ладно, пусть будет красивый, – разрешила Ливи. – Давай уже дальше!

– И как-то рано утром пришел к трону юного кайзера Черный Человек. – Агнешка сделала многозначительную паузу и продолжила чуть тише: – Хоть и светло было во дворце, да никто так и не разглядел лица незваного гостя – было оно скрыто под капюшоном черной мантии. И шел этот Черный Человек престранно – медленно, тяжело, на обе ноги хромая, да еще топал по полу вот так – стук, стук, стук, будто бы не сапоги у него вовсе, а железные копыта.

Агнешка для пущей убедительности постучала по столешнице железной ложкой. Звук действительно получился зловещим: Ливи тихо охнула, а котенок стрелой метнулся под кровать.

– Юный Маркус-Герарт спросил у Черного Человека: «Кто ты такой, что без спроса пожаловал в мой дворец? Как имя твое?» И отвечает ему Черный Человек: «Великий Кайзер, имя мое Матабер. Тридцать лет я посвятил изучению магических таинств и сейчас желаю служить тебе своей Силой и мудростью. Непростое время настало, враги на границах собирают армию. Быть войне!»

– Враги на границах, – усмехнулась Ливи. – Конечно же! Я читала об этом – кайзер сам напал на Вольные Города на востоке Серединных Земель. Потом под ударами Остерайха пали и княжества на западе, а весной тысяча двести сорок второго войска Маркуса-Герарта вышли к границе Анцерии. А уже через месяц они взяли Лютесс и казнили императора Анри Третьего.

– Может быть, – проворчала Агнешка. – Моя бабка не была сильна в исторических датах и императорах. И вообще, это история не о Маркусе-Завоевателе, а о его придворном маге!

– Вот и рассказывай о придворном маге. – Ливи нетерпеливо тряхнула головой. – Пока я слышу только про Осеннюю Войну, про которую и так все знают.

– Подожди, – огрызнулась Агнешка, – сейчас будет и про Матабера… дай вспомнить! А! И говорит Черный Человек, назвавшийся Матабером: «Сделаю я твоим рыцарям особенную броню, что ни меч, ни копье, ни стрелы не пробьют. Ни серебра, ни золота не возьму я у тебя за свою службу. Только три вещи отдашь ты мне, когда я попрошу».

– И кайзер согласился? – прошептала Амалия.

История так увлекла ее, что она даже почти перестала думать про разговор, который подслушала час назад. Но все же что-то зацепило ее… Кажется, старуха Мерсье упоминала тысяча двести сорок первый год – как раз перед тем, как войска Остерайха двинулись на запад. И дата в дневнике… наверняка тот рыцарь участвовал в Осенней Войне – иначе и быть не могло!

– Согласился. – Агнешка кивнула. – А чего бы ему и не согласиться? Броня, особенно волшебная, рыцарям нужна, а отплатить Матаберу за службу можно и потом… а можно и не отплатить. С кайзера разве спросишь?

– Мне бы такое не понравилось. – Ливи покачала головой.

– Не одна ты такая умная. – Агнешка уселась поудобнее и продолжила: – Была у кайзера юная жена – Анна-Мария. Смотрит она на Матабера, и кажется ей, будто бы и не человек он вовсе, а чудовище страшное – от дыхания его свечи гаснут и холод идет могильный. И шепчет она мужу своему: «Гони прочь Черного Человека, обманет он тебя. И большой беде тогда быть!» Но разве станет кайзер женщину слушать? Скрепили они с Матабером свои слова клятвой нерушимой, и закипела в подземельях Виенны работа. День и ночь стучат кузнецы молотами, а Матабер вокруг них ходит, гремит железными копытами. Через месяц только явился он к кайзеру свое требовать. Говорит: «Великий Кайзер, велика моя Сила, но всю ее я вложил в броню волшебную, а работы и половина не сделана. Отдай мне коня своего, что в битвах тебя носил, – и продолжу я свой труд». Кайзер нахмурился, но клятву сдержал. Обнял коня да вложил узду в черные руки Матабера. А конь идет, упирается и человеческими слезами плачет, словно знает, что недолго ему жить осталось. Никто так его и не видел больше, но снова загрохотали молоты в подземельях Виенны.

– Я бы не отдала. – Амалия стиснула котенка. – Как так можно?!

– И месяца не прошло, как снова явился перед Маркусом-Герартом Матабер, – снова заговорила Агнешка. – И говорит: «Хороша броня твоя будет, Великий Кайзер. Но чтобы железо страха не знало, нужна ему кровь живая. Отдай мне десять юношей знатного рода, и закончу я работу свою». Вскочил кайзер с трона, глаза молнии мечут, но клятва есть клятва. В тот день по всей Виенне плач стоял. Хватались отцы седые за мечи, но воля кайзера – закон. И снова закипела работа…

– А ведь это и правда было! – Ливи поежилась и закуталась в одеяло. – Как раз перед самой Осенней Войной в Виенне казнили нескольких наследников старейших родов Остерайха. Их

обвинили в измене…

– Может быть, так оно и произошло. – Агнешка пожала плечами. – Или Маркус-Герарт просто устранил тех, кто угрожал его власти, а жуткую сказочку сочинили уже потом.

– А третье? – Амалия подалась вперед. – Чего еще потребовал у кайзера Матабер?

– В тот вечер не могла глаз закрыть юная и прекрасная Анна-Мария. Чуяло женское сердце беду – и пришла беда. Стук-стук-стук – загремели в ночи железные копыта. И явился в опочивальню кайзера Матабер. И говорит: «Сдержал я слово свое, Великий Кайзер. Готова броня волшебная, что любой стали крепче. Но чтобы служила она тебе службой верной, нужно ей сердце любящее. Отдай мне супругу свою, прекрасную Анну-Марию…»

– И что?! – Амалия затаила дыхание. – Отдал?!

– Не отдал. – Агнешка рассмеялась. – Поговаривают, что кайзер сам отравил свою благоверную годом позже, но…

– Анна-Мария умерла уже после того, как Остерайх проиграл Осеннюю Войну, – встряла Ливи. – Это я точно помню. А что случилось в сказке? Ну же, рассказывай!

– А ты не перебивай, – сварливо буркнула Агнешка. – А то забуду!

– Ну пожалуйста!

– Ладно. – Агнешка улыбнулась. – И тут вскипела у кайзера в жилах горячая кровь. Схватился он за свой меч и пронзил им мертвое сердце Матабера, и рассыпался тот в прах – лишь черная мантия на полу осталась. Три дня праздновала вся Виенна избавление от страшного колдуна, а на четвертый день…

– А этот Маркус-Герарт не такой уж и плохой, – радостно заметила Амалия. – Все-таки жена оказалась ему дороже власти. Люблю, когда такие истории хорошо заканчиваются.

– Я тоже. – Агнешка зловеще ухмыльнулась. – Только это еще не конец!

– Ой, – Амалия поднесла руки ко рту. – А дальше… что было дальше?

– А на четвертый день вошел кайзер в опочивальню своей супруги. Смотрит Анна-Мария и не узнает мужа. Глаза черные-черные, будто пустые, холод от него идет могильный. – Агнешка сделала страшное лицо и шепотом закончила: – А когда он шагает, грохочет по полу, будто бы не ноги у него вовсе, а железные копыта!

Когда Агнешка снова загремела ложкой по столу, Амалия взвизгнула и запустила в нее подушкой. После такой сказки неделю спать не захочется!

– Мне кажется, все это выдумки. – Ливи помотала головой. – Я никогда не слышала о владыке Матабере, а он – если верить легенде – жил не так уж давно, всего полтора века назад… Старые маги вроде Торвальдсена, Кроу или Коннери вполне могли видеть Матабера воочию. Да и в хрониках не могло не сохраниться подобное.

– И все-таки не сохранилось. – Агнешка пожала плечами. – Я спрашивала у отца, и он каждый раз говорил, что никакого Матабера никогда вовсе и не существовало, а сумасшедший кайзер попросту сваливал на выдуманного придворного мага собственные грешки. Ну, на его месте я бы поступила точно так же.

– Сумасшедшие не создают империй, подобных империи Маркуса-Завоевателя, – возразила Ливи. – Может быть, стоит заглянуть в библиотеку? Там немало древних книг. Если Матабер действительно жил сто пятьдесят лет назад, в одной из них точно должно что-то быть.

– Если вам так интересно копаться в страшных сказках, попробуйте помучить Крамера. – Агнешка бросила свитер на пол и натянула на себя одеяло. – Он ужасный зануда, но знает все на свете. А я собираюсь спать. Не хочу снова остаться без завтрака.

Глава 11

– Поверить не могу, что я решила потащиться сюда. – Агнешка недовольно ворчала, поднимаясь по ступенькам к Дому Четырех Стихий. – Завтра оккультные науки, и де Вилья точно меня изнасилует. Причем не в самом приятном смысле этого слова.

– Завтра Инициация, – напомнила Ливи, – все занятия отменили.

– Ах да, точно. – Агнешка радостно улыбнулась. – Тогда другое дело. Старый бабник не упустит возможности попялиться на первокурсниц в полупрозрачных белых мантиях.

– В полупрозрачных? – вспыхнула Амалия. – Совсем?

– Не совсем.

Алекс спускался по лестнице им навстречу. На этот раз он был одет в простую серую мантию, но она шла ему не меньше, чем камзол, который Алекс надел… тогда. Амалия опустила глаза. Они с Алексом не виделись с самого бала. Наверное, он уже сто раз успел пожалеть, что пригласил ее. Испортила всем праздник, да еще и сам Алекс чуть не ввязался в драку с тем великаном.

– Ну вот, раскрыл всю интригу, Монтгомери, – пробурчала Агнешка, бесцеремонно отодвигая Алекса с дороги плечом. – А что ты тут забыл? В последнее время вы с Морганом не вылезаете из тренировочного зала. Леди Фалмут уже начала ревновать.

– Вообще-то это я попросила брата провести нас во второй зал библиотеки, – сказала Ливи. – Первокурсников туда не пускают, а тебя Крамер точно выгонит.

– С этим не поспоришь, – ухмыльнулась Агнешка. – Хотя я всего-то навсего пролила эль на какое-то безумно редкое издание «Сторожевых чар» Айзека Тенебри. А что вы так на меня смотрите? Должна же чем-то запивать лимонные пирожки, и вообще…

Дальше Амалия уже не слушала. Куда больше, чем позорное изгнание Агнешки из второго зала библиотеки, ее интересовал Алекс. Тот выглядел усталым и немного похудел, но от этого как будто стал еще красивее. Даже светлая поросль на щеках и подбородке его совершенно не портила – скорее наоборот. Поймав робкий взгляд Амалии, Алекс улыбнулся – совсем чуть-чуть, почти одними глазами, но ей тут же стало тепло. Неужели не сердится? Совсем-совсем?

Первый зал библиотеки встретил Амалию и остальных гулом и суетой. Студенты толкались между полок, разыскивая нужные

книги и свитки. Здесь ничего интересного не было. Все по-настоящему ценные и редкие рукописи – если верить словам Алекса – хранились в таинственном втором зале, куда первокурсников не пускали.

– Постарайтесь ничего не уронить. – Алекс улыбнулся и легонько коснулся двери библиотечным амулетом. – Иначе Крамер нас всех сожрет.

Второй зал библиотеки… Нет, не так. Библиотека. Первый зал – небольшое помещение, наполненное десятками потрепанных копий одних и тех же учебных томов и снующими туда-сюда студентами, – потерял право называться библиотекой в тот самый момент, как Алекс распахнул перед Амалией дверь. Столько книг ей еще никогда не приходилось видеть! В кабинете отца было несколько сотен, возможно, даже тысяч фолиантов, но его домашняя библиотека – самая большая в родном Эйлсбери – не шла ни в какое сравнение с книжным богатством Академии. Ряды высоких полок, заставленных под завязку, уходили вдаль – Амалия не смогла даже разглядеть конец зала. Но и помимо книг здесь хватало интересного – картины, гобелены, мозаики, скелеты каких-то невиданных животных…

– Дракон! – восторженно прошептала Ливи, указывая куда-то вверх. – Настоящий дракон!

Вернее, когда-то был им. Но даже в виде чучела гигантская крылатая ящерица выглядела настолько грозно, что Амалии на мгновение захотелось шмыгнуть обратно за тяжелую дубовую дверь. Дракон был около сотни ярдов длиной и нависал над библиотекой под самым потолком, почти касаясь сводов кончиками могучих кожистых крыльев. Его шея изгибалась так, словно он уже высмотрел среди библиотечных полок добычу и теперь готовился схватить ее огромной пастью, усеянной острыми зубами, каждый из которых был размером с руку Амалии. Темно-зеленая чешуя и застывшие янтарные глаза чудовища поблескивали, отражая свет витражных окон и люстр с сотнями свечей.

– Вот страхолюдина, – выдохнула Амалия, слегка отойдя от испуга. – Неужели в Ритании такие когда-то водились?

– Еще и не такие. Поговаривают, что это вообще детеныш. Был.

– Расскажи. – Ливи указала наверх. – Откуда он здесь?

– Его называют Лорд Калессин. – Алекс на мгновение задумался. – Понятия не имею, кто придумал это имя и как он сюда попал. Последний раз живого дракона видели в…

– Скукотень, – бесцеремонно встряла Агнешка. – Есть легенда, что, если к выпускному курсу в стенах Академии Ринвуд

останется хоть одна непорочная дева, старина Син проснется и улетит. Я, конечно, ни на что не намекаю, но зверюга висит здесь от самого сотворения времен.

– Госпожа Ковальски, – укоризненно протянул Алекс, но тут же рассмеялся вместе с остальными.

Амалия тоже не смогла удержаться. Калессин, чье бронированное брюхо давным-давно набито опилками, взлетит нескоро – вот такие в Академии нравы… Засмотревшись на чучело, Амалия не заметила, как отстала от остальных.

– Четвертая полка с-с-справа…

Тихий шепот, похожий на едва слышное шипение, прозвучал за спиной. Амалия обернулась, но никого не увидела. Алекс, Ливи и Агнешка ушли вперед и уже куда-то свернули – их голоса и смех раздавались за книжными полками.

– Кто здесь? – громко спросила Амалия.

Ответом было молчание. Может быть, показалось? Четвертая справа… и что же там такое? Первая, вторая, третья… ага, здесь. Амалия на всякий случай огляделась по сторонам и шагнула в узкий проход между полками. Похоже, сюда нечасто заходили. Темно – рядом ни окон, ни свечей. Пол чистый, но на книгах уже скопился изрядный слой пыли. Амалия уже протянула руку, чтобы хоть немного отряхнуть корешки, но вовремя одумалась. Мало ли что библиотекарь навесил на эти полки. Защитная магия – это не шутки.

От пыльных книг будто бы тянуло холодком, хотя сквознякам в библиотеке взяться было неоткуда… Но нет! Холод исходил вовсе не от полок или неплотно закрытого окна. Сам воздух в паре шагов впереди заискрился ледяными крошками, потемнел и начал сплетаться в длинный тонкий силуэт.

– Отец Всемогущий, – прошептала Амалия, отступая назад.

Вязкая, как патока, темнота разлилась по полу, приближаясь к ее ногам. Полки задрожали, качнулись, нависли над Амалией и словно грозили раздавить. Древние книги затрепетали и заскользили к краям полок, и когда одна из них с грохотом свалилась на пол, к Амалии наконец вернулась способность двигаться. С громким визгом она развернулась и бросилась обратно на свет – подальше от темного чудища.

И тут же врезалась в некстати подоспевшего Алекса. Недолго думая, тот сгреб Амалию в охапку и не отпускал, пока она не перестала вопить и вырываться.

– Блеск, Монтгомери, девицы уже готовы набрасываться на тебя прямо в библиотеке, – раздался голос Агнешки. – И из-за чего все эти крики?

– Вы видели?! – Амалия с трудом заставила себя оторваться

от такого теплого и надежного Алекса и дрожащей рукой указала на проход между полками: – Там какая-то тварь!

Но смотреть было уже не на что. Темный силуэт испарился.

– Лично я вижу только кучу пыли и одну истеричную леди из рода Фалмут, – сердито проворчала Агнешка. – Охранные чары бы сработали!

Но в ее голосе не осталось и следа былой уверенности. Агнешка пыталась казаться спокойной, но искорки пламени, замерцавшие на кончиках пальцев, выдавали ее.

– Что случилось? – недовольный мужской голос донесся откуда-то издалека. – Что за шум?

– Крамер, – вздохнула Агнешка. – Все, теперь нам точно конец.

Амалия уже успела представить себе ворчливого сгорбленного старикашку, но владыка библиотеки оказался довольно молодым мужчиной – едва ли старше тридцати пяти лет. Внешне. Разумеется, это никак не могло помешать Крамеру на самом деле оказаться столетним магом. Его длинные черные волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб, а на носу Крамера красовались очки в медной оправе. За толстенными стеклами глаза казались огромными, отчего Крамер напоминал сердитого филина, а крючковатый нос с горбинкой лишь усиливал сходство. Даже тонкие пальцы, торчавшие из рукавов длинной темно-зеленой мантии, были почти как острые когти. Филин увидел нарушителя спокойствия и уже готовился вцепиться в жертву.

– Юные господа, – Крамер сложил руки на груди, – не потрудитесь ли вы объяснить, что здесь происходит.

– Я… я просто… – пробормотала Амалия.

– Нам нужно было найти одну книгу для подготовки к занятию по истории, – выручила Агнешка. – А потом тут пробежала крыса. Знаете, моя соседка очень боится…

– Крыса? – Крамер грозно сдвинул брови. – Крыса в МОЕЙ библиотеке, госпожа Ковальски?

– Не уверена, – поспешно поправилась Агнешка. – Может быть, птица или насекомое. Таракан…

– Таракан?!

Крамер отличался тщедушным телосложением, да ростом был немногим выше Амалии, но сейчас раздулся от гнева и стал чуть ли не вдвое больше. Похоже, Агнешка наступила на его любимую мозоль.

– Тараканы и крысы?! – продолжал греметь владыка библиотеки. – За кого вы меня принимаете, госпожа Ковальски? По-вашему, ректор Торвальдсен платит мне за то, чтобы я

скармливал драгоценные экземпляры каким-то грязным тварям? Я лично заговаривал все стены и полки этого места, и самое гадкое, что может сюда просочиться, – это нерадивые студенты вроде вас! – Крамер шумно выдохнул. – Убирайтесь. Убирайтесь, или, клянусь Отцом Всемогущим, я потребую для вас такого наказания…

– Уверяю вас, сэр, у нас и в мыслях не было ничего дурного, – мягко встрял Алекс. – Думаю, бедной девочке просто что-то померещилось. Вы же знаете профессора де Вилью – он совершенно завалил их домашним заданием.

Амалия хотела было поправить – у первого курса занятия по оккультным наукам начинаются только после зимних каникул, – но Алекс едва заметно коснулся ее пальцев и подмигнул.

– Де Вилья, – проворчал Крамер. – Вечно он лезет со своими советами. Как будто я сам не знаю, как управиться с библиотекой. Если бы он не гонял сюда полчища малолетних шалопаев, все книги были бы на месте…

Неужели де Вилья и Крамеру успел насолить? Тот явно не отличался кротким нравом, но его едва ли интересовало что-либо, кроме книг. Как вообще можно с ним всерьез разругаться?.. Конечно же, если ты не Агнешка и не раскладываешь пирожки на страницах древних фолиантов.

– Совершенно верно, – подхватил Алекс. – Знаете, я вообще не уверен, что оккультные науки так уж нужны младшим курсам. Это дело настоящих ученых. Черные книги могут быть опасны!

– Приятно видеть столь здравомыслящего юношу.

Крамер все еще хмурился, но Амалия поняла: лед растаял. Обаяние Алекса без особого труда пробило даже эту толстенную броню. Еще немного, и можно будет спросить его о чем угодно.

– Профессор Крамер, – осторожно поинтересовалась Ливи. – У нас с соседками недавно вышел небольшой спор об Осенней Войне…

– Тысяча двести сорок первый год. – Крамер усмехнулся. – Конечно же, большинство книг указывает другую дату – на год позже. Но, как и любая другая, Осенняя Война началась задолго до того, как рейтары Остерайха оседлали коней.

– Полностью с вами согласна, – кивнула Амалия. – Но нас интересовало… немного другое. Вам приходилось слышать о придворном маге кайзера Маркуса-Герарта? Кажется, его звали владыка Матабер…

Пожалуй, ректор Торвальдсен или профессор Кроу в подобной ситуации смогли бы сохранить самообладание. Но у Крамера явно не было их опыта. Он побледнел, впился в Амалию немигающим взглядом, а потом попятился назад, комкая мантию

дрожащими пальцами. Заметив изумленные глаза Амалии, Крамер спрятал руки за спину, но тут же споткнулся и едва не полетел на пол.

– Вы задаете какие-то странные вопросы, юная леди, – пробормотал он. – Я представления не имею ни о каком Матабере. Его никогда не было. Не было, слышите меня!

Последние слова Крамер выкрикивал, продолжая отступать спиной, пока не наткнулся на полку с книгами. Та пошатнулась, и какой-то увесистый том стукнул библиотекаря прямо по макушке. Крамер охнул, развернулся и быстро зашагал прочь. Книга так и осталась лежать на полу.

– Видели, как поскакал? – фыркнула Агнешка. – Не знаю, как у тебя это получается, но ты здорово нагнала ужаса на старину Крамера. Он всегда побаивался женщин, но чтобы настолько?..

Амалия молча покачала головой. Крамер смотрел на нее Истинным Зрением – и то, что он увидел, ему совсем не понравилось. Или это имя Матабера внушало такой ужас? Снова загадки – странные, недобрые и пугающие. Крамер наверняка знал что-то, но теперь уж точно не скажет ни слова.

– Идите-ка сюда, – позвала Ливи. – Здесь нет одной книги.

Бесстрашная соседка стояла между полками – прямо там, где появилась из воздуха, а потом так же неожиданно исчезла черная тварь. О том, что произошло, Амалии напоминало только собственное сердце, до сих пор тревожно трепетавшее в груди, и книги. Они соскользнули почти к самому краю полки и стояли неровно, но все же их порядок не нарушился. Амалии еще не приходилось видеть этого старого и наверняка безумно дорогого издания с золочеными буковками на потемневших от времени корешках. «Хроники Серединных Земель» – без автора. Сборник старинных летописей в пяти томах. Вернее, уже не в пяти. Фолиант с цифрой «три» лежал чуть наискосок, словно пытаясь скрыть пропажу соседа, и сиротливо приваливался к боку пятого тома. Четвертый пропал. И что-то подсказывало Амалии, что пропал он именно тогда, когда в библиотеке появилось чудовище.

– Я же говорила вам, – выдохнула Амалия. – Эту книгу забрали. Кто-то, кто смог без труда пробраться сюда и не боится самых сильных охранных заклятий.

Библиотеку покидали молча. Даже Агнешка выглядела напуганной и задумчивой и почти не отпускала своих любимых шуточек. И только когда Амалия уже начала спускаться по лестнице, ее негромко окликнул Алекс.

– Послушай… у тебя не найдется минутка?

– О-о-о, да неужели… – Агнешка от удивления даже открыла рот.

– Даже не думай. – Ливи тут же схватила ее за локоть и решительно потащила вниз по ступенькам. – Им явно есть о чем поговорить. Наедине.

Амалия беспомощно проводила соседок взглядом. Удивительно, но сейчас общество Алекса пугало ее немногим меньше, чем тварь в библиотеке. Вернее, пугали те слова, которые он вот-вот должен был сказать.

– Прости… – прошептала Амалия.

– Прости… – эхом отозвался Алекс.

Несколько мгновений они просто непонимающе смотрели друг на друга, а потом Амалия не выдержала и, плюнув на все приличия, уткнулась предательски покрасневшим лицом в широкую грудь Алекса.

– За что ты извиняешься? – растерянно произнес тот, аккуратно обнимая ее за плечи.

– А ты за что? – Амалия так и не осмелилась поднять взгляд. – Это же я испортила всем бал. Я постоянно влипаю в какие-то дурацкие истории. От меня лучше держаться подальше!

– Не говори глупостей. – Алекс вздохнул. – Это мне впору просить у тебя прощения. Я пригласил тебя на бал и позволил тебе ввязаться в драку, а потом, когда Коннери унес тебя, даже не смог узнать, что случилось.

– Ты… ты искал меня? – прошептала Амалия.

– Чуть ли не всю Академию обошел. – Алекс еще крепче прижал ее к себе. – Я уже собирался ломиться в дверь к старику Коннери. Роб отговорил. Сказал, что это Торвальдсен распорядился… а потом я даже ни разу не навестил тебя, хотя и должен был… у тебя очень много занятий, знаю, и я постоянно откладывал этот разговор, искал себе оправдания. – Алекс на мгновение замолк. – Но больше не ищу. Ты простишь меня?

Извинения. Просто извинения – из вежливости – и ничего больше. Впрочем, чего еще следовало ожидать после того, что она устроила на балу?

– Глупый. – Амалия почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Но теперь… теперь ты все сказал?

На этот раз Алекс молчал куда дольше. Но потом он отпустил плечи Амалии и прикоснулся ладонями к ее лицу. Чуть приподнял – так, чтобы она могла видеть его глаза. Серые и невероятно, смертельно серьезные.

– Нет, это еще не все, – твердо произнес Алекс. – Амалия…

Слова закончились. В них больше не было необходимости. От Алекса едва заметно пахло чем-то пряным и цветочным. Но его собственный запах – такой будоражащий и одновременно близкий – был сильнее. От него кружилась голова. Тварь из

библиотеки, Коннери, черная книжечка, Матабер – все это вдруг стало таким далеким и ненужным. Амалия закрыла глаза и, почувствовав на своем лице дыхание Алекса, потянулась вперед, слегка открывая губы и…

Дверь библиотеки снова скрипнула. Тонкая, тоньше самого изысканного хрусталя сфера, отделявшая Амалию и Алекса от всего мира, лопнула и осыпалась осколками. Невесомыми, невидимыми, но холодными и ужасно острыми – казалось, что каждый из них попадал прямо в сердце. Амалия отпрянула назад. Как она могла забыть?! Ей нельзя, невозможно быть рядом с Алексом. От одного его прикосновения она теряла голову. А Амалия слишком хорошо помнила, что происходит в таких случаях. С тихим стоном Амалия выскользнула из рук Алекса. Он не пытался ее удержать, но все равно что-то внутри беззвучно порвалось надвое. Половина осталась с Алексом, а вторая болью засела в груди, не давая вздохнуть.

– Нет, – прошептала Амалия, отворачиваясь. – Не надо.

– Стой! – Алекс едва успел поймать ее за руку. – Подожди!

– Ты что, не слышишь, Монтгомери? Леди хочет уйти.

Дерек неторопливо спускался по лестнице. Неизменная мешковатая одежда и уродливые грошовые сапоги. Только на этот раз он убрал волосы под повязку на лбу – чтобы не лезли в глаза. Внешне Дерек почти не изменился, но как будто снова достал откуда-то ту, вторую личину, которую Амалия уже видела на болоте. Следы побоев исчезли – остался только небольшой шрам, пересекавший правую бровь тонкой белесой черточкой. Лицо Дерека и раньше сложно было назвать красивым, и шрам вовсе не добавлял ему очарования, но при этом как будто делал Дерека на пару-тройку лет старше, превращая нескладного юношу в молодого мужчину. Он ступал по лестнице мягко и едва слышно, словно кот, почуявший мышь, а в глазах его появилось что-то такое, отчего Амалия вдруг почувствовала себя той самой мышью.

– Леди. Хочет. Уйти, – размеренно произнес Дерек, спустившись еще на пару ступенек. – Оставь ее в покое, Монтгомери.

– Не лезь не в свое дело, парень. – Алекс развернулся.

– Или что? – усмехнулся Дерек. – Прогонишь меня силой?

– Послушай, просто уходи.

Алекс стоял ниже, но их с Дереком головы оказались почти вровень. Они просто смотрели друг на друга. Один – с удивлением и недовольством, второй – с неприкрытым вызовом и насмешкой.

– Давай, маркизик. – Дерек широко улыбнулся и демонстративно убрал руки за спину. – Ударь меня. Или ты

боишься испачкать свои нежные пальчики?

Амалия похолодела. На мгновение ей показалось, что Алекс сейчас действительно потеряет самообладание и врежет Дереку. Или, по крайней мере, попытается – перед глазами вновь возникла почти забытая сцена: парочка громил, каждый чуть ли не вдвое тяжелее тщедушного Дерека, валится с ног, а тот только потирает отбитые костяшки пальцев. Да, Алекс намного выше и сильнее, но…

– Не надо. – Амалия легонько потянула Алекса за рукав. – Прошу тебя.

– Прекрасно. – Тот выдохнул и опустил плечи. – Как вам будет угодно, леди.

Алекс торопливо зашагал вниз по лестнице. Амалия окликнула его, но он даже не обернулся.

– Алекс! – снова позвала она. – Алекс, подожди!

– И что теперь? – Дерек подошел и встал рядом. – Побежишь за ним?

– Даже не подумаю, – огрызнулась Амалия. – Какого… какого Дьявола ты творишь, Дерек? Вчера ты со мной даже не здоровался!

– Вчера сладкий красавчик Монтгомери не пытался впиться тебе в лицо. – Дерек рассмеялся. – Сегодня обстоятельства несколько изменились. Не мог же я остаться в стороне.

Губы Амалии против ее воли растянулись в улыбке. Странное чувство. После пережитого ужаса в библиотеке и так некстати прерванного объяснения с Алексом… Но нельзя же все время быть настолько серьезной. Ведь так?

– Неловко получилось, – продолжил Дерек. – Я испортил тебе свидание. И даже не собираюсь отрицать, что сделал это специально.

– Зачем?

– Во-первых, Алекс Монтгомери – невыносимо скучный болван, – оскалился Дерек. – А во-вторых, ты мне нравишься.

Амалия даже закашлялась от неожиданности. Дерек сказал о своих чувствах как о чем-то совершенно заурядном, будничном. Разве так можно? И потом, у нее же есть Алекс. Воспитанный, красивый и знатный. И ей ни капельки не нужен замухрышка Дерек!

– Мне очень жаль. – Амалия покачала головой. – Потому что ты мне совсем не нравишься.

– Вот как. – Дерек спустился еще на ступеньку и встал прямо перед ней. – Ты в этом уверена?

Еще как уверена! Но стоило Амалии встретить взгляд Дерека, нужные слова тут же вылетели из головы. Сейчас его глаза были

не просто темными – почти черными. Как зимняя ночь. Или как вода в пруду. Только где-то в глубине плясали едва заметные огоньки пламени. И это пламя обжигало – сильно, но еще сильнее манило к себе, притягивало взгляд. Амалия почему-то почувствовала себя совсем крохотной и беззащитной. *Такому* Дереку совершенно не хотелось перечить. Но едва заметная дрожь в руках… нет, вовсе не от страха.

– Я так и думал. – Дерек мягко улыбнулся. – Пойдем. Я попробую загладить свою вину.

Разве могла Амалия не подчиниться? Она протянула руку, и Дерек обхватил ее пальцы своими – крепко, так, что костяшки хрустнули.

– Больно… – пробормотала Амалия.

– Отпустить?

– Нет. Не отпускай.

* * *

Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом и заливало мягким розоватым светом кроны деревьев. Ринвуд, Звенящий Лес. Даже здесь, на западной крепостной стене, самой старой и самой высокой, можно было расслышать тихие голоса деревьев. Маленькие колокольчики.

– Нравится? – Дерек накинул Амалии на плечи свой плащ.

Неизвестно, к чему относился его вопрос – то ли к чудесному виду, открывавшемуся со стен Академии, то ли к тому, что он приобнял Амалию и, похоже, не собирался убирать руки.

– Не знаю, – тихо ответила она. – Это странно. И неправильно.

– Значит, будем неправильными. – Дерек уткнулся подбородком ей в плечо. – Не обязательно всегда делать то, что от тебя ждут. Иногда жизнь подкидывает те еще сюрпризы. И не все из них будут приятными.

Неприятные сюрпризы начались сразу после того, как Дерек закончил говорить. Справа раздался негромкий шум, и на крепостной стене в нескольких десятках футов появились два силуэта. Один – изящный и стройный, а второй огромный. Амалия без особого труда узнала Уранию Клиффорд и того здоровяка с бала. На этот раз у Амалии оказалось достаточно времени как следует рассмотреть его: чуть ли не семи футов ростом, мощные плечи, переходящие в толстую бычью шею, на конце которой круглая коротко стриженная голова казалась непропорционально крохотной. Рядом с ним даже такие крупные

мужчины, как Торвальдсен или Коннери, выглядели бы низкорослыми. Но если эти двое, несмотря на возраст, были отлично сложены, спутник Урании больше напоминал огромную обезьяну, чем человека. Даже богатый камзол не скрывал короткие и кривые ноги. Природа явно лепила этого громилу не слишком-то аккуратно. Зато материала у нее имелось сверх всякой меры, и все остатки ушли на длинные, почти до самых колен, мускулистые руки.

– Вот так встреча. – Урания явно не ожидала встретить здесь кого-либо (а тем более Амалию). – Леди Фалмут. Да еще и с новым ухажером.

Она не собиралась накидываться на Амалию, но это никак не мешало ей продолжать говорить гадости при любом удобном случае.

– Удивительное дело, – продолжила Урания. – Кажется, еще днем тебя видели с Алексом Монтгомери. Неужели ты действительно такая доступная?

Амалия густо покраснела. Конечно же, она не позволяла себе ничего такого, но Урания видела, как Дерек ее обнимает. Проклятье! Теперь об этом точно узнает вся Академия.

– Еще немного, и ты сможешь брать за это деньги. – Урания сама рассмеялась собственной шутке. – Впрочем, думаю, все нищенки из Эйлсбери так делают. Ведь так, Эдвард?

Громила шумно выдохнул и закивал. Да уж, ну и уродец. Почти так же омерзителен снаружи, как сама Урания – внутри. Эти двое составляли отличную парочку. Как жалко, что с ними ничего нельзя сделать! Еще одного срыва Амалии точно не простят. Вот если бы можно было просто заставить Уранию заткнуться каким-нибудь особенным незаметным заклинанием. Как же Коннери называл его?.. Мрта Бхаса? Заклятье молчания, или что-то в этом роде…

– Интересно, перед кем она еще задирала юбку? – Урания задумчиво приложила палец к губам. – Или, может быть, уже проще посчитать тех, перед кем не задирала?..

Какая же она все-таки дрянь! Если бы Амалия знала то заклинание! Мрта Бхаса – и все…

Урания замолкла на полуслове. Закашлялась, поднесла руки ко рту и сразу же гневно замычала что-то неразборчивое. Злоба на ее лице сменилась ужасом. Урания изо всех сил вцепилась в своего гигантского ухажера, непрерывно указывая ему на Амалию.

– Ты. – Эдвард наконец сообразил, что его подружка имела в виду, и двинулся на Амалию. – Это ты сделала, ведьма!

Как? Нет, такого не может быть! Не могло же заклинание

Мрта Бхаса действительно сработать у первокурсницы, которая еще толком ничего не умеет! Это какая-то ошибка, нелепое совпадение… Амалия испуганно замотала головой и попятилась назад.

Эдварду оставалось сделать не более пары шагов, когда он вдруг наткнулся на незримую стену.

– У твоей возлюбленной слишком длинный язык, – насмешливо произнес Дерек. – Думаю, для всех будет лучше, если она немного помолчит.

Он небрежно оперся боком на каменные зубцы крепостной стены и выставил вперед ладонь. Казалось, ему не стоило никаких усилий удерживать колоссальную тушу Эдварда на расстоянии. Тот пыхтел и рычал, но не мог сделать и шага – ни вперед, ни назад.

– Проклятый колдун, – натужно прохрипел Эдвард. – Дай мне только до тебя добраться!

– Ты прекрасно годишься запугивать маленьких девочек. – Дерек чуть повел рукой в сторону. – Но, как ты совершенно правильно заметил, я колдун.

Тело Эдварда перевалилось через стену и зависло в воздухе над пропастью в добрые три десятка футов. Громила громко завопил, отчаянно пытаясь дотянуться до спасительных камней, но даже его длинные руки доставали до стены лишь кончиками пальцев.

– Как видишь, добраться до меня будет непросто, – назидательно произнес Дерек. – А я всерьез подумываю о том, чтобы полюбоваться, как ты переломаешь себе все кости.

Эдвард сдавленно вскрикнул и устремился вниз.

– Нет! – выдохнула Амалия. – Что ты делаешь?!

– Не волнуйтесь, милая леди. – Дерек щелчком пальцев вернул Эдварда обратно на стену и швырнул прямо в объятия бессловесной Урании Клиффорд. – Просто преподаю этому болвану небольшой урок.

– Тебя же отчислят!

Амалии вдруг захотелось его стукнуть. Дереку достался незаурядный Дар, а он так рисковал своим будущим. И ради чего? Чтобы заступиться за глупую девчонку, которая считает его… просто другом?

– Плевать. – Дерек пожал плечами. – Не могу сказать, что мне здесь так уж нравится. Если бы не прекрасные глазки одной известной тебе особы, я бы, пожалуй, придушил этих двоих шутов и рванул обратно на север.

– Не надо. – Амалия умоляюще посмотрела на Дерека и взяла его за руку. – Прошу тебя… ради той самой особы – не трогай их.

– Хорошо. Тогда просто пойдем отсюда. Думаю, тебе уже пора домой.

– Спасибо, я могу и сама…

– Вообще-то я не спрашиваю. – Дерек улыбнулся и взял Амалию под локоть. – И прекрати так хмуриться. Я серьезно.

Дорога до жилого корпуса должна была занять немногим более четверти часа, но Дерек выбрал какой-то особенно извилистый путь, пролегавший вдоль всей крепостной стены. Амалия упрямо молчала, и тогда он просто начал рассказывать про все подряд – главным образом про свою жизнь в деревеньке на самом севере Ритании. Удивительно, но в его устах даже самые обыденные события превращались в захватывающие приключения – сложно было не заслушаться. Проходя мимо очередного поворота к жилым корпусам, Амалия каждый раз давала себе слово решительно (окончательно и бесповоротно!) поставить самоуверенного Дерека на место и отправиться к дому, но ноги предательски несли ее дальше – ведь надо же было узнать, чем закончатся похождения отважного сэра Каннингема и его верного коня Грязнули.

– Прекрати, – фыркнула Амалия. – Ты что, действительно оседлал свинью?

– Ты сомневаешься в моей правдивости, о недостойная? – Дерек поднял палец вверх. – Вообще-то я забыл упомянуть, что отважному сэру Каннингему было всего шесть лет от роду. И взобраться на боевого жеребца – если бы таковые водились в нашей глуши – для него оказалось бы непосильной задачей. Но и Грязнуля был неплох! С ним мы одержали немало побед, а потом…

Амалия рассмеялась и положила голову Дереку на плечо. И плевать, что подумают все остальные. В первый раз за очень долгое время – пожалуй, с самого первого дня в Академии Ринвуд – на душе стало легко и свободно. Дерек не требовал от нее никаких важных решений. Дерек не стеснялся выглядеть глупо – похоже, ему действительно было наплевать на то, что скажут другие. Дерек не был красив и богат, а от его манер у мамы и Нянюшки Энн волосы бы встали дыбом… но он уже дважды защитил Амалию, хоть это и стоило ему ужасных побоев. Но самое главное – с ним все было просто. Никакой тяжеловесной серьезности, ничего такого. Всего лишь два человека, которым захотелось провести вечер перед Инициацией вместе. Идти рядом с Дереком, чувствовать тепло его тела, слушать его голос – хорошо. Обо всем остальном думать больше не хотелось.

– Кажется, мы пришли. – Дерек отступил на шаг. – Доброй ночи?

– Доброй, – кивнула Амалия. – Я… пойду?

– Не так быстро. – Дерек улыбнулся. – Знаешь, если бы я спросил у тебя разрешения, ты бы точно влепила мне пощечину… Поэтому я просто рискну.

Не успела Амалия опомниться, как он жадно накрыл ее губы своими. Нет, она не ударила его. Просто оттолкнула. Но намного, намного позже, чем это должна бы была сделать воспитанная девушка из рода Фалмут.

* * *

– Надо же. Мой первый поцелуй, – вздохнула Амалия. – Никогда бы не подумала, что все будет… так.

Ни Агнешка, ни Ливи не ответили – они уже давно спали. Единственным собеседником Амалии был котенок, но он едва ли стал бы осуждать подобное поведение. Для кошек тыкаться мордочкой в лицо понравившегося человека вполне естественно. Но люди – не кошки. Амалия не раз представляла себе свой первый поцелуй… Да, это должно было случиться именно так, как там, на лестнице с Алексом. Но потом появился Дерек, и все распалось на части. Но не это заставляло Амалию смущенно краснеть даже наедине с самой собой.

Ей действительно понравилось.

Глава 12

– Мы точно все заболеем. Ну почему нельзя провести Инициацию в мае? Или хотя бы в сентябре!

Невысокая девушка с жиденькими темными волосами, чье имя Амалия никак не могла запомнить, зябко поежилась и переступила босыми ногами по полу.

– Традиция, – коротко ответила Ливи.

Маркиза Саффолк тоже мерзла, но не потеряла ни капли своей невозможной грации. Все та же ровная спина и взгляд вперед. Даже короткая белая мантия из дешевой ткани на ней не висела бесформенным мешком, а лишь подчеркивала совершенство фигуры. Амалия вздохнула и еще немного подтянула поясок. Да, пусть у нее не такая тонкая талия, как у соседки, но она все-таки есть.

Храм замка Ринвуд когда-то славился по всей Ритании. Нет, в нем не было ни драгоценного убранства, ни полчища священнослужителей, которые неизменно присутствовали в святилищах любого крупного города. Храм Академии во всем этом не нуждался. Крупное тяжеловесное строение из темного камня было почти на век старше соседних зданий и внутри выглядело не менее древним, чем снаружи. Никаких витражей – в окнах даже не стекло, а какой-то другой то ли помутневший от времени, то ли изначально не слишком-то прозрачный материал. Из-за этого в Храме было темно, и даже сотни коптящих потолок свечей не могли одолеть полумрак. Впрочем, ничего недоброго или зловещего в этом месте не было. Совсем другая темнота – спокойная, неторопливая и как будто ждущая чего-то. Храм стоял в замке Ринвуд чуть ли не тысячу лет. И будет стоять, не терпя ни суеты, ни спешки, ни громких звуков, величественный и огромный. Блеск и мишура его бы только испортили. Если бы не холод, исходящий от древних камней, Амалия точно бы захотела провести здесь побольше времени, чтобы унести с собой хоть частичку этого вечного покоя. Но непросто размышлять о высоком, когда зубы уже начинают отбивать чечетку.

– Обычно в это время года еще тепло. – Амалия спрятала руки за отворот мантии. – Не удивлюсь, если уже в октябре выпадет снег.

– Зима точно будет ранняя, – согласилась Ливи. – Такое раз в сто лет бывает, не чаще.

В небольшом зале перед входом за Алтарь столпились одни девушки-первокурсницы – юноши проходили Инициацию отдельно. Ни Агнешку, ни Алекса сюда бы сейчас не пустили.

Впрочем, Амалия не слишком-то страдала из-за этого. Соседка непременно начала бы зубоскалить, не стесняясь ни священнослужителей, ни древних стен, ни даже самого Всевышнего. А Алекс… нет, смотреть ему в глаза Амалия сейчас бы точно не смогла. Дерека с утра она тоже не встретила – к счастью. От его присутствия в голове точно начали бы роиться мысли – самые разные. Совершенно неподходящие ни для Инициации, ни для Храма вообще.

– Иди сейчас. – Ливи протянула Амалии сложенную вчетверо бумажку. – Ты совсем замерзла. Только найди своего Наставника в списке.

Амалия не сильно обрадовалась, обнаружив свое имя напротив подписи «профессор де Вилья», но поделать с этим было нечего. Вздохнув, она шагнула вперед и отодвинула ширму из плотной и тяжелой ткани.

За Алтарем было темно – еще темнее, чем в остальном Храме. Небольшое пространство освещали всего несколько свечей. Ровно столько, чтобы Амалия смогла кое-как разглядеть круглое углубление в полу, в котором поблескивала вода, и высокую фигуру в длинной мантии с капюшоном, стоящую почти у самой стены. То ли из-за того, что Амалия сама съежилась от холода, то ли из-за игры теней де Вилья показался ей куда крупнее и выше, чем в кабинете у Торвальдсена. Он молча поднял руку и указал на воду. Амалия послушно последовала приказу. Только у самого края купели не удержалась и все-таки коснулась воды ногой. Холодная! Впрочем, никто не говорил, что быть магом легко. Выдохнув, Амалия сжала зубы и постаралась как можно быстрее окунуться.

Ноги сразу же свело судорогой, Амалия оступилась и с плеском погрузилась в неожиданно глубокую купель почти по шею. Из-под капюшона де Вильи послышался тихий смешок. Затем он коротко кивнул и, снова не говоря ни слова, жестом указал Амалии на белый круг на полу в нескольких футах перед собой. И только когда она выбралась из воды и, дрожа и растирая плечи руками, встала на место послушника, будущий Наставник наконец заговорил.

– Во имя Всеотца и Короны, – послышался раскатистый хриплый голос. – И всего подобного… проклятье, как они вообще запоминают все это?

– Что? – Амалия попятилась. – Что вы… где профессор де Вилья?

– Полагаю, где-то снаружи. – Коннери откинул с лица капюшон. – Профессор де Вилья милостиво согласился уступить мне честь провести обряд твоей Инициации.

Прозвучало это настолько непринужденно, что Амалия почему-то сразу представила себе де Вилью с кровоподтеками по всему лицу и без пары передних зубов.

– Зная его иберийский темперамент, – усмехнулся Коннери, – могу сказать, что он вряд ли сдался бы так легко, если бы знал, что предстанет его взору.

Только сейчас Амалия поняла, что стоит перед Коннери в одной мокрой белой мантии. Черт бы побрал эти традиции! Почти как голая – потяжелевшая ткань стала наполовину прозрачной и плотно облепила тело, подчеркивая все линии.

– Я закричу. – Амалия вспыхнула и закрыла руками грудь и низ живота. – Предупреждаю вас!

– Давай. – Коннери невозмутимо пожал плечами. – Верещи сколько влезет. Ты всерьез думаешь, что я здесь для того, чтобы пялиться на тощую замерзшую девчонку?

Амалия смущенно опустила глаза. Коннери жил на свете уже почти две сотни лет и наверняка знал немало женщин – взрослых, красивых… когда-то давно. Конечно, он страшный и недобрый, но похотливо разглядывать полуголую шестнадцатилетнюю девушку с дрожащими синими губами? Нет, на него это совершенно не похоже. Вот де Вилья – если верить болтовне Агнешки – точно бы не отказался от подобного зрелища.

– Тогда зачем вы здесь? – осмелев, спросила Амалия. – Вы ведь никогда не участвовали в Инициации.

– В том, что сейчас называют Инициацией, – Коннери склонил голову набок, – я участвовать не собираюсь. Бессмысленные клятвы и бесполезные ритуалы, в которых нет ни капли истинной Силы.

– Это же просто традиция, – осторожно возразила Амалия. – Нам так рассказывали.

– Лишь жалкие отголоски тех времен, когда магов еще не строгали в угоду правителям, как деревянных солдатиков. – Коннери скривился. – Древний ритуал создает особую связь между учеником и учителем. Разве может один маг – будь он хоть в десять раз могущественнее Элвина Торвальдсена – скрепить свой Дар с таким количеством студентов? Почти десяток на одного профессора – каждый год.

– Клятва Короне и Всеотцу. – Амалия упрямо помотала головой. – Профессор Кроу говорила…

– …то, что должна была сказать, – прервал ее Коннери. – Она действительно верит, что в старых ритуалах больше нет нужды. Но я не собираюсь рисковать.

Похоже, он уже давно держал короткий кривой нож под рукой – то ли в рукаве, то ли в складках мантии. Тускло

поблескивающий металл отражал огоньки свечей – словно капли крови на холодном железе. Амалия ойкнула и снова попятилась назад.

– Не дергайся, – предупредил Коннери, подходя ближе. – Я не буду врать и говорить, что это совсем не больно. Это больно.

Сделав еще шаг, Коннери поднял руку с ножом и…

Провел лезвием по своей левой ладони. Кровь выступила сразу – темная, как будто черная. Густая – не заструилась по пальцам, хотя порез был глубоким, – просто медленно потекла. Амалии хотелось бежать, кричать, звать на помощь – но она лишь стояла на месте и смотрела, как Коннери опускается перед ней на колени. Даже сейчас их головы оказались почти вровень.

– Клятвы Короне – несусветная чушь, – произнес он, макая в кровь пальцы целой руки. – А Всеотцу нет дела до таких, как мы.

– Нет, прошу вас, – только и смогла прошептать Амалия. – Умоляю, не делайте это со мной, сэр…

Свечи за спиной Коннери вдруг вспыхнули, как маленькие факелы, – словно в них вдруг плеснули масла. Теперь Амалия смогла увидеть его лицо прямо перед собой – хмурое, сосредоточенное и побледневшее. Седые космы трепетали, как будто под порывами ветра, – но откуда здесь, в Храме, мог взяться ветер?!

– Потерпи. – Коннери пришлось говорить громче, чтобы перекрыть нарастающий гул, но все же его голос вдруг зазвучал неожиданно мягко: – Еще немного осталось и…

Дальше Амалия не расслышала. Коннери поочередно коснулся ее щек и лба испачканными в крови пальцами, и каждое прикосновение отдавалось в голове оглушительным звоном и вспышкой боли. В глазах потемнело, и Амалия непременно свалилась бы на пол, если бы Коннери не подхватил ее – аккуратно, так, чтобы не измазать ее мантию кровью. Несколько мгновений она стояла, всем телом прижавшись к нему, но потом Коннери мягко отстранил Амалию.

– Молодец, девочка, – произнес он. – Теперь – последнее.

В его руках появился небольшой кубок из какого-то темного металла. Коннери сжал пальцы в кулак, и по его запястью скользнули капли крови. Часть из них разметало вихрем, скручивавшимся вокруг Амалии, но все же кубок быстро наполнился почти на треть.

– Пей! – одними губами приказал Коннери.

Амалия замотала головой. Где-то высоко наверху загремели колокола Храма, и все здание задрожало, стряхивая с потолка и стен вековую пыль. Из-за ширмы раздался нестройный визг первокурсниц, едва слышный сквозь завывания ветра,

порожденного Силой.

– Пей, – повторил Коннери, сжимая пальцы Амалии вокруг стремительно нагревающегося кубка. – Нужно закончить ритуал, закрыть поток!

Или дождаться, пока тут все рухнет?! Когда пол под ногами дернулся, Амалия выдохнула и прижала к губам горячий металл.

Боль пришла не сразу. Легонько ужалила в язык, прокатилась волной по груди и только потом вспыхнула черным огнем где-то внизу живота, выбивая дух и швыряя Амалию на пол.

– Мамочка, – застонала она, – папа, пожалуйста…

Умирать оказалось не страшно – больно, но и только.

Не надо бояться боли. За нею следом идет облегчение, а после него – только покой. Тот же, что всегда царит в Храме. Ветер стих, с потолка перестала сыпаться каменная крошка, а вихрь Силы исчез, вкрутившись в пол. Древняя громадина будто бы устало выдохнула и снова погрузилась в сон. Единственным звуком, еще раздававшимся в тишине, был какой-то размеренный стук.

Это билось сердце Амалии. И с каждым ударом боль покидала тело, а за ней ушел и холод. Наверное, так люди и умирают – постепенно теряя чувствительность, будто бы погружаясь в долгий-долгий сон. Но спать Амалии почему-то не хотелось.

– Ты собираешься вставать? – Коннери уже поднялся на ноги и отряхнул мантию. – Как ощущения?

Амалия неуклюже перевернулась на живот и поднялась на ноги. Наверное, ее должны были разрывать ужас и боль… но их больше не осталось. Мягкая и теплая волна пробежала по телу от головы до пальцев, разгоняя кровь и согревая замерзшие от холодной воды купели и ветра конечности. Странное ощущение, и все же его можно было назвать… почти приятным. Даже ненависть к Коннери утихла, исчезла, будто бы у Амалии внезапно появились куда более важные дела, чем на кого-то злиться.

– Можешь не отвечать. Я и так все знаю. Чувствую, – Коннери коснулся пальцем собственного лба, – вот здесь. Сила связывает ученика и его Мастера. Теперь я смогу присматривать за тобой как следует.

Побледневший и измотанный ритуалом темный маг больше не казался страшным – его даже захотелось подразнить. Прежняя Амалия Хэмптон, леди Фалмут, никогда бы не позволила себе подобной выходки – но она умерла. Только что, прямо здесь, на холодных камнях Храма Академии Ринвуд. А новая Амалия не боялась никого и ничего.

– Будете шпионить? – усмехнулась она. – Подглядывать?

Шагнув вперед, Амалия раскинула руки, будто бы собираясь броситься Коннери на шею. Он так хочет наблюдать за ней? Прекрасно! Прямо сейчас! Теперь он может сколько угодно любоваться ее телом, прикрытым лишь тонкой и мокрой тканью.

– Нравится? – продолжила Амалия, подходя еще ближе. – Как нехорошо, сэр. Вы ведь мне в отцы годитесь.

– Скорее, в прапрадедушки.

Голос Коннери звучал глухо и скучающе. Он не пытался отступить или отвести глаза – смотрел прямо на Амалию, но в его взгляде не было ни тени смущения, желания или даже неприязни. Вообще ничего не было – холодно и пусто. Да уж, с ним такие штучки точно не сработают. Вот ведь непробиваемый!

– Знаете, кто вы? – Амалия склонила голову и посмотрела на Коннери исподлобья. – Вы просто-напросто бесчувственный старикашка.

Удаляясь за ширму, она не смогла отказать себе в еще одном маленьком удовольствии – шла медленно, покачивая бедрами. Пусть он…

Впрочем, Коннери все равно не смотрел ей вслед.

На выходе уже ждала Ливи. Она растолкала первокурсниц и крепко стиснула Амалию в объятиях. Остальные девушки принялись наперебой расспрашивать – что случилось? Землетрясение? Ураган? Появление какого-то могущественного духа или призрака? Или это просто старое здание Храма уже готовится рухнуть? Никто из них не мог и подумать, что бушевавший несколько минут назад вихрь Силы вызвал Коннери.

– Не знаю. – Амалия пожала плечами. – Я сама перепугалась. Наверное, действительно землетрясение.

– Неудивительно, – послышался ехидный шепот Урании Клиффорд. – Видимо, сама природа не хочет, чтобы эта сумасшедшая прошла Инициацию.

Урания стояла далеко – почти у самых дверей Храма – и разговаривала со своей темноволосой подружкой. Конечно, после вчерашнего ей едва ли хотелось встречаться с Амалией и тем более говорить про нее какие-то гадости. Мрта Бхаса отлично заткнуло этой дряни рот, и теперь Урании оставалось только трусливо шептаться, думая, что ее не услышат. Но Амалия прекрасно все слышала, хоть между ними и было несколько десятков футов. Раньше она бы просто отвернулась, не обращая на болтовню никакого внимания. Раньше.

– Меня зовут Амалия Хэмптон, – она подошла и встала прямо перед Уранией, – запомни это хорошенько.

– Что? – насмешливо отозвалась та и привстала на цыпочки, с

наигранным недоумением озираясь по сторонам. – Кажется, я слышу какой-то писк.

– В таком случае, почаще смотри под ноги. – Амалия ухватила Уранию за ворот мантии и притянула к себе – легко, одним движением, как будто та была не высокой девушкой, а соломенным чучелом. – И постарайся забыть слова вроде «сумасшедшая» или «оборванка». А если я услышу, что ты говоришь гадости про моих родителей…

– Что же ты сделаешь? – Урания безуспешно попыталась вырваться. – Позовешь своих подружек или того, темноглазого? Поверь, ему недолго осталось здесь учиться!

– Я так не думаю. – Амалия улыбнулась. – Он просто защищал меня от твоей дрессированной обезьянки. Где ты только откопала такого уродца? Украла из бродячего цирка? А еще, – Амалия покрепче сжала пальцы и тряхнула Уранию так, что у той зубы лязгнули, – как видишь, я и сама вполне могу за себя постоять. И если будешь мне мешать – сверну тебе шею.

* * *

– Что, прямо так и сказала? Нет, правда?

Агнешка радостно захлопала в ладоши и полезла в кисет за очередной самокруткой. Она слышала эту историю уже, пожалуй, раз сто, но все время просила Ливи рассказать снова, выпытывая новые подробности (а иногда и придумывая их самостоятельно).

– Клянусь Уранией Клиффорд и своей непорочностью. – Ливи подняла пузатую бутылку. – «Будешь мне мешать – сверну шею». Этими самыми словами.

– Амалия Хэмптон, – Агнешка соскочила с кровати, одним прыжком преодолела всю комнату и плюхнулась рядом с Амалией, – леди Фалмут, вы мой герой. Я готова принести вам вассальную клятву!

– Лучше дай мне закурить. – Амалия бесцеремонно отобрала у соседки самокрутку и ухватила ее зубами.

– Отец Всемогущий! – Ливи поперхнулась и пролила немного вина себе на платье. – Утром землетрясение, потом Ами трясет Уранию Клиффорд, как куклу, а вечером пьет вино и курит. Знаешь что, подруга? – Ливи погрозила Амалии пальцем. – Скажи-ка мне: кто ты такая и что ты сделала с нашей малышкой Ами?

– Скорее, что с малышкой Ами сделал де Вилья. – Агнешка подмигнула. – Сегодня утром за Алтарь зашла маленькая девочка, а вышла – сильная и зрелая женщина. Прекрасная, опасная и как

будто бы даже немного порочная… в общем, почти как я. Рассказывай!

– Что рассказывать? – удивилась Амалия.

– Не строй из себя святую простоту. – Агнешка нахмурилась и выстрелила из кончика пальца крохотным огоньком. – Ты прекрасно знаешь, что я люблю тайны даже больше, чем красивых мужчин и драконий эль. Если Ливи еще не допилась до белой горячки и не напридумывала сказок, ты стала совсем другим человеком за какие-то полчаса. Но ведь так не бывает! Самоуверенность, прилив сил, широкая улыбка… проклятье, неужели де Вилья действительно залез тебе под мантию?!

– Нет, – рассмеялась Амалия. – Вообще-то за Алтарем меня ждал профессор Коннери.

– Курвамать! – рявкнула Агнешка. – И ты молчала?! Так это он с тобой сделал? Как?

– Ничего особенного. – Амалия потрепала соседку по рыжей гриве. – Просто Инициация. Самая обычная.

А ведь она даже не соврала. Если верить словам Коннери, этот жутковатый ритуал проводился магами прошлого. Возможно, его самого инициировали именно так… Как бы то ни было, все уже закончилось. Так или немного иначе – какая разница?

– Это теперь так называется? – Агнешка лукаво подмигнула. – Ну, и как он? В смысле – Коннери?

– Он отлично справился. – Амалия решила подыграть соседке. – Видно, что у него богатый опыт в этих вопросах.

Агнешка радостно расхохоталась, потом отобрала у Ливи бутылку с вином, в три глотка опустошила ее и бросилась к окну.

– Эй, замок Ринвуд! – завопила она, распахивая створки. – Амалия Хэмптон втрескалась в старика Коннери! Слышите меня? Амалия Хэмптон…

Ответом ей стали нестройные выкрики из соседних окон и окон мужского жилого корпуса напротив. Студенты-юноши предлагали Агнешке заглянуть в гости (желательно прихватив парочку подружек посимпатичнее), а девушки по большей части предлагали ей заткнуться, вспоминая ее родственников. Агнешка не осталась в долгу и уже через пару минут запустила пустой бутылкой в чью-то слишком далеко высунувшуюся голову. И, судя по звуку, – попала. Похоже, следующим бы полетел самый настоящий огненный шар.

– Ладно, перестань. – Амалия оттащила разбушевавшуюся соседку от окна. – Чего доброго, еще поджаришь кого-нибудь.

– И поджарю! – Агнешка рванулась и чуть не опрокинула столик. – Пусти меня, сейчас я покажу этим курицам настоящую магию.

Не только Агнешке хотелось бурного веселья. Следующее нападение было предательски совершено с тыла: пользуясь суматохой, Ливи подкралась сзади и как следует огрела Амалию подушкой. Агнешку пришлось выпустить, и она тут же перешла в наступление и опрокинула Амалию на пол.

Выдержать схватку с обеими соседками сразу оказалось непросто. Ливи была почти на голову выше и, несмотря на изящное телосложение, отличалась завидной силой, а крепко сбитая Агнешка явно знала толк в шуточных (а то и вполне серьезных) потасовках. Амалии не раз пришлось уворачиваться от коварных подножек и неожиданных тычков пальцами под ребра. В любой другой день любая из соседок без труда положила бы ее на лопатки. Но не сегодня. Каким-то непостижимым образом Инициация не только изменила душу, но и дала телу немыслимую силу и выносливость. Уже через несколько минут запыхавшаяся, но довольная собой Амалия уложила обеих соседок лицами в коврик и уселась сверху.

– Все-все, я сдаюсь. – Агнешка застучала ладонью по полу. – Герцогиня, Коннери превратил нашу малышку в валькирию. Проклятье, я не знаю, что это за колдовство, но я тоже так хочу. Погляди, какая ты стала!

Амалия рассмеялась. Разве могло в ней что-то так уж сильно измениться? Она поднялась на ноги и подошла к зеркалу. В отличие от добродушных и – что уж там – напившихся в стельку соседок, бездушное холодное стекло уж точно не стало бы обманывать. Даже из самых лучших побуждений.

Но и зеркало показывало совсем не то, что раньше. Вернее – не совсем то. Нет, Амалия не стала выше ростом или тоньше в талии. Вечно растрепанные светлые волосы не легли на плечи ровными локонами. Те же темно-карие глаза, то же лицо, что Амалия видела в зеркало каждое утро. И одновременно – не то. Незнакомая девушка в зеркале, как две капли воды похожая на Амалию, была… нет, ее едва ли можно назвать совершенной красавицей – такой, как Ливи. Невысокая, с маленькими руками и ногами, худенькая, но исполненная какой-то особой силы и грации. В темно-карих глазах горит мягкий огонек, в любое мгновение готовый вспыхнуть пожаром. Губы – алые, как будто налившиеся от долгих и горячих поцелуев. Амалия положила руку себе на бедро и медленно провела вниз. Незнакомка в зеркале повторила движение – только у нее это вышло совсем иначе – словно она манила к себе, дразнила кого-то…

– Малышка, ты просто ходячий огонь, – Агнешка подошла сзади и обняла Амалию, – но перестань так на себя пялиться, оставь это занятие Алексу. Если мы сейчас же не ляжем спать, я

убегу в «Мед» за еще одной бутылкой. И тогда завтра утром мы все умрем. Если тебе теперь и похмелье нипочем – умоляю, пожалей нас с маркизой Саффолк.

* * *

…почти счастлив. Настолько, насколько это сейчас вообще возможно. Сегодня утром в наш лагерь приехала Кошка. Совсем одна, без какой-либо охраны. Сумасшедшая! Не знаю, как она смогла нас найти. У подобных ей свои секреты и свои пути. Я не думаю об этом. Я просто рад тому, что она наконец рядом. Что она цела. Мне хватило этих безумно долгих месяцев, чтобы понять, как она мне дорога. Но я должен молчать. Любое неосторожное слово, любой взгляд – и Матабер догадается. Иногда мне кажется, что Он наблюдает за мной даже во сне. И тогда он не остановится ни перед чем, чтобы найти Кошку. А я не всегда буду с ней рядом. Я не уверен, что даже Бродяга, всесильный Бродяга, сможет ее защитить. Матабер слишком опасен. Но я больше его не боюсь. Я становлюсь другим – и Кошка сказала, что может сделать меня еще сильнее. Это хорошо. Мы победим – должны победить. Но почему же она плачет, когда думает, что я ее не слышу?

19 октября,
Лето 1242 от Рождения Солнца

Амалия вздохнула и отложила черную книжечку. Неизвестный рыцарь все еще писал неровно и иногда делал ошибки в словах, но его мысли были простыми и честными. И, похоже, он испытывал к загадочной Кошке не только дружеские чувства. И не мог ей сказать. Не из страха быть отвергнутым, а из страха подвергнуть свою возлюбленную опасности. Как это, наверное, ужасно и больно… Быть рядом с тем, кто тебе дорог, разговаривать, но не сметь обмолвиться и словом о своих чувствах! У рыцаря были причины молчать.

А были ли они у самой Амалии?

Она неслышно встала с кровати и потянулась. Потасовка и возлияния уже давно отправили ее соседок в страну снов, но саму Амалию, похоже, только раззадорили. Разгоряченное тело не чувствовало ни малейшей усталости – напротив, требовало движения. А полная луна за окном будто бы приглашала на прогулку. Конечно, можно обуться, спуститься вниз, но это ведь так долго… а что, если?

Амалия толкнула створки окна и уселась на подоконник,

свесив босые ноги наружу. До земли – два с лишним десятка футов. Падать будет больно. А если не вниз, а наверх? Амалия задрала голову. Край крыши нависал над головой, изрядно выступая над стеной здания. Еще целый этаж сверху. Много? Но не так, как до земли. Тело начало действовать быстрее, чем Амалия успела испугаться. Мгновение – и она уже уцепилась за подоконник третьего этажа. Легко забралась еще выше – будто бы всю жизнь только и занималась тем, что карабкалась по отвесным каменным стенам. Сюда поставить ногу, здесь ухватиться, подтянуться – и крыша совсем рядом. Кованый желоб жалобно заскрипел, но выдержал, и Амалия рывком бросила легкое и послушное тело вверх и приземлилась на черепицу.

На крыше в лицо сразу же ударил мокрый ночной ветер. Не пробирая до костей, как это было бы раньше, а как будто подгоняя, подталкивая вперед – поторопись, не стой на месте! Амалия запрокинула голову и втянула носом воздух. Столько запахов! Удивительно, как она их раньше не замечала.

От конюшен заметно тянуло лошадиным духом и соломой, от караулки, где дремали стражники, – терпким мужским потом и сталью. Даже дым из труб пах по-разному. В Доме Четырех Стихий сейчас пыхтела только одна, выбрасывая в ночное небо густые серые клубы, пропитанные ароматом трав, к которым примешивались еще какие-то странные и незнакомые субстанции. Наверное, кто-то из профессоров или старшекурсников решил заночевать в лаборатории, чтобы завершить какой-нибудь очень важный алхимический опыт или просто сварить сложное зелье. От трубы «Верескового меда» доносился аромат жарящегося мяса. Берта всегда была готова принять посетителей – особенно ночью перед воскресным днем. Камины женского и мужского жилых корпусов дымили почти одинаково, неинтересно, а вот труба караулки выбрасывала не самый приятный дым. Не иначе, кто-то из стражников швырнул в огонь износившуюся портянку. Амалия поморщилась. Да уж, иметь столь развитые чувства, оказывается, не всегда хорошо.

Труба, торчавшая на фоне неба почти на самой верхушке Дозорной Башни, не дымила. Коннери или лег спать, или отправился куда-то по своим делам. Скорее второе. Как можно спать в такую ночь? А что, если он прямо сейчас стоит у окна и наблюдает за крошечной с такого расстояния фигуркой, невесть зачем забравшейся на крышу жилого корпуса? Амалии показалось, что она даже смогла разглядеть две маленькие зеленые точки в темноте проема почти под самой крышей. Впрочем, какая разница? На самом деле он совсем не страшный.

Амалия негромко рассмеялась. Ночь, ветер, луна – стоит ли

тратить время на размышления о старом профессоре? Стоит ли дальше принюхиваться к запахам Академии, слушать тихие шорохи и гулкий топот сапог стражи по улочкам и переходам замка? Нет, она забралась сюда не для этого. Сложно, почти невозможно отыскать нужный запах среди сотен, тысяч других, но куда вернее ее вело другое чутье. Амалия наклонилась и подвязала юбку так, чтобы та не стесняла движений. Это почти полностью открыло ноги, но на крыше все равно никто бы этого не увидел. Впрочем, даже если бы и увидел – какая разница? Сегодня ночью дозволено все.

Разбег, прыжок – добрые десять футов, разделявшие жилые корпуса. Отсюда можно было с легкостью добраться до Старины Боба, раскинувшего почти такие же древние, как сам замок Ринвуд, ветви над площадью. Могучий дуб поприветствовал Амалию едва слышным скрипом и снова задремал. Едва ли он видел разницу между шестнадцатилетней девушкой и птицами или мелкими зверьками, устраивавшими гнезда на его гигантском теле. Для Старины Боба все они были одинаково крошечными. Забавными, иногда докучливыми, но совершенно не опасными, а потому не стоящими ровным счетом никакого внимания. Древнее дерево молчало всегда. Ританский рыцарь, написавший дневник полторы сотни лет назад, молчал, чтобы защитить свою Кошку. Но Амалия Хэмптон молчать больше не собиралась.

Вот и нужное окно. Она не знала – чувствовала. В этом месте ветви Старины Боба подходили к стене так близко, что при желании можно было дотянуться до ставней, не слезая с дерева. Постучать? Или выпустить крохотную капельку Силы, чтобы кое-как закрытая задвижка отползла в сторону, освобождая путь? Нет, наверное, лучше первое. Приличные девушки не вламываются в чужие спальни. Впрочем, разве теперь она приличная? Амалия улыбнулась самой себе и осторожно постучала в закрытое окно.

Алекс проснулся не сразу. С той стороны окна послышался скрип кровати, затем кто-то зашлепал босыми ногами по полу, потом повозился с защелкой и, наконец, распахнул ставни. Вот ведь смельчак! Даже не спросил, кому вдруг могло понадобиться стучаться в окно на третьем этаже.

– Ами… – растерянно произнес Алекс, отступая от окна. – Что ты здесь делаешь? Как ты сюда забралась?

Замечательный, милый Алекс. Заспанный и взъерошенный, но все равно самый красивый. Сейчас на нем были только короткие подштанники из светлой ткани – спал он без рубашки. Впрочем, зачем она ему? Скрывать такое – самое настоящее преступление. В скупом свете луны кожа Алекса будто бы

серебрилась, подчеркивая совершенство тела. Широкие плечи, сильные руки. Живот плоский, даже ребра немного торчат – наверное, проводит кучу времени в тренировочном зале. От одного взгляда на Алекса можно было окончательно сойти с ума. Но зачем, зачем он задает эти дурацкие вопросы? Лучше бы он спросил – зачем она пришла? Впрочем, этот ответ он и так получит. Прямо сейчас.

Амалия не произнесла ни слова – просто спрыгнула с ветки Старины Боба прямо в руки Алексу. Тот удивленно хмыкнул, но все же подхватил ее, легко, как пушинку. А она закинула руки ему на плечи и притянула к себе, прижимаясь всем телом. Какие же у него горячие губы! Первый поцелуй вышел торопливым и неуклюжим, но потом Амалия отпустила голову Алекса, и теперь уже он жадно потянулся к ней, отбросив жалкие остатки удивления и сдержанности. А когда его губы, вдоволь насытившись губами Амалии, скользнули ниже, к шее, она с тихим стоном выгнулась навстречу и блаженно закрыла глаза. Как хорошо, что в комнате больше никого не оказалось… впрочем, даже присутствие Роба или Уилла не остановило бы Амалию – и пусть бы они думали что хотели.

Алекс бережно опустил ее на столик, стоявший у окна, – теперь его руки были свободны. Он провел теплыми ладонями по прохладной от ночных упражнений коже бедер, и Амалия не выдержала и впилась ногтями в широкую спину. Все равно слишком медленно! Как он может так нежно и неторопливо ласкать ее, когда она уже готова сама на него наброситься?! И эта дурацкая сорочка только мешает! Амалия фыркнула и сама принялась стаскивать с себя одежду – раз уж Алекс не торопится. И его подштанники здесь тоже совершенно лишние!

Но стоило ей протянуть руки туда, как Алекс шумно выдохнул и отстранился.

– Подожди, – прошептал он. – Не надо… так.

– Что такое? – рассердилась Амалия. – Почему ты?..

Она почти готова была умолять снова прикоснуться к ней, обхватила его спину и потянулась навстречу.

– Это не ты. – Алекс покачал головой. – Я сначала даже подумал, что это мне просто снится. Но ты ведь здесь? Ты настоящая?

– Конечно. – Амалия снова потянулась к его губам. – Я здесь для тебя. Пожалуйста…

– Нет, – Алекс упрямо покачал головой, – это все ненастоящее. Пусть не сон, но ты – ты не такая. Что с тобой произошло?

– Ничего особенного, – рассмеялась Амалия, легонько кусая

Алекса за шею. – Теперь все правильно. Так, как и должно быть. Неправильно было раньше.

– Послушай. – Алекс чуть нахмурился и взял ее за плечи. – Я же знаю, что ты не такая!

– Какая? – Амалия обиженно дернулась назад. – Я тебя не привлекаю? Или… ты еще ни разу?..

– Не в этом дело. – Алекс тряхнул головой. – Просто… понимаешь, с тобой все по-другому. Ты особенная.

– И поэтому ты меня больше не целуешь? – фыркнула Амалия. – В таком случае расскажи, как стать обычной. Быть особенной мне не нравится.

Алекс снова поцеловал ее. Но уже не так, как раньше, а нежно и неторопливо, словно пытаясь успокоить.

– Ты особенная, – твердо произнес он. – И привлекаешь меня так, что я даже не могу описать словами. Но сейчас с тобой что-то случилось. Я же чувствую.

Амалия молча оттолкнула его и принялась натягивать обратно сорочку. Что и говорить, Алекс был прав. Это не она. Пара глотков крови Грегора Коннери, самого темного и уродливого существа, живущего ныне, не только разжигали тело, но и дурманили голову. И даже сейчас заемная чужая сила никуда не делась – но Амалия усилием воли вернула власть над самой собой. Пьянящее чувство свободы и вседозволенности ушло, оставляя после себя тягучую пустоту. Пустоту – и злость. На Коннери. На Алекса. Но больше всего – на себя. Хороша же Амалия Хэмптон – после какого-то ритуала напрочь теряет голову, напивается и лезет в окно к мужчине с намерениями, достойными гулящей девки, но никак не благородной леди из рода Фалмут.

– Я пойду. – Амалия одернула юбку и взобралась на подоконник.

– Подожди. – Алекс схватил ее за руку. – Ты с ума сошла? Тут почти тридцать футов внизу!

– Плевать!

Может быть, ей действительно хотелось разбиться насмерть или переломать себе кости. Короткий миг полета – и мостовая хлестнула по босым ногам острыми камнями. Амалия перекатилась вперед и тут же встала. Безумный прыжок не искалечил ее, хотя должен был. Что же с ней такое? Во что превращается?! Она даже обрадовалась боли, которой отдавались при каждом шаге отбитые и кровоточащие пятки. Алекс звал ее, кричал что-то там, наверху. Но его она не слышала. На площади под Стариной Бобом не было ни души, но Амалия почему-то точно знала, что она не одна. И больше никогда не будет одна.

– Ты в порядке, девочка? Если что-то случится – позови меня. И я приду.

Ненавистный голос в голове. Профессор Коннери не обманул – он действительно приглядывал за ней. Все время.

Глава 13

После Инициации дни стали еще короче. То ли приближающаяся зима заявляла свои права, то ли профессора сговорились и начали каждую неделю наваливать втрое больше заданий, но теперь Амалия возвращалась в комнату номер двадцать четыре уже затемно. Ливи с Агнешкой нередко приходили еще позже – ведь они могли рассчитывать только на собственные силы. Амалию же до сих пор подпитывала чужая, недобрая и могучая. Теперь ей вполне хватало несколько часов в сутки для сна, а поздними вечерами, когда соседки уже готовы были без сил упасть лицами в книги, Амалия ощущала разве что легкую усталость. Впрочем, разобраться в хитросплетениях волшебных дисциплин взятая взаймы у Коннери бодрость помогала не сильно. Ее приходилось сдерживать – все время. Иногда хотелось бросить все и пробежаться по тропинкам Звенящего Леса. Просто так, безо всякой цели, только чтобы унять этот зуд, который явно не собирался ослабевать и отступал разве что после пары часов физических упражнений или бессонной ночи над книгами.

Но и это было еще не все: теперь Амалия, сама того не желая, порой говорила и делала такое, о чем впоследствии приходилось жалеть. Как-то раз она просидела почти до самого утра за книгами по истории, а утром на занятии в ответ на вопрос о причинах поражения войск Ритании под Луа в тысяча триста одиннадцатом году заявила, что дело было вовсе не в размокшей от дождей дороге и болезнях, как об этом рассказывали официальные хроники. А в том, что генерал Варли принимал решения, достойные осла или умалишенного, но никак не дворянина и разумного человека. Все первокурсники хохотали, пока ветхий профессор Олбани не начал хвататься за сердце. Занятие пришлось завершить, а Амалия, разумеется, попала в кабинет к Кроу.

Неизвестно, чем бы это для нее закончилось, если бы не вмешательство Коннери. Тот ввалился без приглашения и с самого порога заявил, что не видит в словах студентки первого курса Амалии Хэмптон ничего вызывающего или оскорбительного по той причине, что генерал Варли действительно был незавидного ума человеком и бездарным полководцем. Несколько профессоров тут же затеяли с ним перепалку, и Кроу выставила Амалию за дверь. Подслушивать через толстые дубовые створки оказалось непросто, но раскатистый голос Коннери пробился бы даже сквозь каменные стены. Темный маг без особого труда

выступал против пяти профессоров зараз, ссылаясь на личное знакомство с покойным Варли. Амалия не смогла разобрать все сказанные слова, но среди них определенно присутствовали «скудоумный кретин», «болван, который ничего не смыслит в военном деле» и даже что-то вроде «единственное, с чем Варли мог толково управиться, – его собственный детородный орган, и вот почему потомки его бесчисленных бастардов до сих пор не могут поделить прадедово наследство».

Судя по тому, что никакого наказания Амалии так и не назначили, схватка закончилась полной и безоговорочной победой Коннери. С тех пор прошло уже несколько недель, но профессор Олбани до сих пор пугливо поглядывал на Амалию и неизменно ставил ей высший балл даже за откровенно никчемные домашние работы.

Но одними только рискованными высказываниями Амалия не ограничивалась: несмотря на то, что Урания Клиффорд теперь обходила ее стороной, в Академии все еще оставалось немало людей с дурными манерами и характером. И если Агнешке на правах соседки было позволительно говорить о «столь же великолепной, сколь и высокородной упругой заднице маркизы Саффолк» (что полностью соответствовало действительности), то одному из стражников, выкрикнувшему вслед Ливи что-то подобное, Амалия расквасила нос. Одним словом, характер у нее совершенно испортился, и только счастливый случай и всемогущая воля Коннери пока оберегали Амалию от серьезных последствий.

Дерек снова превратился в прежнего себя – все время садился на задние парты, отвечал односложно или вовсе отворачивался, не желая разговаривать. Не один раз Амалия видела его с синяками и ссадинами – похоже, дружки Урании не собирались оставлять Дерека в покое, и теперь ему приходилось подолгу засиживаться в Доме Четырех Стихий, чтобы не быть серьезно избитым. Ливи не раз предлагала пойти и рассказать все Кроу или кому-нибудь из профессоров, но Дерек только угрюмо фырчал и прятал глаза за какой-нибудь книжкой.

С Алексом Амалия изредка виделась только в «Вересковом меде». За прошедшие недели он еще больше исхудал и выглядел нездоровым. Алекс садился со своими друзьями и даже с Ливи здоровался разве что коротким кивком издалека, но Амалия все равно иногда ловила его взгляд – осторожный, недоверчивый, но как будто наполненный какой-то особенной грустью, от которой сжималось сердце. Больше всего на свете ей хотелось подойти самой, но после той ночи, когда она забралась к нему в комнату… нет, больше никогда! Оставались сны – короткие и

горячие, после которых простыня была мокрой от пота, а Амалия долго вслушивалась в темноту – не проснулись ли соседки? Только в этих снах Алекс был рядом, но пробуждение всякий раз ставило все обратно на свои места, и дни тянулись за днями – одинаковые, дождливые и серые, как небо над Академией.

В тот вечер Амалия закончила с занятиями на удивление рано. Точнее, просто отложила нагоняющую тоску книгу по зачарованию и решила, что на сегодня с нее хватит. Ливи еще не вернулась из библиотеки, а Агнешка сидела за столиком и переписывала какие-то пергаменты, на чем свет стоит ругая де Вилью с его дополнительными занятиями. Одним словом, самый обычный вечер. Если не считать того, что Амалия собиралась потратить его так, как хочется. А зачарование вполне могло подождать и до выходных.

И чем же заняться? Соседки по уши увязли в делах, а из котенка, стремительно превращавшегося в молодого кота, собеседник бы получился не слишком-то разговорчивый. Последнее письмо из дома пришло больше полумесяца назад, и Амалия уже успела выучить его наизусть, хоть в нем и не было ничего особенного – все целы и здоровы. И ничего нового – ни в Эйлсбери, ни в Вудсайд Хаус. Тоска.

Впрочем, помимо соседок, родителей и котенка у Амалии оставался еще один человек, с которым ей было о чем поговорить. И совершенно неважно, что разговор получался исключительно односторонним, а кости собеседника истлели в земле целый век назад. Неизвестный рыцарь из черной книжечки всегда был рад поделиться своими историями. Если бы Амалия хотела, она бы уже давно дочитала дневник до конца – уцелевших страниц в нем осталось не так уж и много. Но то ли дело было во времени, которого вечно не хватало, то ли в какой-то особой магии чернильных пятен, но прочитать хоть несколько строчек у Амалии получалось только в вечера, подобные этому – тихие и сонные, когда можно было не торопясь водить пальцем по пожелтевшим страницам и разбирать корявые буквы. Во всех прочих случаях рыцарь обижался и будто бы специально заляпывал слова чернильными лужицами и отпечатками крупных ладоней.

…чуть не случилось. Я бы никогда не простил себе, если бы опоздал. Такого не ожидал никто. Эйб Смит всегда был тихим пареньком – не знаю, что вообще заставило его взяться за оружие. Еще месяц назад он еле держался в седле. Сегодня утром Эйб попытался убить Кошку. Без всякого предупреждения, без ссор – ничего такого. Просто выхватил меч и накинулся на нее при всех.

Мальчишка никогда не был сильным бойцом, но на этот раз в него как будто Дьявол вселился. Раскидал пятерых взрослых солдат и чуть не укоротил на голову меня. Я давно перестал считать кнехтов, которых отправил к Всеотцу, но этот поединок я запомню надолго. Эйб… с ним что-то случилось. Нечеловеческая сила, нечеловеческая скорость. Пару недель назад мальчишка бы разделал меня быстрее, чем мясник разделывает свиную тушу. Но я тоже меняюсь. Я до сих пор не могу забыть, какие у Эйба были глаза перед тем, как я разрубил его надвое. В них не было ни злобы, ни страха. Он как будто бы дрался с тренировочным чучелом. И это не глаза мальчишки, в них поселился кто-то другой. Мне кажется, я знаю его имя. Разве такое возможно? Неужели могущество Матабера безгранично? Но если так, то почему он хотел убить Кошку, а не меня? Боялся не справиться? Или она по какой-то причине опаснее для него? Слишком много вопросов, и некому на них ответить. Бродяга далеко, а Кошка теперь почти все время молчит. Я знаю, она выполнит свое обещание. Она не меньше меня устала от этой войны. Но чего это будет ей стоить? И сможем ли мы когда-нибудь стать прежними? Я не хочу думать обо всем этом. Не сейчас. Может быть, потом, когда все закончится. Если мы останемся живы.

27 октября,

Лето 1242 от Рождения Солнца

Амалия вздохнула и отложила дневник. Читать с каждым разом становилось все тяжелее. Нет, дело было вовсе не в корявом почерке – напротив, перо все лучше подчинялось привыкшей к рукояти меча руке, и буквы стали куда ровнее, чем на первых страницах. Но отчаяния стало больше. Похоже, в сердце рыцаря не осталось места надежде или любви – только глухая тоска и бесконечная усталость. И все-таки он шел вперед. Даже когда понял, что теперь никому не может верить. Но разве по силам ему был враг, подобный Матаберу?..

– Опять читаешь про своего ненаглядного владыку? – поинтересовалась Агнешка, отрываясь от свитков. – Интересная сказочка?

– Это не сказочка. – Амалия покачала головой. – Сказки обычно добрые. Иногда – страшные.

– А эта какая?

– Пожалуй, все-таки страшная, – подумав, ответила Амалия. – Но не только. Мрачная и невеселая. Будь я маленькой девочкой, мне бы такая точно не понравилась.

– А там есть про любовь? – Агнешка отложила перо и откинулась на спинку стула. – Про любовь всегда интересно.

Даже если ты не маленькая девочка.

– Не знаю. – Амалия провела пальцем по истертому корешку книжечки. – Вряд ли. Тот, кто писал этот дневник, очень несчастный. Он сильный, но мне все равно его жалко.

– Кажется, у красавчика Монтгомери появился соперник, – рассмеялась Агнешка. – Только не говори, что ты втрескалась в какого-то солдафона, который помер полторы сотни лет назад.

Кто как, а Агнешка непременно сводит все… к этому. Но в чем-то она была права. Едва ли Амалия питала к рыцарю из черной книжечки какие-то нежные чувства, но все-таки уже успела к нему привязаться. Достаточно сильно, чтобы иногда представлять его себе. Высокого, широкоплечего – судя по тому, какие у него большие руки. Наверняка уже немолодого, с поседевшими висками и серой щетиной, которую ему некогда было сбривать. С покрасневшими от дорожной пыли и недостатка сна глазами. В иссеченных вражеским оружием небогатых доспехах, которые он едва ли мог снять даже ночью. От строк, написанных его рукой, веяло безысходностью и мраком. Да, пожалуй, Амалии хотелось бы оказаться рядом, чтобы развеять его тоску. Чтобы сказать, что все не напрасно – Ритания все-таки выиграла Осеннюю Войну. Кто знает, может быть, именно благодаря ему. А ведь сейчас уже никто и не вспомнит имени простого рыцаря… Разве это справедливо?

– Надо поискать еще, – решительно произнесла Амалия. – В смысле, в книгах. Про Матабера, про Осеннюю Войну… Вот только где? Крамер точно прогонит нас, Олбани теперь от меня прячется, Торвальдсен уехал, а Кроу вечно занята.

– Вот ведь неугомонная, – фыркнула Агнешка. – Впрочем, ладно. Раз уж тебе так хочется, пойдем.

– Куда?

– В одно весьма гадкое местечко. – Агнешка сгребла свитки в кучу и потянулась за плащом. – Пусть де Вилья со своими рукописями горит в Аду. Мне нужно срочно опрокинуть в себя пару пинт эля, а тебе – послушать непревзойденного знатока старинных баек и прочих загадочных историй.

– Мне уже интересно, – улыбнулась Амалия. – И кто же это?

– Мерзавец. Болван. Пьяница. – Агнешка на мгновение задумалась и продолжила: – Любитель женщин. Оборванец. Бродяга. Одним словом – само очарование. Бедивер Теофилус, курвамать, Уилсон. Дурацкое имя, впрочем, как и его обладатель. Но тебе он представился как Бард.

* * *

Агнешка неслась по узенькому мощеному проходу между зданиями так быстро, что Амалия едва могла за ней угнаться. Пышная рыжая шевелюра мелькала где-то впереди – и тут же исчезала за углом, и приходилось чуть ли не бежать, чтобы не потерять ее из виду и не заплутать среди покосившихся домишек с потемневшими, будто бы закопченными стенами. Ну и местечко… Амалия еще ни разу не бывала в этой части Академии, но Агнешка явно ориентировалась в этих бесконечных поворотах и арках превосходно. Уже через пару минут Амалия перестала даже пытаться запомнить дорогу и, подобрав подол платья, просто скакала по камням следом за соседкой.

Приземистое здание с дверью из темного дуба и полустершейся вывеской выросло у них на пути неожиданно.

– Приехали, – торжественно заявила Агнешка. – Добро пожаловать в самое лучшее заведение на территории Академии!

– «Одноглазая фея». – Амалия наконец смогла разобрать намалеванные осыпавшейся золотой краской буквы с завитушками. – Ну и названьице… И это – лучшее заведение? Я думала, здесь только «Вересковый мед».

– Не только. – Агнешка многозначительно подняла палец вверх. – «Вересковый мед» – самое большое. Сама знаешь: обычная харчевня, простенькая и недорогая, но кормят здорово. Туда ходят… да, в общем, все. И там всегда можно раздобыть что-нибудь, даже если у тебя ни гроша в кармане. «Старый рыцарь» куда дороже, так что лично я туда заглядываю нечасто. Там собираются богатенькие наследники вроде нашей маркизы Саффолк и большая часть профессоров. Светло, чисто и невыносимо скучно. В общем, если ты хочешь посидеть в по-настоящему хорошей компании – выбор очевиден. «Одноглазая фея» – более темного и злачного места не найти!

– М-м-м… нам вообще стоит туда идти? – осторожно поинтересовалась Амалия, когда Агнешка ухватилась за дверную ручку. – Темное и злачное место?

– Почему нет? – Агнешка пожала плечами. – И вообще, кто из нас двоих тут дева-воительница?

– Хотела бы я в это верить, – пробормотала Амалия, ступая в темноту трактира следом за соседкой.

Вопреки ожиданиям, внутри «Одноглазая фея» оказалась не такой уж и пугающей. Здесь действительно было темно, но мягкий полумрак скорее внушал ощущение уюта, чем опасения. В огромном камине весело плясал огонь, на котором, похоже, жарилось что-то вкусненькое. Рот Амалии наполнился слюной – ведь она с самого завтрака ничего не ела, а книги и гонка за Агнешкой и вовсе выжали из нее все соки.

– Возьму яичницу с беконом, – произнесла Амалия вслух. – Из двух… нет, трех яиц!

– К черту яичницу! – Агнешка призывно замахала рукой из-за стола, стоявшего в глубине трактира. – Возьмем рульку и четыре кружки эля. Сидеть нам придется долго!

Никто не обратил внимания на новых посетителей. Помимо пары стражников в кожаных доспехах и с алебардами да скучавшей в углу за чашкой дымящегося напитка немолодой женщины, в трактире больше никого не было. Впрочем, ничего удивительного – уже вечер, и большая часть студентов или готовится ко сну, или заседает в «Вересковом меде». Амалия глотнула из стоящей прямо перед ней тяжелой глиняной кружки. Эль оказался холодным и неожиданно сладковатым – совсем не таким, как тот, что подавала Берта. Амалия чуть ли не залпом опустошила почти треть кружки и руками оторвала кусок от дымящейся рульки, нимало не заботясь об отсутствии вилки.

– А здесь не так уж и плохо, – пробубнила она, прихлебывая эль. – Вполне милое местечко. Уж точно куда интереснее нашей комнаты.

– Ага, – кивнула Агнешка. – Ладно, не зевай. Представление скоро начнется. И надень капюшон, не будем смущать нашего птенчика раньше времени.

– Откуда ты вообще его знаешь? – Амалия поплотнее укуталась в плащ. – Он учится здесь? Я ни разу не видела его в Доме Четырех Стихий.

– Раньше учился, – пояснила Агнешка. – Вылетел с третьего курса. Не представляю, как можно настолько достать старину Эла… но у Барда получилось. Родни у него никакой нет, так что он просто взял и остался в Академии. Бренчит на лютне, клянчит монеты на эль и вино, втихаря таскает пироги у Берты и соблазняет наивных первокурсниц. Коннери каждый месяц собирается вышвырнуть Барда из Замка, но, похоже, ему лень этим заниматься.

– Занятный юноша, – усмехнулась Амалия. – Впрочем, какой-то особый Дар у него точно есть. Я чуть не… ну, в общем, прямо там, в Дозорной Башне, в самый первый день, помнишь?

– Не ты одна. – Агнешка скривилась. – Впрочем, не могу сказать, что так уж сильно жалею. Кое в чем мелкий пакостник действительно неплох. И я сейчас не про игру на лютне, как ты догадываешься. Хотя и бренчит он отменно.

Амалия понимающе хмыкнула. Хватило бы ей самой смелости вот так признаться соседке, если бы той ночью Бард довел дело до конца? Агнешку определенно не заботила непорочность – главное и зачастую единственное богатство

девушки благородного рода. Но это ее нисколько не портило. Отец и мать точно не одобрили бы подобную компанию, но Амалия знала Агнешку достаточно хорошо и не сомневалась: как ежик прячет за острыми колючками мягкое беззащитное брюшко, так и Агнешка прятала за дурными манерами и склочным нравом самое доброе и преданное в мире сердце. Не говоря ни слова, Амалия обняла соседку и чмокнула прямо в торчащее из-под огненно-рыжей шевелюры ухо.

– Полегче, леди Фалмут, – фыркнула та. – Приберегите нежности для Алекса Монтгомери. Смотри, народ потихоньку собирается. Скоро начнется.

Двери трактира распахнулись, и внутрь, непрерывно щебеча, влетела стайка девушек. То ли второкурсницы, то ли студентки постарше. Часть новоприбывших разделила стол с одинокой дамой, а ввалившиеся вслед за девушками юноши в длинных разноцветных мантиях отодвинули здоровяков с алебардами к стене, заняв все лавки. Только что чуть ли не пустовавший трактир оказался набитым под завязку за считаные минуты. Впрочем, Амалию это уже совершенно не смущало. Эль был прохладным, но от него по всему телу разливалось блаженное тепло. И даже чей-то локоть, врезавшийся под ребра, уже почти не причинял неудобств.

– А вот и наш дружок, – прошептала Агнешка, заправляя под капюшон непослушные волосы. – Дождемся нужного момента и возьмем его за…

Это действительно был Бард – даже в полумраке трактира Амалия без труда разглядела знакомые сапоги и синее одеяние с алым поясом. Он не спеша прошелся между столами и направился куда-то к камину. Увидев Барда, парни в мантиях что-то радостно завопили и принялись стучать кружками по столам. Тот поприветствовал каждого, с явным удовольствием принимая знаки внимания вроде дружеского похлопывания по плечу или серебристых искорок, которые студенты заставляли кружиться в воздухе у него на пути.

– Благодарю, благодарю вас, друзья мои! – Бард раскланялся во все стороны. – Самому мне больше нет места на предстоящих экзаменах, но мое сердце радуется за вас… А хотя, какого черта?! Вы в полной заднице, господа! На втором курсе Коннери прикончит всех, кого не трахнул де Вилья!

Последние слова Барда были встречены аплодисментами и одобрительным ревом. Коннери и де Вилья явно пользовались среди студентов не самой приятной репутацией. Но стоило говорить об этом так прямо? Впрочем, Барду терять все равно больше нечего.

– К дьяволу де Вилью! – крикнул кто-то из парней. – Давай песню!

– Песню? Ну, я даже не знаю, – притворно засмущался Бард. – Я еще не настраивал лютню… Я собирался в город…

– Ну уж нет, без песни мы тебя не отпустим! – завизжала девушка в алой мантии. – Песню!

– Песню! Песню! – подхватили все, наперебой предлагая названия, из которых Амалия могла вспомнить едва ли четверть. – «Песочного человека»! «Дым над водой»!

– Нет, лучше «Сестру» или «Доминион»! – кричали другие. – Давай!

– Ладно-ладно! – рассмеялся Бард. – Будет вам песня. Итак… – Он поднял руку вверх и снова заговорил, только когда в трактире воцарилась тишина: – Баллада о благородном сеньоре де Вилье и хитроумной красотке из города Шеттл, написанная вашим покорным слугой!

Первые звуки лютни потонули в восторженных криках и звоне кружек, но потом студенты успокоились и принялись слушать балладу уже молча. Бард еще несколько раз пробежался пальцами по струнам, прежде чем начал петь.

Золотом шитый богатый камзол,
И плащ, словно черные крылья.
Из дальней Иберии в гости пришел
Сеньор благородный де Вилья.
Волшебников равных ему не сыскать,
Хоть сто лет броди ты по свету,
Но все же позвольте, друзья, рассказать
Историю… не об этом.

– Он что, написал балладу про де Вилью? – Амалия потянула Агнешку за рукав.

– Еще какую! – зашипела та в ответ. – Тсс-с! Слушай, все пропустишь. Это просто огонь, а не баллада. Обожаю ее.

Явилась учиться сюда Мэри-Мэй,
Девица из города Шеттл,
И честно скажу – не видал я милей
Студентки прекраснейшей этой.
Вот мраморный лик, лебединая стать,
Янтарные темные очи,
Но в черных науках – то надо признать —
Была она, кстати, не очень.

Да уж, похоже, часть повествования Амалия действительно прослушала, потому что дальше в балладе речь шла уже вовсе не о сеньоре де Вилье. Судя по улыбкам на лицах юных магов, песня Барда явно не представляла собой трагическую историю о любви или подвигах. Да и мотив… Бард все быстрее перебирал струны лютни и уже принялся притопывать ногой в такт. Мелодия была простенькая, но заводная – под нее хотелось танцевать. Амалия решительно растолкала плечами других гостей, уселась поудобнее.

Сказала, сияя глазами, ему:
Мол, пусть я юна, как рассвет,
И пусть вы старик, но я так вас люблю!
Скажите, а вы меня – нет?

Ну вот, опять прослушала куплет! Амалия недовольно морщилась и изо всех сил напрягала слух, пытаясь связать части баллады воедино. Но это было почти невозможно – раззадорившиеся второкурсники, уже не раз слышавшие эту песню, принялись хором подпевать, периодически сбиваясь или коверкая слова так, что их едва можно было разобрать.

Она продолжает – скажите же мне,
А правда ли слухи, что ходят
Про посох магический ваш, что длинней
И толще всех прочих в природе…

Амалия вспыхнула, но не смогла сдержать смеха. Понять скабрезный смысл песенки было несложно, тем более что парочка второкурсников принялась активно изображать жестами тот самый «магический посох», который, если верить словам баллады, у профессора де Вильи был каких-то совершенно фантастических размеров…

Куда испарилась любовь? Где мечта?
Где страсть без тоски и обмана?
Поверив красотке один только раз,
Навек превратишься в болвана.

Эти строки весь трактир ревел хором. Как и следовало ожидать, конец истории о сеньоре де Вилье и девицы из Шеттла по имени Мэри-Мэй оказался печальным – для профессора де

Вильи, разумеется. Но ни капельки сочувствия со стороны студентов это не прибавило – судя по куплетам из самого начала баллады, профессор по оккультным наукам отличался дурным нравом и был тем еще тираном и деспотом, выжимавшим из юных магов все соки. Бард изящным движением вспорхнул на стол, стоявший ближе всех к камину, и продолжил петь, ловко приплясывая между кружками. Ему рукоплескали все.

С тех пор в Академии знает любой:
Легко доведет до могилы
Обманутый, брошенный, старый и злой
Сеньор благородный де Вилья!

Последнюю строчку Бард почти выкрикивал – несколько раз подряд, под оглушительные хлопки и звон кружек.

– Проклятье, – выдохнула Амалия, отсмеявшись. – Вот уж действительно – баллада. Интересно, это все правда? Про де Вилью и ту девчонку?

– До последнего слова, – подтвердила Агнешка. – Старый кобель известен своими амурными похождениями. Так что будь с ним поосторожнее.

Двое второкурсников чуть не подрались, выясняя, кто из них угостит Барда элем, но тот быстро успокоил их, пообещав с превеликим удовольствием выпить одну, две или сколько угодно кружек, особенно если кто-нибудь позаботится о закусках. Публика не возражала, а взамен требовала только одного: песен. Бард исполнил еще несколько баллад, среди которых попадались вполне приличные, но потом окончательно выдохся и набросился на еду, прерываясь лишь для того, чтобы шепнуть что-то на ушко смазливой девице, сидевшей с ним рядом. Судя по тому, как та млела от каждого его слова, Дар Барда отлично действовал даже в битком набитом трактире, причем безо всякой лютни. Через полчаса почти все студенты разошлись, оставив их с новой подружкой наедине.

– Неужели у него получается? – Амалия негромко захихикала. – Со стороны выглядит до невозможности глупо.

– Увы. Даже умнейшие женщины – вроде нас с тобой – иной раз падки на мерзавцев и ничтожества. Ладно. – Агнешка чуть отодвинула скамью и встала. – Мне жаль портить столь очаровательную сцену, но не будем ждать, пока Бард потащит девчонку на сеновал.

Глава 14

– Доброго вам вечера, господин Уилсон, – негромко поздоровалась Амалия. – Чудесная погодка, не находите?

– А? – Бард непонимающе захлопал глазами. – Кто же вы, юные леди? Кажется, мне уже приходилось…

– Разумеется. – Амалия откинула с лица капюшон. – Не уверена, что ты потрудился запомнить мое имя, но я разрешаю называть меня принцессой – так же, как и в прошлую нашу встречу.

– Ты называл ее принцессой? – фыркнула подружка Барда. – Ее?

– Как – еще одна принцесса? – Агнешка всплеснула руками. – Так нас уже трое? Похоже, в волшебной стране господина Уилсона скоро возникнут серьезные проблемы с престолонаследием!

– Самое время выяснить, кто же из принцесс все-таки настоящая, – подхватила Амалия. – Для начала предлагаю исключить вашу очаровательную спутницу, господин Уилсон.

– Пошла вон, малявка, – уточнила Агнешка, зажигая на ладони огонек. – Дверь вон там.

Уговаривать девушку не понадобилось. Она негромко пискнула, выскользнула из-за стола и поспешила к выходу, успев лишь на прощание бросить на Барда полный презрения и разочарования взгляд.

– Как славно, милый Бард, – промурлыкала Амалия, усаживаясь напротив. – Теперь здесь только ты, я и госпожа Ковальски.

– Которая с радостью бы поджарила твою тощую задницу, – проворчала Агнешка, опускаясь на лавку.

– Чего вам от меня нужно?

Бард изо всех сил крутил головой, выискивая пути к отступлению. Но все окна были заперты, а дверь – слишком далеко. И на пути к ней ему непременно пришлось бы столкнуться с Амалией и Агнешкой, которая явно была не против швырнуть в него огненный шарик, ненавязчиво перекатывавшийся по ее ладони. В «Вересковом меде» подобного бы точно не допустили. Амалии уже приходилось видеть, как несколько перебравших эля стражников позорно отступали, получив изрядное количество ударов метлой. Берта вовсе не выглядела девой-воительницей и отличалась добрейшим характером, но при необходимости двигалась на удивление резво и нещадно карала тех, кто вел себя неподобающим образом. А

хозяин «Одноглазой феи» лишь со скучающим видом отвернулся к полкам с посудой и принялся протирать кружки, будто бы происходящее его совершенно не касалось. Похоже, ругань и потасовки в этом сомнительном заведении были делом обычным.

– Что нам нужно? – переспросила Агнешка. – Как и всем юным девушкам, большой светлой любви и, желательно, много золотых монет. Но ни того ни другого у тебя отродясь не водилось.

– Ты когда-нибудь слышал о владыке Матабере? – встряла Амалия. – Кажется, это был какой-то очень могущественный темный маг. Полтора века назад.

– Матабер, – оживился Бард. – Мне как будто бы приходилось слышать это имя от кого-то – совсем недавно…

– Освежить тебе память? – Агнешка хищно оскалилась. – Выкладывай.

– Я… я не помню, – Бард опасливо втянул голову в плечи, – правда. Может быть, я вообще что-то перепутал. Не Матабер, а Макгрегор или что-то в этом роде… И вообще, уже поздно. Милые леди, вы не возражаете, если я…

– Сядь, – коротко бросила Амалия.

Бард, уже приготовившийся сбежать, послушно опустился обратно на лавку.

– Бедивер Теофилус Уилсон, – Агнешка подалась вперед, – тебя ведь не зря называют первым среди знатоков старинных преданий. Неужели за те годы, которые ты провел, валяясь под столами кабаков по всей Ритании, тебе не приходилось слышать ничего о темных магах времен Осенней Войны? Ни за что не поверю.

– Ты не хуже меня знаешь, что темных магов всех перевешали. – Бард недовольно поморщился. – Лет триста назад. Почти никого не осталось. Конечно, иногда находились желающие побаловаться темными искусствами, но у Святой Инквизиции длинные руки. Сейчас только старик Коннери может позволить себе что-то вроде запрещенных заклинаний.

– Думай, Бедивер, думай. – Агнешка была беспощадна. – Какие-нибудь страшные сказки тех времен, народные сказания из Остерайха – что-нибудь?

– Есть одна очень старая баллада, – нехотя произнес Бард. – Мне говорили, что ее сочинили как раз во время Осенней Войны в Остерайхе, а перевели с острийского уже намного позднее. Название… какое же там название? – Бард закатил глаза. – А! Вспомнил! Баллада о Черном Всаднике! Жутковатая штука. И там как раз про какую-то темную чертовщину.

– Пой, – приказала Амалия, кивнув в сторону лютни. – И мы

от тебя отстанем.

– Я плохо помню слова. – Бард капризно надул губы. – И музыка там такая… слишком долго разбираться!

– А мы разве куда-то торопимся? – проворковала Агнешка. – Леди Фалмут?

– Ни в коем случае. – Амалия отрицательно помотала головой. – До рассвета еще далеко, господин Уилсон. Приступайте. Публика просит.

Бард обреченно вздохнул и взялся за лютню. Сначала звуки, которые извлекали его пальцы, казались неуклюжими и нестройными, но вскоре он приспособился к непростому сбивчивому ритму и запел.

Под утро звон стали и грохот копыт.
Лишь трое рейтаров вернулись в город.
И дева в цепях, что с собой привезли,
Красива, стройна, но в глазах ее холод.
То ведьма – лишь шепот бежал по рядам,
За морем рожденная, Дьявола семя.
Но Рихард-мальчишка, он молча стоял,
Той правде никак не желая поверить.
Ведь пленница юная так хороша,
Свежа и юна, словно мартовский снег.
И волосы черной волной, и глаза
Из синего льда и горят, как рассвет…

– Это точно страшная история? – фыркнула Агнешка. – Пока больше похоже на одну из твоих бессчетных слезливых баллад.

– Тихо, – одернула соседку Амалия. – Слушай!

«Я смерти, – сказала, – от вас не боюсь».
И лишь палачу рассмеялась в лицо.
«До ночи лишь время я здесь проведу,
С закатом уйду я за Смерти Гонцом».
Солдаты оскалились, злобу тая:
То ведьма, ее на костер поскорей!
Но Рихард-мальчишка шагнул, не боясь,
И пленницу грудью закрыл от камней.

Агнешка закатила глаза и покачала головой. Амалия прижала палец к губам и легонько заехала соседке по ноге. Хотя, надо было признать, пока что баллада мало напоминала страшную историю.

А ведьма шепнула: «Отважный юнец,
Получишь награду за доблесть свою.
Друзья твои встретят бесславный конец,
Но ты уцелеешь – я слово даю.
Четыре десятка могучих бойцов
За нами послали неделю назад.
Лишь трое вернулись сегодня со мной,
А всех остальных он забрал с собой в Ад.
В доспехах из стали, что ночи черней,
В железном гробу, в пещере сырой
Спит Всадник, но только закончится день,
И после заката придет он за мной.
Спасения нет, и хоть плачь, хоть кричи —
Рука мертвеца не устанет карать.
Ни стрелы его не возьмут, ни мечи,
Лишь солнце его может в землю загнать».

Голос Барда вновь сменился перезвоном струн. Наверное, непросто было зараз спеть такую длинную балладу целиком.

И Рихард-мальчишка как лист задрожал:
«Красавица ведьма, останься со мной!
Созданию мрака тебя не отдам,
Солдат подниму я на праведный бой».
В молчании ведьма, лишь слезы в глазах:
«Зачем выбираешь проклятье и смерть?»
А Рихард ответил: «Пусть так, за тебя
Не страшно мне будет сейчас умереть».

– Тоска, – прошипела Агнешка. – Если сейчас опять начнется про любовь, я вылью ему эль на голову. Сколько можно?

– Мне перестать? – сварливо пробубнил Бард, но потом снова запел.

Уж ночь наступила, солдаты не спят,
И заперты двери все в храме святом.
На светлой земле можно крепче стоять
И черную силу крушить серебром.
Но только лишь полночь настала, и зверь
Какой-то огромный завыл за стеной.
И вспыхнули свечи, и рухнула дверь,
И Всадник явился за пленницей той.
Косматый, седой, в ржавой черной броне,

Восставший из влажной холодной земли,
Ворвался он в храм на огромном коне.
Солдаты его одолеть не смогли.

– Да неужели? – Агнешка подалась вперед. – Кажется, намечается что-то интересное и кровавое. Как раз как я люблю. И хватить тыкать в меня пальцами, леди Фалмут, я само внимание!

Ломались клинки об умершую плоть,
И меткие стрелы сбивались с пути.
Ни сталь не страшна ему, ни серебро,
Погибли солдаты, один за другим.
О Рихарде бедном забыл Всеотец,
Мальчишка упал прямо пред алтарем,
С открытым забралом свой встретил конец,
За ведьмы любовь заплатив головой.
На черном коне, что и ветра быстрей,
Сквозь ночи холодный оскаленный мрак.
Умчался тот Всадник, да с ведьмой своей,
А слезы застыли у ведьмы в глазах.

– Ну вот, – вздохнула Агнешка, когда звон струн затих. – Я-то думала, Рихард как-нибудь выкрутится. Грустная история.

Амалия покачала головой. Древняя баллада удивительным образом перекликалась с историей об Эскадроне Проклятых, которую рассказала Берта в «Вересковом меде». Воображение тут же придало Черному Всаднику черты…

– Старик Коннери, – произнесла Агнешка и тут же уточнила: – Этот мертвый Всадник – точь-в-точь наш старик Коннери. Сами подумайте – седой, косматый, порубил на части целый полк рейтаров. И зарезал беднягу Рихарда прямо на алтаре храма. Хотите сказать, это на него не похоже?

– Так эта баллада – не выдумка? – Амалия поежилась. – Как знать… Коннери живет на свете уже почти две сотни лет и вполне бы мог…

– Какое интересное наблюдение, госпожа Хэмптон.

Агнешка и Бард подскочили на добрый фут, но Амалия уже почти не удивилась. Мама всегда говорила – не поминай Дьявола, а то придет. Агнешка упомянула, и… вот, пришел. Для человека своего возраста и сложения Коннери ступал удивительно тихо – под его тяжелыми сапогами не скрипнула ни одна половица. Или он просто возник за их спинами прямо из воздуха. Амалия уже успела убедиться, что подобное ему под силу.

– Говорить такое о профессорах Академии по меньшей мере неприлично, – продолжил Коннери, бесцеремонно усаживаясь на скамью рядом. – Особенно в их присутствии.

– А вы, разумеется, оказались здесь совершенно случайно? – усмехнулась Амалия. – Просто проходили мимо?

– Именно так, юная леди, – невозмутимо ответил Коннери. – Решил заглянуть сюда и пропустить пару стаканчиков бренди. Хозяйка «Верескового меда» меня почему-то недолюбливает.

Действительно, почему? Темный маг, ожививший армию мертвецов, да еще и похожий как две капли воды на Всадника из баллады времен Осенней Войны…

– Я надеюсь, мы закончили обсуждать мою скромную персону, госпожа Хэмптон. – Коннери облокотился на стол. – В конце концов, я могу ходить туда, куда мне вздумается, и когда захочу. В отличие от вас, юная леди. Сейчас вы отправитесь в кабинет ректора и расскажете профессору Кроу о вашем проступке.

– Но она же только… – Агнешка привстала со своего места.

– Еще три часа дополнительных занятий, госпожа Ковальски, – невозмутимо парировал Коннери. – И в следующий раз будьте любезны не перебивать меня. О вас с господином Уилсоном мы поговорим чуть позже. Госпожа Хэмптон – можете идти. Вы ведь помните дорогу?

– Разумеется, сэр. – Амалия выбралась из-за стола, с трудом подавив желание наступить Коннери на ногу. – Как вам будет угодно.

Ведь это даже забавно. Раньше у нее от одного его голоса поджилки тряслись, но после Инициации страх ушел. Коннери сам дал ей свою кровь и силу, а теперь пытается запугать предстоящим разговором с Кроу? Смешно и глупо.

Но откуда тогда взялось это тягостное и неприятное предчувствие?

* * *

Стальные гиганты у дверей кабинета, принадлежавшего Торвальдсену, едва заметно шевельнулись и снова застыли. То ли узнали Амалию, то ли каким-то образом были предупреждены о ее визите.

– Войдите, – отозвалась Кроу на стук.

Похоже, обязанности ректора давались ей с немалым трудом. Весь стол оказался завален кипами бумаг и стопками книг, а у самой Кроу вид был такой, будто бы она не спала по меньшей

мере несколько дней. Стоило ли отвлекать ее из-за подобного пустяка? Ведь Коннери мог и сам назначить наказание – но зачем-то отправил Амалию сюда. И что ей теперь говорить? Профессор Коннери застукал нас, когда мы слушали старинную балладу о Черном Всаднике? Проклятье… Неужели нельзя было хотя бы подождать до утра?

– У вас какое-то срочное дело, госпожа Хэмптон? – По-видимому, Кроу тоже была не в восторге от столь позднего появления студентки. – Как вы можете заметить, у меня немало работы.

– Госпожа Кроу, – несмело начала Амалия. – Меня послал профессор Коннери. Я должна кое в чем признаться.

– Вот как? – Кроу отложила перо и сцепила пальцы в замок. – Так это правда? Профессор Коннери уже говорил… но я надеялась, что это не так.

– Я не хотела никого оскорбить. – Амалия покачала головой. – Это же просто слова. В них нет ничего…

– Просто слова, юная леди? – Кроу с негромким хлопком опустила ладонь на стол. – Мрта Бхаса. Вы хоть имеете представление, к каким силам обратились?

– Что? – удивленно пролепетала Амалия. – Нет, я имела в виду…

– Не имеет совершенно никакого значения, что вы имели в виду, госпожа Хэмптон, – голос Кроу зазвенел сталью. – Или теперь вы будете утверждать, что не использовали это заклинание?!

Амалия тихо застонала. Ну конечно! Коннери обманул ее, как маленькую наивную девчонку. Впрочем, по сравнению с двухсотлетним ветераном она и была девчонкой – глупой и неосторожной. Тревожить Кроу в такой час, только чтобы сознаться в каком-то нелепом оскорблении? Как бы не так! Вот использование запрещенной темной магии – другое дело. И теперь Амалия могла разве что соврать, глядя Кроу прямо в глаза… Нет, невозможно. Та не зря считалась одним из сильнейших магов сознания – стоило ли отягощать свое и так незавидное положение ложью?

– Нет, не буду. – Амалия опустила глаза. – Я виновата. Но я не знала, что делаю.

– Что ж, вы хотя бы не пытаетесь меня обманывать. – Кроу нервно усмехнулась. – И давно вы взяли в привычку повторять услышанные где-то незнакомые Слова Силы? Вы хоть знаете, что натворили?

– Нет, – прошептала Амалия.

– Я чуть с ума не сошла, когда Урания Клиффорд прибежала

ко мне вся в слезах и с распухшим посиневшим языком. – Кроу уже почти была готова сорваться на крик. – Вот уж не думала, что когда-нибудь снова увижу последствия заклинаний школы Сьяма Джаду. Эта противоестественная и отвратительная магия зародилась далеко отсюда, на востоке Калишии, несколько тысяч лет назад. Последователей учения Сьяма Джаду в Серединных Землях называли некромантами. Мрта Бхаса дословно переводится как «мертвый язык». Думаю, мне не надо объяснять – почему?!

Так вот что Коннери имел в виду под «молчанием»! Превратить язык своего противника в кусок мертвой плоти – отличный способ заткнуть чей-то заболтавшийся рот… Но какой ценой? Некромантия – самое ужасное и уродливое из всех запрещенных искусств. От такого вовек не отмыться. Амалии не раз приходилось слышать страшные рассказы о личах – темных магах, променявших собственную душу на могущество и бессмертие нежити. Высохший скелет с ошметками истлевшей плоти и горящими дьявольским пламенем глазами – вот во что превращался человек, который слишком далеко заходил по этому пути без возврата. И Амалия уже сделала свой первый шаг. Легкий и незаметный. И ничего не изменилось… наверное, личи тоже чувствовали это – Силу и безнаказанность. Вначале.

– Проклятье… – Кроу выдохнула и потерла глаза руками. – Я даже не могу сказать, что вы действительно так уж сильно провинились, госпожа Хэмптон. Я ведь тоже училась в этих стенах. И пусть это было целую вечность назад, я помню, что и мне… – Кроу пристально посмотрела на Амалию, словно сомневаясь, стоит ли продолжать, но все же решилась. – И мне случалось баловаться запрещенными искусствами. Тем более что в те времена правила были куда строже. Слишком сильна еще была память о временах Инквизиции и истреблении темных магов. Под запрет попадали любые сомнительные ритуалы – даже самые безобидные. И мы с соседками тоже иной раз не ведали, что творили. Но Сьяма Джаду… Это очень, очень сильная магия. Но она не только требует от произносящего заклинание незаурядных способностей – и я, и ректор Торвальдсен, и, пожалуй, половина профессоров Академии вполне смогли бы практиковать Сьяма Джаду. Нет, госпожа Хэмптон, дело совершенно в другом, – голос Кроу стих почти до шепота. – Куда важнее Силы мага его сущность, изначальная *склонность* к подобному. Большинству Сьяма Джаду внушает не просто страх. Ужас. Дикий, животный ужас. От одной мысли о произнесении Мрта Бхаса меня начинает трясти. Но вы, госпожа Хэмптон, – вы использовали заклинание без малейшего страха и вреда для себя.

– Значит, я все-таки темный маг? – Амалия вскинула голову. – Это у меня в крови, да?

– Не буду отрицать, – Кроу строго сдвинула брови, – унаследованный вами Дар имеет… некоторые особенности. Но вы не должны…

– Откуда ВЫ знаете?!

Чернильница на столе у Кроу лопнула, выпуская на белоснежный пергамент уродливое темное пятно. Амалия сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Как может эта женщина обвинять ее в чем-то или указывать, что делать?! Если у Кроу при одном упоминании искусства Сьяма Джаду трясутся поджилки, что она может знать о том, что значит быть темным магом? Эта лицемерная и самодовольная старуха в теле зрелой женщины пытается казаться разумной и доброй, но не пошевелит и пальцем, чтобы защитить Амалию. Более того, Кроу собственноручно избавится от сомнительной студентки – только чтобы остаться чистенькой.

– Госпожа Хэмптон, вы забываетесь…

– И что с того? – Амалия сделала шаг вперед. – Отчислите меня, профессор? Позволите моему проклятому Дару расти, как сорной траве, где-то там, за стенами Академии?! Или просто будете держать меня на коротком поводке, пока со мной… не произойдет какое-нибудь несчастье? Нелепая и трагическая случайность?

Пожалуй, это было уже слишком. Кроу вскочила, с грохотом опрокинув тяжелое ректорское кресло. Догадалась, что их с Мерсье подслушивали? На мгновение Амалии показалось, что Кроу сейчас ухватит и выпотрошит ее сознание – точно так же, как Коннери в самый первый день в Академии. Но та уже взяла себя в руки.

– Ведите себя достойно, госпожа Хэмптон, – твердо произнесла Кроу, взмахом ладони убирая со стола разлитые чернила. – Я назначу вам дополнительные занятия… но позже. Потом. Сейчас отправляйтесь спать. Я очень надеюсь, что нам больше не придется возвращаться к этому разговору.

Если у Амалии и было желание выложить Кроу все об Инициации и ее последствиях, то теперь от него не осталось и следа. Та может сколько угодно строить из себя образец мудрости и благородства, но все это обман. Кроу сама не знает, что делать. Она пытается играть в те же игры, что и Коннери со старухой Мерсье. Только те двое не признают никаких правил, и поэтому рано или поздно Кроу вынуждена будет уступить. И одному Всеотцу известно, что случится тогда с незадачливой студенткой первого курса. Амалия грустно усмехнулась. При таком раскладе

ей остается разве что идти за ответами к Коннери. И тот с радостью ответит. Он защитит. Но какова будет цена его покровительства? И готова ли она, Амалия Хэмптон, заплатить эту цену за собственную жизнь? Развернувшись, Амалия зашагала к выходу. Как бы то ни было, здесь никаких ответов она не получит. Да и есть ли они у окончательно запутавшейся и напуганной женщины, для которой пост ректора оказался непосильной ношей?

– Госпожа Хэмптон, – усталый голос Кроу снова зазвучал, когда Амалия уже открывала дверь, – до меня дошли слухи, что вы проявляете интерес к личности некоего Матабера. Я бы хотела попросить вас оставить ваши бессмысленные поиски и не докучать профессорам вопросами. Некоторым старым сказкам лучше оставаться просто старыми сказками. Ради вашего же блага.

Как всегда. Ничего удивительного.

Глава 15

– Тоска. – Агнешка задумчиво проводила взглядом снежинку. – Беспросветная и мрачная тоска. Ее не одолеют ни эль, ни вино, ни горячие объятия какого-нибудь смазливого старшекурсника.

Снег посыпался еще с вечера. Ноябрь в этой части Ритании никогда не бывал теплым, но для снега, за одну ночь накрывшего весь замок Ринвуд тонким белым одеялом, время еще уж точно не пришло. Слишком рано.

Амалия зябко подтянула ноги и поглубже зарылась пальцами в шерсть кота. Теперь прятать его от профессоров и хозяйственников Академии стало куда сложнее. За последние месяцы крохотный полосатый комочек превратился в крупную длиннохвостую зверюгу и, похоже, собирался вымахать еще раза в полтора, не меньше. Теперь ему не хватало объедков из «Верескового меда», и Амалия почти каждое утро обнаруживала на подоконнике подарки – мышиные или птичьи трупики, которыми кот жаждал поделиться с хозяйкой. Амалия ценила подобные подношения, но все же стремилась поскорее от них избавиться. Кот всякий раз смертельно обижался и обещал на своем кошачьем языке поедать всю добычу единолично и больше никогда не делиться с неблагодарной хозяйкой. Но уже на следующее утро все повторялось. Долго сердиться кот не умел. Или, что более вероятно, не видел никакого резона утруждать себя подобным занятием.

– В прошлом году такого наверняка не было. – Ливи набросила на плечи шерстяное одеяло. – Надо сказать прислуге, чтобы получше топили печи. Не хватало еще свалиться перед самыми экзаменами.

– Не напоминай, – проворчала Агнешка. – Де Вилья сожрет меня с потрохами. А как продвигаются научные изыскания леди Фалмут?

– Олбани теперь от меня прячется, – Амалия пожала плечами, – Кроу не свирепствует, а остальных бояться нечего.

Конечно, впереди еще целая куча работы, но сложно не порадоваться почти свободной неделе. Даже если знаешь, что это затишье перед бурей. Амалия с радостью провела бы эти дни с Алексом, но тот больше не пытался с ней заговорить. Что ж, он имел полное право разочароваться в бесстыжей первокурснице, которая залезла к нему в окно посреди ночи. Будущий герцог уж точно мог бы найти себе более достойную партию. Пусть ищет, если ему так хочется. Амалия же вполне могла потратить

свободное время на разгадку тайны черной книжечки. Так уж получилось, что из всех ее мужчин давным-давно умерший рыцарь оказался наиболее достойным. Но дело было не только в этом. Матабер и окружавшая его тайна, смерть старой ведьмы в далеком Лютессе, разбитый Кристалл, события Осенней Войны, Коннери и даже сама Амалия – все это почему-то казалось ей частями одной головоломки. Запутанной, безумно сложной, но оттого только более увлекательной.

Амалия вздохнула и взялась за перо. На обрывке пергамента одно за другим начали появляться имена. Слева – Коннери, справа – Матабер. Подумав, Амалия провела между ними жирную линию. Этих двоих наверняка что-то связывало. Матабер действительно существовал, что бы ни говорила Кроу. Библиотекарь Крамер определенно был человеком со странностями, но он уж точно не стал бы убегать при одном упоминании имени персонажа страшной сказки. Теперь Коннери… Очень сильный темный маг. Возможно, последний из живущих ныне. Родившийся – если верить словам Торвальдсена – почти две сотни лет назад. Задолго до Осенней Войны и прихода к власти кайзера Маркуса-Герарта. Значит ли это, что он был знаком с Матабером? Или даже обучался у того премудростям чего-то вроде Сьяма Джаду? Случайно ли Коннери оказался так похож на мертвого Всадника из баллады Барда?

– Матабер, – прочитала Агнешка, заглянув Амалии через плечо. – Коннери. Странная мысль, но и такое вполне может быть.

– То есть? – Амалия непонимающе посмотрела на соседку. – Что ты…

– Я думаю – а что, если Коннери и есть Матабер? – пояснила Агнешка. – Сама подумай: темный маг с сомнительным прошлым, жил и был в силе полтора века назад. Настоящего имени Матабера не знал никто… да и чего ему стоило назваться Грегором Коннери? Откуда старик вообще взялся в Академии? Он ведь здесь не так давно.

– Кроу говорила, что знает его уже долгие годы. – Амалия покачала головой.

– И она же просила тебя прекратить интересоваться Матабером, – встряла Ливи. – Думаешь, это просто совпадение?

– А Крамер, скорее всего, знает и попросту боится, что старик возьмется за старое, – подхватила Агнешка. – И у него есть на то все основания.

– А в тот вечер, когда разбили Кристалл? – Ливи вцепилась Амалии в рукав. – Коннери ведь был рядом! Может быть, это он подстроил, чтобы выманить Торвальдсена из Академии?

– Но чего ради тогда Кроу его защищать? – неуверенно

пробормотала Амалия.

– Торвальдсен ему доверяет. – Агнешка пожала плечами. – И Кроу, по-видимому, тоже. Они вполне могут думать, что темный маг исправился.

Но так ли это на самом деле? Насколько сильно изменило и изуродовало его душу искусство Сьяма Джаду? И сколько правды в страшных сказках о могущественных некромантах? Седой всадник из баллады по описанию действительно походил на лича – нечеловеческая сила и плоть, неуязвимая для обычного оружия. Живой мертвец, восстающий из своей могилы лишь после захода солнца. Коннери – лич? Он явно не испытывал каких-либо неудобств от дневного света. И уж точно не был похож на ходячий скелет, чье мертвое тело удерживала воедино лишь темная магия. Но что, если он достиг в Сьяма Джаду таких высот, что смог полностью остановить разложение? Амалия нервно выдохнула. Пока у нее были только одни догадки, но их можно было проверить… наверное.

– Вы знаете, где сейчас можно найти Коннери? – спросила она, поднимаясь с кровати. – Я хочу кое-что узнать.

– Обычно в это время он тренирует стражу и боевых магов за Дозорной Башней. – Агнешка поморщилась. – Ты уверена, что нам стоит туда идти? Если мы действительно докопались до какой-нибудь нехорошей тайны, это рискованный шаг.

– Нам – не стоит. – Амалия затянула завязки плаща. – Я пойду одна. Меня он точно не тронет.

* * *

– Ладно, хватит этих детских игр. – Коннери отступил на полшага и крутанул в руке огромный двуручный меч. – Теперь нападайте все сразу.

Остальные бойцы молча переглянулись и осторожно двинулись вперед. Среди них Амалия узнала только друга Алекса – Роба. Еще двое юношей в легких кожаных доспехах по возрасту походили на старшекурсников, но четверо крупных бородатых мужчин явно не были студентами Академии. Скорее всего, стражники, только на этот раз они вооружились не привычными алебардами, а тяжелыми полуторными мечами-бастардами. Только один сжимал в руках длинную пику с наконечником из темного металла.

– Вы долго будете так стоять? – Коннери поиграл в воздухе клинком. – Вообще-то сегодня не жарко.

Это Амалия уже успела почувствовать в полной мере. Ноги в

легких сапожках успели замерзнуть так сильно, что пальцы уже почти не шевелились. Изо рта валили клубы пара – не слишком ли заметно? Впрочем, бойцам сейчас вряд ли было какое-то дело до девчонки, собравшейся подглядеть за муштрой. Они медленно обступали Коннери и становились полукругом. Тот лишь делал шаг вбок всякий раз, когда кто-то пытался зайти ему в спину, и выставлял клинок. Пока этого было достаточно, чтобы удерживать противников на расстоянии. Амалия осторожно проскользнула за ворота, отделявшие оружейный двор от улочки за Дозорной Башней, и, пригнувшись, двинулась вдоль стены к сваленным в углу пустым бочкам и изрубленным тренировочным чучелам. К счастью, снег здесь был уже почти весь вытоптан учениками Коннери и не скрипел под ногами. Сталь зазвенела, когда Амалия уже надежно укрылась в куче мусора за огромной бочкой, в которой не хватало доброй половины досок. Сквозь пролом было прекрасно видно и Коннери, и его противников.

Которым, похоже, приходилось несладко. Один из стражников непредусмотрительно вылез слишком далеко вперед и тут же получил увесистый удар затупленным лезвием. Коннери не искал бреши в обороне – просто свалил противника в снег, словно это был хрупкий юнец, а не полный сил взрослый мужчина.

– Осторожнее, – процедил сквозь зубы Роб. – Не давайте бить вас по одному.

Похоже, среди нападавших он пользовался наибольшим авторитетом. Даже старшие стражники закивали и сошлись чуть ближе. Теперь их было на одного меньше. Тот, что уже отведал клинка Коннери, сейчас осторожно отползал в сторону, недовольно потирая отбитую конечность.

Движения темного мага были обманчиво неторопливыми: он словно медведь ворочался среди окружившей его стаи собак – огромный, седой и косматый, одетый лишь в толстую шерстяную рубаху. Без доспехов. Любой удар – даже тупым учебным клинком – мог бы нанести ему серьезную рану. Так уверен в своих силах? Или его телу действительно не страшно никакое оружие?

Судя по тому, что происходило в оружейном дворе в следующую минуту, скорее первое. На этот раз стражники и студенты атаковали одновременно. Быстро, куда быстрее Коннери, но тот каким-то чудом оставался невредимым, ленивыми и скупыми движениями уходя от ударов, лишь изредка огрызаясь могучими размашистыми выпадами. Раз – еще один стражник отправился в истоптанный снег, прижимая руки к животу. Два – второй потерял равновесие и тут же был сбит с ног. Коннери легонько коснулся клинком его шеи и вновь атаковал –

уже другого. Три – последний стражник грузно опустился на колени, роняя обломки разрубленного надвое копья. Теперь кроме Коннери на ногах остались только молодые боевые маги – Роб и его товарищи.

– Уже что-то. – Коннери сплюнул в снег. – По крайней мере, вы стали чуть проворнее этих отъевшихся на постое у Берты лентяев.

Непохоже, что схватка стоила ему серьезных усилий, но все же от него валил пар – точно так же, как от всех остальных. Но ведь живым мертвецам не нужно дышать? Значит…

– Бейте меня всем, чем можете, – рявкнул Коннери. – В полную силу!

Не успел он закончить говорить, как из ладони одного из юношей с негромким шипением выросла огненная плеть. Она быстро достигла длины почти десятка футов и легла петлей у его ног. Там, где яркое, почти белое пламя касалось земли, снег тут же таял и вскипал, окутывая всех троих молодых магов облаком пара. Второй незнакомый юноша негромко произнес несколько слов, и его клинок с треском покрылся изморозью. Роб просто выставил свободную руку вперед, собирая на кончиках пальцев Силу для заклинания, которое не выглядело столь эффектно, но по разрушительной силе едва ли уступало магии его товарищей.

Коннери не сдвинулся с места, но воздух вокруг него чуть подернулся, наливаясь Силой. Даже Истинное Зрение не смогло пробиться сквозь его щит, и Амалия увидела лишь темное бесформенное пятно в совершенной броне. Да уж, магу такой силы точно не нужны доспехи. Если бы он вдруг решил драться всерьез, а не уходить в глухую оборону, от молодых магов остались бы три горстки пепла – и ничего больше.

Юноша с огненной плетью ударил первым. Пламя метнулось в то место, где только что стоял Коннери. Тот не стал блокировать удар и лишь скользнул чуть левее, переступив по снегу тяжелыми сапогами, – так же грузно и неторопливо, как уклонялся от ударов мечей. Робу повезло больше. С его пальцев со свистом сорвался тонкий и тугой вихрь, срезавший небольшой кусок ткани с рубахи Коннери. Тот одобрительно кивнул и принял на свой клинок удар ледяного меча третьего юноши. Зачарованная сталь оказалась куда крепче обычной, и двуручник Коннери с глухим звоном переломился пополам. Юноша торжествующе вскрикнул, но его радость оказалась преждевременной: даже потеряв единственное оружие, Коннери не стал менее опасным противником.

Амалия едва успела заметить его движение, немыслимо быстрое для настолько крупного мужчины. Он крутанулся на

пятке и свалил нападавшего пинком в живот. Так вот у кого Роб научился подобным подлым приемам – обмануть противника, заставить его сосредоточиться на клинке, а самому ударить рукой или ногой. Коннери подхватил меч упавшего бойца и встретил ледяным клинком огненную плеть. Пламя неистово полыхнуло в последний раз и погасло. Лед оказался сильнее, и молодой маг с тихим стоном опустился на снег. Могучее боевое заклинание выпило из него все силы, и он больше ничем не мог помочь Робу.

Они остались вдвоем – Коннери и его самый лучший ученик. Самый сильный, самый талантливый. Роб был младше на целую вечность, но в нем уже появилось что-то от учителя. Та же уверенная стойка – вполоборота к противнику, – разве что чуть более напряженная. Та же цепкая хватка на длинной рукояти меча – правая рука почти под самой гардой, левая чуть ниже. И даже внимательные чуть прищуренные глаза – те же. Только цвет отличался. У Роба темные, почти черные, а у Коннери – зеленые, слегка мерцающие от избытка Силы. Живые, молодые. Разве у лича, ходячего трупа, могут быть такие глаза?

На этот раз Амалия не успела заметить, что произошло. Только что Роб стоял в десятке футов от Коннери, слегка отводя клинок назад, – и вот он уже у того за спиной. Полыхнувшее ослепительным белым светом лезвие помчалось к шее темного мага и… встретило лишь пустоту. А уже в следующее мгновение вырвалось из рук Роба и, со свистом рассекая воздух, полетело прямо к укрытию Амалии.

– Сумасшедшая девчонка!

К кому это обращается Коннери? Ах, ну да, к ней – Амалии Хэмптон, леди Фалмут. Но разве она не должна сейчас лежать рассеченной надвое среди размолотых в труху старых бочек? Последнее, что она запомнила, – зачарованную сталь, блеснувшую прямо перед лицом. А дальше?.. Амалия открыла один глаз. Коннери возвышался над ней, словно гора. Наверное, он жутко разозлился… но нет. Его поза выдавала напряжение и тревогу, но в глазах не было гнева – лишь интерес и едва заметное… удивление? И чему же он мог удивляться? И куда подевался меч Роба?

Меч был прямо здесь. Его острие остановилось в половине дюйма от кончика носа Амалии. А чуть дальше до сих пор чуть подрагивающий и поблескивающий магическим светом клинок обхватывали… ее собственные пальцы! Разве можно остановить четыре фута стали, да еще и усиленной атакующим заклинанием, вот так, голыми руками?! Нет, это какая-то иллюзия. Не может же она действительно удерживать тяжелый меч?! Амалия тихо пискнула и разжала пальцы. Зачарованный клинок послушно

рухнул вниз и со звоном ударился об обломки бочки.

– Отменная подвижность, юная леди, – усмехнулся Коннери. – Очень и очень неплохо – для начала. Морган, остальные – все свободны. На сегодня занятие окончено.

А, это он уже Робу и студентам со стражниками. Те послушно потянулись к воротам, даже не оглядываясь. Амалия неуклюже поднялась на ноги и поспешила за ними, но…

– Вы куда-то спешите, юная леди?

Ржавые ворота оружейного двора натужно скрипнули и закрылись прямо перед Амалией. Конечно! После такого Коннери уж точно не откажет себе в удовольствии потешиться над незваной гостьей.

– Вот уж не думал, что вы так быстро заинтересуетесь военным делом, госпожа Хэмптон, – продолжил он. – Но я рад. Похвальный и вполне естественный для вас интерес. И все же вам определенно не следовало пробираться вот так, тайком. Могли бы просто попросить.

– Я никогда не буду вас ни о чем просить, – отрезала Амалия. – Вы обманули меня! Научили самой гадкой и опасной магии, которую только можно представить!

– Это так. – Коннери чуть склонил голову. – И вы оказались на редкость способной ученицей, госпожа Хэмптон. Я даже не побоюсь сказать, что у вас прирожденный дар к магии Сьяма Джаду.

– Вы бесчестный человек, – Амалия сжала кулаки, – чудовище. В вас нет ни капли жалости и сострадания.

– И вы снова правы, юная леди, – охотно согласился Коннери. – И тому же я учу всех своих студентов. К счастью, они гибнут куда реже, чем благородные рыцари.

– Вы…

– Хватит обо мне, госпожа Хэмптон. – Коннери сдвинул брови. – Мои грехи может судить лишь Всеотец. В отличие от ваших. Я искренне рад видеть вас на оружейном дворе, но все же вы подвергли себя большой опасности, пробравшись сюда тайком. Подобное легкомыслие нельзя оставить безвозмездным. Для первого раза – почистите и заточите все тренировочные мечи. Не волнуйтесь, я покажу, как это делается. Уже очень скоро вам придется крепко подружиться с разными смертоносными железками – так почему бы не начать пораньше?

– Я не…

– Завтра на рассвете, на этом же месте, – закончил Коннери. – И постарайтесь надеть что-нибудь подходящее. Если у нас останется время до завтрака – постараюсь показать вам пару приемов. И подберем вам оружие. Полуторный меч слишком

велик для такой изящной юной леди.

– Я не стану вашей игрушкой! – закричала Амалия. – Вы не посмеете! Я пойду к профессору Кроу и все расскажу!

– О да. – Коннери криво улыбнулся. – Разумеется, она о вас *позаботится*.

Он знал. Он все знал с самого начала. Даже о том, что говорили Кроу и Мерсье в тот ужасный вечер. Мерзкий паук надежно сплел свою паутину и теперь просто ждал, когда беспомощная добыча попадет ему в лапы. Куда простой студентке тягаться с ветераном, который всю свою долгую жизнь учился искусству обмана… Но нельзя сдаваться!

– Я вас ненавижу, – глухо прорычала Амалия. – Если бы у меня было достаточно сил, я бы убила вас.

– Это непросто сделать. – Коннери был совершенно серьезен. – Но я постараюсь научить вас всему, что знаю сам. И тогда вы сможете попробовать…

Сейчас или никогда! Конечно, Амалия никак не могла навредить могущественному темному магу – но она могла хотя бы узнать его тайну. Коннери подошел достаточно близко, и Амалия бросилась вперед и двумя руками вцепилась в его ладонь.

Ледяной холод адепта Сьяма Джаду? Безжизненные пальцы мертвеца? Вовсе нет. Сильная и широкая рука Коннери оказалась теплой – куда теплее, чем у замерзшей Амалии.

– И как это понимать? – Коннери приподнял седые брови. – А-а-а, вот в чем дело…

Его пальцы сомкнулись на тонком запястье. Амалия рванулась, но безуспешно. Темный маг даже не шелохнулся. Мериться с ним силой было бы сродни нелепой попытке сдвинуть вросшую в землю скалу.

– Проверяешь, не превратился ли я в нежить? – Он подтащил Амалию чуть ближе. – Не самый надежный способ.

Она едва доставала макушкой Коннери до груди, и чтобы посмотреть ему в глаза, пришлось запрокинуть голову. Нет, он совершенно не походил на живого мертвеца. От разгоряченного схваткой тела до сих пор исходил жар, а на шее блестели крохотные бисеринки пота. В зеленых глазах плескалась Сила – недобрая и опасная. Но жизни – жизни в этой Силе хватало с избытком. На нее почему-то было мучительно больно смотреть. Ноги подкашивались – но и отвести взгляда от глаз Коннери Амалия не могла.

– Завтра, – тихо произнес он, отпуская ее руку. – И не испытывайте мое терпение, госпожа Хэмптон.

Амалия поморщилась и потерла то место, где ее коснулись стальные пальцы. Наверное, останутся синяки. И поделом! Лич

Коннери или нет – с ним определенно не стоит играть.

– Как вам будет угодно, сэр.

– Старые сказки. – Коннери снова заговорил, когда Амалия уже шагнула за ворота оружейного двора. – Глупые старые сказки. В них очень немного правды.

* * *

Амалия уже давно облюбовала себе это место. Столик стоял почти в самом углу – слишком низкий и маленький, чтобы заинтересовать шумную компанию или рослого стражника. Далеко от двери, от которой все время протягивало зябким сквозняком, но и не слишком близко к огромному камину, около которого иной раз можно было заживо свариться. Если кто-то и проходил мимо столика, то разве что сама Берта, непрерывно сновавшая туда-сюда с подносами и кружками, полными эля. Даже ароматы кухни здесь почти не отвлекали. Единственным недостатком было отсутствие света, но одной-двух свечей вполне хватало, чтобы разогнать полумрак и разобрать буквы в книгах. Но сейчас Амалия пришла сюда вовсе не для того, чтобы заниматься. Большая часть аудиторий в субботу была закрыта, библиотека и так кишела студентами, а в комнате Агнешка и Ливи продолжали сражаться с книгами по зачарованию и оккультным наукам. Оставался только «Вересковый мед». Единственное место, где в это время можно было посидеть в относительной тишине и подумать.

И поэтому Амалия не слишком обрадовалась, когда на фоне камина возникла чья-то высокая фигура.

– Ты не возражаешь?

Алекс не стал дожидаться приглашения и, пододвинув скамью, уселся напротив. Амалия уже давно не имела никакой возможности видеть его так близко. За прошедшие недели Алекс еще больше исхудал. Под глазами залегли темные тени, словно он страдал от какой-то затяжной и изнуряющей болезни. Но даже если это было и так, неведомая хворь не лишила его сил. Двигался Алекс быстро и легко, а в серых глазах появился жесткий блеск стали. Не изменилось только одно – ощущения, которые Амалия неизменно испытывала от одного его взгляда. Сердце привычно провалилось куда-то в низ живота и бешено застучало, а любые слова застревали на языке, превращаясь в невнятный писк.

– Это тебе. – Алекс положил на стол букет цветов. – Мне кажется, так будет лучше, чем говорить… потому что говорю я все

время не то.

На уроках Селины Амалия отлично успела изучить все травы и растения в окрестностях Академии – но ничего подобного она еще не встречала. Длинные сильные стебли, толстые листья, по форме похожие на вытянутые капли. И бутоны! Желтые у основания, на кончиках они пылали алым огнем. Такие краски едва ли можно встретить по эту сторону моря. Скупое солнце Ритании никогда бы не сумело дать цветку столько своей силы – разве что на самом юге Серединных Земель могло вырасти что-то подобное. Амалия схватила букет, и бутоны рассыпали по столу крохотные искорки пыльцы.

– Как красиво! – прошептала она, зарывшись в цветы лицом. – Где ты их достал?!

– Это страшный секрет! – Алекс заговорщицки подмигнул. – И лучше бы тебе его не знать.

– Я не заслуживаю такого, – вздохнула Амалия. – Это цветы для настоящей леди, а я просто глупая девчонка с дурными манерами.

– Это неважно. – Алекс улыбнулся. – Для меня ты всегда останешься леди – что бы ни случилось.

Вот же оно, счастье. Разве нет? Алекс здесь, рядом, подарил ей самые прекрасные в мире цветы. Конечно, он не произнес тех слов, которых Амалия безумно долго ждала, но это было уже не так и нужно – цветы действительно говорили за него. Цветы и серые глаза, в которых хотелось раствориться. Но что-то мешало. Счастье, чистое и незамутненное, как горный хрусталь, было совсем рядом, но Амалия никак не могла очертя голову нырнуть в его мягкое тепло. Алекс, конечно же, ждал от нее… да хоть чего-то! Слова, жеста или просто взгляда – но она снова сделала все не так.

– Почему все так запутано? – Амалия склонила голову. – Я знаю, что должна что-то сказать, сделать… но почему-то не могу. Наверное, я какая-то неправильная. Ах, к черту!

Амалия поднялась со скамьи и потянулась вперед. Сложности, дурацкие сложности! Хотя на самом деле все очень просто. Надо поцеловать Алекса – прямо здесь, и пускай все видят! И тогда не останется никаких грязновато-серых мыслей, сквозь мутную дымку которых Амалия никак не могла продраться. И тогда все будет хорошо – ведь разве может быть иначе?

Но, похоже, ненужные мысли мучили не только ее. Алекс не стал отстраняться или говорить что-то – одного взгляда оказалось достаточно, чтобы Амалия с тяжким вздохом уселась обратно.

– Не так, – тихо произнес он. – И не сейчас. Дай мне просто

посмотреть на тебя.

И мгновения потянулись бесконечно долго. Алекс накрыл руки Амалии своими и вглядывался в нее – пристально, внимательно, как будто изучал каждую самую крохотную черточку ее лица. Как будто пытался запомнить перед долгой разлукой. И когда он наконец отпустил ее пальцы и поднялся со скамьи, ей почему-то вдруг стало страшно.

– Мы ведь увидимся завтра? – почти прокричала Амалия ему вслед.

Алекс заговорил не сразу. Остановился, какое-то время стоял вполоборота, словно решая глубоко внутри себя что-то очень важное. Но потом все-таки улыбнулся и твердо ответил:

– Конечно, увидимся. – И, подумав, добавил: – И пусть у тебя все будет хорошо. Сладких снов, моя леди.

Моя леди. Моя. Еще вчера Амалия бы отдала все за эти слова, но теперь вместо радости в груди поселилась только пронзительная тоска и предчувствие чего-то ужасного и неотвратимого. И даже цветы, до сих пор рассыпающие по столу волшебные искорки, уже почти не радовали.

* * *

…сомнений. Я уже почти перестал бояться всего, что может подбросить война. Мечи, арбалетные болты, длинные копья кнехтов – все это просто железки. Они могут нанести вред телу. Они могут даже убить. Но теперь я знаю, что есть вещи и страшнее смерти. И их я боюсь. Боюсь спрашивать Кошку о том, что меня ждет. Боюсь, потому что уже знаю ответ. Сила, которая понадобится мне в борьбе с Матабером, – порождение Мрака. Однажды приняв это оружие, я сам стану его частью. Но никакого другого оружия у меня нет, и я готов. Готов даже к тому, что мой выбор навсегда поставит меня и Кошку по разные стороны… сам не знаю чего. Зато теперь я знаю, почему она плачет, более не скрывая своих слез. Ведь это и ее выбор тоже. Но мы должны выиграть эту войну – любой ценой. Пусть даже за это мы когда-нибудь отправимся в Ад. Надеюсь, хотя бы там мы сможем быть вместе. Но не в этой жизни, не…

Последние строчки на съеденной временем странице Амалия так и не смогла разобрать. Едва ли в них было что-то важное – рыцарь уже сказал бумаге все, что хотел. И каким бы мучительным ни был его выбор, он все-таки выбрал долг. Долг, а не любовь. Долг, а не самого себя. Но что же выбрал Алекс,

оставив Амалию растерянно прижимать к груди чудесный букет? Ведь он не меньше ее хотел просто быть рядом – но его звало что-то, что оказалось еще сильнее.

В темноте комнаты бутоны светились неярким алым цветом, задорные и прекрасные. Они, конечно, знали все ответы, но вовсе не спешили делиться. Да и разве имеют для них значение страх, сомнения или долг? Нет, ведь цветы – это просто цветы. И сейчас Амалия очень им завидовала.

Глава 16

Амалия спешила наверх. Лестница натужно скрипела под босыми ногами, бесконечным штопором ввинчиваясь в темноту ночного неба. Снаружи завывал ветер, и казалось, что сейчас все рухнет, – но заброшенная колокольня лишь слегка постанывала под ударами стихии. Когда-то ее построили на совесть. Когда-то очень давно. Ни звезд, ни луны – ничего, лишь черный провал над головой, из которого доносилось едва слышное гудение старого колокола. Сколько еще ступенек впереди? Двести? Триста? Или целая тысяча? И зачем вообще туда подниматься? Амалия остановилась и перевела дыхание. Туман в нескольких футах за ее спиной тут же сгустился в непроглядную пелену и медленно пополз по ступенькам, протягивая к босым ногам белесые холодные щупальца. Колокольня медленно погружалась в густую, как кисель, мокрую дымку. Значит, назад нельзя. Только вперед, только вверх. В скрипе трухлявого дерева теперь слышался шепот, словно кто-то подгонял Амалию – давай, быстрее. Колокол вдруг оказался совсем близко – всего в паре десятков футов, хотя еще несколько мгновений назад Амалия не могла даже разглядеть его в темноте. Странное место. Кто привел ее сюда? И для чего?

– Зачем ты приш-ш-шел, мальчиш-ш-ш-шка?..

От неожиданности Амалия вздрогнула. Мальчишка? Или вкрадчивый шепот, доносящийся одновременно со всех сторон, обращался вовсе не к ней?

– Я хочу разорвать наш договор.

Юношеский голос, раздавшийся по ту сторону громадины колокола, показался смутно знакомым. Пожалуй, Амалия бы даже смогла узнать его, если бы он не звучал сквозь пелену тумана приглушенно, словно издалека. Кто это? И что он здесь делает? Что это вообще за место?!

– Прелес-с-стно, – прошелестела темнота. – Я отпущ-щ-щу тебя… но не сейчас-с-с. Время еще не приш-ш-шло…

– Но ты обещал, – голос юноши задрожал. – Я… я больше не хочу! Ты обманул меня!

– Раз-с-с-ве? Разве я не дал тебе то, о чем такой жалкий ч-ш-шервяк мог только меч-ш-штать?!

Тьма вокруг сгустилась настолько, что казалось – еще немного, и она обретет плоть. Амалия скользнула чуть вправо, стараясь держать голову пониже. Хотя как можно спрятаться от того, у кого нет тела? У тьмы тысячи глаз и тысячи голосов. И одному Всеотцу известно, что может скрываться за ней.

– Я не стану твоим рабом! – закричал юноша. – Я не…

– Глупец! – голос бестелесного чудовища перешел в рычание. – Неужели ты думал, что от меня так просто избавиться?! Твоя жалкая жизнь ничто перед моей властью!

В вопле юноши нельзя было разобрать слов. Так кричит человек, когда его заживо рвут на части. Тьма тянулась к нему из каждого угла, впиваясь в дергающееся тело бессчетным числом когтистых лап. Амалия сжала зубы. Неужели ничего нельзя сделать?! Или проклятая кровь Коннери годится только для того, чтобы мучить профессоров? Ну уж нет!

– Прекрати! – Амалия бросилась вперед, огибая колокол. – Оставь его!

Но все уже закончилось. Юноша, скрючившись, лежал на полу, и если бы не вздымающиеся от шумного дыхания бока, можно было бы подумать, что он мертв. Амалия еще не могла разглядеть лица, но была уверена, что знает его.

– Все в порядке. – Она опустилась на колени рядом с юношей. – Оно уже ушло, не бойся.

Ответом ей был тихий смех, больше похожий на приступ кашля. Юноша несколько раз дернулся, а потом поднял голову.

У него не было лица. Вернее, *это* уже нельзя было назвать лицом. Бледная кожа растрескалась и повисла клочьями, рот стал втрое шире и наполнился острыми зубами, больше похожими на тонкие иглы, а в пустых глазницах зияла темнота, сочившаяся глухой злобой. Амалия вскрикнула и дернулась назад, но *оно* вдруг крепко ухватило ее за руку.

– Куда-то спешиш-ш-шь, малыш-ш-шка? – прошипел юноша голосом чудовища. – Вот уш-ш-ш не думал, что ты придеш-ш-шь так быс-с-стро. Лакомый кус-с-с-сочек…

Амалия коротко размахнулась и ударила чудовище в лицо свободной рукой. Его голова запрокинулась, выбрасывая капли черной крови. Амалия била еще и еще, обдирая костяшки пальцев о крошащиеся зубы чудовища, пока то не выпустило ее руку. Пока не услышала хруст ломающихся костей. Вот так, получай! Страх сгорал, уступая место гневу.

Но он вернулся, когда изломанное тело вновь зашевелилось и поднялось на ноги.

– Какая с-с-сильная девочка. – Чудовище провело длинным острым языком по обломкам зубов. – Какая с-с-сладкая девочка. То, что нуш-ш-шно… иди же ко мне!

И оно снова двинулось вперед, неловко ступая по полу вывернутыми ногами, раскидывая уродливые длинные руки для смертельных объятий. Теперь в нем почти ничего не напоминало знакомого юношу. Амалия попятилась назад, беспомощно озираясь в поисках хотя бы тяжелой палки. Когда чудовище

метнулось к ней, она закричала, выставила вперед ладони…

…и сбросила на пол насквозь мокрое от пота одеяло.

В то же самое мгновение сверкнула яркая вспышка и дверь комнаты номер двадцать четыре слетела с петель. Тьма трусливо расползлась по углам, разгоняемая ослепительно-белым пламенем. Сон закончился, но свистящий шепот чудовища все еще раздавался со всех сторон и окончательно исчез, только когда в дверном проеме появился огромный силуэт.

Коннери осторожно ступал босыми ногами по полу, выставив вперед левую руку. Амалия почти физически ощутила исходившие от него волны Силы. Мощи боевого заклинания на кончиках его пальцев, пожалуй, хватило бы, чтобы выжечь дотла весь замок Ринвуд и землю на пару миль в округе. В правой руке темный маг держал какое-то оружие – то ли кинжал, то ли короткий широкий меч. Похоже, Коннери бросился сюда прямо из постели – из одежды на нем были только длинные подштанники из грубой серой ткани. Кто угодно другой на его месте смотрелся бы по меньшей мере нелепо, но Амалия уже второй раз за эту ночь испугалась. Да уж, тренировки на оружейном дворе для Коннери были не более чем мышиной возней. Руки, бугрящиеся мускулами, могучий торс, поросший густыми и серыми, словно волчья шерсть, волосами, – сейчас темный маг напоминал какого-то древнего бога войны, которому не нужны были никакие доспехи, чтобы выглядеть грозно и устрашающе. В каждом его движении чувствовалась неимоверная физическая мощь – и куда только делась неторопливая хромота? Коннери мягко перекатывался с пятки на носок, водя по сторонам рукой с колдовским огнем. И только убедившись, что в комнате, кроме Амалии и ее соседок, больше никого не было, он опустил оружие.

– Профессор? – тихо пискнула Ливи. – Что вы здесь делаете?

Даже невозмутимая маркиза Саффолк пришла в оторопь от жутковатого облика Коннери и теперь испуганно жалась к стене, натягивая одеяло почти до самого носа. Агнешка тоже успела проснуться, но предпочла держать язык за зубами.

– Что здесь произошло? – пророкотал Коннери, взмахом руки зажигая все свечи на столе. – Здесь был кто-то… чужой?

– Нет, ничего такого, – пробормотала Амалия, натягивая ночную рубашку на голые колени, – просто нехороший сон… Наверное, я кричала.

– Просто сон? – Коннери сдвинул брови и шагнул к ее кровати. – Покажи руку.

Амалия послушно вытянула руку вперед.

И обомлела.

Заброшенная колокольня и бесконечная лестница ей

приснились. Как и чудовище, превратившееся в юношу без лица. Но следы пальцев с острыми когтями, отпечатавшиеся на запястье, были настоящими.

– Кого ты видела? – Коннери присел на корточки и чуть склонил косматую голову. – Ты запомнила его? Хоть что-нибудь?

– Только место. Какая-то старая колокольня в глуши. Там холодно…

Только сейчас Амалия почувствовала, что ее всю трясет. Коннери поднял с пола одеяло и бережно укутал ее, и только тогда она снова смогла заговорить.

– Темно и холодно. Там был какой-то юноша – мне кажется, что я его знаю, – Амалия тряхнула головой, – но это не совсем он… точнее, совсем не он. У него не было лица – только пасть с острыми зубами. Вы знаете, кто… что это?!

– Нет. – Коннери задумчиво пригладил бороду. – Но, кажется, догадываюсь. И это кое-что очень плохое. Действительно плохое.

Этого он мог бы и не говорить. Амалия тихо всхлипнула. Ужас пережитого накатил снова – и ведь это был даже не сон! Не просто сон! Чудовища из страны грез, какими бы жуткими они ни были, не оставляют на коже глубокие царапины от когтей. А что, если эта черная тварь снова появится?!

– Я останусь неподалеку. – Коннери словно прочитал ее мысли. – Чем бы ни была эта дрянь, больше она сюда не сунется. Твое наказание… перенесем его на другой день. Завтра покажи руку Селине или мадам Мерсье. Лучше перед завтраком. Они соображают во врачевании куда лучше меня.

– Профессор, что случилось? – снова подала голос Ливи. – Кого вы хотели найти здесь?

– Никого, – проворчал Коннери, поднимаясь на ноги. – Утром я прикажу поставить новую дверь. Прошу простить меня за беспорядок, юные леди… и постарайтесь поспать. Если, конечно, у вас получится.

– Отец Всемогущий, что с тобой такое? – Ливи подскочила к кровати Амалии, как только шаги Коннери стихли в коридоре. – На тебе лица нет!

– Не знаю. – Амалия прижалась к теплому боку соседки, пытаясь унять дрожь. – Но здесь точно кто-то был. Коннери прогнал его.

– Еще бы. – Агнешка подтянула подушку и уселась у себя в кровати. – А ведь он действительно – нет, даже не так – *действительно* хорош. Куда уж там какому-то тощему Алексу Монтгомери – да простит меня маркиза Саффолк. Ами, ты меня слушаешь? Так вот, ты просто обязана постричь старика, а потом стащить с него подштанники. Не обязательно именно в таком

порядке.

Амалия сердито фыркнула. Агнешка перепугалась не меньше ее, но все равно не смогла удержаться от сальных шуточек. Впрочем, она продолжила бы зубоскалить, даже стоя на эшафоте. Зато от ее болтовни сразу же стало легче. От выбитой двери потягивало холодом, но страх уходил, растворяясь в огоньках свечей. Соседки почти целый час наперебой успокаивали Амалию, но потом все же рухнули на подушки и засопели. Кот словно понял, что хозяйке могла понадобиться защита, и устроился на подушке рядом, свернувшись клубком. Амалия потрепала его по мохнатой холке и поднялась с кровати, чтобы задуть свечи. Незачем переводить воск. И уж точно не стоит бояться темноты – она только этого и ждет. Амалия выглянула в окно. Там, внизу, в тени Старины Боба тускло мерцали два зеленых огонька.

Профессор Коннери стоял на страже. И пусть Амалия опасалась его немногим меньше черного чудовища из сна, сегодня она могла спать спокойно.

* * *

– Ты куда-нибудь торопишься?

Дерек стоял справа от входа в женский жилой корпус, прислонившись спиной к стене. По одной его позе – небрежной, расслабленной, излучавшей силу и уверенность, легко было понять: он снова примерил свою вторую личину. Тот Дерек, который в каждой аудитории выбирал последнюю парту и вечно прятал глаза за книжкой, уж точно не решился бы заговорить первым.

– Нет, не тороплюсь… – растерянно отозвалась Амалия.

Хотя это, конечно же, было не так. До первой лекции осталось уже чуть меньше часа – ровно столько, чтобы добежать до «Верескового меда», проглотить тарелку каши с ягодным вареньем, выпить огромную кружку кофе, а потом успеть прошмыгнуть в аудиторию раньше Кроу. Та терпеть не могла опоздавших и безо всяких церемоний отправляла их за дверь – а пропуск ее занятия был чреват весьма долгой отсидкой в библиотеке.

Но она не могла просто так взять и уйти от Дерека. Тот словно привязывал ее взглядом – смеющимся, мягким, но вместе с тем властным и требовательным. Его глаза будто бы говорили: только попробуй сбежать. Амалия застыла – ровно настолько, чтобы Дерек успел схватить ее за руку и притянуть к себе.

– Вот и славно, – улыбнулся он. – Я по тебе соскучился.

– В таком случае мог бы хотя бы здороваться все эти дни. – Амалия нахмурилась, но вырываться не стала.

– Прости, – Дерек чуть склонил голову, – я виноват. Ты не сердишься?

– Нисколько, – фыркнула Амалия. – В конце концов, ты мне ничем не обязан.

– Действительно. – Дерек аккуратно взял ее за подбородок. – Я ведь не богатенький красавчик Монтгомери. Отличная партия, не спорю. Мне даже жаль, что ему осталось жить… – Дерек поднял глаза к небу и на мгновение задумался. – Какие-то полчаса. Прими мои соболезнования.

Амалия похолодела.

– Алекс… – прошептала она и тут же вцепилась Дереку в ворот одежды. – Что ты с ним сделал?!

– Сколько страсти, – усмехнулся тот и вдруг обхватил ее запястья. – И почему же ты так спешишь обвинить меня?

– А что еще с ним может случиться?! – Амалия рванулась, но Дерек был намного сильнее. – Где он?

– Подозреваю, что где-то за стенами замка, в Звенящем Лесу. – Дерек пожал плечами. – Я краем уха слышал, что у юного Монтгомери дуэль с Эдвардом Бофортом. Да-да, с ухажером Урании. Ты же помнишь его – здоровенная уродливая обезьяна, которую я чуть не сбросил со стены. А ты меня остановила. – Дерек рассмеялся. – Знаешь, это даже забавно. Спасла жизнь Эдварду, а теперь он прикончит твоего возлюбленного. Прекрасный сюжет для баллады, не находишь?

– Замолчи! – крикнула Амалия. – Этого не может быть. За такое их обоих бы отчислили!

– Милая Ами, Бофорту плевать на правила Академии. – Дерек снисходительно потрепал ее по щеке. – Он даже не студент – просто сын одного из местных графов, которого Урания зачем-то держит при себе. Он туп, как комнатная собачонка, и кусает любого, на кого она укажет. Если я не ошибаюсь, он вызвал Алекса еще тогда, на балу, когда ты так мило встала на мою защиту. Признаться, я был настолько тронут, что…

– Ты знаешь, где они?! – закричала Амалия. – Мы должны остановить… он убьет Алекса!

– Вероятнее всего, – охотно согласился Дерек. – Бофорт не самый толковый боец, но силен как бык. А болван Монтгомери слишком благороден, чтобы воспользоваться своим Даром, и согласился биться на мечах. Ставлю свои единственные башмаки на то, что твоему красавчику конец.

Так вот почему Алекс все время пропадал с Робом в тренировочном зале! Они занимались каждую свободную минуту

– даже ночью, – вот откуда у Алекса такой изможденный вид! И ведь он так никому ничего и не сказал! Только вчера, когда принес цветы… как будто бы прощался! Навсегда!

– Пошли, скорее. – Амалия потянула Дерека за рукав. – Ты поможешь мне найти их?

– Ты, верно, шутишь. – Тот не сдвинулся с места. – Мне несказанно повезло – громила Бофорт сделает всю грязную работенку и мне не придется убивать Монтгомери самому. Ты же знаешь, как я тебя обожаю… а я очень не люблю делиться. Особенно со сладкими чистенькими маркизиками.

– Убирайся к черту! – Амалия размахнулась и влепила Дереку пощечину. – И больше никогда не смей ко мне подходить!

Бежать, быстрее бежать! Но куда? Ноги сами несли Амалию к Дому Четырех Стихий. Кроу непременно поможет – ведь это вопрос жизни и смерти одного из студентов. Но занятие только через полчаса, а кабинет ректора так далеко… Нет, не успеть! От стражи немного толку, и Агнешка с Ливи тут бессильны. Амалия с каждым шагом замедляла бег… Проклятье! Выхода нет. Или Алекс умрет, или…

– Профессор Коннери, – дрожащим голосом произнесла она и, вытерев рукавом слезы, повторила: – Профессор, вы нужны мне. Профессор Коннери!

– Не так громко, юная леди.

Когда Амалия обернулась, горячие искры с плаща темного мага уже падали в снег. Коннери явился на ее зов – сразу же, как и обещал.

– Что случилось? – проворчал он. – Непохоже, чтобы кто-то пытался…

– У Алекса дуэль! – закричала Амалия, хватая Коннери за руку. – Его убивают!

– Черт бы побрал этих мальчишек. – Темный маг изменился в лице. – Ты знаешь, где они?

– Нет. – Амалия изо всех сил замотала головой. – Где-то в лесу.

– Идем. – Коннери торопливо зашагал прямо через сугробы, увлекая Амалию за собой. – Проклятье!

– Профессор, а вы не можете перенести нас к ним? – Амалия споткнулась и чуть не упала в снег. – Вы ведь сразу пришли ко мне…

– Я что, по-твоему, Элвин Торвальдсен? – проворчал Коннери. – До Белой Скалы почти девять миль.

– Белой Скалы?

– Здоровенный кусок камня около дороги на Вудроу, к северу отсюда. – Коннери сплюнул. – Каждый год какой-нибудь болван

непременно назначает там дуэль. Честь и отвага! Отпрыски знатных родов Ритании, черт бы их побрал… Поедем верхом. Если старина Гром еще не совсем разжирел у себя в стойле, будем на месте через четверть часа.

* * *

– Мы что, поедем на *этом*?

Амалия даже попятилась немного назад. Всей ее тревоги за Алекса оказалось недостаточно, чтобы забраться на огромную зверюгу, лишь по недосмотру Всеотца уродившуюся лошадью, а не львом или тигром. Жеребец Коннери был на полтора фута выше любого из тех, кого Амалия когда-либо видела в Эйлсбери. От кончиков ушей до копыт размером с большую тарелку из «Верескового меда», черный как смола. В глазах – ни капли обычного лошадиного добродушия. Завидев хозяина, Гром нетерпеливо заржал и громыхнул копытом по калитке стойла – так, что вся конюшня заходила ходуном, а вот на Амалию поглядывал с каким-то плотоядным интересом. Она бы не удивилась, узнав, что Коннери подкармливает своего любимца мясом юных девушек.

– Не бойся, он тебя не съест, – ухмыльнулся Коннери, водружая Грому на спину тяжелое походное седло. – Во всяком случае, без моего разрешения. Ему просто не терпится размять кости. Забирайся!

– Я не…

Коннери не стал слушать. Его руки легли Амалии на талию, и уже в следующее мгновение она взмыла в воздух и приземлилась на спину недовольно фырчащего Грома. Коннери прыгнул в седло следом за ней, даже не касаясь ногой стремени.

– Вперед! – рявкнул он, стукнув Грома пятками по бокам. – Пошел, лентяй!

Лентяй? Амалия бы точно не стала упрекать коня в недостатке подвижности. Гром рванул с места так быстро, что ворота конюшни затрепетали, и помчался по узким улочкам замка Ринвуд. Тяжелые подковы гремели по мостовой, высекая искры и поднимая в воздух свежевыпавший снег. Опоздавшие на занятия студенты испуганно жались к стенам. На повороте Коннери направил Грома влево, к главным воротам, и чуть не затоптал профессора де Вилью. Тот с визгом подхватил полы богатого мехового плаща и нырнул в сугроб, а потом гневно орал что-то вслед, но Амалия не могла разобрать слов – их уносил ветер, звеневший в ушах.

– А теперь держись крепче! – закричал Коннери прямо ей в ухо. – Не то сдует!

Огромный засов разлетелся в щепки, и ворота замка с грохотом распахнулись, выпуская Грома и его наездников за крепостные стены. Только здесь Амалия почувствовала, что значит скакать *по-настоящему* быстро. Холодный воздух швырнул ее назад, вдавливая в широкую грудь Коннери. Стук копыт Грома немыслимо ускорился, превращаясь в дробь какого-то дьявольского барабана. Обычное животное, насколько могучим и выносливым бы оно ни было, не смогло бы бежать так, но Коннери обуздал самого демона бури. Голые деревья мелькали по обе стороны дороги, сливаясь в один сплошной частокол, черневший среди снежного белого безмолвия. Ветер хлестал в лицо, высекая слезы, тут же осыпавшиеся с замерзших щек ледяными крошками. Быстро? Но и этого сейчас было мало!

…Бойцы сошлись в первый раз. Один – ловкий, подвижный, словно ртуть, в легких кожаных доспехах – лишь на груди блестят пластины металла. Второй – огромный, неповоротливый, в угловатой грубой броне. Но его медлительность обманчива – великан орудует тяжелым двуручным мечом в человеческий рост почти так же быстро, как его противник своим. И первому приходится отступить, роняя на снег первые капли крови…

– Профессор! – закричала Амалия, поворачивая голову. – Мы можем ехать еще быстрее?!

Коннери ответил не сразу. Но его хриплый голос с легкостью перекрывал свист ветра в ушах.

– У магии много путей, девочка. Но я могу научить тебя лишь тому, что знаю сам.

– Мы должны успеть! – Амалия изо всех сил вцепилась в руку темного мага. – Мы еще можем…

– *Ты* можешь. Изначальная Тьма проведет нас коротким путем, но возьмет свою цену. Это дорога, с которой не свернуть. Ты готова?

…Удар. И еще. И еще один. Великан натужно сопит – он не успевает отразить их все. Но его снова и снова спасает толстая броня. И вот уже он идет вперед, поднимая над головой свое страшное оружие. Меч первого бойца сверкает на солнце, выпадая из ослабевших пальцев. Сколько еще шагов назад можно сделать перед тем, как упрешься спиной в Белую Скалу? Ее стоило бы назвать Красной Скалой – сколько же здесь было убито таких же молодых и глупых…

– Готова! – Амалия тряхнула головой. – Что угодно, профессор. Только спасите Алекса!

– Что ж, – тихо произнес Коннери. – Пусть будет так.

И воздух вокруг взревел, наливаясь Силой. Деревья метнулись навстречу, сплетаясь в уродливый черный клубок из стволов и ветвей. Заснеженная дорога под копытами Грома пошла рябью, стягивая долгие мили в ярды, словно кто-то из древних титанов играючи комкал расстояние и само время огромными пальцами. Мир не выдерживал, трескался и рвался на части, и между осколками бытия плескалось черное и страшное ничто. Воющая пустота, Хаос, который был здесь еще до того, как Создатель произнес первое в мире Слово.

– Отец Всемогущий, – зашептала Амалия, – спаси нас…

Она поднесла руку к лицу. Кровь. На щеках, на губах – везде. Глубоко в груди что-то рвалось и лопалось. Как будто струны лютни. Порвется последняя – и все. Тьма жадно высасывала из Амалии последние силы. Где взять еще хоть чуть-чуть? Чтобы успеть спасти Алекса. И посмотреть на него – хотя бы одним глазком. Хоть немножечко! А после этого можно будет отпустить все и рухнуть в снег изломанной и высушенной мертвой куклой…

– Это твоя Сила, девочка. Вот же она, прямо здесь.

Тьма? Хаос? Да, в них много, бесконечно много Силы – не случайно Коннери с такой легкостью правит конем в этой душной тишине без конца и без начала – это его стихия, он может насытиться ею. Значит, и она, Амалия, может? Ведь выбор сделан, и теперь это и ее Сила тоже!

…Он пытается подняться на ноги, но уже не может. Руки в кожаных наручах подгибаются, проваливаются в снег почти по локоть. Холодно. Но уже совсем не страшно. Тот, другой, подходит все ближе. Ему тоже тяжело – хрипит, плюется, но все же шагает, гремя доспехами. Его тень заслоняет солнце. Размахивается. Амалия… Ами. Прости.

– Ублюдок, – шепчут бескровные белые губы.

Не нужно даже быть рядом. Достаточно просто потянуться вперед сквозь Тьму, туда, где тупая гора человеческого мяса возвышается над измученным противником, и вцепиться холодеющими пальцами в сердце – большое, горячее, будто бы бычье. И сжимать, впиваясь ногтями, пока оно не перестанет биться.

Вот так.

Держать.

Еще немного.
Еще…

Эпилог

Тепло. Тепло и мягко. Амалия попыталась было открыть глаза, но тут же снова зажмурилась. Дневной свет оказался слишком ярким. Слишком горячим. Ей даже захотелось сбросить с себя одеяло.

– Просыпайся. Пора.

Амалия рывком села на кровати. Перед глазами поплыли цветные круги, но на этот раз даже слепящие лучи солнца не помешали вытаращиться изо всех сил.

Коннери расположился в громадном кресле прямо у изголовья. Похоже, он тоже только что проснулся, и теперь недовольно щурился, стараясь отвернуться от окна.

– Где я? – пробормотала Амалия и тут же дернулась. – Алекс! Что с ним?!

– Успокойся, девочка. – Коннери мягко толкнул ее обратно на подушки. – Ему здорово досталось, но через неделю-другую он сможет встать на ноги. Легко отделался. Если не считать того, что дополнительных занятий ему теперь хватит до самого выпускного курса.

Алекс жив! Значит, все было не зря – и сделка с Коннери, и дьявольская скачка через черную пустоту, и холодные пальцы, сжимающие человеческое сердце… Бофорт!

– Профессор, – сдавленно прошептала Амалия, комкая в руках край одеяла. – А тот, второй… Эдвард?

– Уже третий день пытается прорваться в кабинет профессора Кроу со своим сумасшедшим папашей, – отозвался Коннери. – Тот постоянно твердит что-то о темной магии, чуть не прикончившей драгоценного наследника рода Бофортов.

– Что с ним случилось?!

– Юноше вдруг стало дурно, когда он уже собирался снести голову твоему ненаглядному Монтгомери. – Коннери покачал головой. – Ничего удивительного. Каждый день налегать на эль и свиные отбивные при его сложении… даже самому могучему сердцу не выдержать такого.

Амалия подняла голову и посмотрела Коннери прямо в глаза.

– Молчи, – коротко приказал тот. – Ты не имеешь ко всему произошедшему совершенно никакого отношения. Ясно?

– Как вам будет угодно, сэр. – Амалия послушно кивнула. – Но ведь… ведь тогда кто-нибудь непременно попробует обвинить вас.

– Плевать, – усмехнулся Коннери. – У меня достаточно недоброжелателей. Что с того, что их вдруг станет чуть больше?

Не об этом тебе сейчас следует думать… да и всем нам, пожалуй, тоже. Наступают тяжелые времена.

– Кристалл? – Амалия вздохнула. – Все из-за него, да?

– Не только. – Коннери сложил руки на груди. – Прости, я уже потерял счет времени. Пока ты была нездорова, здесь много чего произошло. В Серединных Землях назревает война, ректор так и не вернулся, в Вестминстере убили одного из министров Королевы, а когда мы с тобой отправились к Белой Скале, кто-то напал на профессора Кроу.

– Отец Всемогущий… – Амалия поднесла руки ко рту. – Она жива?

– И почти здорова. – Коннери склонился вперед. – Знаешь, нам было бы неплохо навестить ее. Сможешь идти?

– Смогу, – пробурчала Амалия. – Только дайте мне немного времени умыться.

Она уже знала, чем все закончится. Так к чему оттягивать неизбежное?

* * *

Подъем по белой лестнице показался бесконечным. После нескольких дней, проведенных в постели, все тело ломило, а негнущиеся ноги еле одолевали высокие ступеньки. Если бы не помощь Коннери, Амалия бы наверняка свалилась, даже не дойдя до порога Дома Четырех Стихий. Темный маг без особого труда доволок ее до самой двери кабинета и пропустил вперед.

– А, вот и вы, госпожа Хэмптон, – тихо произнесла Кроу. – Прошу вас, садитесь. Профессор Коннери…

За прошедшие дни Кроу еще больше осунулась – видимо, нападение не прошло для нее бесследно. Ни повязок, ни ссадин – Высшие маги без труда могут излечить тело – но от Истинного Зрения не утаить тусклую и потемневшую ауру. Амалия прекрасно видела, что у Кроу едва хватало сил держать спину прямо. Неизвестный злоумышленник не довел свое дело до конца, но Дар Кроу нескоро вернет себе привычную мощь.

– Спасибо, я постою. – Коннери занял свое излюбленное место, привалившись спиной к огромному книжному шкафу. – Я почти неделю не отходил от этой занозы. – Коннери кивнул на Амалию. – Сейчас за ней нужно особенно приглядывать.

– Итак, юная леди. – Кроу положила ладони на стол. – Вы знаете, зачем я позвала вас?

– Да. – Амалия опустила глаза. – Знаю.

– В таком случае позвольте мне перейти сразу к делу. Я

много раз предупреждала вас об опасности вашего Дара, госпожа Хэмптон. – Кроу устало вздохнула. – Всеотец свидетель, я, как могла, старалась уберечь вас…

– Кет, – мягко прервал Коннери. – Не надо. Ты же знаешь…

– И тем не менее, – Кроу возвысила голос, – вы не вняли моим советам. Полагаю, я должна благодарить за все произошедшее и профессора Коннери. Но вы, и только вы, госпожа Хэмптон, несете ответственность за ваш собственный выбор. И этот выбор уже сделан. И ни я, ни сам ректор Торвальдсен не в силах этого изменить. Вы понимаете это?

– Да, – Амалия покорно кивнула. – Это мой выбор. И ничей больше.

– В свете всех произошедших событий я не вижу иного выхода. – Кроу на мгновение смолкла, словно страшась слов, которые должна была произнести. – И я готова сделать исключение из правил Академии Ринвуд.

Амалия посмотрела на Коннери. Тот по-прежнему стоял у шкафа, будто каменная статуя. Только уголок его рта чуть дернулся вверх – ничего больше.

– Пользуясь переданной мне властью, я, Кеттрикен Кроу, графиня Бри, профессор, разрешаю профессору Грегору Коннери проводить обучение студентки первого курса Амалии Хэмптон, леди Фалмут, по особому плану. Мое решение окончательное и не имеет обратной силы.

– Спасибо, Кет. – Коннери шагнул вперед. – Знаю, что пока мне не веришь – но так надо. Когда-нибудь ты поймешь, что иначе нельзя.

– Можете идти. – Кроу устало уронила голову на грудь. – Грег… прошу тебя.

– Я знаю, Кет. Я знаю.

Он все-таки добился своего. Силой, обманом – но добился. И даже сама судьба оказалась на его стороне, заставив заплатить за жизнь Алекса страшную цену.

Прорвало Амалию уже на лестнице.

– Ненавижу вас, – глухо выдохнула она. – Ненавижу ее. Ненавижу себя.

За то, что все закончилось именно так. Темный маг оказался прав – нельзя изменить предначертанное. Это проклятье досталось ей с самого рождения, что бы ни говорили Торвальдсен и Кроу.

– Выше нос, – усмехнулся Коннери. – В сущности, ничего страшного с тобой не случилось. Во всяком случае, пока.

– Я буду такой же, как вы. Буду все время носить в себе смерть и пустоту.

– Все мы носим внутри смерть и пустоту. – Коннери пожал плечами. – Просто у кого-то их чуть больше. Все еще считаешь меня чудовищем?

Очень хочется соврать, глядя прямо в эти мерцающие зеленые глаза. Соврать, чтобы еще раз попробовать пробить эту ледяную броню невозмутимости, заставить почувствовать хотя бы отголосок того, что чувствует она. Но не теперь. Не после всего, что произошло.

– Нет. – Амалия опустила голову. – Не считаю.

– Мы не выбираем, с какой аурой родиться, девочка. – Коннери легонько потрепал Амалию по плечу. – Мы не выбираем ту Силу и тот Дар, который наследуем. Но в одном старина Эл прав – кем быть, мы все-таки решаем сами.

– Профессор…

– Оставь это дурацкое обращение для де Вильи, – проворчал Коннери. – С сегодняшнего дня только я определяю время и продолжительность твоих занятий. И только я могу назначать тебе наказание. Формально ты останешься студенткой Академии Ринвуд, но я буду учить тебя так, как это делали раньше. В те времена, когда еще никто не произносил даже самого слова «профессор».

– И как тогда мне вас называть?

– Мастер. – Темный маг сложил руки на груди. – Обращайся ко мне «Мастер Коннери».

Вторая часть

Глава 1

Воздуха не хватало. Вернее, не так. Воздуха перестало хватать уже добрую милю назад, но Амалия упрямо продолжала мчаться вперед, перескакивая через поваленные деревья и замерзшие канавы, стараясь как можно сильнее стучать сапожками по твердой ледяной корочке тропинки. Это хоть как-то приглушало звук ее собственного хриплого дыхания и отвлекало от боли в правом боку. Но теперь даже морозный ветерок не приносил привычного облегчения. Как хорошо, что осталось совсем немного – всего каких-то три-четыре ярда. Куда уж там правильно дышать или смотреть под ноги! Руки безвольно повисли плетьми, а сердце будто бы собиралось выпрыгнуть из полыхающей огнем груди и самостоятельно добраться до заветного поворота тропинки, бросив измученное тело. Ну же, еще немного… Все! Снег встретил Амалию мягкими прохладными объятиями.

– Медленно, – проворчал Мастер Коннери. – Медленно и плохо.

Он сидел прямо на земле, привалившись спиной к стволу огромного дуба, и задумчиво ковырялся палочкой в остывающих угольках костра. Рядом с ним стояли песочные часы, не успевшие отсчитать и половины времени. И он еще недоволен?!

– Мастер… – Амалия перевалилась на бок. – Мастер Коннери, я…

– Поднимайся. Нельзя лежать на снегу после бега.

Придется встать. Иначе он снова схватит ее за шиворот, как котенка, поставит на ноги, а потом будет гонять по лесу, пока ее ступни не сотрутся до кровавых мозолей. Ну почему он с ней так?! Даже самые проворные стражники уже несколько недель не могли угнаться за Амалией, но Коннери раз за разом повторял только «медленно» и «плохо».

– Мастер, – жалобно простонала она, кое-как выбираясь из сугроба. – Я не могу быстрее. Вы же сами видели, как я обогнала всех вчера. Почему…

– Потому что они – ленивые толстозадые увальни, которые годятся только разгонять пьяных старшекурсников, – отрезал Коннери. – А ты – боевой маг.

– Пока я только скачу по лесу как умалишенная и перетаскиваю с места на место ваши дурацкие железки. – Амалия сердито пнула сугроб.

Мелкая белая крошка взвилась в воздух и тут же осела обратно. Снег. Холодный, такой же, как Мастер Коннери. Можно сколько угодно биться об эту ледяную глыбу и в ответ слышать

только неизменные «медленно» и «плохо». Если ему так хотелось учить незадачливую девчонку, родившуюся с Даром Изначальной Тьмы, мог бы придумать что-нибудь поинтереснее, чем бесконечная беготня по лесу, после которой даже подъем в библиотеку превращался в самую настоящую пытку!

– Хорошо. Немного разнообразия тебе не повредит, – неожиданно согласился Коннери и кивнул в сторону разложенных под деревом тренировочных мечей. – Выбирай клинок.

– Прямо сейчас? – Амалия отступила на шаг. – Я ведь только что пробежала почти восемь миль…

– Шесть с половиной. Думаешь, противник будет ждать, пока ты успеешь отдышаться?

– Здесь нет никакого противника, – фыркнула Амалия. – Только я и вы.

– Совершенно верно. – Коннери лениво поднял руку, и самый длинный и тяжелый меч подпрыгнул со своего снежного ложа, сверкнул в воздухе и послушно лег рукоятью в ладонь Мастера. – Только ты и я.

– Отец Всемогущий, – жалобно простонала Амалия. – За что?..

Она ведь еще совсем не умеет драться! Разумеется, у Коннери только одна цель – как можно больше ее измучить! Какое-то время Амалия просто топталась на месте, надеясь, что он одним ударом отправит ее в сугроб и закончит издевательства. Но нет – Коннери, похоже, не собирался бить первым и медленно отступал в глубь леса. Подальше от тропинки, туда, где снег доставал Амалии почти до колена. Ей и до этого было непросто двигаться, а теперь, когда ноги при каждом шаге приходилось выдергивать из сугроба… Но надо идти вперед, надо нападать, иначе Коннери заставит ее пробежать еще пять, десять, сто кругов вокруг замка Ринвуд! И совершенно бессмысленно плакать и умолять – проще добиться сочувствия у серых камней Академии, чем у Мастера.

Амалия неуклюже взмахнула мечом, пытаясь достать Коннери. Тот даже не стал отступать – лишь слегка отклонился назад и пропустил клинок в паре дюймов от себя. Еще немного, и Амалия бы его зацепила! Она била еще и еще, но Коннери все так же неторопливо покачивался из стороны в сторону, словно под порывами ветра, и меч Амалии раз за разом вспарывал лишь морозную пустоту.

– Слишком далеко, – коротко бросил Коннери. – Так ты никогда не попадешь. Подойди поближе.

Еще бы! Легко говорить, когда в тебе почти шесть с половиной футов роста, и достаточно один раз переступить огромными сапожищами, чтобы твоя крошечная противница вынуждена была ковылять через снежные заносы, теряя последние

силы! Амалия стерла рукавом пот со лба, стиснула зубы и снова двинулась вперед, молясь, чтобы Коннери поскорее надоело ее мучить. Достаточно одного удара, хотя бы слабенького, и тогда можно будет с чистой совестью нырнуть в уютный сугроб и притвориться, что ей очень-очень больно. А потом отправиться в жилой корпус, забраться в горячую ванну и просидеть там целую вечность…

– Не спи.

Раз! Коннери бил плашмя, почти без замаха, но левое плечо тут же тоскливо отозвалось болью. Все, теперь можно упасть и…

– Не вздумай свалиться. Будешь притворяться – пробежишь еще три круга. А потом начнем сначала.

И снова удар – на этот раз по бедру. Почти не больно – больше похоже на шлепок. Но почему-то на глаза сразу навернулись слезы.

– Как вы можете, Мастер?! Я же леди!

– Ты боевой маг.

Боли Амалия уже почти не почувствовала. Легкий укол чуть повыше локтя был сущим пустяком в сравнении с усталостью, от которой темнело в глазах. К кончику меча, казалось, привязали огромный камень весом в пару сотен фунтов. Косматый силуэт Коннери расплывался, превращаясь в неуловимую тень, – медленную, неуклюжую, почти неподвижную, но все же недосягаемую.

– Не опускай клинок. В следующий раз ударю в голову.

И оставит на лице безобразный шрам! Даже тупое лезвие в могучих лапищах Мастера без труда могло бы рассечь Амалию надвое. Но он не будет ее калечить. Нет, все куда хуже! Изуродовать – вот его затея. Окончательно превратить юную девушку в страшное чудовище, которое годится только на то, чтобы испепелять своей ненавистью врагов Короны. Убить ту Амалию Хэмптон, которая могла расплакаться от одного вида хромого котенка, и выковать из нее новую игрушку себе на потеху. Сделать крохотную копию себя самого!

Воздух вокруг задрожал, наливаясь Силой, а потом что-то глубоко внутри лопнуло, взорвалось, и сталь в руках Коннери брызнула осколками. Обломок меча свистнул у Амалии над ухом и срезал прядь волос.

– Ну вот… – Мастер задумчиво посмотрел на расколотую рукоять – все, что осталось от его оружия. – Хорошая была железка. Жалко.

На снегу прямо под его ногами одна за одной начали появляться дымящиеся красные точечки.

– Мастер, – пролепетала Амалия. – Вы… Простите меня!

– Постарайся не прикончить меня хотя бы до своего выпускного бала, – проворчал Коннери, стаскивая перчатку. – Злость – сильный союзник, но ненадежный. Куда лучше и правильнее драться с холодной головой.

Амалия подошла чуть ближе. Глубокий порез проходил наискосок через ладонь Коннери, но его края уже начали закрываться. Через несколько мгновений рана превратилась в узенькую красную полоску, а потом и вовсе исчезла.

– Как видишь, иногда быть темным магом не так уж и плохо, – усмехнулся Коннери, стирая другой рукой остатки крови. – А к боли рано или поздно привыкаешь.

– Зачем вообще нужны поединки на мечах, – Амалия опустила глаза и ковырнула снег носком сапожка, – если можно просто убить человека магией? Сьяма Джаду…

– Сьяма Джаду – нелегкое и опасное искусство. – Коннери сдвинул брови. – Лишь одно из многих, которые тебе еще предстоит изучить. Но если ты думаешь, что магия так уж сильно отличается от фехтования… подумай еще.

– Не вижу никакой связи, – фыркнула Амалия. – Искусство управления Силой и глупые тяжелые железки.

– Не стоит недооценивать оружие. – Коннери закинул за спину перевязь с тренировочными мечами. – Пойдем. Уже темнеет. Пожалуй, тебе действительно не помешает немного отдохнуть.

Впрочем, путь к воротам Академии совсем не походил на отдых. Мастер неизменно избегал хорошо протоптанных тропинок Звенящего Леса и каждый раз шагал через сугробы и завалы. Амалии приходилось чуть ли не вприпрыжку бежать, чтобы не отстать от Мастера, которому хромота никак не мешала продираться сквозь кусты и голые заросли. Он еще и успевал рассказывать то, что «настоятельно рекомендовалось запомнить»!

– Не стоит недооценивать оружие, – повторил Коннери. – И уж тем более не стоит недооценивать то, чему может научить искусство боя.

– И чему же? – Амалия едва не завалилась на бок, успев в последний момент вцепиться в плащ Мастера. – Стирать ноги и обзаводиться синяками?

– Бить первым. – Коннери пропустил остроту мимо ушей. – Оценивать противника. Находить его слабые места. Обманывать. В конце концов, успевать сбежать до того, как тебя прикончат. Схватка магов – это не только противостояние Силы. Иногда опыт и умение значат куда больше, чем врожденная мощь Дара.

– Это значит, что вы бы смогли победить ректора Торвальдсена? – спросила Амалия. – Говорят, он один из

сильнейших магов Ритании и всего мира.

– Сильнейший из ныне живущих, – поправил Коннери. – Но даже Элвин Торвальдсен смертен. А значит, его тоже можно убить. Но я буду учить тебя не этому. Точнее, не только этому.

– Чему же? – Амалия ускорила шаг, чтобы не отстать от Мастера. – Фехтование, магические искусства… что еще может понадобиться боевому магу?

– Маскировка. Стрельба из лука. Умение драться кулаками. – Коннери хрипло рассмеялся. – Конечно же, если речь идет об обычном боевом маге. Но тебе предстоит изучать тактику, стратегию, историю, картографию, геральдику, дипломатию, языки Серединных Земель…

– Геральдику и дипломатию? – Амалия едва не споткнулась. – Зачем мне все это?

– Уже совсем скоро ты узнаешь, как много войн было выиграно с помощью одного лишь яда или кинжала. – Коннери на мгновение обернулся и сверкнул зелеными глазищами. – И как много войн было проиграно не на полях сражений, а в наполненных золотом роскошных дворцах. И что обычное гусиное перо отправило на тот свет куда больше людей, чем все мечи, вместе взятые. Обычный боевой маг стоит сотни солдат и может выиграть битву. Но ты должна научиться выигрывать войны.

– Мастер Коннери… – вздохнула Амалия. – Разве я когда-нибудь смогу? Я ведь самая обычная девушка!

– Ты боевой маг.

* * *

Два лестничных пролета в больничное крыло. Совсем немного для полной сил юной девушки. Бесконечно долгий подъем для юной девушки, которую три-четыре часа без перерыва истязал беспощадный Мастер Коннери. Последние ступеньки Амалия преодолевала, ухватившись за перила обеими руками. Но ее мучения на сегодняшний вечер не спешили подходить к концу. Даже боль в ногах не могла сравниться с тем, что происходило у Амалии внутри.

Навстречу шагала Ливи… Нет, сейчас это была не Ливи, а Оливия Монтгомери, маркиза Саффолк. Такая же величественная и прекрасная, как и всегда. Неприступная и холодная, больше похожая на безупречную ледяную статую, чем на девушку из плоти и крови. Такой ее знали почти все однокурсники. И только немногие могли похвастаться знакомством с другой Ливи – веселой, бесшабашной и с ума сходящей по медовым пирогам

Берты. Не так давно и Амалия могла причислить себя к этим избранным. Но теперь во взгляде соседки для нее не осталось ни искорки привычного мягкого тепла – лишь острый и колючий блеск стали. С того самого дня, как Алекс дрался на дуэли с Эдвардом Бофортом, она сказала Амалии едва ли десяток слов.

– Ливи, – негромко позвала Амалия. – Ливи, подожди…

– Доброго тебе вечера.

И ни слова больше – только легкий поклон и вежливая улыбка, от которой хотелось взвыть. Разумеется, до нее уже дошли слухи, что Амалия Хэмптон обжималась с неряхой и уродцем Дереком Каннингемом, не могли не дойти. И это в тот самый день, когда Алекс едва не погиб! Что ж, Амалия прекрасно понимала соседку. В свое время малышка Ами получила немало затрещин от старшего брата Мирона, но попробовала бы какая-нибудь вертихвостка поступить с ним подобным образом! Ей бы точно не поздоровилось! Амалия бы уж точно не ограничилась молчанием, подобно Ливи, а запросто повыдирала бы обидчице все волосы, а то и сломала пару конечностей. Если бы можно было рассказать Ливи о той цене, которую Амалия заплатила за жизнь Алекса… Но и это едва ли бы заставило соседку сменить гнев на милость, ведь Алекс отправился к Белой Скале лишь для того, чтобы защитить честь Амалии. И Бофорт чуть не убил его!

Амалия устало всхлипнула и уселась на верхнюю ступеньку. Коннери научил ее терпеть вязкую и тягучую боль в натруженных мышцах, как и ту, что оставалась от острых веток или ледяных кромок в Звенящем Лесу. Но что можно было сделать с тем, что царапало сердце изнутри? Вина – за то, что Алекс бросил вызов Бофорту и чуть не поплатился за это головой. За то, что так и не смогла оттолкнуть Дерека. И страх – что Ливи никогда ее не простит. Но куда больше этого Амалия боялась того, что с ней делало одно лишь присутствие второго, другого Дерека. Если он снова придет и так же бесцеремонно заявит на нее свои права – сможет ли она найти в себе силы противиться черному пламени в его глазах?

– Опять ты?

То ли человеческий голос, то ли скрип древних петель на дверях в больничное крыло. Впрочем, старуха Мерсье была куда старше и петель, и дверей, и, если уж на то пошло, всего замка Ринвуд. Амалия обернулась и нехотя кивнула. Приличия требовали встать и поклониться, но сил на учтивость уже не оставалось.

– Не стоит сидеть на холодных камнях, – прокаркала Мерсье. – Да и вообще не стоит тебе ходить сюда – пока не стоит. Мальчику нужен покой. Легко нанести рану или разбить… что-

нибудь. Исправить всегда сложнее.

– Разве? – буркнула Амалия. – Мне приходилось слышать, что магия исцеления способна поставить человека на ноги за пару часов.

– Девчонка. – Мерсье шагнула вперед и склонилась над сидящей Амалией. – Глупая и маленькая девчонка.

В ее словах не было и тени злобы или недовольства. Старуха не ругалась – просто сообщала что-то, что казалось ей само собой разумеющимся. Амалия только сейчас потрудилась как следует рассмотреть лицо старой ведьмы. Морщинистая кожа, тонкие губы высохли, превратив рот в темную щель под носом. В глазах Мерсье давно не осталось и следа тех страстей, что заставляют кровь быстрее бежать по венам, – только усталость и мрачная насмешка. Зубы старухи, хоть и сточившиеся и пожелтевшие от табака, все остались на своих местах, такие же ровные и крепкие, как и сотни лет назад. Пожалуй, когда-то эту женщину называли красивой… но с тех пор прошло столько времени, что она успела забыть об этом. Мерсье жила уже так долго, что ей не было никакого дела ни до приличий, ни до Короны, ни до самого Всемогущего Отца. Такая действительно не станет бояться никого и ничего. И если Амалия вдруг вздумает перейти ей дорогу, даже заступничество Коннери едва ли станет надежной защитой. Но сейчас у Мерсье попросту не было причин сердиться. Попытка проскочить в больничное крыло уж точно не то, что может всерьез вывести из себя древнюю ведьму. Плевать она хотела на глупых студенток или мальчишек, которые колошматили друг друга острыми железками у Белой Скалы.

– Можно залечить рану быстро, – усмехнулась Мерсье. – Можно. Но короткий путь не всегда верный. Покой и травяные настойки подействуют не хуже самого могучего Дара. А еще они дадут твоему отважному рыцарю достаточно времени поразмыслить. Мальчишки. – Мерсье покачала головой. – Если не отправить их на койку хотя бы на пару недель, они непременно найдут новый способ искалечить себя. Никто не ценит то, что дается легко.

– Ведь вы сейчас говорите совсем не о ранах Алекса, верно? – устало выдохнула Амалия. – А о чем же?

– Дорогуша, я просто самая обычная старуха. – Мерсье мерзко захихикала и заковыляла вниз по лестнице. – Может быть, я уже триста лет назад выжила из ума. Надо ли меня слушать? Решай сама. Я не твой Мастер, чтобы тебе указывать.

– Какое счастье, – тихо проворчала Амалия себе под нос – так, чтобы старуха не услышала.

Все равно на размышления сил уже не осталось. И никто – ни

Ливи, ни мадам Мерсье, ни даже сам Мастер Коннери не смогли бы заставить Амалию отказаться от того, за чем она пришла. Там, за дверью больничного крыла, был Алекс. Ее Алекс.

– Сегодня ты поздно. Коннери совсем тебя загонял, да?

Когда Амалия приоткрыла дверь, в комнате было совсем темно, но Алекс тут же зажег волшебный огонек. Белое пламя сначала тускло замерцало и чуть не погасло, но потом все же разгорелось и медленно поднялось к потолку. Как же у Алекса еще мало сил!

– Давай лучше я… – прошептала Амалия и тут же зажгла сразу три огонька.

Ей вдруг стало стыдно. Похоже, Алекс уже успел уснуть, а она разбудила его. Только потому, что ей безумно хотелось его видеть. Эгоистка! Глупая маленькая эгоистка.

– Прости. – Амалия взялась за дверную ручку. – Наверное, я пойду. Тебе надо поспать…

– Нет уж. – Алекс приподнялся на локтях и кое как уперся лопатками в спинку кровати. – Теперь тебе придется остаться хотя бы на пару минут.

Что ж, у него хотя бы есть силы спорить. Уже хорошо. Амалия подошла и уселась на край кровати. Может быть, ей показалось, но со вчерашнего дня Алекс стал выглядеть немного лучше. Темные круги под глазами почти исчезли, а ввалившиеся щеки постепенно обретали былой вид. Мадам Мерсье как следует пичкала Алекса не только отварами из лесных трав, но и овсяной кашей с салом. Любые попытки незаметно угостить больного чем-то вроде куска пирога или парой глотков эля влекли за собой немедленное изгнание. Уилл до сих пор горестно вздыхал, потирая ягодицы, – мадам Мерсье была не из тех, кто предупреждает дважды, а больничное крыло было царством, в котором она владычествовала безраздельно. И если бы старуха приказала есть, можно было не сомневаться – сам ректор Торвальдсен или грозный Мастер Коннери послушно бы принялись давиться овсянкой.

– Конечно, останусь. – Амалия улыбнулась и уткнулась лбом Алексу в плечо. – Я безумно соскучилась. Ты правда на меня не сердишься?

Она каждый раз задавала один и тот же вопрос – начиная с того самого дня, как впервые решилась навестить Алекса на больничной койке. И Алекс каждый раз только улыбался и обнимал ее – настолько крепко, насколько мог. Но рано или поздно он должен был спросить. Про все – про Дерека, про ее Дар, про занятия с Мастером Коннери. И Амалия бы ни за что не стала его обманывать. Но Алекс не спрашивал, а Амалия так и не

набралась храбрости рассказать самой.

– Я ни капельки не сержусь, глупая. – Теплая ладонь легла ей на плечо. – Ты ни в чем не виновата.

Нет, виновата! Она, Амалия Хэмптон, не стоит и мизинчика Алекса. Он великодушный и очень смелый. А она даже не может рассказать ему всю правду. Но как заставить себя быть честной, когда Алекс рядом?! Когда можно просто протянуть руку и прикоснуться к нему? Нет, это выше ее сил.

Амалия упрямо мотнула головой и, сбросив на пол туфли, устроилась на узкой кровати под боком у Алекса. Вот так. Теперь все хорошо, все правильно. Просто быть вместе, быть рядом, а все остальное может катиться к Дьяволу.

– Сюда может кто-нибудь войти, – заметил Алекс.

– Мне все равно. – Амалия потянулась к нему. – Пусть заходят.

Сейчас репутация заботила ее меньше всего. Да и имеет ли репутация хоть какое-то значение для той, кому суждено стать темным магом? Девичья честь, непорочность? Слишком мало для того, чтобы искупить свою вину перед Алексом. Но больше у Амалии ничего не было.

– Я люблю тебя, – одними губами прошептала Амалия. – Люблю.

Он услышал. Они уже целовали друг друга, когда оставались наедине, но в этот раз все было иначе. Когда-то давно маленькая Ами видела, как полноводная река прорвала плотину в четырех милях вниз по течению от Вудсайд Хаус. Вода хлынула в старое русло, ломая как спички молодые неокрепшие деревца, и в мгновение ока размолола недостроенные домики – страшное зрелище. Амалия не могла отвести глаз от вырвавшейся на свободу стихии. Сложно представить себе что-то более пугающее и одновременно прекрасное, чем бушующий холодный поток, прокладывавший себе путь там, где он должен быть, а не где того пожелали глупые люди.

Сейчас Амалия сама была той рекой. Волны желания играючи смывали все лишнее – страх, вину, сомнения… Даже мыслям места больше не осталось. Только Алекс и его губы. И руки, настойчиво и уверенно скользнувшие под платье. Конечно же, с ним сейчас происходит то же самое – разве может быть иначе?

– Так ведь лучше? – шепнула Амалия, опрокидывая Алекса спиной на подушки.

И тут же сама уселась сверху. Теперь уже ничего не будет мешать… Глупый! Ну зачем же возиться со шнуровкой, если можно просто стащить это дурацкое платье через голову и вышвырнуть его на пол, где ему самое и место? Ах-х-х… Когда

ладони Алекса вдруг отпустили талию и скользнули по обнаженной коже выше, Амалия тихо застонала и запрокинула голову. Отец Всемогущий, как же это приятно! Теперь пусть только попробует прекратить делать *так*…

Когда Алекс вдруг вздрогнул и опустил руки, Амалия тихо вскрикнула и готова была уже рассердиться. Пока не увидела красное пятно, расползавшееся по его рубашке.

– Ох, Алекс… – испуганно забормотала она, снова и снова целуя побледневшее лицо. – Алекс, милый, тебе больно? Мне позвать кого-нибудь?

– Не надо, – тихо простонал Алекс. – Умоляю тебя, не двигайся…

Сначала ей показалось, что он закашлялся. Похоже, каждый выдох приносил ему новую боль, но Алекс все равно не мог сдержать смеха.

– Так… бывает… – Алекс зажмурился и сжал зубы. – Глупо, да? Мадам Мерсье говорила, что мне не следует вставать, двигаться или… волноваться. А еще говорила, что и близко тебя не подпустит.

– Все правильно, – буркнула Амалия и аккуратно сползла обратно на матрас. – От меня одни несчастья.

– Видимо, ты и правда хочешь моей смерти, – снова прыснул Алекс. – Проклятье, мне даже смеяться больно. Просто побудь еще немного рядом со мной… только прости, думаю, мне больше не стоит тебя целовать.

– За такое – ни за что не прощу. – Амалия оправила задравшийся подол платья и на всякий случай отодвинулась от Алекса подальше. – Тебе точно не нужна мадам Мерсье?

– Ты мне нравишься куда больше. И ты мне нужна.

Лежать рядом с Алексом, но бояться даже прикоснуться – вот самая настоящая пытка. Уж лучше пробежать по Звенящему Лесу хоть двадцать кругов. Или залезть в ванну с ледяной водой – тогда тело хотя бы перестанет гореть. Впрочем, тяжелый день быстро дал о себе знать, и уже через четверть часа веки Амалии отяжелели и…

– Эй, да ты уже спишь. – Алекс мягко улыбнулся. – Не уверен, что тебе стоит ночевать здесь. Это место для больных.

– Еще неделя занятий с Коннери, и я окажусь здесь на законных правах, – проворчала Амалия, нашаривая босыми ногами туфли. – Сейчас – спать. Только сполоснусь немного. Агнешка говорит, что после тренировок от меня пахнет, как от старой козы.

– Наглая ложь. Ты чудесно пахнешь.

На то, чтобы попрощаться, у них ушел еще почти целый час.

Глава 2

– Курвамать! Нет, не смей залезать в воду, я еще не насмотрелась. Повернись!

Амалия вздохнула и послушно переступила босыми ногами по теплым плитам. Надо было идти мыться одной…

– Курвамать, – восхищенно повторила Агнешка. – Чтобы заполучить такую задницу, нужно продать душу Дьяволу… ну, или родиться маркизой Саффолк. И это притом что ты можешь в одиночку уплести целый земляничный пирог! Признавайся, в чем твой секрет?

– На самом деле все довольно просто. – Амалия плюхнулась в огромный бассейн и блаженно вытянула гудящие ноги. – Пара-тройка кругов по Звенящему Лесу перед завтраком и вдвое больше – после ужина. Конечно же, если Мастеру вдруг не захочется как следует помучить тебя еще и ночью.

– Помучить? Ночью? – Агнешка заинтересованно приподнялась, но тут же уселась обратно. – А-а-а, ты ведь совсем не о том, да?.. Беготня и упражнения, черт бы их побрал. Старик Коннери решил загонять тебя до смерти?

– Похоже на то, – устало согласилась Амалия и окунулась в воду с головой. – Зато теперь во вторник мне можно поспать подольше и не идти на историю.

– Адские мучения, с одной стороны. – Агнешка задумчиво покачала головой. – С другой – шикарные ноги и возможность прогулять историю… Даже не знаю. Кстати, об истории. – Агнешка потянулась за своей сумкой. – Пока Коннери выжимал из тебя все соки, мне удалось разузнать кое-что интересное. Крамер теперь шарахается от меня как от прокаженной, так что я без особых проблем смогла пролезть в библиотеку и стащить одну крайне занятную книжку.

– По истории, – догадалась Амалия.

– Верно. – Агнешка довольно кивнула. – Проницательность леди Фалмут не знает границ. Мемуары придворного мага какого-то князька то ли из восточной части Остерайха, то ли из Вольных Городов – черт разберет этих Францев и Фердинандов. Разумеется, ничего такого уж интересного. – Агнешка поморщилась. – Крамер наверняка запрятал любые книги, где есть хоть пара слов о Матабере, в закрытую комнату, куда не попасть даже старшекурсникам.

– Тогда что же тебе удалось откопать? – полюбопытствовала Амалия. – Неужели что-то о рыцаре из дневника?

– Увы. – Агнешка развела руками. – Твой возлюбленный вояка

едва ли был принцем крови или наследником герцога, а мелкую знать в годы Осенней Войны никто не считал. Нет, я нашла кое-что другое. – Агнешка протянула Амалии свернутый в трубочку пергамент. – Старейшие маги Академии настолько упорно пытаются убедить нас, что никакого Матабера и вовсе никогда не было, что я уже ни капли не сомневаюсь, что он действительно жил и творил свое темное колдовство полтора века назад. Можно вычеркнуть из любых записей имя… но всех грязных делишек не вычеркнуть. Смотри.

– Что это? – Амалия из всех сил вглядывалась в корявый почерк соседки. – Ларс де Бриен, Патриция Локапм, Готфрид Ленц… какие-то имена, цифры… даты?

– Годы жизни, – кивнула Агнешка. – Это список магов, умерших или пропавших без вести за два года перед Осенней Войной.

– Марта фон Хааке, – кое-как прочитала Амалия. – Родилась в девятьсот тридцать восьмом, точная дата неизвестна, пропала без вести из своего особняка под Зальцбургом четвертого ноября тысяча двести сорок первого года… Ого, ничего себе! Вот так старушка.

– В книжке еще был портрет. – Агнешка покачала головой. – И вот что я тебе скажу: хотела бы я сама выглядеть так же в триста с небольшим. С виду ровесница Кроу, только волосы не такие густые.

– Высший маг?

– И снова прямо в цель. – Агнешка несколько раз хлопнула в ладоши. – И она, и все остальные – или Высшие, или просто очень древние и могучие. Такие могут жить безумно долго, почти не старея. И вдруг полтора десятка из них умирает или исчезает за какую-то пару лет. Ты веришь в такие совпадения?

– Их убили, – догадалась Амалия. – Точно так же, как Софи Дюбуа из Лютесса. Кто-то перебил самых сильных магов Серединных Земель тогда… и кто-то снова пытается сделать это сейчас.

– Не кто-то. – Агнешка погрозила пальцем. – Матабер. Неудивительно, что Крамер чуть не наложил в штаны при одном упоминании этого имени. И Торвальдсен до сих пор не вернулся, хотя Кроу говорила, что его не будет всего пару недель…

– Прекрати. – Амалия поежилась. – Не хочу даже думать об этом. Уверена, с ректором все в порядке. Кому под силу его одолеть?

– Попробуй догадаться, – фыркнула Агнешка. – Даю подсказку: очень сильный темный маг. У тебя одна попытка.

– Ты же сама недавно говорила, что Коннери чудо как

хорош. – Амалия недовольно поморщилась. – Даже несмотря на космы и седину. А теперь снова утверждаешь, что он и есть Матабер.

– Ну, мне всегда нравились обаятельные злодеи. – Агнешка пожала плечами. – Хотя это совершенно не относится к делу. И я вовсе не утверждаю, что твой Мастер на самом деле Владыка, едва не отправивший к Дьяволу все Серединные Земли полтора века назад. Но он единственный известный мне темный маг.

– Но в таком случае Кроу его покрывает, – отозвалась Амалия. – Не может же она с ее Даром и опытом не заметить у себя под носом вернувшегося из ниоткуда Матабера?

– Вот теперь ты понимаешь, насколько все серьезно, – вздохнула Агнешка. – Хвала небесам, если я ошибаюсь. Но если я права… мы никому не можем доверять! Кроме друг друга и маркизы Саффолк, которая до сих пор с тобой не разговаривает.

– Я в это не верю. – Амалия помотала головой. – Кроу никогда бы не предала Академию и ректора!

– Тогда почему Торвальдсен до сих пор не вернулся? – парировала Агнешка. – Для мага его мощи небольшое путешествие – пустяк, а его нет уже почти два месяца. Он либо столкнулся с чем-то, что по силам ему одному, либо…

– Немедленно перестань! – Амалия зажала уши руками. – С ректором все хорошо!

– И все-таки послушай, – твердо произнесла Агнешка. – Сейчас у нас нет ничего, кроме догадок, слухов и пары строк в давно забытых книгах. И нам не к кому идти за помощью. Если я попробую сболтнуть кому-нибудь то, о чем рассказываю тебе, меня посчитают сумасшедшей…

– Хорошо. – Амалия раздраженно брызнула на соседку мыльной водой. – И что ты предлагаешь? Вдвоем сражаться с Высшими магами?

– Искать правду, – ответила Агнешка. – И – если получится – доказательства. Знаешь… я тоже искренне надеюсь, что Коннери и Кроу здесь ни при чем. Они вдвоем посильнее всех остальных профессоров, вместе взятых.

– Старуха Мерсье тоже может быть вместе с ними, – задумчиво проговорила Амалия.

– И даже ты. – Агнешка натянуто улыбнулась. – Ты ведь ученица Коннери и темный маг. Но, судя по тому, что ты еще не утопила меня…

– Замолчи, – фыркнула Амалия. – Или я тебя действительно тресну.

– Лучше прибереги силы для сегодняшней ночи. – Агнешка понизила голос. – Мы отправимся в ту самую закрытую секцию

библиотеки и попробуем поискать что-нибудь о темных магах. Если повезет, откопаем портрет Матабера и будем спать спокойно… или не будем, если он действительно окажется стариком Коннери.

– Спать. Проклятье, – простонала Амалия. – Я когда-нибудь высплюсь?

– На кладбище, – усмехнулась Агнешка. – И притом очень скоро, если нас поймают. Ты готова?

– Будто бы у меня есть выбор. – Амалия обреченно вздохнула. – Но как мы сможем пробраться в святая святых Крамера? На дверях наверняка уйма охранных заклятий.

– На дверях. – Агнешка загадочно улыбнулась. – Но мы пойдем иным путем. Некий Бедивер Теофилус Уилсон – уверена, ты о нем наслышана – милостиво согласился помочь нам не заблудиться в подземельях замка Ринвуд.

– Бард? – вытаращилась Амалия. – Ты снова грозилась поджарить ему пятки?

– Ну зачем же так грубо, леди Фалмут? – Агнешка состроила невинное личико. – Я просто назначила ему встречу в полночь у главной лестницы. Короткая юбка тоже умеет творить чудеса.

* * *

– Невероятно. Все-таки пришел.

– Ты проспорила мне кружку эля, – довольно отозвалась Агнешка, натягивая капюшон плаща на глаза. – Ну что, идем?

– Нет, – Амалия ухватила соседку за рукав, – подожди немного. Мы просто обязаны на это посмотреть.

Бард сидел на ступеньках, подстелив под себя край шерстяной накидки. Похоже, он ждал уже довольно долго и уже начал замерзать. У его ног стояла бутылка, явно прихваченная с расчетом на романтическое продолжение встречи. Какое-то время Бард просто тоскливо озирался по сторонам, но потом не выдержал и приложился к горлышку.

– Пф-ф-ф, – фыркнула Агнешка. – Так-то он ожидает свою леди. Давай, Ами, лучше добраться до библиотеки до того, как господин Уилсон надерется в стельку.

– Доброй ночи, Бедивер, – произнесла Амалия, выходя из тени. – Прекрасная погода, не правда ли?

– Амалия? – Бард вскочил со ступенек и чуть не выронил бутылку. – Агнешка?! Но…

– Планы меняются, милый, – проворковала Агнешка и легонько ткнула Барда кулаком в живот. – Помнится, ты

хвалился, что знаешь все подземелья и тайные ходы Академии. Нам нужно попасть в закрытую секцию библиотеки.

– Вы с ума сошли, – прошипел Бард, отступая на шаг назад. – За ту балладу Коннери заставил меня месяц мыть тарелки в «Вересковом меде»! Не знаю, что вы задумали, но я не собираюсь в этом участвовать.

– Постой! – Амалия едва успела поймать Барда за руку. – Не уходи, выслушай меня, прошу!

Похоже, ей удалось произнести все это достаточно жалобно и беспомощно. Бард остановился и склонил голову набок, ожидая, что она скажет дальше.

– Нам… мне очень-очень нужно попасть в библиотеку, – продолжила Амалия. – Но я не знаю пути, а в подземельях так темно и страшно. И холодно!

– Ну, – Бард приосанился и расправил плечи, – наверное, я мог бы отыскать проход в Дом Четырех Стихий. Или даже в саму библиотеку…

Амалия не успела заметить, как ладонь Барда легла ей на талию. Первой мыслью было как следует врезать ему в нос, но тогда он точно не станет помогать…

– Тогда не будем терять времени. – Агнешка решительно шагнула вперед. – Если ты сможешь провести нас в тайник Крамера, я непременно придумаю, как тебя отблагодарить. И могу обещать, что это окажется куда приятнее, чем робкие взгляды благочестивой леди Фалмут.

– Что ж, разве я могу отказать двум столь очаровательным леди? – Бард с явным сожалением убрал руку с пояса Амалии и тут же переключился на Агнешку. – Идем. Надеюсь, вы не слишком пугливы. Катакомбы замка Ринвуд глубоки и простираются на многие мили, и про них всякое рассказывают. Вам приходилось слышать о призраках? А о големе? О, так я и думал. Позвольте поведать вам леденящую кровь историю…

* * *

Насчет многих миль Бард, вероятнее всего, наврал. Но спускаться пришлось действительно долго. Узкая каменная лестница, начинавшаяся за неприметной дверцей на задней части «Вересового меда», уходила все глубже и глубже и даже не собиралась заканчиваться. Амалия осторожно переставляла ноги – не хватало еще споткнуться на раскрошившихся древних ступеньках и кубарем покатиться вниз. Бард уверенно шагал в десятке футов впереди, освещая путь магическими огоньками, и

без перерыва вспоминал страшные легенды, связанные с подземельями замка Ринвуд. Судя по тому, что несчастная дева, разорванная на части ожившими мертвецами, оказывалась то Альмой из Минстера, то Алией из Галифакса, большая часть историй была придумана им только что. Но рассказывать Бард умел весьма убедительно. Пару месяцев назад Амалия бы действительно испугалась, но теперь его болтовня вызывала только звон в ушах и легкое раздражение. К счастью, Агнешке роль впечатлительной девы давалась куда лучше – она исправно охала, поднося руки ко рту, подпрыгивала и раз в несколько минут исправно висла у Барда на шее. Тот все больше расцветал и, похоже, сам успел уверовать в собственную отвагу и непобедимость.

До того самого момента, пока под его ногами не заплескалась вода.

– Проклятье! – Бард охнул и отпрыгнул назад. – Подземелье затопило.

Амалия спустилась еще на несколько ступенек и заглянула Агнешке через плечо. Действительно, еще несколько футов вниз – и лестница уходила в темную воду.

– Дальше дороги нет, – вздохнул Бард. – Придется возвращаться.

– А раньше здесь был проход? – Агнешка уперлась руками в бока. – Может быть, ты что-то напутал.

– Нет, едва ли. – Бард растерянно запускал в темноту впереди один волшебный огонек за другим. – Я как-то забирался сюда раз или два. Здесь всегда изрядно капало сверху, но откуда взялось целое озеро?

Амалия протиснулась между Бардом и стеной и ткнула в воду концом посоха (знала ведь, что палка пригодится!). Посох погрузился чуть меньше чем на фут и уперся во что-то твердое.

– Скорее лужа, – заметила Амалия. – Здесь можно пробраться… если не бояться намочить ноги.

– Проклятье, я не уверен, что это такая уж хорошая идея… – пробормотал Бард. – Будь осторожнее!

Амалия прошла чуть дальше. Ступенек под водой больше не было – лестница закончилась и превратилась в узкий и длинный коридор, затопленный где-то по щиколотку. Сапоги тут же промокли насквозь, и пальцы ног начали неметь, но все же здесь можно было двинуться и дальше – туда, вперед, в темноту.

– Вода, – простонала Агнешка. – Терпеть не могу холодную воду. Как хорошо, что с нами наш отважный и могучий рыцарь.

С этими словами соседка обвила шею Барда руками и ловко запрыгнула с последней сухой ступеньки ему на спину.

– Что ты делаешь, черт бы тебя побрал? – выругался тот. – Я из-за тебя все ноги промочил!

– В таком случае терять тебе уже нечего, – невозмутимо отозвалась Агнешка, устраиваясь поудобнее. – Леди Фалмут подобна стальному клинку и не боится ни темноты, ни холода, а я – хрупкое и нежное создание. Ты же не желаешь, чтобы леди заболела и скончалась по твоей вине?

– Скорее я заболею и скончаюсь, – натужно пропыхтел Бард, хватаясь руками за мокрые и грязные стены коридора. – Не хочу показаться бестактным, но кое-кому следует поменьше налегать на лимонные пирожки и эль.

– Нет, каков нахал. Разве можно говорить подобное в обществе леди?

Бард тихо выругался – похоже, неугомонная Агнешка изловчилась и укусила его за ухо. Амалия устало выдохнула. Эти двое что угодно могли превратить в балаган. Впрочем, их перебранка хоть немного отвлекала от замерзающих ног и неприятного запаха сырого подземелья.

Мастера Коннери сложно было назвать добрым и чутким человеком. Иногда Амалии казалось, что он вовсе не пытается чему-то ее научить, а только изводит долгими и бессмысленными упражнениями и жестокими шутками. Даже простая беготня по Звенящему Лесу могла в любое мгновение превратиться в изощренную пытку. Куча снега, внезапно падающая на голову будто бы сама по себе, корни деревьев, вылезающие прямо под ноги на хорошо знакомой тропинке, скользкий лед, вдруг возникавший там, где его никак не могло быть, – воображение Мастера не знало границ. Сколько же раз Амалия выбиралась из сугроба, кое-как оттирала снег с замерзшего лица и бежала дальше, согреваемая лишь злостью, которую она испытывала к мучителю. В конце концов она почти перестала попадаться на его уловки, будто бы наперед зная, какой сюрприз Мастер преподнесет ей в очередной раз. Неведомое чутье неизменно подсказывало, с какой стороны поджидает ловушка.

И сейчас это самое чутье тоскливо подвывало где-то внутри, словно пытаясь образумить глупую девчонку, невесть зачем забравшуюся в сырое и холодное подземелье. Там, впереди, за плотной пеленой темноты, которую не мог разогнать даже магический свет, таилась опасность. Что-то куда более неприятное, чем мокрые ноги, паутина на лице или шишка на лбу.

– Сейчас направо, – подсказал Бард. – И потом немного передохнем. Госпожа Ковальски сегодня слишком плотно поужинала… Ай-й-й!

Неизвестно, как Бард мог запомнить все эти бесчисленные подъемы, спуски и повороты. Иногда проходы становились настолько узкими, что даже невысокая и хрупкая Амалия еле могла протиснуться в узкое отверстие в стене, но иногда стены вдруг расходились в стороны, образовывая огромные залы высотой в несколько десятков футов. Магический свет выхватывал из темноты то обломки колонн, то какие-то древние статуи, то что-то, подозрительно напоминавшее гробницы, выдолбленные прямо в камне.

– Интересно, сколько лет всему этому барахлу? – задумчиво поинтересовалась Агнешка. – Здесь можно запросто отыскать сокровище. Тогда я бы стала завидной невестой, не так ли?

– Я никогда не был суеверен, – Бард вытер пот со лба, – но это место даже меня вгоняет в дрожь. Некрополь, город мертвых. Отсюда ничего не стоит брать.

– Ты хочешь сказать – кладбище? – Амалия поежилась. – Древнее кладбище? Прямо здесь, под Академией?

– Некрополь, – поправил Бард. – Его построили за многие века до замка Ринвуд. Думаю, во времена Старых Богов, когда Захария Светлый еще не принес в Ританию Слово Всемогущего Отца.

– То есть этим развалинам уже почти тысяча лет? – недоверчиво воскликнула Амалия. – Откуда ты вообще все это знаешь?

– У странствующих поэтов свои пути и свои тайны. – Бард усадил отбрыкивающуюся Агнешку на какой-то камень. – Сделаем привал.

– Как скажешь. – Амалия кое-как вскарабкалась на соседнюю глыбу и устроилась, положив посох на колени. – Только недолго.

Здесь не стоило оставаться. Огромное полузатопленное кладбище глубоко под землей – не лучшее место для отдыха. Но разве могут быть опасны давно забытые могилы? Амалия прикрыла глаза и выдохнула. Здесь почти не ощущалось потоков Силы. И все же назвать Некрополь совсем безжизненным никак не получалось. Не просто сквозняк, тянувший из глубин холод и сырость. Меж древних руин и камней затаилось что-то. Не живое, но и не мертвое. *Не совсем* мертвое. Будто бы десятки голосов тихо взывали к Дару Амалии и о чем-то просили, умоляли. Нет, слов она разобрать не могла. Пока не могла.

– Вы слышите это? – Амалия подняла голову. – Здесь… здесь что-то есть.

– Терпеть не могу, когда ты говоришь вот так, – прошипела Агнешка. – Обычно после этого начинается какая-то чертовщина. Здесь даже крысы не водятся – все утонули или разбежались.

Громкий скрежет, раздавшийся после ее слов, прозвучал словно насмешка. Действительно, крыс в Некрополе не осталось. Зато осталось кое-что куда хуже. Троица молодых и глупых в поисках пути забралась слишком глубоко в чертоги мертвых. И мертвым это не понравилось. Тихий шелест чужих голосов в ушах Амалии превратился в рев.

Девочка пришла… Девочка пришла… Маленькая, теплая. Зачем? Кто ты такая, чтобы тревожить наш покой? По какому праву ты здесь? На тебе Знак, но ты не одна из Хозяев… Обман, снова обман! Мы спали слишком долго, слишком крепко… Мы ведь могли забыть, что значит служить… Мы забыли… Мы не хотим подчиняться той, чья кровь горяча!

Нас создали рабами. Только во сне раб освобождается от оков. Только вечность и темнота нужны немертвым – о большем мы не смеем и мечтать. Вернуться туда, где нет ни боли, ни звуков, ни света. Даже искорка живого огня выжигает наши глаза, даже шепот разрывает наш слух. И все это из-за тебя, девочка.

Ты должна перестать дышать.

– Бежим, – простонала Амалия, заваливаясь на бок. – Быстрее…

Словно страшный сон. Происходит что-то жуткое, ужасное, но ты ничего не можешь сделать. Нет никаких сил даже на то, чтобы подняться и пройти пару шагов. Можно только смотреть, как одна за другой отодвигаются тяжелые каменные плиты, из-за которых появляются иссушенные временем тела. Ни саванов, ни кожи – ничего. Никакая ткань не пролежит под землей тысячу лет. Лишь кости и ошметки плоти. И жалкие осколки души – вот и все, что оставила немертвым древняя магия. Но и этого достаточно, чтобы двигаться. И убивать.

Агнешка истошно завопила и полоснула по живым мертвецам пламенем из ладоней. Несколько высохших тел вспыхнули словно факелы и с шипением повалились в воду, но остальные шлепали меж камней, протягивая руки к незваным гостям. Медленно, неуклюже – но с каждым шагом все ближе и ближе.

– Вставай, надо уходить! – Бард потряс Амалию за плечи. – Ну же, что с тобой! Не время ложиться отдыхать!

– Я не могу, – прошептала Амалия, зажимая руками уши. – Я слышу их. Как они кричат…

Странно, что Бард еще не сбежал. Несколько десятков, а то и сотен восставших из могил древних были уж точно пострашнее, чем работа посудомойки или чистка оружия.

– Попробуй подняться. Проклятье!

Все-таки Бард умел не только дурманить девичьи головы и выпускать из пальца светящиеся искорки. Он что-то пробормотал себе под нос, и ослепительная голубая вспышка развеяла в прах почти дюжину немертвых. Но их все равно оставалось слишком много.

– Поднимай свою тощую задницу, Ами! – рявкнула Агнешка, снова выбрасывая из ладоней огонь. – Я больше не могу!

На этот раз ее магическое пламя оказалось совсем тусклым. Темные сухие силуэты дернулись, на мгновение замедлили шаг, но тут же снова двинулись вперед.

– Уходите. – Амалия вжалась спиной в камень. – Спасайтесь. Им нужна только я…

– Нам ты тоже еще пригодишься, – проворчал Бард. – Держись!

Он глухо застонал, но все-таки кое-как вытянул Амалию из воды и взвалил на плечо. У нее не осталось сил даже обхватить его за шею.

– Вот так, – измученно прохрипел Бард. – А теперь пойдем отсюда.

Каждый шаг давался ему с явным трудом, но он все же упрямо тащился вперед, пошатывался, бился коленями о выступающие из воды камни, но не выпускал свою ношу.

Через несколько минут голоса немертвых, ревущие у Амалии в голове, стали чуть тише. Теперь она могла хотя бы немного помогать Барду, кое-как самостоятельно переставляя ноги. Что угодно, лишь бы поскорее убраться подальше от Некрополя и перестать слышать крики и плач.

– Что это было, черт бы тебя побрал? – прохрипела Агнешка, приваливаясь спиной к стене. – Куда ты нас завел? Чуть не сожрали…

– Такого не должно было случиться. – Бард обхватил себя руками за плечи. – Мертвые поднимаются. Значит, дело совсем плохо…

– Что ты хочешь этим сказать? – Амалия отобрала у Агнешки свой посох. – Что плохо?

– Все, – огрызнулся Бард. – Я думал, это просто страшные сказки для детей. Но в старых легендах подобное уже встречалось. Мертвые никогда не поднимаются просто так. Они чувствуют. Должно произойти что-то по-настоящему плохое. Болезни. Война. Смерть.

Амалия подняла голову и поймала предостерегающий взгляд Агнешки. Разумеется, соседка подумала о том же самом: немертвых могло разбудить и возвращение Матабера. Но не стоило говорить об этом в присутствии Барда – даже после того,

как он спас Амалии жизнь.

– Надо двигаться дальше. – Агнешка тяжело вздохнула. – Обратно я не сунусь ни за что на свете. Хотя бы найти выход отсюда, если уж нам не попасть в эту чертову библиотеку.

– Библиотека совсем рядом. – Бард поднял магический свет повыше. – Если я не ошибаюсь, еще два поворота направо.

Глава 3

Двигаться стало проще. После пережитого ужаса промокшее насквозь платье и холодная вода, доходившая почти до колена, казались сущими пустяками. Амалия шагала первой, ощупывая дорогу концом посоха. Какая бы опасность ни ждала впереди, она едва ли могла бы сравниться с голосами немертвых, звучащими в голове. Похоже, ни Бард, ни Агнешка их не слышали. Но почему древние, пробужденные темной магией, звали именно Амалию? О каком Знаке они говорили? Загадки, снова загадки… Слишком много смертоносных тайн для шестнадцатилетней девушки. Лучше всего будет просто завалить катакомбы под Академией, чтобы больше никто и никогда не разбудил немертвых.

– Проклятье! – испуганно вскрикнула Агнешка где-то за спиной. – И здесь они. Я думала, мы уже убрались из Некрополя.

– Похоже, мы здесь не первые. – Бард посветил ей под ноги. – Или мертвецы восставали и раньше. И кто-то не давал им пройти здесь.

– Или что-то, – пробормотала Агнешка. – Беднягу просто размололи.

Иссохший труп древнего полулежал в воде, прислонившись спиной к стене коридора. Можно было бы подумать, что немертвый просто присел отдохнуть… несколько сотен лет назад. Неизвестно, что заставило его покинуть Некрополь – но в этом месте он остался уж точно не по своей воле.

У немертвого практически отсутствовала голова. На ее месте на лоскутах плоти висело нечто плоское, торчащее во все стороны острыми осколками черепа. Подобное могло бы получиться разве что после удара кузнечным молотом. Вернее, двумя молотами – с разных сторон.

– Отец Всемогущий… – Бард покачал головой. – Ну и силища! Не хотел бы я повстречаться с тем…

Сначала Амалии показалось, что к ним приближается конный отряд. Стены коридора вздрогнули, а по воде пошла рябь. Но откуда здесь, глубоко под землей, могли взяться рыцари? Нет, со стороны библиотеки приближалось что-то совсем другое. Огромное, неторопливое и могучее.

– Голем, – прошептала Агнешка, поднимая дрожащую руку. – Идет сюда…

Похоже, создатель чудовища не слишком-то задумывался о красоте своего детища. В ход шло все подряд: камень, глина, грязь – что угодно. Из-за широких плеч голем двигался по коридору почти боком, с трудом протискивая огромное тело

через узкий проход. Короткие и толстые, похожие на столбики ноги почти полностью утопали в воде, зато руки были такие длинные, что он без труда мог опираться при ходьбе еще и на них. Правая чуть ли не вдвое толще левой – голема явно лепили наспех. Даже глаз нет – да и к чему они чудовищу, которое было сотворено лишь для того, чтобы в вечной темноте подземелья охранять проход и крушить любое существо, выползшее из глубин Некрополя. И совершенно неважно, будет ли то крыса, оживший мертвец или троица студентов, невесть зачем забравшихся в катакомбы.

– Я ничего не смогу ему сделать, – всхлипнула Агнешка. – Големы не боятся огня.

– Они вообще ничего не боятся. – Бард потянул Амалию за рукав. – Бежим. В коридорах ему нас не догнать.

– Ну уж нет! – Амалия тряхнула головой. – Обратно в Некрополь я не сунусь.

Что угодно, только не немертвые. От их криков можно сойти с ума. Возможно, Бард и Агнешка смогут прорваться через обитель восставших, но она, Амалия, останется там навсегда. Или будет разорвана на части безмозглым чудовищем из грязи и дерьма. Достойная кончина для дочери Оливера Хэмптона и ученицы самого могучего боевого мага во всей Ритании.

Амалия поудобнее перехватила посох. Простая палка из простого, хоть и крепкого и надежного дерева. Можно ли представить себе что-то более нелепое для драки с громадиной весом в добрую тысячу фунтов? Но Мастер всегда говорил – куда важнее оружия рука, которая его держит. Что бы сделал сам Коннери, окажись он на месте Амалии? Ему бы уж точно не понадобился меч или посох. Даже крупицы могущества Мастера хватило бы, чтобы развеять голема в прах. Там, в Некрополе, голоса немертвых едва не задушили Дар Амалии, но здесь он вновь ожил и привычно потянулся сквозь толщу земли и камней замка Ринвуд к Дару Мастера. Коннери наверняка почувствует, что Амалия в опасности. И придет на помощь. Амалия почти слышала его голос – далекий, мрачный и насмешливый. Что такое какой-то убогий грязевой голем для настоящего темного мага? Пустяк, игрушка, даже не комнатная собачонка – муха. Маленькая, слабая и надоедливая. Достойная только презрения. И смерти – за то, что осмелилась встать на пути.

– Проваливай, – приказала Амалия. – Проваливай, или я тебя уничтожу.

Если бы на месте голема стояло живое существо, оно бы наверняка почувствовало, как посох Амалии наливается тягучей и недоброй Силой, оплетающей слабое дерево и придающей ему

крепость стали. Но голем не умел бояться – только делать то, что приказал ему создатель. Уродливая нескладная фигура, лишь отдаленно напоминавшая человеческую, на мгновение замерла и снова двинулась вперед, скрежеща по стенам и потолку коридора и протягивая огромные ручищи. Амалия скользнула вперед и ударила. Даже холодная вода по колено и вес посоха почти не стесняли движений – на занятиях с Мастером бывало и похуже. Голем неуклюже отмахивался, грохоча по стенам кулаками, но никак не мог зацепить свою крохотную противницу.

– Осторожнее! – в один голос закричали Бард с Агнешкой.

О, это Амалия умела хорошо. Быть осторожнее. Во время учебных схваток Мастер не жалел коварных выпадов или бесчестных приемов. Амалия никогда не успевала следить за обеими его руками одновременно, но сейчас, с неповоротливым големом, ей почти не приходилось напрягаться. Самое главное – не терять голову. Шаг назад – уклон – шаг вперед – удар. И снова – столько раз, сколько потребуется. Посох Амалии раз за разом достигал цели, разбрасывая ошметки глины и откалывая от голема целые куски камня. Но куда важнее было совсем другое – с каждым удачным выпадом гиганта покидала Сила, вложенная создателем. Он мог бы выдержать десять, двадцать, сто ударов и продолжать сражаться, даже лишившись половины конечностей, но заряд чужой магии неумолимо иссякал, превращая голема обратно в то, чем он и должен был быть – просто уродливой кучей камней и грязи. Амалия едва успела отпрыгнуть, когда он рассыпался на части.

– Леди Фалмут! – радостно завопила Агнешка, подхватывая Амалию под локти. – Как же я тебя обожаю! Бард, ты это видел?!

– Вне всякого сомнения. – Бард оправил полы кафтана. – Мы победили…

– Мы?! – рявкнула Агнешка и вцепилась ногтями Барду в ухо. – МЫ победили, маленький ты врунишка?! Вот ведь странное дело – мне почему-то показалось, что, пока отважная валькирия сражалась с чудовищем, Бедивер Теофилус Уилсон прятался в тени и вытряхивал из грязных штанишек…

– Каждый внес свою лепту, – захныкал Бард, безуспешно пытаясь освободиться. – Стоило ли…

– Помолчите, оба, – устало выдохнула Амалия. – Библиотека должна быть уже совсем близко, а вы вопите как умалишенные.

– Ладно. – Агнешка выпустила Барда из своей хватки. – Надо признать, господин Уилсон сегодня не так уж и бесполезен. Ну же, показывай проход.

Бард молча кивнул и двинулся вперед. Через несколько десятков футов коридор начал стремительно уходить вверх и

превратился в довольно широкую лестницу.

– Здесь тупик, – заметила Агнешка, подсветив путь. – Ничего нет.

– Не стоит оскорблять меня еще и недоверием, госпожа Ковальски, – проворчал Бард, касаясь рукой камней перед собой. – Добро пожаловать в закрытую секцию библиотеки.

Раздался негромкий щелчок, и часть стены с тихим скрежетом отъехала в сторону. Амалия осторожно шагнула в образовавшийся проем. В отличие от великолепного основного зала библиотеки, тайник Крамера оказался довольно скромным и небольшим помещением. Здесь помещался едва ли десяток полок с книгами, несколько запертых на висячие замки шкафов и тяжелый стол из темного дерева, принадлежавший, по-видимому, самому владыке библиотеки. На двери и единственном узком зарешеченном окне тускло мерцали охранные заклятия, но внутри Крамер ничего подобного не оставил.

– Здесь сотни, если не тысячи книг. – Агнешка деловито прошлась между полками. – Не будем терять времени!

– Ага… – рассеянно отозвалась Амалия.

Ее взгляд приковала к себе всего одна книга. Увесистый фолиант с золотым тиснением на корешке лежал на самом краю стола Крамера. «Хроники Серединных Земель». Тот самый четвертый том, который пропал из библиотеки в тот день, когда Амалия видела в большом зале черное чудовище!

– Проклятье! – Бард отпрянул от двери. – Сюда кто-то идет!

– Прячься, Ами! – Агнешка ухватила Амалию за рукав и утянула за полку.

В то самое мгновение, как дверь со скрипом распахнулась.

– Вот! – раздался испуганный голос. – Подземный ход открыт! Я же говорил – кто-то прошел через катакомбы! Мой… мое охранное заклятие сработало!

– Ваш голем, Алистер. Называйте вещи своими именами.

Коннери неторопливо прошел между полками следом за Крамером. Амалия осторожно приподняла голову. При тусклом свете волшебного огонька она могла разглядеть только силуэты. Один – маленький, взъерошенный, непрерывно дергающийся, словно тень от пламени свечи. И второй – огромный, косматый и неподвижный.

– Откуда вам известно? – прошипел Крамер. – Кто…

– Я защищаю замок Ринвуд. – Коннери чуть склонил голову. – Это моя работа. Как по-вашему, могу ли я не знать, что один из профессоров создал и выпустил в катакомбы безмозглого монстра-охранника? Чего вы так боитесь, Алистер? Крыс?

– Не делайте вид, что не понимаете, Грегор, – злобно

отозвался Крамер. – Некрополь! Я уже не раз слышал шум из глубин!

– Да, – кивнул Коннери, – драугры начинают пробуждаться.

– И мы оба прекрасно знаем, что это значит! – истерично взвизгнул Крамер. – Я… я должен бежать. Я поговорю с госпожой Кроу! Она чудесная женщина, она непременно поймет…

– Не будьте болваном, Алистер. – Коннери сложил руки на груди. – Сейчас Академия – самое безопасное место в Ритании. Здесь вы под надежной защитой.

– Вы хотите сказать – под вашей защитой? – Крамер захихикал, мелко тряся головой. – Под защитой темного мага? Нет, я не могу доверять вам. Вы же слышите этот зов! Разве можно противиться тому, что так глубоко внутри вас, профессор? Противиться самой вашей природе?

– Позвольте мне самому разобраться с моей природой, Алистер.

Коннери едва возвысил голос, но Крамер тут же сник, еще больше согнувшись под его взглядом. Потом до ушей Амалии донеслись тихие рыдания.

– Кто я такой, чтобы спорить с вами? – прохныкал Крамер. – Если вы пожелаете, я не выйду живым даже из этой комнаты.

– Перестаньте молоть чепуху, – загремел Коннери. – Вы собираетесь шарахаться от любой тени? Кто, по-вашему, открыл потайной ход и уничтожил голема? Безмозглые ходячие трупы?

– Нет. – Крамер обхватил голову руками. – Подобное не под силу драуграм! Но другие слуги тьмы… Эта ваша девочка, Амалия, и другие… ходят, вынюхивают! Они спрашивали меня о…

– Что? Я не ослышался? – Коннери запрокинул голову и расхохотался так громко, что задрожали стены. – Вы боитесь маленьких девочек? Или считаете, что парочка нерадивых студентов может справиться с големом?

С этими словами Коннери вдруг повернулся в сторону полки, за которой прятались Амалия с Агнешкой, и сверкнул зелеными глазищами. Неужели заметил?! Но разглядеть в такой темноте двух затаившихся студенток… Или Мастер с самого начала знал, что они здесь? Амалия нервно сглотнула и на всякий случай присела еще ниже. Коннери вновь вернулся к беседе с Крамером и больше не смотрел в их сторону. Может быть, просто показалось? Но нет – Агнешка тоже дрожала как осиновый лист и прижималась к боку Амалии. Если Коннери узнает, зачем они здесь… Нет, об этом даже думать не хотелось!

– Кто знает, кто знает… Не любой взрослый маг способен развеять голема. Но слуги Тьмы многочисленны, и их сила

велика… – Крамер вдруг бухнулся на колени и горячо зашептал: – Умоляю вас, Грегор, позвольте мне уехать! Вы должны меня понять…

– Нет, это вы должны меня понять, Алистер! – рявкнул Коннери, поднимая Крамера обратно на ноги. – Что подумают студенты, если профессора начнут разбегаться? Поднимется паника, и тогда нас просто раздавят! Мы должны защитить юных магов, чего бы нам это ни стоило. Поэтому вы никуда не поедете, Алистер. Возьмите себя в руки!

– Взять себя в руки… – пробормотал Крамер. – Да, взять себя в руки. Верно…

– Верно. – Коннери заговорил тише: – Отдохните несколько дней. Как следует поспите, напейтесь, если хотите… сходите к девочкам, в конце концов. Но к следующей неделе вы нужны мне и профессору Кроу в здравом рассудке.

– Вы правы, друг мой, вы правы. – Крамер несколько раз глубоко вздохнул. – Прошу простить меня за мои слова. Но я же не такой, как вы, Грегор, я не воин. Удивительно ли, что меня страшит неизбежное грядущее?.. Будет война, да? Снова?

– Будет, – коротко ответил Коннери и шагнул к подземному ходу. – Но стоит ли бояться? Встряска пойдет вам на пользу, Алистер. Жизнь без хорошей драки становится невыносимо скучной.

– Куда вы? – Крамер засеменил следом за Коннери.

– Вниз, – отозвался тот. – Думаю, мне стоит наведаться в катакомбы и запечатать Некрополь. Это удержит драугров… на какое-то время. Будет нехорошо, если они доберутся до кого-нибудь из студентов.

– Вы отважный человек, Грегор. – Крамер немного потоптался на месте и тоже шагнул в темноту. – Позвольте мне пойти с вами… Признаться, я просто боюсь оставаться здесь без вас.

– Буду признателен, – голос Коннери отразился от стен подземелья. – Соваться к драуграм в одиночку – не лучшая затея.

– Грегор… – Крамер на мгновение замялся. – Позвольте мне задать вам еще один вопрос. Этот Некрополь… неужели те, кто строил замок Ринвуд, не знали? Неужели Персиваль Сеймур не знал, что Академия обретет свой дом на месте древнего могильника?

– Сомневаюсь. Не стоит недооценивать предков, они во многом были куда мудрее нас с вами, Алистер. – Коннери спускался по ступеням вниз, и его голос уже едва доносился до библиотеки. – Кто знает, может быть, Сеймур как раз и рассчитывал, что если драугры пробудятся, поблизости окажется парочка толковых магов…

– Нам тоже пора. – Бард неслышно скользнул в укрытие Амалии и Агнешки. – Кажется, они не оставили охранных чар на двери. Идем.

* * *

– Отец Всемогущий. – Агнешка подставила лицо морозному ночному ветру. – Что может быть лучше свежего воздуха и неба?

– Да уж, – охотно согласилась Амалия. – Я думала, мы никогда не выберемся из этих чертовых подземелий. Мне срочно нужна горячая ванна… и, желательно, сон до обеда.

– И все зря. – Агнешка сокрушенно вздохнула. – Мы так ничего и не нашли. А теперь Крамер точно удвоит бдительность и заселит големами все подземелье.

– Не совсем, – улыбнулась Амалия, распахивая сумку. – Кое-что я успела утащить.

– «Хроники Серединных Земель»! – радостно взвизгнула Агнешка. – Тот самый четвертый том! Ну же, открывай быстрее!

Амалия уже вовсю листала древние пожелтевшие страницы, не обращая внимания ни на смертельную усталость, ни на холод, сковывающий льдом мокрое платье и волосы. Что же здесь?.. Ага! Оглавление. Первая часть – «История княжества Вышеградского». Не то! Вторая – «Краткие жизнеописания темных магов. Ромуланская Империя – Новое Время». Есть!

– Дай мне! – Агнешка нетерпеливо дернула книгу. – Вот оно… Кажется, они тут в алфавитном порядке. Буква Д… Дальше! К… Л… О… Вот! М! Мааран Темная Вода, Маркуш Ленски… Маттиас фон Зорн… Маури-Скрипач…

– Ты, наверное, пропустила. – Амалия пролистнула несколько страниц назад. – Матабер точно должен быть до Маури-Скрипача!

– Да… – растерянно пробормотала Агнешка. – Между Маркушем Ленски и Маттиасом фон Зорном… Но его нет. Может быть, мы правда ошиблись? Или его звали по-другому?..

– Нет! – Амалия зажгла магический огонек поярче. – Посмотри!

Почти незаметный след между Маркушем Ленски и Маттиасом фон Зорном. Несколько крохотных клочков почти у самого переплета. Кто-то старался уничтожить все следы – но сделал это недостаточно аккуратно.

– Страница вырвана! – Агнешка топнула ногой. – Там точно было написано про Матабера!

– И что мы будем делать теперь? – Амалия захлопнула книгу и убрала ее обратно в сумку. – Пытать Крамера каленым

железом?

– Вот что я тебе скажу, леди Фалмут. – Агнешка натянула на голову капюшон. – После всего, что с нами сегодня было, я хочу только догнать Бедивера Теофилуса Уилсона, взять его за… в общем, взять, отвести на конюшню и выполнить то, что я обещала ему перед тем, как мы полезли в этот чертов Некрополь.

– О-о-о! – Амалия прыснула. – У тебя серьезные планы. Ну… в конце концов, без него мы обе вряд ли бы сбежали от… как их называл Коннери – драугры?

– И это тоже, – кивнула Агнешка. – Я вдруг поняла, что со всеми этими играми в Тайную Службу Ее Величества мы можем не дожить до завтрашнего обеда. И мне, черт возьми, хочется взять с собой в чертоги Всеотца побольше приятных воспоминаний. Ну что, будешь меня осуждать? – Агнешка уперлась руками в бока. – Давай, мне плевать.

– Нет, – Амалия покачала головой. – Не буду. Признаться, я тебе искренне завидую.

– О да, детка, ты делаешь успехи, – рассмеялась Агнешка. – Твой возлюбленный зануда Монтгомери едва ли сейчас годится на что-то… Но вот что я тебе скажу: через полчаса старик Коннери вылезет из подземелья и наверняка захочет забраться в теплую ванну. Думаю, он не будет возражать, если ты составишь ему компа… А-а-ай-й-й! Прекрати щипаться, леди Фалмут, у тебя железные пальцы! Все-все, я уже ухожу!

Глава 4

Не успела тяжелая дубовая дверь захлопнуться за Амалией, как ее тут же окружили однокурсники.

– Ну как?

– Все хорошо, да?

– Олбани не слишком свирепствует?

– Высший балл. – Амалия рассмеялась. – Хватит с меня экзаменов.

История была последним предметом, которые нужно было сдать перед праздником Рождения Солнца. Впереди почти целый месяц свободы… Ну, если не считать ежедневных занятий с Мастером Коннери – он вряд ли разрешит своей ученице прохлаждаться без физических упражнений и фехтования. Но даже многочасовая муштра не могла испортить Амалии настроение. До самого конца января никаких книг и тетрадей! И Алекс наверняка уже скоро сможет подняться на ноги. Даже о страшных тайнах думать совсем не хотелось.

«Хроники Серединных Земель» давно были прочитаны вдоль и поперек – и, разумеется, ни слова о Матабере. Иногда Амалия почти начинала верить, что его действительно придумали для того, чтобы пугать непослушных детей. Но о ком тогда писал рыцарь в своем дневнике?.. О Мастере Коннери? Что ж, Мастера сложно было назвать добрым и приятным человеком. Порой – особенно после занятий, заканчивавшихся большим количеством синяков и ссадин, – ей казалось, что она искренне его ненавидит. Но страха – страха уже не осталось. Косматый седой старик, неторопливо хромающий по лесу и ворчащий свои излюбленные «медленно» и «плохо», мог быть каким угодно. Вредным, недобрым, мрачным, надоедливым, жестким и даже жестоким – но только не страшным… Конечно же, если не смотреть на него Истинным Зрением. Он не мог не знать о поисках Амалии и Агнешки – и не пытался ничего предпринять. Даже словом не обмолвился. Так уверен в своих силах? Или Агнешка все же ошиблась?..

– Вот и ты наконец. – Соседка бесцеремонно растолкала первокурсников и крепко стиснула Амалию в объятиях. – А я к тебе не просто так, милая. Ты даже представить не можешь, кто пожаловал к нам в гости!

– Ректор Торвальдсен вернулся?..

– Еще лучше! – Агнешка нетерпеливо потянула Амалию за руку. – Пойдем домой, сама увидишь!

* * *

– Папа…

Амалия так и застыла в дверях своей комнаты. Отец устроился на ее кровати. Похоже, он сидел так уже давно – чемодан отставлен в сторону, а зимний плащ аккуратно повешен на спинку стула. Старый, темно-синий, с воротником из облезлого волчьего меха. Отец давно собирался выбросить его и заказать новый. Так и не заказал.

– Все, я оставляю счастливое семейство, – шепнула Агнешка, прикрывая за собой дверь. – Пойду раздобуду себе эля.

– Папа…

Все, больше никаких слов не осталось. В носу защипало, и Амалия одним прыжком преодолела половину комнаты и бросилась отцу на шею. Папа, милый папа! Очки в помутневшей от времени серебряной оправе, родные темные глаза – точно такие же, как и у самой Амалии. Волосы цвета лежалой осенней листвы, слегка припорошенные сединой, словно первым снегом. Совсем не изменился! Впрочем, с того дня, как он привез Амалию в Академию, прошло всего четыре месяца. А кажется – будто бы целая вечность…

– Ну же, что с тобой, малышка? – Отец аккуратно погладил Амалию по спине. – Ты плачешь?

– Я сама не понимала, как соскучилась. – Амалия всхлипнула и уткнулась лицом отцу в грудь. – Думала, вы никогда больше ко мне не приедете! А мама?..

– Увы, милая, – вздохнул отец. – Маме пришлось остаться. Но она уже ждет нас обоих. Ты же не против встретить Рождение Солнца дома, в Вудсайд Хаус?

– Не против?! – Амалия едва не задохнулась. – Я даже мечтать об этом не могла! Если профессор Кроу не будет возражать…

– Я уже поговорил с ней утром, – отец широко улыбнулся. – Она полагает, неделя-другая дома пойдет тебе только на пользу.

– Папа! – Амалия едва не задушила отца в объятиях. – Папочка, ты чудо! А… а можно мне взять с собой мою подругу? Агнешку! Ты ее уже видел! Она все равно собиралась остаться здесь, в Академии…

– Ты, верно, говоришь о той громогласной юной особе с волосами, похожими на огонь? – рассмеялся отец. – Мама точно упадет в обморок от ее манер… Но попробовать стоит!

Амалия радостно вскрикнула и снова принялась сжимать отца так сильно, что у того затрещали кости. А потом вскочила на ноги и принялась метаться по комнате как умалишенная. Каждая

минута промедления делает короче срок, который можно провести в родном Вудсайд Хаус – а ведь еще столько всего нужно сделать! Догнать Агнешку и сказать, чтобы собиралась. Навестить Алекса и попросить прощения за скорый отъезд – он ведь не обидится? Всего пара недель, не больше, – как раз, чтобы вернуться к концу каникул. Они еще успеют нагуляться перед тем, как занятия снова начнутся, Алекс как раз успеет совсем поправиться! И самое главное – никакой муштры по ночам и бесконечной беготни по сугробам! Так-то, Мастер Коннери!

– Куда ты? – удивился отец. – Посиди со мной еще немного!

– Я скоро вернусь! – прокричала Амалия, на ходу затягивая завязки плаща. – Мне надо в Дозорную Башню… Ненадолго!

Так быстро она не бегала даже на тренировках. Из жилого корпуса, через площадь, к Дому Четырех Стихий, вверх по лестнице, в арку к Дозорной Башне и снова вверх, вверх, вверх – к жилищу Мастера Коннери. Сердце бешено колошматилось, пот со лба уже заливал глаза – Амалия едва видела дорогу и только чудом не переломала ноги на винтовой лестнице, прыгая через две ступеньки. Плевать! Через каких-то пару часов она уже будет ехать домой, к маме, вместе с Агнешкой и отцом! Сколько всего надо будет рассказать папе! Но это можно сделать и в дороге, а потом показать Агнешке Вудсайд Хаус. Все – конюшню, сад, библиотеку, комнату Амалии… И непременно тайком заглянуть на кухню и выпросить у Нянюшки Энн несколько кусков ее пирога – не хуже, чем у Берты в «Вересковом меде». А может быть, даже и лучше! А потом отправиться в Эйлсбери и пройтись по родным заснеженным улочкам, грея пальцы о кружки с горячим вином и заглядывая в каждую лавку на площади! И еще…

– Мастер Коннери, – выпалила Амалия, рывком распахивая дверь. – Мастер Коннери, я должна сообщить вам, что…

– Сядь, – коротко бросил Мастер, указывая на свободный стул. – Представления не имею, что за дело привело тебя сюда, но оно определенно может потерпеть еще несколько минут. Для начала переведи дух.

Мастер неторопливо окунул перо в чернильницу и снова принялся писать. В комнате было прохладно, но он забросил плащ и куртку на кровать и остался в тонкой бесцветной рубахе – значит, сел работать надолго. В такие моменты его едва ли стоило беспокоить, но Амалия не могла больше ждать! Одно лишь созерцание Мастера за столом выводило ее из себя. Огромный, седой, как серая скала или лед, почти неподвижный – только рука неспешно выводит букву за буквой на листе бумаги. Иногда Амалия даже удивлялась, как Мастер вообще может писать – настолько странно и нелепо смотрелось гусиное перо в

пальцах, привыкших к рукояти меча. Да и почерк получался под стать – неровный, угловатый, будто бы даже буквы побаивались Мастера и торопились разбежаться во все стороны. Наверное, именно поэтому он всегда писал так медленно. Слишком медленно!

– Мастер Коннери, – снова начала Амалия. – Мне очень жаль, но я не смогу заниматься с вами несколько недель. Мой отец приехал, чтобы забрать меня домой на каникулы. Я вернусь после Рождения Солнца. Нам нужно отправляться как можно скорее!

– Вот как? – Мастер продолжал писать – только брови немного приподнялись, и все. – В таком случае на твоем месте я бы не стал терять времени. Напиши письмо матери… и другим родственникам, если у тебя вдруг возникнет такое желание.

– Зачем? – непонимающе пробормотала Амалия. – Я ведь смогу и сама…

– Нет, не сможешь. – Мастер осторожно подул на бумагу, чтобы поскорее высушить чернила. – Потому что ты никуда не едешь.

– Что вы имеете в ви…

– Я разве сказал что-то непонятное? – Мастер поднял глаза и посмотрел прямо на Амалию. – Ты останешься здесь, в Академии. Теперь, когда все экзамены позади, ты сможешь тренироваться нормально – хотя бы пару недель. Мне будет очень стыдно, если ты и весной будешь держать меч, как вязальную спицу. А пока все идет именно к этому – так что нам стоит как следует поработать на каникулах.

– Нет, вы не можете… – Губы Амалии задрожали. – Отец уже говорил с профессором Кроу, она разрешила…

– В этих стенах только один человек может тебе что-то разрешать или не разрешать. – Мастер перевернул лист бумаги и снова взялся за перо. – И это не профессор Кроу. Ты никуда не едешь. И не заставляй меня повторять в третий раз.

– Любой студент Академии имеет право уехать на каникулы. – Амалия изо всех сил пыталась сдержать слезы, рвущиеся наружу. – Я знаю правила! Все могут уехать!

– Я твой Мастер, – отрезал Коннери. – Мне плевать на правила Академии. Даже если тебя отчислят, даже если сама Королева потребует отпустить тебя – ты останешься.

– Это нигде не написано! – закричала Амалия, вскакивая со стула. – Я все равно уеду!

– Попробуй. – Коннери пожал плечами. – В одном ты права: древний Кодекс, в котором говорится о Мастере и его учениках, действительно нигде не написан. Он появился еще в те времена, когда писать умели очень немногие… Или даже еще раньше.

Кстати, там есть и о наказаниях за непослушание. В том числе и телесных.

Телесных?! Конечно, Амалии не раз доставалось от Мастера на занятиях – она уже перестала считать синяки, которые оставляли тренировочные мечи. Но это совершенно другое! Нет, конечно же, он не посмеет поднять руку на леди. И уж тем более не станет пороть ее розгами… Ведь не станет?

– Вы не имеете права, господин Коннери. – Амалия попыталась произнести эти слова, как истинная леди. Вот только истинные леди едва ли хлюпают носом, пытаясь выглядеть холодными и величественными. – Я попрошу защиты у…

– Как тебе будет угодно. – Похоже, угрозы только развеселили Мастера. – Возможно, поблизости даже найдется кретин, который вызовет меня на поединок.

Поединок? Если бы не слезы, Амалии впору было бы рассмеяться. Кто осмелится драться с темным магом, двухсотлетним ветераном, который всю свою жизнь только и делал, что отправлял людей на тот свет? Никто. Никто не сможет защитить Амалию. Она не просто ученица Мастера – она полностью принадлежит ему. Как собака или лошадь. Как вещь. Нет, даже не так! К вещам – вроде мечей – Мастер всегда относился с уважением. А Амалия для него лишь игрушка – бесполезная, глупая и несуразная, которую совсем не жалко сломать или выбросить, когда надоест!

– Я вас ненавижу! – прошептала она, оттирая слезы. – Ненавижу!

Тяжелый медный подсвечник вдруг подпрыгнул на столе, роняя на истертое дерево капли воска, и устремился к голове Мастера. Нет! Она не хотела!..

– Пять дополнительных кругов сегодня вечером. – Мастер не перестал писать, даже не отвел глаз от бумаги. Его левая рука перехватила подсвечник в паре дюймов от виска и поставила на прежнее место. – Еще одна подобная выходка – и их станет десять.

– Мастер… – всхлипнула Амалия. – Мастер, прошу вас! Я так давно не видела маму…

Внутри что-то надломилось. Даже сил злиться уже не осталось. Мастер Коннери растоптал ее – легко, походя, даже не отвлекаясь от своего дурацкого листка бумаги. О, ему, наверное, так нравилось чувствовать себя всемогущим! Он ведь наверняка этого и добивался – чтобы она умоляла. Чтобы ползала на коленях! Нет! Не дождется! Леди Фалмут сохранит остатки достоинства – пусть даже это будет стоить ей мучительной боли. Вудсайд Хаус, мама, заснеженные узкие улочки Эйлсбери –

сладкий сон растаял. Мастер отобрал самый бесценный подарок, который только можно было придумать.

– Будьте вы прокляты, Мастер, – прошептала Амалия, поднимаясь со стула. – Будьте прокляты.

– Я уже и так проклят с того самого дня, как появился на свет. – Коннери усмехнулся и отложил перо. – И ты тоже. Ступай. Мне нужно закончить письмо.

– Как вам будет угодно.

Путь обратно в комнату двадцать четыре показался бесконечно долгим. Амалия устало ковыляла по лестницам и улочкам Академии, то и дело натыкаясь на спешивших куда-то студентов, здоровалась с кем-то и невпопад отвечала на вопросы. Как экзамены? Отлично. Где ты собираешься встречать Рождение Солнца? В Звенящем Лесу с профессором Коннери. Да, он мой любовник, можешь рассказать всем. Почему ты плачешь? Убирайся к черту.

Отец ничего не спросил – ему достаточно было взглянуть на опухшие от слез глаза. Папа всегда понимал свою девочку без слов. Он просто молча сел рядом и накинул Амалии на плечи одеяло. А она свернулась клубочком у него на коленях. Совсем как в детстве. Совсем как дома… Прежде чем отец заговорил, прошло почти полчаса блаженного молчания, в котором постепенно затихали рыдания Амалии.

– Ты… ты напишешь маме? Думаю, она будет рада.

– Он не отпустил меня, – выдохнула Амалия. – Просто не отпустил. Мой Мастер…

– Грегор Коннери, – закончил за нее отец. – Последний из темных магов. Профессор Кроу все мне рассказала.

– Неужели ничего нельзя сделать, папа? – умоляюще прошептала Амалия. – Меня просто отдали ему. Теперь я его собственность!

– Не говори так, малышка. – Отец провел ладонью по волосам Амалии. – Обрести не просто учителя или профессора, а Мастера – великая честь. На моей памяти никто из магов не обращался к древнему Кодексу. Ты особенная девочка – раз уж сам Грегор Коннери… О нем всякое говорят, но для Дара, подобного твоему, лучшего учителя не найти.

– Ты знал?! – Амалия вскочила. – Поэтому отправил меня сюда? Чтобы я попала в лапы к Коннери?

– Дар Изначальной Тьмы. – Отец опустил глаза. – Что я еще мог сделать? Я верю в Грегора Коннери, Ами, но еще больше я верю в тебя. Ты изменилась. Всего несколько месяцев, а ты уже совсем другая. Сильная, взрослая. Твой Дар расцветает, малышка…

– Не называй меня так!!! – Амалия сжала кулаки. – Больше никогда!

Отец знал все с самого начала! Да разве могло быть иначе? Оливер Хэмптон, блестящий ученый, один из самых могучих умов Ритании, а то и всего мира. Разве мог он ошибиться или не предусмотреть чего-то? Нет, все это – и Академия, и всплески Силы, и Мастер Коннери – отец все просчитал. Это он отдал единственную дочь чудовищу. Он – и никто другой.

– Ами, постой! – отец вскочил на ноги. – Вернись!

Но Амалию было уже не догнать.

* * *

Два шага на вдох – два на выдох. Главное – не сбиться с ритма. В конце концов усталость возьмет свое, и тогда в измученной голове появится долгожданная, почти блаженная пустота, в которой останется только два на вдох – два на выдох. И все. Бежать. Милю, две, пять, десять – пока тело не начнет болеть сильнее, чем душа. К тому же Мастер Коннери списывал Амалии дополнительные круги, если она отправлялась тренироваться самостоятельно. Только спрашивал – сколько? И никогда не пытался влезть ей в голову, чтобы проверить. Амалия уже не раз думала слегка приврать и накинуть хотя бы парочку кругов… но так и не отважилась. Мастер наверняка почувствует ложь, и тогда Амалии придется носиться по Звенящему Лесу до самого выпускного. Но дело было не только в страхе. При всей своей беспощадности сам Мастер никогда ее не обманывал. Хотя как она могла быть уверена? Раз уж даже родной отец предал ее, спихнув испорченную Темным Даром дочь профессорам Академии.

Амалия не сразу заметила, что за ней следят. Едва заметная тень двигалась следом, скрываясь в сгущающихся сумерках. Уже давно, но теперь, когда Амалия наконец перешла на шаг, тень подобралась поближе. Совсем бесшумно – даже снег не хрустнул, будто бы за Амалией шел не смертный человек, а один из легендарного народа фейри. Пожалуй, ей стоило бы испугаться – совсем одна в лесу, а за спиной – неизвестный соглядатай. Но страха не было. Точнее, Амалия настолько вымотала себя, что появись перед ней сейчас хоть сам Дьявол во главе полчища демонов, она бы, пожалуй, только пожала плечами и пошла бы дальше.

– Кто здесь? – Амалия развернулась. – Можешь не прятаться, я все равно тебя вижу.

– Ты хорошо бегаешь.

Мелодичный, похожий на журчание ручейка или шелест листьев, женский голос звучал совсем негромко. Но Амалии почему-то показалось, что даже если бы незнакомка стояла в целом ярде от нее, она бы все равно ее прекрасно слышала. Истинное Зрение не помогало разглядеть маленькую фигурку, затаившуюся в тени дуба. Та почти сливалась с деревом – словно и сама была частью леса. Только один человек – да и человек ли? – смог бы так спрятаться.

– Не бойся. Я здесь не для того, чтобы обидеть тебя.

Селина мягко ступила на тропинку. Невысокая, хрупкая, с виду – совсем юная девушка, едва ли многим старше самой Амалии. Профессор природной магии всегда была мила и доброжелательна и к тому же хороша собой, и многие первокурсники тайком вздыхали по ней. Но Амалия навсегда запомнила взгляд темно-зеленых глаз Селины. Мягкий, мудрый и бесконечный, в котором давным-давно не осталось ничего, присущего обычной женщине. Она отдала себя Лесу и сама стала его частью – и никакого дела ей не было до пылких юнцов. Ее вообще едва ли интересовало что-то кроме животных, растений и своих занятий. Селина всегда просила, чтобы студенты обращались к ней по имени, и носила самую простую одежду. Даже сейчас, зимой, она надела тот же самый наряд, что и летом – легкие сапожки и льняное платье, только теперь их дополнял короткий темно-серый плащ из тонкой шерсти – и тот она взяла скорее для того, чтобы не смущать обычных людей.

– Мне не холодно. – Селина улыбнулась, поймав взгляд Амалии. – На деревьях больше не осталось листьев, но Лес не умер – только уснул до весны. Мне хватает его тепла и сейчас.

– Зачем вы здесь? – Амалия устало опустила плечи. – Просто гуляете?

– Я слышу Лес. И тех, кто в нем. Я слышу боль. Очень много боли. Вот здесь. – Селина прижала руки к груди. – С тобой случилось что-то плохое.

– Со мной случилась я, – горько усмехнулась Амалия. – И вы ничего не сможете с этим поделать.

– Грегор Коннери. – Селина подошла ближе и вытянула руку вперед открытой ладонью. – Дар Изначальной Тьмы. Мы с ним служим разным силам, мне страшно и противно его мертвое искусство. Даже Лес боится его. Слишком древняя, слишком могучая магия, слишком часто он обращался к ней – хоть мне и хочется верить, что его цели были благими.

Амалия непонимающе помотала головой. Селина прекрасно умела объяснять все, что было связано с травами, деревьями или

лесными животными, она учила врачевать раны и черпать силы из окружающего мира, но когда речь шла о чем-то другом, она почти все время говорила загадками, и слова ее были понятны разве что ей самой. Не зря ее за глаза называли дриадой – пусть даже в жилах Селины текла красная кровь, а не древесный сок.

– Есть ли спасение для него? – продолжила она. – Я не знаю. Мне такое не под силу. Его Темный Дар может искалечить мой Лес, изменить, превратить во что-то ужасное – даже если твой Мастер сам не будет того желать. То, что дано ему с рождения, мне уже не забрать. – Селина печально вздохнула. – Не забрать и Лесу. Но твой Дар еще молод. Еще не поздно что-то изменить. Если Лес примет тебя, ты будешь очищена. Раз и навсегда.

– Что вы хотите сказать? – пробормотала Амалия. – Я могу избавиться от Дара Изначальной Тьмы?

– Возможно. – Селина покачала головой. – Все возможно. Но всему есть своя цена. Лес забирает ненужные страсти и дает покой. Тьма уходит. Но что еще уйдет вместе с ней?

– Я изменюсь, да? – Амалия шагнула вперед, с трудом поборов желание схватить Селину за руку. – Стану такой же, как вы?

– Не знаю. Моя боль покинула меня. – Селина улыбнулась одними уголками губ. – В чем твоя боль? Я не знаю. Что Лес заберет у тебя? Я не знаю. Но я могу помочь.

– Правда можете? – выпалила Амалия. – Я… я хочу этого! Больше всего на свете!

Селина молча повернулась и зашагала по тропинке. Медленно, неторопливо, но Амалии пришлось бежать, чтобы догнать ее.

– Вы мне поможете?

– Посмотри. – Селина указала рукой на дуб, под которым пряталась. – Когда-то он был крохотным ростком. Теперь – огромное могучее дерево. Некоторые изменения не происходят быстро. Звенящий Лес был здесь всегда и всегда будет. Ему некуда спешить.

– Когда? – одними губами спросила Амалия. – Когда это… станет возможным?

– Когда придет время. – Селина на мгновение прикрыла глаза. – Когда ты будешь готова. Но не сегодня.

Амалия тихо вздохнула. Опять это – выбор, терпение… Неужели нельзя просто взять и помочь? Забрать этот проклятый Дар – и будь что будет. Никакая цена не стала бы слишком большой за то, чтобы вернуть прежнюю жизнь.

– У тебя хорошие задатки природного мага. Да-да, не смотри на меня так удивленно. – Селина тихо рассмеялась. – Дар

Изначальной Тьмы вовсе не убивает все остальные. Он особенный, но не единственный. Ты умеешь слышать Лес – а значит, Лес тоже услышит тебя. Если ты этого действительно захочешь. Попробуй.

Селина аккуратно коснулась морщинистой замерзшей коры старого дуба. Амалия пожала плечами и тоже протянула ладонь. Сначала кожу только неприятно покалывал холодный лед, но через несколько мгновений дерево отозвалось. Амалия почувствовала, как там, глубоко под толстой корой, тихо бьется жизнь. Словно огромное сердце, принадлежащее не только дубу, но и вообще всем деревьям Звенящего Леса одновременно. Конечно, Амалия не могла ухватить эту Силу так же легко и естественно, как Селина, не могла напитаться ей и позволить Лесу растворить боль. Но все же измученному сердцу на мгновение стало чуточку легче.

Глава 5

– Выше. Никогда не опускай меч.

Амалия едва успела отшатнуться. Как всегда – пропустила момент, когда движения Мастера Коннери, похожие на неторопливые и нарочито неуклюжие покачивания и тяжелые шаги старого медведя, вдруг молниеносно взрываются вихрем. Стальная вспышка еще сверкала перед глазами, Амалия еще чувствовала на лице холод воздуха, рассеченного клинком, – а Мастер уже успел отступить почти на десять футов и вновь встал в свою излюбленную лениво-расслабленную стойку. Левая нога чуть впереди, согнута, руки лишь слегка придерживают длинную рукоять полуторного меча, позволяя тяжелому лезвию слегка наклониться в сторону Амалии. Но эта небрежность обманчива. Амалия уже научилась двигаться быстро – куда проворнее тех стражников, с которыми ей приходилось тренироваться, – но у нее никогда не получалось подловить Мастера, нащупать в его обороне слабину. Как бы она ни пыталась крутиться вокруг него, Коннери лишь слегка переступал на месте, и Амалию встречал уже не мягкий и уязвимый бок, а четыре с небольшим фута крепкой стали. Попробуй только броситься вперед – сразу же получишь!

Последние несколько дней они занимались не в лесу и не на оружейном дворе, а в тренировочном зале. Зима щедро засыпала снегом замок Ринвуд и его окрестности, и сугробы приобретали настолько грозные размеры, что невысокая Амалия запросто могла бы провалиться по шею. Увидев, как она раз за разом тратит по четверти часа на поиски утонувшего в снегу меча, Мастер Коннери все-таки согласился перенести занятия под крышу, в натопленный зал. И Амалия уже успела было обрадоваться нескольким дням передышки от бесконечных кругов по Звенящему Лесу, но Мастер тут же придумал новую пытку: теперь он гонял ее бегом вверх-вниз по лестницам Дозорной Башни. И когда у Амалии уже начинало рябить в глазах от серого камня, наступало время фехтования. Обычно Мастер ставил ее против кого-нибудь из стражников или старшекурсников. Те, не сговариваясь, жалели девочку, весившую чуть ли не вдвое меньше любого из них. В эти дни Амалия могла хотя бы спать, не тратя по паре часов на поиск позы, в которой у нее ничего не болело. Но иногда Мастер брался за меч сам – и тогда она вновь переставала считать синяки и ссадины.

После таких занятий Амалия едва могла дотащиться до больничного крыла, чтобы навестить Алекса. Он до сих пор

вынужден был отлеживаться на койке, но теперь мадам Мерсье хотя бы выпускала его на прогулку на несколько минут в день. И эти короткие встречи были достойной наградой за все мучения. Алекс больше слушал, а Амалия неизменно начинала рассказывать. Про все – про тренировки, про экзамены, про то, как Агнешка в очередной раз попалась в мужском крыле жилого корпуса, про то, как Роб с Уиллом хотели окунуть профессора де Вилью в снег, но перепутали его в темноте с Мастером Коннери… Только о Матабере Амалия так и не рассказала. Не хватало втянуть в эту жутковатую и запутанную историю еще и Алекса. Не говорили они и о Ливи, которая при каждой встрече с Амалией до сих пор лишь здоровалась с искрящейся льдом вежливостью. И ни слова больше – даже в комнате, которую они вынуждены были делить.

– Не спи. Не пытайся следить за моими глазами – следи за мечом.

Наверное, Мастер все-таки пожалел ее и чуть замедлил полет затупленного лезвия. Снова чуть не получила по руке! Дурацкая ошибка, от которой Амалия никак не могла избавиться. И стражники, и молодые боевые маги всегда смотрели туда, куда собирались ударить, и Амалия уже научилась предугадывать их движения. Но с Мастером Коннери этот трюк срабатывал не всегда. Он мог долго усыплять ее внимание предсказуемыми стандартными атаками, а потом вдруг отводил взгляд в сторону, выкручивал меч совершенно немыслимым образом… и у Амалии появлялся новый синяк. Конечно, она уже могла предугадать некоторые финты Мастера, но он, похоже, имел их бесчисленное множество. И ему определенно нравилось колотить Амалию – просто так, для собственного развлечения. Наверное, потому он и не отпустил ее домой на каникулы – разве можно отказаться от любимой игрушки? Но Амалия больше не собиралась доставлять ему удовольствие мольбой или слезами – только глухо ворчала сквозь зубы всякий раз, когда ее касался клинок, и снова бросалась в бой.

– Ладно. – Мастер крутанул мечом в воздухе и отступил. – Все еще весьма посредственно, но уже кое-что. Отдохни несколько минут, потом повторим.

Амалия едва не закашлялась от удивления. Весьма посредственно, но уже кое-что? До этого она слышала исключительно «медленно» и «плохо». Интересно, с чего бы вдруг Мастеру, можно сказать, сыпать комплиментами? Уж не из-за профессора ли Кроу, которая как раз появилась в тренировочном зале? Впрочем, какая разница? Если есть возможность присесть ненадолго, ей непременно надо воспользоваться. Амалия

отложила меч и устало опустилась на табурет.

– Профессор, вы загоняете бедную девочку до смерти. Она еле держится на ногах.

Кроу неторопливо прошла вдоль стены зала. Сегодня она зачем-то сменила привычную мантию на костюм мужского кроя – сапоги, штаны из плотной темной ткани и кожаный жилет на шнуровке, оставлявший плечи и руки открытыми. Довольно смелый наряд – но выглядел по меньшей мере эффектно. Амалия едва ли могла бы назвать фигуру Кроу изящной – все-таки та была рослой и крупной женщиной, но легкая полнота ничуть ее не портила. Скорее наоборот – добавляла какой-то особенной красоты. Высокая грудь, широкие бедра женщины, давно вышедшей из девичьего возраста, – но по стройности талии Кроу немногим уступала признанным красавицам из старшекурсниц. Есть чему позавидовать. Особенно если ты – худенькая и невысокая девчонка с грязными щеками, у которой куча синяков и все ногти обломаны о рукоять оружия…

– Надеюсь, что вы ошибаетесь. – Мастер Коннери упер острие меча в пол. – Впереди еще два часа занятий, и я рассчитываю, что госпожа Хэмптон не разочарует меня преждевременной кончиной.

– Будь с ней помягче, Грег. – Кроу улыбнулась и шагнула к Амалии. – Посмотри, какая она маленькая. Разве такой изящной леди под силу управиться с полуторным мечом?

– Эта, как ты выразилась, изящная леди, – насмешливо проворчал Мастер, – не далее как вчера голыми руками сломала пополам столешницу в «Вересковом меде», когда я вытащил ее из-за обеда. Отличные дубовые доски почти в два дюйма толщиной…

– И все-таки. – Кроу приблизилась, встала у Амалии за спиной и положила теплые ладони ей на плечи. – Бедная девочка так напряжена! Или ты хочешь, чтобы у нее стали плечи, как у каменщика? Будет совсем некрасиво…

– Нельзя выиграть бой одной лишь смазливой мордашкой, – фыркнул Мастер. – Ей нужна сила.

– Пусть так. – Кроу аккуратно помассировала Амалии плечи. – Ты учишь девочку недоброму ремеслу – раз уж это так необходимо. Но прошу тебя – не забывай, что она не одна из твоих солдат. Она леди. И она может сражаться, как леди. Ты позволишь? – Кроу кивнула в сторону стойки с оружием.

– Хочешь немного размяться? – Мастер Коннери удивленно приподнял брови. – Тебе не так давно здорово досталось. Не уверен, что это хорошая идея.

– Я настаиваю. – Кроу выбрала длинную тонкую шпагу. – Я и так уже слишком засиделась в кабинете Эла.

Амалия не удержалась и все-таки посмотрела Истинным Зрением. Да, аура все еще неровная, слабая, но в ней уже цветут краски, присущие только Высшим магам. Еще немного, и покалеченный Дар Кроу вернет себе прежнюю мощь. Но неужели она рассчитывает одолеть Мастера – хотя бы в шуточном поединке?

– Полагаю, предлагать тебе подраться с Робом или Амалией нет смысла. – Коннери покачал головой. – Постарайся не бить меня слишком сильно.

– Может быть, возьмешь шпагу? – поинтересовалась Кроу, прочертив острием своего клинка в воздухе крест-накрест. – Меч слишком неповоротлив – будет нечестно.

– Благодарю. – Мастер поднял оружие. – Я как-нибудь справлюсь.

– Ну… я тебя предупреждала.

Амалия уже видела, как Коннери в одиночку расшвыривает всех своих учеников. В таких схватках Мастер двигался неимоверно быстро. Но сейчас он дрался с равным… почти равным противником. Во все стороны хлестали потоки Силы, ускорявшие тела Мастера Коннери и Кроу до сверхчеловеческих пределов. Зрение не успевало поймать ни одного движения – два силуэта расплывались, переплетаясь в безумном танце боя. Кроу – гибкая, текучая, словно вода, совсем небольшая по сравнению с Мастером. И сам Коннери – огромный, могучий, но ничуть не уступавший своей противнице в подвижности. Его меч превращался в сплошной поток стали, успевая отражать удар за ударом, выплевывая горячие искры, когда оружие сходилось с оружием. Кроу удалось оттеснить его на несколько шагов, но он тут же отбросил ее обратно и сам перешел в наступление, сминая защиту. Противники замирали друг напротив друга на мгновения и снова схлестывались, словно сливаясь в единое целое. Амалии казалось, что оба они вдруг превратились в черное пламя, полыхавшее в самом центре тренировочного зала и отбрасывающее на стены длинные пляшущие тени.

Все закончилось внезапно. Так же быстро, как и началось. Мастер Коннери и Кроу застыли. Она – почти лежа, выгнувшись назад так, что ей пришлось упереться в пол свободной рукой. Он – нависая над ней черной громадой, так близко, что его растрепавшиеся в горячке боя седые волосы касались ее лица. Меч Мастера остановился в паре дюймов от груди Кроу – еще немного, и он рассек бы противницу надвое. Но и ее шпага целилась Мастеру прямо в горло.

– Что ж, – Кроу мягко улыбнулась, – похоже, у нас ничья.

– В настоящем бою не бывает ничьих, Кет.

Амалия не могла поверить своим глазам. Мастер Коннери тоже улыбался. Не привычным широким оскалом, обнажавшим два ряда крепких зубов, не недоброй усмешкой – обычной человеческой улыбкой. И даже его глаза больше не полыхали зеленым пламенем, а лишь слегка мерцали мягким, почти умиротворяющим светом.

– Скорость, подвижность, ловкость, изящество – это только защита. – Мастер, не отрывая взгляда от Кроу, взялся двумя пальцами левой руки за основание клинка ее шпаги. Взялся – и переломил закаленную сталь, словно тоненькую веточку. – Победу приносит сила.

Кроу не ответила. Они так и не сдвинулись с места. Глаза в глаза. Амалия вдруг почувствовала себя совершенно лишней. Этим двоим явно было о чем поговорить… и о чем помолчать, если они вот так замирали, словно уносясь мыслями далеко-далеко отсюда, в далекие места и времена, когда…

– Кто я такая, чтобы спорить с первым мечом Ритании. – Кроу рассмеялась и ловко вывернулась из-под Мастера, отбрасывая в сторону сломанную шпагу. – Но – так уж вышло – я пришла сюда, чтобы беседовать не об искусстве боя, а о куда более изящных искусствах.

– В таком случае ты ошиблась залом, Кет. – Мастер Коннери пожал плечами. – Изящные искусства – не удел боевых магов.

– Возможно. – Кроу склонила голову. – И все же одному боевому магу придется заняться не самым привычным для него делом. Бал, посвященный Рождению Солнца, состоится через две недели. По старой традиции первый танец открывает ректор. Обычно Эл приглашал меня. Но сейчас его нет, и…

– Нет. – Мастер тряхнул седой гривой. – Даже не думай, Кет, даже не…

– …и поэтому я хочу, чтобы ты составил мне компанию, – закончила Кроу.

– Проклятье, – проворчал Мастер. – Почему я? Де Вилья прекрасно танцует и обожает балы. Я никогда не занимался ничем подобным – не поздновато ли начинать? Нет, даже не проси.

– Это не просьба, – отрезала Кроу. – И даже не приказ. Ты должен понимать, Грег. Для Академии настали нелегкие времена. Сначала Кристалл, потом исчезновение Эла, а теперь еще и эта дурацкая дуэль мальчишек… В столице тоже неспокойно – ты же знаешь. Смута, наши враги поднимают головы. Если мы не будем держаться друг за друга – нас просто растопчут.

– Я не боюсь этих болванов из Парламента. – Мастер сложил руки на груди. – И я никому не позволю навредить тебе… или

кому-либо в этих стенах.

– Я знаю. – Кроу улыбнулась. – Но мы должны показать, напомнить всем – даже без Элвина Торвальдсена Академия Ринвуд в надежных руках. Мы с тобой нередко расходимся во мнениях – кто-нибудь непременно захочет сыграть на этом. Но если нас увидят вместе, никто не осмелится сказать и слова. Ты мне нужен, Грег. Не на поле боя, не в тренировочном зале, а на празднике. Всего несколько танцев, пара слов – и все. Неужели я требую невозможного?

Мастер Коннери с тихим ворчанием склонил голову. Амалия еще никогда не видела его таким хмурым. Конечно, он совсем не похож на завсегдатая званых вечеров, но это же всего лишь навсего танец! Может быть, два… Кроу, не произнося больше ни слова, зашагала к выходу из зала. И только когда дверь за ней затворилась, Мастер заговорил:

– Похоже, мне понадобится пара уроков. Ты меня научишь.

– Что? – удивилась Амалия. – Вы это мне?

– Ты видишь здесь еще кого-нибудь? – хмуро отозвался Мастер. – Ты ведь знаешь все эти новомодные танцы, не можешь не знать. Завтра начнем на полтора часа раньше.

* * *

Снег блестел так, что становилось больно глазам. Погожий денек – редкое явление для зимы в Ритании. И от этого радости только больше. Амалия довольно зажмурилась и отпустила поводья. Маленькая мохнатая лошадка сама прекрасно знала дорогу в Вудроу – уж точно получше Амалии. Яркое солнце, легкий морозец и целый день впереди – что еще нужно для счастья? И даже недовольные визгливые окрики профессора де Вильи, призывавшего не растягиваться по дороге, ничуть не портили настроения. В конце концов, Амалия честно заслужила этот отдых. Мастер Коннери все-таки поддался на уговоры и не стал лишать ее возможности выехать в Вудроу вместе с остальными студентами, но последние два дня тренировок были сущим адом. Все тело до сих пор болело – зато теперь Амалия могла целый день провести в городе! Надо купить подарки Алексу, Агнешке и Ливи, и еще неплохо бы обзавестись чем-нибудь красивым к балу… только денег совсем мало. Амалия вздохнула. Отец оставил ей кое-что, но дела в Вудсайд Хаус шли не слишком-то хорошо, так что о новом платье приходилось только мечтать. Придется идти на бал в чем-нибудь совсем обычном – на радость Урании Клиффорд, чтоб ее черти

сожрали…

– Выше нос, леди Фалмут! – Агнешка стукнула свою каурую кобылку пятками и поравнялась с Амалией. – Нас ждет великий день! Я собираюсь обойти все лавки, а в завершение напиться темного эля. Говорят, в Вудроу его отменно варят.

– Я воздержусь, – вздохнула Амалия. – Сегодня вечером у меня очередное занятие с Мастером Коннери.

– Кстати, – Агнешка дернула Амалию за рукав, – как проходят уроки танцев? Твой Темный Владыка хорош?

– Неожиданно – да. – Амалия улыбнулась. – Мне не к чему придраться. Но я пытаюсь.

Мастер действительно быстро учился. Всего за пару часов они с Амалией разобрали все основные движения. Неудивительно – чего стоит запомнить десяток танцевальных па, если ты знаешь сотни, если не тысячи приемов боя на любом оружии, которое только когда-либо изготавливала рука кузнеца? Мастер двигался чуть более резко, чем следовало, но никогда не сбивался с ритма. Танец с ним походил на тренировочный поединок на мечах – только куда менее выматывающий и не оставляющий синяков. Пожалуй, Амалии бы даже нравилось заниматься со столь способным учеником…

Если бы на месте Мастера Коннери был кто-нибудь другой. Кто угодно. И дело было не только в неприязни, которую Амалия испытывала к нему с самого начала. И даже не в том, что он запретил ей уехать на зимние каникулы вместе с отцом. Амалия чувствовала бешеную мощь его Дара даже на расстоянии. Сильнее – когда они тренировались с мечами. Но во время танца Мастер был совсем близко, и от каждого его прикосновения Дар Амалии словно вспыхивал темным пламенем – а вслед за ним начинало гореть и тело. Странное и тягучее ощущение возникало где-то в груди, прокатывалось горячей волной к низу живота и дальше, по ногам, которые в такие моменты едва не подгибались. Это было почти… почти как боль. Но почему-то Амалия никак не могла сразу выпустить руку Мастера, когда танец заканчивался. Иногда ей казалось, что и сам Мастер Коннери чувствует что-то похожее. Во всяком случае, он тоже не слишком-то любил эти занятия. Хорошо, что их осталось совсем немного…

– Замечталась? – ехидно поинтересовалась Агнешка. – Похоже, эти танцы заставляют твое сердечко биться чаще. А он не пробовал класть руки не на талию, а, скажем, чуточку пониже?..

– Отстань, – фыркнула Амалия. – У тебя все мысли об одном.

– Но-но. Я попрошу, юная леди! – Агнешка назидательно подняла палец вверх. – Вообще-то иногда я думаю еще и о выпивке. Но твой драгоценный старикан… Проклятье, я не

понимаю, чего ты ждешь. У тебя есть возможность подобраться к самому шикарному мужскому телу во всей Академии, а ты…

– Прекрати. Что за глупости?! Ему почти две сотни лет!

– Ну и что? – Агнешка распалялась все больше и больше. – Зато какой опыт! Да, у него седые волосы, его сложно назвать красавцем, но лично мне такие мужчины нравятся даже больше. Неужели мне придется всему тебя учить? Это же совсем просто – после занятия смотришь на него жалобными глазами и говоришь что-то вроде: «Мастер, кажется, я повредила плечо и не могу сама снять…»

– Неделя дополнительных занятий, госпожа Ковальски.

Нет, Агнешка говорила не так уж и громко. Но от Высшего мага сложно что-то утаить. Кроу вполне могла бы услышать даже то, что и вовсе не было произнесено. Интересно, давно ли она следовала за ними?

– За что? – обиженно проворчала Агнешка. – Я всего лишь…

– Две недели. – Глаза Кроу блеснули синевой льда. – За то, что вы мне не нравитесь. Еще одно подобное слово от вас – останетесь без праздничного бала.

К счастью, Агнешке хватило ума промолчать. Профессор Кроу могла быть мягкой и заботливой. Но сейчас она выглядела почти устрашающе. Верхом на крупной вороной кобыле, в длинном черном плаще. Волосы распущены по плечам, и в них блестят снежинки – ни в шапке, ни даже в капюшоне Кроу не нуждалась, несмотря на мороз. Ни тени улыбки, идеально ровная спина и холодный взгляд. С такой Кроу уж точно не стоило спорить – и Агнешка, тяжело вздохнув, пришпорила свою лошадь и ускакала вперед.

– Кажется, ваша подруга упоминала профессора Коннери, юная леди? – Кроу поравнялась с Амалией. – Кстати, он просил меня особенно внимательно приглядывать за вами.

– Разумеется. – Амалия почувствовала, как ее лицо наливается краской. – Как вам будет угодно.

– Постарайтесь не отходить от меня далеко, госпожа Хэмптон, – кивнула Кроу. – У вас останется время на лавки – но сначала мы направимся к госпоже Аманде Дрейк.

* * *

– Вы могли бы сами попробовать сшить платье без предварительной мерки, милая Кеттрикен, – ядовито проворчала хозяйка мастерской (назвать эту величественную седовласую женщину простой портнихой язык не поворачивался). – Но

Аманде Дрейк будет стыдно, если бедная девочка пойдет на бал в ЭТОМ.

– Мне кажется, оно великолепно… – робко пробормотала Амалия.

Платье было не просто красивым – настоящим произведением искусства. Не шелк, не бархат – какой-то другой материал, не просто черный, а будто бы без остатка растворявший свет в своей глубине. Мягкий на ощупь и чуть прохладный, хотя в комнате было жарко натоплено. Амалия еще раз повернулась перед зеркалом. Смелый, очень смелый крой, но ни капли фривольности или пошлости. Плечи и руки открыты, на груди и талии – корсет, но не такой, как на обычных бальных платьях. Плотный каркас облегал тело мягко, не сдавливая, но все же талия в нем казалась совсем тоненькой. Узкая юбка в пол подчеркивала бедра и как будто бы делала ноги длиннее на несколько дюймов… Нет, это просто какая-то особенная магия. В зеркале отражалась не Амалия Хэмптон, а какая-то другая девушка. Нет, даже не девушка – молодая женщина. Ниже шеи. Растрепанные волосы и испуганные темные глаза все еще принадлежали Амалии. Но тело было чужим.

– Великолепно? – фыркнула Аманда Дрейк. – Вы хотите сказать – было бы великолепно, если бы госпожа Кроу потрудилась привезти вас ко мне хотя бы неделю назад? Если так, то не смею спорить. Но пока что это больше похоже на напрасную трату нескольких футов анцерийского велнуара.

– Вы сможете привести его в порядок до Рождения Солнца? – Кроу покачала головой. – Признаться, я тоже не вижу в платье ни единого изъяна, но…

– Нет, не смогу. – Аманда Дрейк помотала головой. – Но я смогу сделать так, чтобы никто не заметил моего позора. Пришлите кого-нибудь через пять дней. И умоляю вас, леди, никому не говорите, что это платье работы Аманды Дрейк. Столичные модницы мне этого не простят.

– Уверяю, госпожа Дрейк, вам не придется краснеть, – улыбнулась Кроу. – На балу Амалия будет блистать. Думаю, стоит дополнить это платье ожерельем из белого золота или…

– Только жемчуг, – отрезала Аманда Дрейк. – Ожерелье и серьги. Никакого металла.

– Значит, будет жемчуг, – согласилась Кроу. – Пойдем, Амалия. Кажется, нам надо будет заглянуть еще в одно место.

Мастерская Аманды Дрейк была самым настоящим волшебным царством, в котором Амалия на мгновение превратилась в сказочную принцессу. Но стоило ей приоткрыть дверь, ведущую на улицу, реальный мир тут же ударил в лицо

холодным ветром. И невеселыми мыслями.

– Спасибо, что привели меня сюда, профессор, – тихо вздохнула она. – Но зачем? У меня все равно в жизни не хватит денег на такое платье. И на жемчуг тоже…

– Не думай об этом, – отмахнулась Кроу. – Можешь считать это подарком на праздник Рождения Солнца… или поощрением за успехи в обучении.

– Подарок? – Амалия не поверила своим ушам. – От… от вас?

– Разумеется, нет, – рассмеялась Кроу. – Я не настолько богата, чтобы столь щедро одаривать студентов. От Мастера Коннери.

Амалия непонимающе уставилась на Кроу. Нет, та не шутила. Кажется. Ее лицо оставалось непроницаемо-серьезным, но в глубине синих глаз сверкали озорные искорки. Кроу придумала что-то необычное и явно была собой очень довольна.

– Он очень любит ссылаться на древний магический Кодекс, – пояснила она. – Но он не единственный, кто знает этот свод правил. В частности, там говорится, что на все время обучения благосостояние ученика является заботой Мастера. Очень мудрое замечание, как мне кажется. Плохо одетый или голодный ученик – позор для Мастера.

– И он сам выбрал для меня такие подарки?!

– Вообще-то нет, – призналась Кроу. – Я напомнила о его обязательствах, когда он занимался одной из своих бесчисленных железок в кузнице.

– Ой. – Амалия поднесла руки ко рту. – Вот он, наверное, разозлился…

– Вовсе нет. Просто отдал мне ключи от своих сундуков и попросил больше не беспокоить по пустякам. – Кроу подкинула на ладони увесистый звенящий мешочек. – Так что теперь у нас с тобой достаточно золота и на платье, и на жемчуг, и на шарф из черного шелка.

– Профессор, мне не нужен шарф, – тихо пискнула Амалия. – Зачем?..

– Шарф не тебе, а мне. – Кроу не сдержала улыбки. – А чего такого? Я тоже хочу получить что-нибудь на праздник Рождения Солнца. За почти полтора века нашего знакомства твой Мастер трижды спасал мне жизнь, но ни разу не подарил даже полевого цветка. Думаю, он уже не исправится, так что придется все делать самой.

– Ну… наверное, – неуверенно согласилась Амалия. – Мы ведь его не слишком ограбим?

– Не имею представления. – Кроу пожала плечами. – Он служит Короне уже куда больше сотни лет. Некоторые правители

осыпали его золотом за победы. Некоторые подвергали гонениям за Темный Дар… Большинство делали и то и другое. Впрочем, твой Мастер все равно почти ничего не тратит. Кусок мяса, кружка эля, пара крепких сапог и хороший меч – вот и все, что ему нужно. И ему всегда было плевать и на золото, и на титулы, и на милость при Королевском дворе.

Вот как. Амалия никогда не задумывалась о чем-то подобном. Каково это – провести половину столь долгой жизни в бесконечных войнах и не получить ни славы, ни богатства – ничего, кроме ненависти и страха?

– Тогда за что он сражался все эти годы? – тихо спросила Амалия. – Зачем?

– Я не знаю. – Кроу опустила голову. – Он не любит говорить об этом. Может быть, он сражался за Ританию. Не за Корону, нет – за людей. А может быть, он просто делал то, что умеет делать – без какой-либо особой причины.

Амалия затаила дыхание. Вот он – тот самый момент, которого она так долго ждала! Кроу уже рассказала немало. Приступ откровенности? Или что-то другое? Но сейчас важно не это. Можно спросить про Матабера – и получить ответ…

– Леди Фалмут, вот ты где!

Довольная и раскрасневшаяся то ли от мороза, то ли от эля Агнешка стояла около лавки со сладостями и, призывно размахивая руками, вопила на всю улицу. Проклятье! Неужели нельзя было помолчать?..

– Полагаю, вас уже ждут, госпожа Хэмптон. – Кроу запахнула полы плаща. – Желаю вам удачно провести время. И не опаздывайте к отправлению обратно!

– Черт бы побрал твою громогласную глотку, – буркнула Амалия и ткнула подбежавшую Агнешку кулаком в живот. – Я вообще-то разговаривала с профессором Кроу.

– Ну и что? – удивилась Агнешка. – Ты сюда за этим приехала? Пойдем, угощу тебя булочкой с изюмом. Нам еще целый день ходить по лавкам.

Амалия вздохнула и молча поплелась за соседкой. Почему-то ей совсем не хотелось делиться тем, что рассказала Кроу. Все равно ни слова о Матабере там не было.

Глава 6

Ярмарки перед Рождением Солнца везде одинаковые. И в столице, и в небольшом Эйлсбери, и в совсем крохотном Вудроу. Различие только в размахе. Но и на огромной площади перед Королевским дворцом, и на пятачке в едва ли ярд поперечиной перед ратушей на вертелах жарится свежее мясо, а из пузатых бочек рекой льются эль и вино. Из каждого угла звучит песня заезжего менестреля, а среди бесчисленных деревянных прилавков с товарами и цветастых торговых палаток бродят молодые и старые, богатые и бедные, знатные и простолюдины. Торговцы трут замерзшие уши ладонями, подпрыгивают на месте, гоняют нищих и мелких воришек и вполголоса жалуются друг другу, что в прошлом году ярмарка была куда лучше.

Амалия едва поспевала за Агнешкой, на ходу дожевывая сдобу, которая действительно оказалась выше всяких похвал. Бойкая соседка мелькала то тут, то там. Только что разглядывала украшения из янтаря – и вот уже нагло торгуется с продавцом шерстяных платков. Вероятнее всего, из одного лишь желания позубоскалить. Денег у Агнешки всегда водилось даже меньше, чем у Амалии, но она все равно умудрялась спускать все до последнего медяка на какую-нибудь ерунду вроде медовухи. Амалия дождалась, пока соседка отвернется, и тут же купила огненно-красный платок. Он чудесно подойдет к рыжим волосам Агнешки. А вот тот, синий, – для Ливи. Пусть маркиза Саффолк до сих пор сердится – это не повод оставлять ее без подарка. Кожаный пояс для Барда, для Алекса – серебряные запонки в форме львиных голов. Подумав, Амалия купила резной гребень для роскошных волос профессора Кроу и в нерешительности остановилась перед палаткой оружейника.

– Ты заблудилась, девочка? – хмуро проворчал крупный мужчина с пышными рыжими усами.

Неудивительно, что он такой мрачный. Оружейник расположился на самом краю площади – сюда мало кто заглядывал, а если и заглядывал, наверняка тут же спешил дальше. Кому понадобится покупать мечи перед Рождением Солнца? Торговля шла из рук вон плохо, и оружейнику оставалось только тайком глотать бренди из пузатой глиняной бутыли и ворчать на прохожих. Амалия улыбнулась. Конечно, он никогда не поверит, что столь юная леди может пожаловать к нему за клинком. И все же она пожаловала. Наверное, будет странно дарить Мастеру Коннери что-то, купленное на его собственные деньги… но не оставлять же их себе! Нет, Амалия

просто обязана была потратить все, что отдала ей профессор Кроу, – пусть даже для этого придется купить подарок самому неприятному и жестокому человеку во всей Академии. Интересно, что бы сказал Мастер, увидев работу оружейника? Наверное, что-то в таком духе…

– Вот эти, – Амалия провела рукой над мечами, разложенными с левой стороны прилавка, – годятся разве что резать коров на скотобойне. Паршивая сталь, затупится о доспехи после двух ударов. А вот этот неплох. – Амалия кивнула в сторону полуторника справа. – Его не испортила даже отвратительная заточка.

Оружейник поперхнулся и вытаращил глаза. Амалия не выдержала и расхохоталась. Пожалуй, такое зрелище стоило даже тех безумно долгих вечеров в кузнице. Мастер Коннери обычно был немногословен, но об оружии мог говорить часами. В конце концов Амалии даже стало интересно. Кто еще из девушек мог бы похвастаться умением с одного взгляда отличить полуторный меч-бастард от гигантского цвайхандера или фламберга с лезвием в форме волны? Клинки, наспех выкованные из дешевого железа, Амалия узнала бы даже вслепую, но у благородной стали был особый вид. Особый звук, если легонько щелкнуть ногтем по самой кромке лезвия. А лучшие мечи нужно было долго держать в руках, пробовать на удар, на выпад. Прислушиваться. И тогда они начинали петь. Как знать, может быть, среди кучи железа, разложенной на прилавке, найдется клинок, достойный Мастера…

– Прелестно, – проворчал оружейник. – День и так не задался, а теперь еще какая-то маленькая наглая заноза надумала ругать мой товар. Какого черта тебе здесь вообще надо?

– Меч. Полуторный или двуручный. Для настоящего бойца, а не эти, – Амалия снова указала на прилавок, – железки для разбойников и деревенщины. Я заплачу хорошую цену за хороший клинок.

Оружейник все еще хмурил густые брови, но теперь в его взгляде появился интерес. Какое-то время он испытующе глядел на Амалию, словно желая спросить – действительно ли эта кроха может разбираться в кузнечном деле или все это лишь дурацкая шутка, подстроенная другими торговцами?

– Проклятье, ты права, малышка, – наконец сдался он. – Не знаю, кому понадобилось учить тебя всем этим премудростям, но так оно и есть. Большая часть этого барахла никуда не годится. – Оружейник тяжело вздохнул. – Хорошую сталь сложно достать, да и откуда в нашей глуши те, кому нужен правильный клинок? Местным увальням вполне хватает тупых железок за десяток

серебряных монет.

– Но у вас ведь найдется… что-нибудь особенное? – Амалия чуть наклонилась вперед. – Что-нибудь для того, кто знает толк в хорошей стали?

Оружейник понимающе хмыкнул и полез под прилавок. Сначала он выкладывал совершенно непримечательные мечи, но стоило Амалии пару раз презрительно фыркнуть, тут же исправился и начал извлекать на свет что-то, уже отдаленно похожее на оружие. Лучше. Намного лучше. Но даже над этими клинками Мастер лишь посмеется. Амалия продолжала упорно качать головой. Не то. Не то. Не годится. Пока не увидела…

– Вот этот, – тихо произнесла она. – Можно посмотреть поближе?

– Ты еще сообразительнее, чем я думал. – Оружейник одобрительно улыбнулся и протянул оружие рукоятью вперед. – Будь осторожнее. Он лежит у меня уже давно, но лезвие до сих пор острое, как бритва.

Амалия сомкнула пальцы на рукояти. Хорошая обмотка. Хорошая – но не отличная. Со временем кожа высыхает, становится жесткой и начинает растрескиваться. Но это не так уж и важно – рукоять можно перемотать заново, нужно только подобрать правильный ремешок и не пожалеть времени. Лезвие – почти идеально. Ни пятнышка ржавчины, ни зазубрины. Немного отдает синевой. Ого, вот это редкость! Амалия встала спиной к солнцу и присмотрелась внимательно. Нет, ошибки быть не могло. Иберийская голубая сталь. Старинный секрет оружейников из Авледо – сейчас таких клинков уже почти не делают, и даже в коллекции Мастера их всего два. Интересно, откуда у провинциального оружейника такое сокровище? А, неважно! Амалия прокрутила меч в руке, с наслаждением прислушиваясь к свисту рассекаемого воздуха. Конечно, для нее тяжеловат, но Мастеру придется как раз впору! Еще немного подправить заточку, и будет отлично. А если попробовать вот так? А вот так? Сталь мелькала в воздухе все быстрее и быстрее. Амалия уже перестала обращать внимание даже на оружейника, который ошалело наблюдал, как невысокая худенькая девушка размахивает мечом, который немногим меньше ее самой. Шаг вперед – удар справа, шаг назад – блок, выпад, выпад, блок…

– Чудесно! Просто чудесно!

Амалия неохотно остановила полет клинка и обернулась. Смуглый юноша со светло-каштановыми волосами стоял чуть поодаль и радостно хлопал в ладоши. Его лицо показалось Амалии смутно знакомым. Кажется, она встречала его то ли в Академии, то ли где-то поблизости. Высокий, отлично

сложенный, его не портил даже простой небогатый наряд. Все равно куда больше хотелось смотреть на искрящиеся весельем темно-синие глаза и широкую белозубую улыбку. Пожалуй, незнакомец был чуть постарше Амалии – или просто усы и бородка добавляли ему пару лет.

– Мое имя Джон Тейлор… но для вас просто Джон, – представился он. – А как зовут вас, милая леди?

– Амалия Хэмптон, леди Фалмут. Можно просто Амалия.

– Отлично управляетесь с клинком! – Джон подошел чуть ближе и опустился на одно колено. – В жизни не видел ничего красивее. Госпожа Хэмптон, вы выйдете за меня замуж?

Шутит? Конечно, шутит – разве можно вот так разговаривать с почти незнакомой леди! К тому же он явно простолюдин… Но сердиться на него совершенно не хотелось. Джон Тейлор чудо как хорош – конечно, не так, как Алекс… Но Алекс остался далеко в Академии, а Джон здесь. Его обаянию сложно было противиться – даже суровый замерзший оружейник улыбался, глядя на них с Амалией.

– Благодарю вас, добрый сэр. – Амалия рассмеялась и коснулась кончиками пальцев протянутой руки Джона. – Я безумно польщена вашим предложением. Вы позволите мне подумать?

– Увы, разве достоин простой бродяга сорвать столь прекрасный цветок… – Джон сокрушенно вздохнул, но тут же снова заулыбался. – Но могу я хотя бы угостить вас медовой наливкой, моя леди? Она такая же сладкая, как и ваши губы – хоть мне и никогда не познать их вкус.

Почему бы и нет? В конце концов, это ее ни к чему не обязывает. Нет ничего постыдного в том, чтобы провести полчаса в обществе симпатичного юноши. Амалия, не торгуясь, заплатила за меч столько монет, что оружейник тут же пообещал ей лично доставить его в Академию, чтобы не утруждать столь щедрую леди.

– Пойдем. – Джон взял Амалию за руку и потянул прочь. – Никуда твоя игрушка не денется. А вот насчет медовой наливки я не уверен.

Амалия думала, что он поведет ее к самому центру ярмарки, где обычно стояли лавки торговцев всякой снедью, но Джон уверенно двигался по самому краю площади. Даже здесь их не миновали веселые и радостные взгляды горожан. Одна пожилая женщина даже подбежала и обняла обоих, бормоча что-то про свое благословение. Наверное, Амалия и Джон действительно были красивой парой, а встретить свою любовь перед Рождением Солнца всегда считалось добрым знаком. Что ж, пусть думают что

хотят – не объяснишь же каждому, что возлюбленный Амалии остался в замке Ринвуд, а Джона она, вероятнее всего, больше никогда не увидит. На таких ярмарках не зазорно позволить себе чуть больше, чем обычно. Где-то среди толпы мелькнуло бледное лицо Урании Клиффорд. Та явно была чем-то довольна. Еще бы – завтра можно будет разболтать всем, что Амалия Хэмптон хватается за любого смазливого юношу, даже если он сын крестьянина… Ну и пусть! Джон добрый и милый, и совершенно неважно, что в его жилах не течет кровь благородных предков. Амалия улыбнулась и покрепче ухватилась за его руку.

– Нам сюда, моя леди. – Джон скользнул между двумя торговыми палатками и вышел в узкий переулок, примыкавший к площади. – Почти пришли.

– Ну, и где же твоя медовуха? – рассмеялась Амалия. – Ярмарка в другой стороне, сэр.

– Нет, – выдохнул Джон, разворачиваясь на пятках. – Все здесь.

И ударил Амалию кулаком в лицо.

Все-таки тренировки с Мастером Коннери не прошли даром. Она уже давно привыкла к неприятным сюрпризам и научилась действовать быстро. Ей почти удалось увернуться от первого удара. Кулак скользнул по скуле – всего чуть-чуть зацепил, но все равно больно! Второй раз били уже сзади – похоже, у Джона имелась парочка сообщников. Когда на голову Амалии набросили мешок из какой-то грубой ткани, она попыталась закричать, но только наглоталась пыли и закашлялась. Оставалось только драться – руками, ногами, даже головой. Несколько раз ей удалось попасть во что-то мягкое.

– Сука! – выругался кто-то. – Крепкая тварь. Держи ее!

– Я предупреждал.

Амалия узнала голос Джона. Бил, наверное, тоже он. Амалия чуть не потеряла сознание, когда что-то тяжелое с противным хрустом врезалось ей прямо в нос. Кровь тут же залила губы и шею, и желания брыкаться сразу стало куда меньше. Мастер Коннери не стеснялся колотить Амалию на тренировках, но никогда не пытался ее покалечить. Сейчас все было совсем по-другому. Несколько мужчин били ее в полную силу, остервенело вымещая злобу за то, что она посмела сопротивляться. Амалия еще несколько раз вяло отмахнулась, а потом просто свернулась на холодных камнях мостовой калачиком, стараясь хотя бы защитить грудь и живот.

– Все, хватит, парни, – скомандовал Джон. – Не забейте до смерти!

– Чертова девка оставила меня без зуба, – прохрипел его

товарищ. – Проклятье, ну и силища!

– Ничего, еще поквитаешься с ней. – Джон схватил Амалию за руку. – Пора отсюда убираться.

* * *

Отец Всемогущий, до чего же больно! Амалия стиснула зубы, но все же не выдержала и тихонько застонала. Темно. Почему все качается? Похоже, ее везли прочь от города на какой-то телеге. Возница не жалел лошадей, но они все равно не могли быстро пробираться по заснеженной дороге. Вокруг тишина – слышен только стук копыт и похрустывание снега под колесами. Значит, никакой погони – никто так и не услышал, как Амалию похитили всего в паре десятков футов от ярмарки! Сколько сейчас времени? Когда ее хватятся? Проклятье!

Телега в очередной раз качнулась на ухабах, и голова вновь взорвалась болью. Амалия попыталась хотя бы улечься поудобнее, но не смогла пошевелиться. Руки и ноги плотно стягивала веревка.

– Эй, ты! – раздался грубый мужской голос. – Не дергайся, а не то еще всыплю.

– Ладно тебе, Рам, – захихикал возница. – Зачем ей лишние синяки? Если будем с девочкой помягче – как знать, может, она не станет сильно лягаться…

– Я первый, – заявил Джон откуда-то сбоку – похоже, он ехал верхом. – Не люблю доедать вчерашний суп. Если вы понимаете, о чем я.

– Ну конечно, – усмехнулся тот, кого называли Рамом. – Ты же у нас Красавчик Джон. Все самое лучшее достается тебе.

Ответом ему стал нестройный гогот. Если у Амалии и были какие-то сомнения насчет своей судьбы, теперь они точно развеялись. Ее схватили какие-то бандиты. То ли беглые каторжники, то ли разорившиеся крестьяне, которых нужда заставила жить разбоем. Зачем им понадобилась студентка Академии? Потребовать выкуп? Нет, едва ли. Если бы эти ублюдки рассчитывали получить за нее деньги, они бы не стали ее бить. Но самое худшее, похоже, было еще впереди…

– Неужели нельзя было найти кого-нибудь посочнее? – проворчал возница. – Одна кожа да кости.

– Зато какая красавица, – возразил Рам. – Конечно, если Джонни не превратил ее милое личико в отбивную.

– Да какая разница? Ты ведь можешь даже не снимать с нее мешок.

На этот раз бандиты заржали одновременно со всех сторон. Сколько их? Пожалуй, десяток или полтора. Мастер Коннери без труда отправит их на тот свет… вот только Амалию к тому моменту успеют неоднократно изнасиловать, а то и убить. Наверное, она должна была испугаться – но страха почему-то не было. Только усталость, холод и боль. Боль плескалась в голове, не давая собраться с мыслями. Если бы она могла позвать Мастера… Но нет, он остался в Академии. Слишком далеко, чтобы дотянуться, особенно когда сознание то оживает, то вновь осыпается в темную пустоту мелкими осколками. Мастер все равно что-то почувствует, возможно, он уже сейчас мчится в Вудроу, оседлав Грома. И когда он сможет нащупать Дар Амалии, бандиты умрут. Но станет ли это утешением для ее истерзанного и бездыханного тела?

– Отпустите меня, – тихо простонала она. – Мой Мастер найдет вас, всех до единого.

– Это она о чокнутом старикашке из замка Ринвуд, – рассмеялся Джон. – Меня предупреждали, что он первым бросится ее искать.

– Грегор Коннери? – уточнил Рам. – Знаешь, Красавчик, я бы не хотел с ним встретиться. Про него всякое рассказывают…

– Сказки, – фыркнул кто-то сзади. – Он старше, чем твоя толстая мамаша, Рам.

– Пошел ты…

Кто-то предупредил Джона о Мастере. Выходит, бандиты специально искали именно ее, Амалию. Но зачем? И кому могло понадобиться ее похищать? Вот бы протянуть время, хотя бы немного. Мастер уже наверняка ее ищет!

– Вы не знаете, с кем связались. – Каждое слово отзывалось колокольным звоном в голове, но Амалия продолжала шипеть сквозь зубы. – Мастер Коннери развесит ваши кишки по деревьям. Оставьте меня и бегите так быстро, как только сможете! Возможно, он не захочет вас догонять…

– Захлопни пасть! – рявкнул возница. – Мы приехали.

Телега остановилась, и кто-то пинком сбросил Амалию прямо в снег. Потом она почувствовала, как путы на ногах ослабли – кажется, веревку разрезали.

– Вставай, маленькая дрянь! – Еще один пинок под ребра. – Никто не собирается тащить тебя на руках.

– Прекрати, Рам. – Джон ухватил Амалию за ворот плаща и дернул вверх. – Она не сможет идти. Давай, помоги мне.

Они даже не стали поднимать ее с земли – просто протащили по сугробу несколько десятков футов, потом раздался скрип двери, и вдруг стало тепло.

– Рам, останешься здесь, – приказал Красавчик Джон, подтягивая руки Амалии вверх, – видимо, к вбитому в стену крюку. – Остальные – ждите своей очереди. Девчонка крепкая, хватит на всех.

– Ох-х-х, Джонни, зачем ты ее так? – сокрушенно протянул Рам, стаскивая с головы Амалии мешок. – Кто теперь возьмет ее замуж?

В единственной комнате то ли убогой лачуги лесника, то ли просто заброшенного сарая царил полумрак – окон не было, только пара оплывших свечек на столе. Еще немного света давала ржавая железная печка. И все же вполне достаточно, чтобы кое-как рассмотреть плавающее перед глазами лицо Рама. Амалия едва ли смогла бы представить себе кого-нибудь более уродливого. Низкого роста, почти карлик, но с огромными плечами и ручищами. Черная густая борода оставляла открытыми лишь приплюснутый широкий нос и крохотные черные глазки. В них не было ни крупицы жалости или сострадания – лишь похоть и непонятная злоба.

– Да какая разница? – усмехнулся Красавчик Джон, доставая нож. – Сегодня у нее будет столько мужей, что на всю жизнь хватит.

Когда лезвие вспороло подол платья, Амалия попыталась пнуть Джона в колено, но ноги не слушались. Красавчик коротко размахнулся и ударил ее в живот рукоятью ножа. Амалия согнулась пополам и закашлялась.

– Ублюдок! Ты сдохнешь!

Как жалко, что она уже не увидит, как Мастер Коннери сожжет это грязное логово вместе с обитателями. Страх ушел окончательно – осталась только ненависть. Если бы можно было умереть в бою, ученицей темного мага, а не сломанной и беспомощной игрушкой, которую подвесили на крюк, как свиную тушу! Хоть один удар, хоть немного Силы… нет, не получится. Амалия не могла даже поднять голову или отодвинуться от жадных рук Красавчика Джона, сдиравших с нее исподнее. Еще мгновение – и остатки ее одежды упали на грязный пол.

– Проклятье, а девка хороша! – Рам плотоядно ухмыльнулся и принялся возиться с завязками штанов. – Ты посмотри, какие крепкие ножки. А кожа нежная, белая… Сразу видно – настоящая леди, а не какая-нибудь деревенская курица… давай быстрее, Джонни, черт бы тебя побрал! Ты здесь не один.

Но с Красавчиком Джоном происходило что-то странное. Только что он стоял ровно, разглядывая обнаженную Амалию, будто лошадь на ярмарке, а теперь его вдруг согнуло и повело вбок. Если бы Рам видел, что творится с его товарищем… Но он

тоже смотрел лишь на Амалию. Когда нож вошел в широкую шею, Рам даже не покачнулся, не вскрикнул – только глаза у него на мгновение стали удивленными. Он так и повалился на пол – со спущенными штанами, чуть приоткрыв рот, словно не понимая, что с ним случилось.

– Как хорошо, – тихо произнес Красавчик Джон. – Больше нам никто не помешает.

Амалия выдохнула – и не смогла вдохнуть. Прямо перед ней будто бы вспыхнуло черное пламя чужого Дара. Красивое молодое лицо Джона плавилось, словно воск свечи, и из него проступало что-то другое – уродливое, страшное. Глаза налились непроглядной темнотой, а рот как будто стал вдвое шире… или это просто тени так легли? Но из этой твари во все стороны хлестали потоки Силы, и Амалия могла ею воспользоваться!

– Мастер! Мастер Коннери!

Она лишь на короткое мгновение оказалась где-то далеко отсюда. Увидела снег, темные стволы деревьев, могучую холку огромного жеребца – будто бы сама сидела на нем верхом… Но этого мгновения было достаточно.

– Я иду. Держись, девочка.

И ни слова больше. Только снег взметнулся под копытами Грома – но Амалия этого уже не увидела. И не увидела бы, даже будь она рядом с Мастером. Он исчез из этого мира и прокладывал свой путь там, куда обычным людям и магам дороги не было. Исчез, чтобы идти быстрее, черной стрелой пробивая время и расстояние. Чтобы успеть.

Глава 7

– Как ты прекрасна. Как хороша… Я скучал по тебе, малышка.

Нет, черты лица Красавчика Джона остались прежними, но это был уже не он. Темная тварь, занявшая его тело, придвинулась еще чуть ближе. Словно во сне – но на этот раз все было по-настоящему! По коже Амалии скользнули холодные, как лед, пальцы. Снизу вверх – по бедрам, по животу, по груди к шее и выше, пока не коснулись лица.

– Да-а-а, я вижу, – прошелестело чудовище из сна. – Он идет сюда. Полный гнева, сильный – еще сильнее, чем был когда-то! Интересно, что он почувствует, если найдет свою маленькую девочку мертвой?

Холодные руки царапнули ногтями и легли Амалии на бедра. Она дернулась, но черная тварь держала крепко.

– Нет-нет-нет, куда же ты?! Тебе не нужно бояться! Ты слишком ценна, чтобы просто убить! – Голос чудовища все больше напоминал шипение целого клубка змей. – Ты уникальна! И ты все равно будешь принадлежать мне…

Шею обожгло ледяным дыханием. Проклятье, что *оно* делает?! Амалия изо всех сил отклонилась назад, до боли вжимаясь лопатками в бревна. Нет, только не так, только не…

– Как жаль. – Чудовище отступило назад. – Нам каждый раз не хватает совсем немного времени… Я не готов встретиться с ним – пока не готов. Но мы еще непременно увидимся! Передавай привет моему старому другу.

С этими словами тот, кто еще совсем недавно был Красавчиком Джоном, радостно оскалился. А потом поднял нож и распорол себе горло от уха до уха. Но даже падая на пол с потухшим взглядом, он все еще продолжал улыбаться.

И тут же закричали снаружи. Десять голосов одновременно. Десять взрослых мужчин верещали, как маленькие дети. Верещали – и умирали очень нехорошей смертью, о которой Амалия тщетно пыталась их предупредить. Впрочем, это едва ли бы что-то изменило. За ними пришел тот, кто не ведал пощады. Мастер Коннери не стал выбивать дверь – просто ворвался сквозь стену черным вихрем, ломая толстые бревна, как спички. Тела Рама и Красавчика Джона протащило по полу несколько футов. Амалия в первый раз видела Мастера по-настоящему разгневанным. Свечи погасли, но вместо них в темноте полыхали два зеленых огонька. Волны Силы встряхнули древнюю лачугу, едва не развалив ее на части, но тут же улеглись. Здесь больше не с кем было драться – и внутри, и снаружи из живых остались

только сам Мастер Коннери и Амалия – избитая, обнаженная и до полусмерти замерзшая.

– Похоже, ты умеешь за себя постоять, – пророкотал Мастер, развязывая ей руки. – Эти двое… не успели тебе навредить?

– Нет, – прошептала Амалия одними губами. – Это не я их убила. Тот, другой… из моего сна.

Теперь, когда все бандиты погибли, больше не было нужды держаться. Ноги Амалии подогнулись. Она безвольно повисла на руках у Мастера Коннери и разрыдалась, прижавшись щекой к его груди. Сейчас близость совсем не пугала – наоборот, казалась почти необходимой. Прикасаться, чтобы почувствовать его Силу, от которой ее собственный Дар разгорался, согревая замерзшее тело. Видели бы их сейчас – заплаканная обнаженная девушка, перепачканная собственной кровью, и седоволосый мужчина, молчаливой громадой склонившийся над ней. Наплевать. Так даже лучше – чем меньше одежды между ними, тем проще согреться. Мастер даже не дернулся, когда Амалия скользнула руками вверх по его спине, пряча закоченевшие ладони под рубаху. Кожа у него была теплая, почти горячая. Но и этого показалось мало – Амалия привстала на цыпочки и потянулась вверх.

– Все хорошо, – тихо проговорил Мастер. – Сейчас…

Когда он чуть отстранился, Амалия едва не впилась ему в кожу ногтями, но Мастер лишь щелкнул застежкой на плече и, стащив с себя плащ, укутал Амалию.

– Садись. Тебе нужно согреть ноги.

Прямо посреди комнаты вспыхнуло колдовское пламя. Амалия послушно опустилась на пол, утягивая Мастера за собой. Огонь приносил тепло в развороченную лачугу с двумя изломанными трупами на полу, но в самое нутро Амалии тепло мог принести лишь Дар, подобный ее собственному. Мастер щедро делился Силой, позволяя впитывать все, до чего она могла дотянуться. Какое-то время он не двигался, но потом осторожно освободил левую руку и принялся разминать замерзшие ступни. Амалия блаженно выдохнула – каждое касание теплых пальцев возвращало ей капельку жизни. А еще можно уткнуться лбом Мастеру в шею. Так совсем хорошо.

– Ты в порядке. – Мастер чуть склонился, пытаясь заглянуть Амалии в глаза. – Остальное неважно, ерунда. Сейчас…

Она никогда бы не подумала, что руки, способные переломить оружейную сталь, могут быть настолько чуткими и осторожными. Мастер провел кончиками пальцев по ее шее, потом чуть выше, по щеке, и глухая боль начала уходить. Комната перестала качаться, и Амалия смогла поднять голову. Зеленые

глаза мягко светились в темноте. Совсем не страшно. Даже красиво. И тепло.

– Послушай… – Мастер чуть нахмурился, но потом на его губах появилась едва заметная улыбка. – Сейчас я собираюсь кое-что сделать. Не уверен, что тебе понравится, но это действительно важно. Хорошо?

Амалия зачарованно кивнула. Разве можно возразить сейчас, когда Мастер так близко? Пусть делает все, что хочет, – только бы оставался рядом. Она даже не могла представить себе, как это – выпустить его из объятий. Куда проще перестать дышать…

– Славно. Хорошая девочка…

Рука Мастера вдруг метнулась вверх, крепко ухватила Амалию за нос и с оглушительным хрустом дернула влево. Как же больно! Лицо словно пронзила молния, но куда хуже было гадкое ощущение, что ее обманули, предали! Слезы брызнули из глаз почти на целый фут. От собственного визга у Амалии заложило в ушах. Она изо всех сил колошматила Мастера Коннери по широкой груди кулаками, вырывалась, но он даже не шелохнулся. Просто продолжал сжимать, пока Амалия не перестала биться и снова не зарыдала.

– Хватит верещать, – негромко проворчал Мастер, покачивая Амалию на руках, словно маленького ребенка. – Мне уже приходилось вправлять сломанный нос. Не так уж это и страшно… Зато теперь на балу никто не спутает тебя со старухой Мерсье.

Снова теплые пальцы, и снова боль отступала, стихала, но теперь Амалия скорее предпочла бы мучиться, чем принять помощь от Мастера. И в глазах щипало уже не от боли, а от какой-то непонятной обиды. Амалия вдруг почувствовала себя обманутой, и сразу же пришел и стыд: вот она – обнаженная, в руках мужчины, посреди заснеженного леса в нескольких милях от Вудроу. А что про нее теперь подумает Мастер? Она же чуть не… Проклятье!

– Отпустите меня, – тихо всхлипнула Амалия. – Я… я в порядке.

– Только если ты пообещаешь больше не пытаться сломать мне ребра. – Мастер осторожно ослабил хватку. – Думаю, нам пора. Незачем здесь задерживаться.

– Да, сейчас. – Амалия как можно плотнее закуталась в плащ. – Благодарю вас, Мастер. Неизвестно, что бы со мной стало, не явись вы вовремя.

– Ты должна быть осторожней. – Коннери покачал головой. – Попасться шайке мелких воришек достойно неразумной девочки. Боевой маг не допускает подобных ошибок.

– Может, я не создана для того, чтобы быть боевым магом! – Амалия тряхнула головой. – Может, я куда лучше справилась бы с магией природы…

– Никогда больше не говори этого! – рявкнул Мастер.

Зеленое пламя в его глазах полыхнуло так, что Амалия на мгновение увидела даже самые темные уголки лачуги. И чего же она такого сказала? Всего лишь…

– Не стоит тебе общаться с Селиной, – уже тише прорычал Мастер. – То, чем она является… Это хуже, чем Дар Изначальной Тьмы. Хуже, чем смерть!

– Вот как? – Амалия поднялась на ноги. – Мне так не показалось. Селина очень добра. Она чувствует каждого. Даже вас, Мастер.

– И считает меня чудовищем. – Коннери ухмыльнулся. – А сама она? Отказаться от самой человеческой природы ради того, чтобы понимать лесных зверушек… Нет, я даже не могу представить себе что-то более извращенное и нелепое. Ее сострадание не стоит ничего! Ее любовь ко всему живому… проклятье, она же растение! Разве дуб или терновник могут любить?

– А темный маг? – Амалия шагнула вперед и встала прямо перед Мастером. – Темный маг – может?

– Разумеется. – Коннери пришлось чуть согнуться, чтобы посмотреть ей в глаза. – Человеческая страсть – гнев, страх, ненависть – в этом мы черпаем свою Силу. А любовь – оборотная сторона ненависти. То, что позволяет нам оставаться людьми, а не превращаться в безумных монстров. Ты спрашиваешь, может ли темный маг любить? – Коннери оскалился. – Я отвечу. Темный маг *должен* любить.

– Прекрасно. – Амалия готова была рассмеяться. – И кого же любите вы, Мастер?

– Тебя, – коротко бросил тот. И тут же продолжил: – Профессора Кроу. Ректора Торвальдсена. Агнешку Ковальски, Оливию Монтгомери и ее бестолкового братца. Бедивера Теофилуса, черт бы его побрал, Уилсона. Профессора де Вилью… чуть меньше, чем остальных. Каждого болвана за стенами замка Ринвуд. Даже тех, кто мечтает увидеть меня на костре или болтающимся на виселице.

Амалия хотела было ответить, сказать, закричать что-нибудь грубое, обидное, – но не смогла. Мастер Коннери стоял прямо перед ней – огромный, несгибаемый. Что ему упреки или оскорбления от маленькой девушки, если он так уверен в своих словах? И разве не то же самое говорила о нем и профессор Кроу? Всю свою долгую жизнь сражаться и не требовать награды. Можно

ли назвать это любовью?

– Пойдем. – Коннери легко подхватил Амалию на руки. – Не дергайся. Незачем тебе идти по снегу босиком.

Амалия промолчала. Можно брыкаться, вырываться, но Мастер все равно сильнее, намного сильнее. Да и злилась она совсем не на него. На себя. Глупое, почти ребяческое чувство, пришедшее неизвестно откуда. Впору было снова заплакать. От усталости, от бессилия. От того, что окончательно запуталась в себе.

– Не уверен, что тебе стоит на это смотреть, – вздохнул Мастер. – Я слишком спешил.

Но Амалия все равно смотрела. Даже подступающая темнота ночи не могла скрыть то, что случилось здесь какие-то четверть часа назад. Обломанные ветви деревьев и потемневшая земля. Мастер шагал по трупам. Жуткое зрелище – плоть убитых будто бы не сгорала, а сразу превращалась в тяжелый серый пепел, лишь в некоторых местах еще сохранивший форму человеческих тел. Бандиты умерли мгновенно – Мастер спалил их всех дотла, когда выходил в этот мир из места, которому нет названия. Так выглядит ненависть темного мага – выжженный кусок земли, на котором не остается ничего, кроме смерти и пустоты. Амалия устало закрыла глаза. Одно дело знать, какое будущее уготовила тебе судьба, и совсем другое – видеть. Если каждый раз вместе с врагами сгорает и частичка души – что останется в конце?

– Знаешь, у меня ведь не было учителя. – Мастер усадил Амалию на спину Грома и вскарабкался следом. – Я прочитал тысячи книг – но все без толку. Никто и никогда не пытался пройти тем путем, которым иду я. Сдерживать Дар, пытаться использовать его во благо… Ошибаться. – Мастер усмехнулся и пустил Грома медленным шагом. – Начинать сначала, верить – и снова ошибаться. Нет никакой истины, нет конца пути.

– А что тогда есть, Мастер? – Амалия подняла голову. – Ради чего все это? Почему?

– Потому, что иначе нельзя. – Коннери коснулся рукой ее лба. – Есть только вера и упрямство. Много-много упрямства. Самая страшная война – это война с самим собой. Каждый день. Стоит один раз остановиться, потерять волю – и все, конец. *Там* нет ничего, девочка. Но мы должны держаться. Должны – потому что впереди темные времена. Тот, кого ты видела во сне и наяву, – чудовище, порождение мрака. Если ты оступишься, он сожрет тебя. А потом всех, кого ты любишь.

– Его имя Матабер? – Амалия вцепилась в ворот куртки Мастера. – Скажите мне!

Наверняка на лице Коннери не дрогнул ни один мускул –

Мастер умел держать себя в руках, как никто другой. Но Амалия все еще прижималась к его груди и почувствовала, как сердце забилось чуть быстрее и громче. Неужели угадала? Или?..

– Профессор Коннери! Профессор!

В половине ярда впереди среди деревьев замелькали факелы. Отовсюду послышались голоса, среди которых Амалия узнала профессора де Вилью и Агнешку. Коннери пришпорил Грома и въехал в полукруг света. Сколько же здесь всадников? Двадцать? Тридцать?

– Ами!

Агнешка спрыгнула с коня прямо в сугроб, едва не свалилась и тут же бросилась вперед, но Ливи оказалась быстрее.

– Ами, милая, прости, прости меня, пожалуйста! – Ливи не смогла сдержать слез. – Я ужасный человек! Отец Всемогущий, что, если бы я тебя так и не увидела?! Я больше никогда в жизни не буду на тебя сердиться!

– Маркиза, подвиньте свой благородный зад. – Агнешка бесцеремонно отпихнула Ливи и изо всех сил ухватила Амалию за руку. – Черт бы тебя побрал, леди Фалмут, неприятности находят тебя в самых неожиданных местах. Ты цела?

Амалии пришлось вцепиться в Мастера Коннери, чтобы ее не стащили вниз. Она кивала, отвечала что-то, слышала, как де Вилья упрашивает всех поскорее вернуться в Замок и дать бедной девочке отдохнуть. Кто эта девочка? Ах да, это же она сама, Амалия Хэмптон, леди Фалмут… Почему все вокруг говорят так тихо? Нет, пусть не молчат, Амалия рада ответить каждому… но силы уже окончательно ее покинули. Последнее, что она увидела перед тем, как сползти в блаженную темноту сна, были два зеленых огонька. Мастер рядом. Значит, все в порядке.

Глава 8

…должно было случиться. Этой ночью мы с Кошкой стали близки, как никогда раньше. Так, как больше никогда не будем. У меня не хватит слов, чтобы описать то, что случилось. Боль, смерть – но и блаженство тоже. Возможность прикоснуться к ней, даже когда она далеко. Видеть то, что видит она. Чувствовать. Да, теперь я чувствую намного больше, чем раньше. Звуки, запахи – все. Странно и непривычно. Бродяга нагнал нас сегодня утром. От его левой руки остался обрубок. Чуть ниже локтя. Не знаю, как он может улыбаться – но все-таки улыбается. Как всегда. Он говорит, что все идет так, как и должно. Что теперь я стану совсем другим, и тогда мы сможем одолеть Матабера. Я ему верю. Мне не нужны мои бойцы, не нужен мой конь. Даже меч начинает казаться детской игрушкой. Я буду таким же, как Кошка, как Бродяга. Только еще сильнее. Так надо. Как бы мне хотелось не знать, чего это будет стоить всем нам! Но я уже знаю.

8 ноября,
Лето 1242 от Рождения Солнца

– Ну же, пойдем! – Ливи легонько дернула за край одеяла. – Разве можно такое пропустить?

– Леди Фалмут, не заставляй меня тащить тебя силой, – проворчала Агнешка. – Ты чудесно выглядишь! Подумаешь, какая-то ерунда…

– Не надо. – Амалия отложила черную книжечку и натянула одеяло по самые глаза. – Никуда я не хочу. Идите без меня, правда. Я только буду портить вам настроение.

Лучше остаться и почитать. Вдруг получится разобрать хотя бы еще страничку? Конечно, Ливи и Агнешка любят ее и такой, какой она стала, но остальные… Амалия вздохнула и потянулась за зеркальцем. Скинула непослушную светлую прядь на лицо и сразу же убрала обратно. Нет, такое не спрячешь. Ни прической, ни косметикой – ничем. Это навсегда.

Неровный белый шрам тянулся от носа влево и вниз, к уголку губ. Совсем незаметный – если отвернуть голову. Но стоит снова посмотреть прямо… Самое настоящее уродство. Разве кто-нибудь захочет общаться с леди, у которой огромный шрам? А Алекс? Он сможет полюбить ее такой? Сможет целовать изувеченное страшным ударом дубинки лицо? Сможет быть с ней рядом, когда все станут перешептываться и указывать на Амалию пальцем? И вправе ли она потребовать от него подобную жертву?.. Он ведь

сын герцога, и однажды возьмет в жены чудесную девушку из знатного рода. А вовсе не дочь бедного виконта из Эйлсбери, у которой шрам на половину лица!

– Не пойду, – упрямо повторила Амалия и отвернулась к стене. – Оставьте меня в покое!

Сейчас ей хотелось побыть наедине с рыцарем из черной книжки. У него наверняка хватало своих шрамов… и его уж точно не волновало личико какой-то там Амалии Хэмптон. На войне люди гибнут сотнями и тысячами, а увечья и вовсе никто не считает. Наверное, рыцарь бы даже посмеялся над ее горем – подумаешь, шрам на лице. Вот только легче от этого ни капельки не становилось.

Соседки неторопливо завершили сборы и, тяжело вздыхая, ушли. Пусть отдыхают – они заслужили праздник. И Агнешка, и Ливи будут скучать, но через пару часов музыка и вино сделают свое дело, и они смогут как следует повеселиться. Как и положено молодым девушкам на балу в честь праздника Рождения Солнца. Нормальным девушкам. Которые не бегают по лесам и лестницам, не упражняются с мечами и не носят на лице печати уродства.

– Амалия.

Как бы хотелось сейчас притвориться спящей, выругаться или хотя бы просто не поворачиваться. Но профессор Кроу не из тех, кому можно нагрубить без серьезных последствий. И обмануть ее тоже не выйдет.

– Добрый день, профессор. – Амалия перевалилась на другой бок, лицом в сторону двери. – Прошу меня простить. Кажется, я нездорова.

– Ты отлично себя чувствуешь. – Кроу прикрыла за собой дверь. – Просто не хочешь идти.

– Верно, – буркнула Амалия. – Незачем портить всем настроение. Лучше я останусь здесь.

– И что? – Кроу подошла ближе и чуть склонилась. – Теперь всю жизнь просидишь в комнате?

– А что, если так? – Амалия подняла голову. – Я же должна стать боевым магом. Зачем мне балы и платья? Достаточно меча… и пары крепких сапог.

– Мастер Коннери одобрил бы такие слова. – Кроу присела на край кровати. – Одобрил бы – сто или чуть больше лет назад. С тех пор он многому научился. Оружие или магический Дар могут немало. Но не стоит недооценивать балы и платья. Сегодня в замке Ринвуд соберется много людей – лорды, леди, гости из столицы… может быть, даже из Серединных Земель. Ты не просто студентка Академии, сам Грегор Коннери назвался твоим

Мастером. – Кроу чуть сдвинула брови. – Что о нем подумают, если его ученица не появится на балу?

– А что о нем подумают, если появится такая уродина? – Амалия склонила голову так, чтобы свет из окна падал на ее шрам. – Как вы думаете, профессор?

– Ты не уродина. – Кроу протянула руку и коснулась кончиками пальцев лица Амалии. – У тебя приятные черты, ты молода и свежа. Твое тело великолепно развито тренировками. А шрам… шрам лишь добавляет тебе загадочности – мужчины это любят, поверь мне. Высший маг или сильный целитель вполне бы могли убрать его, не оставив и следа…

– Вы можете? – Амалия рывком села на кровати. – Правда можете?

Вместо ответа Кроу отступила на шаг, откинула в сторону волосы и чуть приспустила воротник мантии. Алый рубец проходил по безупречной белой коже от ключицы почти до груди. Старая, очень старая рана. Кроу давно привыкла – хотя без особого труда могла бы вернуть своему телу прежнюю красоту.

– Почему? – Амалия непонимающе тряхнула головой. – Зачем… так?

– Не знаю. – Кроу поправила прическу. – Как напоминание, может быть. Все готовы носить нас на руках, пока мы молоды и красивы. Но только тот, кто любит по-настоящему, любит и наши шрамы. А теперь собирайся. У нас мало времени.

Это совсем не звучало как приказ, но Амалия и не думала возражать. Может быть, потом Кроу сможет ее вылечить… Или она считает, что все нужно оставить так, как есть? Что означает шрам, который Амалия теперь носила на лице? Напоминание? Но если так – то о чем? И не лучше ли было бы забыть?..

– Вылезай. – Кроу достала из складок мантии крохотный мешочек. – Платье. Жемчуг. И еще нужно успеть сделать что-то с твоими волосами…

Амалия и представить не могла, что соберется так быстро. Руки Кроу мелькали то справа, то слева, то со всех сторон одновременно – поправляли, подтягивали, расчесывали, застегивали… Зеркало отражало невероятную метаморфозу: взъерошенная девочка со слегка опухшим от сна лицом стремительно превращалась в леди из высшего света. Неизвестно, что Аманда Дрейк сотворила с платьем, но теперь оно не просто сидело безупречно, но и будто бы добавляло роста и делало талию совсем тоненькой даже без тугой шнуровки. Жемчужное ожерелье и серьги дополняли совершенную черноту наряда, мягко сияя в свете свечей… не хотелось даже думать, сколько Кроу за них заплатила. Даже Ливи едва ли могла похвастаться

чем-то подобным.

– Чудесно! – Кроу смахнула с платья невидимую пылинку и отступила на шаг. – Осталось придумать, что сделать с твоей головой.

– Может быть, челку на лицо? – жалобно попросила Амалия. – Тогда будет не так видно…

– Глупости, – отрезала Кроу. – Не стоит прятаться. Пусть смотрят. Ты сразишь всех наповал – если сама не будешь бояться. Минуточку…

На этот раз Кроу воспользовалась Даром. Воздух над ушами Амалии едва слышно зазвенел, и непослушные локоны принялись укладываться в аккуратную высокую прическу, открывающую шею и плечи.

– Теперь немного на глаза. – Кроу щелкнула пальцами, и ресницы Амалии удлинились вдвое и налились густой чернотой. – И не вздумай взяться за помаду. Вот так – отлично.

– Да… – только и смогла прошептать Амалия.

Кроу сотворила самое настоящее чудо. Только сейчас Амалия смогла увидеть… Бесконечные упражнения с мечом сделали ее плечи крепкими, будто они были выкованы из стали, но не добавили грузности. Руки остались стройными – но стоило сжать пальцы в кулак, и под мягкой кожей перекатывались железные шарики. Открытая шея не прятала сложения бойца – наоборот, будто бы кричала: вот, посмотрите! И смотреть хотелось. А глаза… от них было сложно отвести взгляд. Темные, почти черные – ни следа девичьей наивности. Пожалуй, Кроу не ошиблась: даже шрам удивительно вплетался в получившийся образ, нисколько не портя, а скорее дополняя что-то. Из зеркала на Амалию смотрела женщина-воин, женщина-клинок – острая и опасная. Она чуть отставила ногу в сторону и подняла руки, представляя, что сжимает рукоять меча. Бесподобное платье. Узкое, как перчатка, но совершенно не стесняет движений. В нем одинаково удобно будет и танцевать, и драться. Наверное, его даже можно снять одним движением… а ведь под ним ничего нет! Странное ощущение свободы, легкости…

– Только не заиграйся. – Кроу улыбнулась. – Постарайся не разбить за один вечер слишком много сердец… А мне уже пора. До бала всего час, а я совершенно не готова. Поэтому идти за Мастером Коннери придется тебе. Да-да, и не смотри на меня так! Проследи, чтобы он не сбежал до начала праздника.

* * *

Незнакомый высокий мужчина стоял к двери спиной. То ли разглядывал в стекле свое отражение, то ли просто смотрел в окно. Амалия хотела было незаметно притворить дверь и отправиться искать Мастера Коннери – тот наверняка потерял счет времени и до сих пор торчал или в кузнице, или в тренировочном зале. Но не выдержала и залюбовалась. Сзади незнакомец смотрелся более чем эффектно. Черный камзол, шитый серебром, плотно облегал ладную фигуру. Длинные волосы собраны в аккуратный пучок на затылке. Только цвет у них какой-то странный – то ли серый, то ли просто свет так падает… Интересно, кто это такой? Судя по богатому наряду – гость из столицы. Но что он делает в комнате у Мастера Коннери? Может быть, стоит спросить?..

– Ты долго будешь там стоять?

Незнакомец спросил первым. И тут же обернулся. Амалия почувствовала, как щеки заливает краска. Нет, гостя Мастера едва ли можно было назвать красивым в привычном понимании этого слова, и все же он притягивал взгляд. Открытое лицо с правильными чертами, прямой нос, крупный подбородок. Уже не молод – небольшие морщинки в уголках глаз выдавали возраст. Пожалуй, ровесник профессора Кроу – только упрямая складка меж бровей делала незнакомца чуть старше. Но это ему даже шло – в хмуром облике угадывалась незаурядная воля и сила характера. Такие мужчины всегда оказываются самыми надежными – для тех, кто им дорог. И самыми опасными для врагов. Пожалуй, незнакомец даже чем-то походил на Мастера Коннери – ростом, шириной могучих плеч, колючим блеском зеленых глаз… Неужели брат? Или даже сын…

– Может, прекратишь разглядывать меня? Я и так не в восторге от того, что они со мной сотворили.

– М… М… Мастер? – выдавила Амалия.

– А кто еще, по-твоему, живет в этой комнате? – Коннери недовольно потер гладко выбритый подбородок. – Пойдем. Черт бы побрал эти танцы вместе с праздниками.

Словно во сне Амалия протянула руку и взяла Мастера под локоть. Нет, невозможно! Глазам не поверить! Просто сбрить бороду, собрать в пучок седые космы, сменить бесформенную солдатскую куртку на шикарный камзол… Но Истинное Зрение не могло врать – все та же бьющаяся и густая Тьма, все тот же Мастер Коннери. Только… другой.

– Проклятье, как Эл в этом ходит? Мне все время кажется, что меня пытаются придушить.

Мастер осторожно повел плечами. Ткань жалобно затрещала, но выдержала.

– Профессор Кроу ждет вас, – тихо пролепетала Амалия. – Бал уже скоро начнется… вы с ней открываете первый танец.

– Не напоминай, – проворчал Мастер. – Надеюсь, я не отдавлю ей все ноги.

Наверное, ему действительно было не по себе. От самого подножья Дозорной Башни Амалию и Мастера Коннери преследовали изумленные взгляды, щедро разбавленные перешептываниями. Едва ли половина студентов и преподавателей узнали в богато одетой паре старого профессора боевой магии и его ученицу – вечно растрепанную девчонку, которая большую часть времени щеголяла в мужских нарядах. Но те, кто все-таки узнал, перешептывались еще громче. До ушей Амалии доносились лишь обрывки фраз, но и этого было достаточно. Хорошо, что плащ закрывал шею и плечи – наверняка даже они у Амалии покраснели…

– Это всегда так? – Мастер мрачно ухмыльнулся. – Перед балом? Все глазеют, скалят зубы… Проклятье, я бы с большей радостью прыгнул к дракону в пасть.

– Всегда. – Амалия покрепче обхватила пальцами руку Мастера. – Ничего необычного. Просто несколько танцев.

Она старалась выглядеть спокойной, но внутри все подпрыгивало. Казалось, каждый считал своим долгом вытаращиться на них. Завидев Мастера, дамы в пышных платьях принимались прятать лица за веерами и бессовестно хихикать. Кавалеры же уделяли куда больше внимания Амалии – ей достался не один восхищенный взгляд. Похоже, Кроу не ошиблась. В любой другой день Амалия бы только порадовалась подобному, но сейчас ей хотелось только одного: чтобы все это побыстрее закончилось. И куда пропала Кроу?.. А, вот же она – почти у самого входа в Дом Четырех Стихий.

– Благодарю вас, госпожа Хэмптон. Профессор Коннери… вы чудесно выглядите.

– Прекрати, Кет.

Кроу лукаво улыбнулась и протянула Мастеру руку, облаченную в белую перчатку по локоть. Несмотря на мороз, она вышла на улицу без накидки или плаща. И, разумеется, ничуть от этого не страдала. В ослепительно-белом платье она сама сейчас казалась частью зимы и словно искрилась Силой. Коннери чуть склонил голову, взял ее под локоть, и в зал для танцев они проследовали уже рука об руку. Амалии же осталось только выискивать глазами соседок – наверное, они уже вовсю воздают должное вину и закускам.

– Леди Фалмут! – раздался радостный вопль. – Курвамать! Я же говорила, что она придет!

Огненная шевелюра мелькнула слева, и уже в следующее мгновение Агнешка изо всех сил сжимала Амалию в объятиях.

– Ты потрясающе красивая, – только и сказала Ливи, подойдя ближе. – Лучше всех на этом балу.

– Разве что после тебя. – Амалия рассмеялась. – Итак, мой долг перед Академией выполнен. Профессор Коннери доставлен сюда и передан в крепкие руки профессора Кроу. Теперь я могу спокойно насладиться вином и танцами.

– Коннери? – фыркнула Агнешка. – Что-то я его здесь не видела… или?.. Подождите-ка?!

Она так и застыла с широко разинутым ртом. И когда раздались первые звуки музыки, и когда друг другу навстречу двинулись две фигуры. Одна – черная, чуть поблескивающая серебряным шитьем камзола. Другая – белая, почти излучающая свет. Амалия думала, что Кроу выберет для начала танец попроще, но та явно не собиралась давать Мастеру Коннери поблажки. Сама Амалия не смогла бы повторить все ее движения. Часть из них были знакомыми, но почти половину Кроу словно изобретала на ходу. Их танец был похож на схватку на мечах – Кроу нападала, а Мастер Коннери отвечал, подхватывая ритм. Он словно чувствовал, что делать, хотя Амалия никогда бы не смогла научить его ничему подобному. Что ж, теперь она до конца поняла план Кроу. Не все могли посмотреть на танцующих магов Истинным Зрением, но даже обычные люди чувствовали исходящую от них Силу. Мужчина и женщина, черное и белое, двигались в едином порыве, одновременно прекрасные и устрашающе-могучие во всем великолепии своего Дара. Кто бы осмелился бросить вызов тем, кто жил и сражался точно так же, как танцевал, – вместе и до самого конца? Долгие и долгие десятки лет. Амалия не могла отвести глаз. Сердце сжималось от восторга, но к нему почему-то примешивалось какое-то странное и горькое чувство. Что-то, что заставляло искать в совершенстве танца изъяны.

– Отец Всемогущий… – Агнешка наконец вернула себе дар речи. – Это же Коннери! Без бороды! Кур-р-р-вамать! Прошу вас, леди! – Агнешка вцепилась в Амалию и Ливи одновременно. – Держите меня, если я прямо сейчас начну снимать с себя одежду. Вы видите его? Видите?!

– Прекрасно видим. – Амалия недовольно покачала головой. – Не понимаю, что вдруг вызвало у тебя такое волнение.

– Все ты понимаешь. – Агнешка все еще улыбалась, но ее глаза вдруг перестали искриться смехом и в одно мгновение сделались совершенно серьезными. – Можешь говорить что угодно, но кое-что лучше видно со стороны. Ты уже почти десять

минут не сводишь с них глаз, и взгляд у тебя, как у ребенка, у которого отобрали конфету. – Агнешка пригубила вино из бокала. – Вот так-то.

– Глупости. – Амалия нахмурилась и заставила себя отвернуться от танцующих. – Ничего особенного.

– Разумеется. – Агнешка пожала плечами. – Алекс Монтгомери пожирает тебя глазами уже целую вечность, а ты даже не заметила, что он здесь.

– Где?! – Амалия едва не подпрыгнула.

Всего в десятке футов – спереди и чуть справа. Алекс надел тот самый серый камзол, что и на самый первый бал в сентябре. Амалия заметила, что ему все еще тяжело стоять, – он будто бы невзначай опирался на край стола. Чего же ему стоило дойти сюда из больничного крыла?! И какой он все-таки еще бледный и худой… У Амалии сжалось сердце.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала она, на цыпочках подбежав к Алексу. – Мерсье отпустила тебя? Ты в порядке?

– Я удрал. – Алекс слабо улыбнулся. – К тебе. Сколько можно валяться? В конце концов, что она мне сделает? После овсянки я уже ничего не боюсь. Ты…

Этот взгляд – от глаз чуть ниже, туда, где лицо Амалии пересекала уродливая черточка шрама. И тут же обратно – сразу же, молниеносно. Будто бы Алекс вовсе ничего не заметил. Амалия изо всех сил стиснула зубы и заставила себя не убежать и не отвернуться. Пусть, пусть смотрит! Лучше сейчас, сразу, чем потом.

– Ты потрясающе выглядишь, – тихо произнес Алекс и взял ее за руку. – Правда…

– Не знаю. – Амалия опустила голову. – Неважно.

Она ведь должна радоваться – Алекс здесь, бал, прекрасное платье, соседки… Но почему внутри все будто бы надламывается? Что не так?

– Ты самая красивая. – Алекс подошел ближе и легонько ткнулся лицом в волосы Амалии. – Что бы ни случилось – ты всегда будешь лучше всех. Я скучал по тебе.

– Я знаю. – Амалия чуть отстранилась. – Спасибо, что пришел.

Ужасные слова. Неуклюжие, неправильные. Алекс здесь, совсем рядом, можно обнять его, прижаться и держать хоть целую вечность. Радоваться – но радости не было. Только недоумение и какое-то гадкое чувство, от которого хотелось спрятаться где-нибудь подальше отсюда.

– Ты изменилась, – задумчиво произнес Алекс. – Стала какая-то другая. Что с тобой творится, Ами?

– Хотела бы я знать. – Амалия вздохнула. – Нет, дело не в тебе! Это я, я сама… и Дерек здесь тоже совершенно ни при чем.

– И все же ты его вспоминаешь.

Алекс отступил на шаг. До чего же он вдруг стал похож на Ливи – когда та почти не разговаривала с Амалией. Стальной взгляд, на бледном лице – ни тени улыбки, ничего. Пусто. Когда музыка вновь заиграла, толпа вокруг тут же пришла в движение. Кавалеры подхватывали дам в пышных платьях, и пары тут же принимались кружиться под звуки вальса, а Амалия и Алекс так и стояли – глаза в глаза, без движения. Она рассеянно отвергла руку какого-то приземистого старшекурсника, потом еще одну, и еще… Просто смотрела, пока в паре шагов перед ней не мелькнуло синее платье Урании Клиффорд. Та шагнула к Алексу и что-то проговорила.

– Нет, – одними губами прошептала Амалия. – Ну же, не соглашайся, не надо…

Алекс чуть сдвинул брови, покачал головой, но Урания уже настойчиво тянула его к центру зала. И он сдался. Тоскливо опустил плечи, чуть ссутулился, но все же протянул руку настойчивой партнерше. Амалия выдохнула. Опять эта самовлюбленная дрянь! Конечно, она же прекрасно знает, что Алекс никогда не обидит даму отказом от танца. Ей не тягаться с ученицей темного мага в открытой схватке, но вот такие дурацкие подначки… а может быть, даже подкуп дюжины нищих головорезов?! Не случайно же она оказалась поблизости там, в Вудроу! Синее платье и камзол Алекса еще раз или два промелькнули в пестрой толпе и исчезли в водовороте шелков и золота. Кто-то случайно толкнул Амалию локтем. И снова. Танец начался, и никому больше не было дела до маленькой девушки со шрамом, невесть как оказавшейся чуть ли не в самой середине зала. Одна, совсем одна! От обиды и злости защипало в носу. Проклятые чувства! Амалия изо всех сил стиснула зубы, удерживая слезы. Мастер Коннери называл дриаду Селину растением – пусть так. Зато ей уж точно не приходится страдать из-за того, что сердце словно раздирают крохотными коготками тысячи маленьких беспощадных чудовищ. И нет спасения. Разве что закричать, ударить, выплеснуть во все стороны алое и тягучее, от которого все тело дрожало, а пальцы начинали гореть огнем! На мгновение отпустить все – и тогда…

– Амалия.

Большие теплые ладони легли на плечи. Мастер Коннери подошел сзади, и Амалия не видела его, но все равно сразу же узнала. Даже не по хриплому голосу – по тому, что всегда неизменно шло за любым его прикосновением. Ее Дар

встрепенулся и потянулся к Мастеру, увлекая за собой и тело. Амалия чуть подалась назад. Металлические пуговицы камзола остро и неприятно кольнули холодом обнаженную спину, но это было неважно. Привычная сладкая боль затопила все внутри, и шум в ушах стих. Но обида и злость остались – даже вспыхнули еще ярче, словно чужая Сила только раздувала их.

– Амалия, прошу тебя.

И что он скажет ей? Что нужно держаться? Но что делать, если уже не можешь? Если Проклятый Дар неотвратимо берет свое, заставляя чувствовать, как что-то в груди трескается, осыпается и выпускает Тьму наружу?

– Оставьте меня в покое! – Амалия сжала кулаки. – Это вас не касается.

– Ты ошибаешься. Ами…

– Пустите меня, – прошипела Амалия, изворачиваясь в руках Мастера. – Пустите!

Она изо всех сил прогнулась назад, упираясь ладонями ему в грудь, но Мастер даже не шелохнулся. Значит, так?! Пускай же!

Амалии даже не пришлось напрягаться. Скрученная в тугую пружину Сила сорвалась и хлестнула Мастера, словно пощечина. И Амалия тут же зажмурилась и втянула голову в плечи, ожидая чего угодно. Что в бальном зале разом погаснут все свечи и обрушится потолок. Что люди вокруг застынут, а потом осядут на землю серыми кучками пепла. Что весь замок Ринвуд обратится в бесформенные и почерневшие развалины. Но куда больше всего этого Амалия боялась Мастера. Разве мог он оставить такое без ответа? Она напала на него. Не в тренировочной схватке. Не для того, чтобы выполнить упражнение… Чтобы причинить боль.

Но мгновение шло за мгновением, и ничего не происходило. Все так же звучала музыка, все так же шуршали роскошные платья дам. Замок Ринвуд все так же крепко стоял на своем древнем фундаменте. Только пальцы Мастера, сжимавшие плечи Амалии, чуть похолодели. Разве мог он простить такое? Амалия не сразу отважилась открыть глаза. Мастер нависал над ней молчаливой громадиной, но что-то неуловимо изменилось. Он не пытался отразить удар, не пытался уклониться – просто раскрылся навстречу потоку Силы и впитал его весь без остатка. Вся боль, которую Амалия не смогла удержать внутри, теперь плескалась в его глазах зеленым пламенем. Но даже для могучего мага этой Силы оказалось слишком много. Изначальная Тьма стремилась взять свое. Губы Мастера вздрогнули, обнажая два ряда оскаленных крепких зубов. Амалия почувствовала, как стальные пальцы впиваются в ее плечи. Боль заставляла все больше выгибать спину, откидываясь назад. Мастер специально

мучил Амалию – но это не было наказанием. Она прекрасно знала, что заставляло его смотреть на нее *вот так*.

– Мастер Коннери? Вы ведь тоже это чувствуете?

Амалии показалось, что она сказала это вслух, – но на деле не издала и звука. Никто вокруг даже не посмотрел в их сторону. Не обратил внимания.

– Каждый. Чертов. День, – едва слышно выдохнул Мастер сквозь зубы.

– И как с этим справиться? – прошептала Амалия. – Это вообще возможно?

– Не знаю.

С этими словами Мастер вдруг резко выпустил ее, почти оттолкнув, развернулся и зашагал прочь. И танцующие на его пути шарахались в стороны, будто к выходу из бального зала направлялся не блестящий кавалер в черном камзоле, а страшное чудовище.

Впрочем, разве не так оно и было?

Глава 9

– Не любишь танцевать? Никогда бы не подумал. Ты просто создана для балов… как и это платье. Чудесно выглядишь, малышка.

Амалия едва не споткнулась и не полетела вниз с лестницы. В Доме Четырех Стихий всегда было вдоволь свечей или магических огоньков, но все же зима и вечер брали свое, и в углах и нишах накапливалась густая, словно патока, темнота. Амалия могла бы поклясться, что еще мгновение назад в тени за колонной никого не было… Впрочем, Дерек всегда появлялся из ниоткуда в самое неподходящее время. Сначала в полумраке дьявольским огоньком сверкнули глаза, а потом навстречу Амалии шагнула невысокая худощавая фигура. Дерек сменил костюм – то ли по случаю бала, то ли просто так, без особой причины. Новая одежда из грубой черной ткани едва ли могла бы называться дорогой и изящной, но, по крайней мере, не была затерта до дыр и не висела мешком.

– Убирайся к дьяволу, Дерек, – выдохнула Амалия. – От тебя вечно одни неприятности!

– Неприятности сами находят тебя, принцесса, – вкрадчиво промурлыкал Дерек. – А может быть, это ты их находишь. Что на этот раз? Кто-то надел такое же платье? Или твой обожаемый болван Монтгомери наступил тебе на ногу?

Одно упоминание имени Алекса вновь заставило Амалию едва слышно вздохнуть. Наступил на ногу? Ах, если бы это было так. Алекс наступил на ее сердце. Вот только Дереку уж точно не стоило об этом знать.

– Оставь меня в покое. – Она постаралась вложить в свои слова столько льда, сколько могла. – Никогда больше не подходи ко мне.

– Или что? – Дерек неуловимым движением скользнул вперед и оказался всего лишь ступенькой ниже Амалии. – Будешь звать на помощь? Ударишь меня?

Не самая плохая идея. Когда Дерек хозяйским жестом потянулся к талии Амалии, она чуть присела и резко рванулась, выбрасывая вперед не только руку, но и все тело – как учил Мастер Коннери. Удар вышел славным и оставил бы Дерека без доброй половины зубов – разумеется, если бы достиг цели. Амалия уже успела забыть, какая нечеловеческая сила и ловкость скрывается в тщедушном теле. И совершенно напрасно. Уже в следующее мгновение она была крепко прижата спиной к холодному камню колонны – не вывернешься. Даже не вскрикнуть

– стальные объятия не давали толком вдохнуть.

– Я тебя обожаю, – усмехнулся Дерек и скользнул губами по шее Амалии. – И откуда в такой худенькой малышке иберийские страсти? А уж это твое платье…

– Убери. Руки! – Амалия зарычала и безуспешно попыталась пнуть Дерека по ноге. – Что тебе от меня нужно?!

– Как будто ты не догадываешься.

– Нет. Никогда! – Амалия снова рванулась.

На этот раз Дерек на удивление легко сдался и разжал хватку. И тут же отступил на пару шагов.

– Прости, – он поднял вверх раскрытые ладони. – Ты такая… Безумно, невероятно сложно держать себя в руках. Особенно сейчас. Но я постараюсь.

– Ты сумасшедший. – Амалия поправила платье, которое уже готово было сползти с груди куда-то к поясу. – Я все расскажу профессору Кроу!

– Почему бы и нет? – Дерек пожал плечами. – Начни с того, как забралась в кабинет к Крамеру. Потом расскажи, как стащила оттуда книгу.

Проклятье! Неужели кто-то проболтался? Агнешка? Нет, едва ли. Бард? Да уж Бард едва ли упустил бы возможность похвастаться подобным приключением. Черт бы побрал его длинный язык…

– Представления не имею, о чем ты. – Амалия подняла голову и снова зашагала вниз по лестнице. – Кабинеты, книги… у тебя чересчур живое воображение, Дерек.

– Разумеется, – послышался насмешливый голос за спиной. – В данный момент я как раз воображаю тебя без платья. А вот что касается книги… представляешь, несколько дней назад мне в руки попался один маленький листочек…

Амалия развернулась на каблуках. Дерек стоял там же, у колонны, и задумчиво пощипывал пальцами край пожелтевшего от времени листка бумаги.

– Выглядит так, будто бы его вырвали из какой-то очень старой книги, – продолжил он. – Интересная штуковина. Весьма подробная биография какого-то мага. Судя по его делишкам, парень был тем еще кровопийцей… Тут даже портрет есть, можешь себе представить? Кого же он мне напоминает?..

Амалии пришлось изо всех сил ущипнуть себя за запястье, чтобы не броситься обратно. Дерек и так знал слишком много, и стоит ей показать, что страничка из старой книги действительно так важна… Проклятье, почему она отошла так далеко?! Отсюда кое-как было видно только старые буквы и рисунок в самом низу страницы – то ли портрет немолодого мужчины, то ли…

– Наверное, обронил кто-то с нашего курса. – Амалия будто бы невзначай поднялась на ступеньку, но вид делала самый что ни на есть скучающий. – Кто-то еще читает старые сказки.

– Ты права. – На кончике пальцев Дерека зажегся крохотный огонек. – Просто древний и никому не нужный хлам. Думаю, от него стоит избавиться. Старая бумага хорошо горит.

Амалия едва подалась вперед – совсем чуть-чуть, но Дерек все же заметил.

– Значит, сказки? – усмехнулся он. – Маленькая обманщица. Тебе же нужна эта чертова бумажка, ведь так?

– Просто интересно, – буркнула Амалия и поднялась еще чуть выше. – Дай посмотреть.

И снова Дерек оказался быстрее. Амалия одним прыжком перемахнула через семь ступенек, но там уже никого не было. Сильные руки обхватили ее сзади.

– Зачем тебе играть в эти детские игры? – промурлыкал Дерек прямо в ухо. – Достаточно просто сказать, что эта страничка тебе нужна. И все. Ну же, скажи…

Амалия сжала зубы. Опять Дерек играет с ней, заставляет делать что-то, что нужно ему одному! И опять она никак не может противиться его выходкам… Нельзя упустить шанс узнать что-то о Матабере, а страничка из книги может оказаться последней частичкой головоломки, которую они с Агнешкой тщетно пытаются разгадать уже почти полгода.

– Да, мне нужна эта бумажка, – прошипела Амалия и ткнула Дерека локтем в живот. – Отдай.

– Прелестно, – рассмеялся тот. – Значит, я не ошибся. Ты получишь свою ветошь… но я хочу получить кое-что взамен.

– Даже не думай! – Амалия кое-как выдавила из себя что-то, отдаленно напоминающее издевательский смех. – Не надейся, что я буду… с тобой…

– Глупышка… – Дерек горячо выдохнул ей прямо в ухо. – Чего ради меняться на то, что я и так получу – рано или поздно? Нет, мне нужно кое-что совсем другое.

– И что же?

– Вот такой разговор мне нравится. – Дерек чуть сильнее приобнял Амалию за плечи. – Никакой пустой болтовни, прямо и честно. Старик Коннери обычно носит на поясе древний, как холмы, ремешок с бронзовой пряжкой… Наверное, когда-то он пристегивал к ней ножны меча. Она уже успела позеленеть от времени, потом почернеть и потом снова позеленеть. Сущая безделица, старикашка ничего не заметит. Принесешь мне пряжку – и страничка твоя. По рукам?

– Зачем тебе это старье? – удивленно пробормотала Амалия.

Она ожидала чего угодно – но только не этого. Зачем кому-то вообще могла понадобиться древняя пряжка Мастера Коннери? Чего в ней было ценного? И почему Дерек так хочет ее заполучить?..

– Это мое дело. Страничку в обмен на пряжку – и никаких вопросов.

С этими словами Дерек разжал руки.

Когда Амалия обернулась, на лестнице уже никого не было. Только темнота в углах будто бы стала чуть гуще.

* * *

Крохотные ледяные черточки. Только прямые, но вместе они образовывали узор, в котором при желании можно было бы разглядеть любую фигуру, – круг, квадрат, восьмиконечную звезду. Еще мгновение – и совершенство линий расплылось, а потом и вовсе исчезло. Снежинка растаяла, превратившись в крохотную капельку на ладони. Амалия вздохнула. Все прекрасное в этом мире недолговечно. Туфли стопчутся, платье рано или поздно порвется и превратится в тряпье, а тело и лицо изуродуют шрамы или морщины. А уж человеческие чувства… Меняются, танцуют, словно пары на балу, замерзают и тают, словно снежинки, – как можно в них не запутаться? Еще совсем недавно Амалия любила Алекса так сильно, как только могла, но сегодня в сердце поселилось что-то совсем другое. Какая-то гадкая и холодная пустота, вина, словно она должна была сделать… но не сделала. И сказала не те слова. И даже когда Урания утянула Алекса танцевать, Амалия почувствовала лишь одиночество, тоску и боль разочарования. А любовь… Ушла? Или ее и вовсе никогда не было, а Амалия принимала за истинное чувство лишь отчаянное желание близости?

Где-то под ногами послышалось настойчивое мяуканье, после чего крупная полосатая зверюга вскочила на подоконник рядом с Амалией и принялась тереться о ее руки мохнатой мордой. Кот всегда знал, когда хозяйке плохо. И всегда приходил отогнать тоску низким урчанием, от которого иной раз подрагивали стекла.

– Да, милый. – Амалия рассеянно почесала кота за ухом. – У меня нет для тебя угощений, прости. Может быть, Агнешка или Ливи принесут что-нибудь с бала. А я сегодня плохая.

Кот недовольно фыркнул, но потом все же принялся вылизывать Амалии ладони. Его чувства не отличались сложностью и тонкостью – чего только стоила манера

бесцеремонно топтаться по груди и животу в середине ночи – но зато были искренними и бескорыстными. И ему действительно было не так уж и важно, удалось ли хозяйке стащить для него кусочек вкусного мяса. А уж такие мелочи, как шрамы, туфли и платья, для кота и вовсе ничего не значили. Его вообще мало интересовало то, что нельзя было съесть.

До конца бала оставалось еще несколько часов, и жилой корпус пустовал. Амалия никогда бы не подумала, что здесь может быть так тихо. Только чуть поскрипывали от ветра ставни и едва слышно подвывал в каминных трубах ветер. Или… не ветер?

Амалия затаила дыхание. Нет, ошибки быть не могло. Звук шел откуда-то сверху, с чердака. Кто-то или что-то тихонько всхлипывало, словно вторя ветру за стенами.

– Вот странно, – пробормотала Амалия, сползая с подоконника. – И кто же это может быть?

Кот негромко мявкнул. Конечно же, он неплохо знал обитателей чердака – особенно тех, которые годились в пищу. Но едва слышные через толстый потолок рыдания мало напоминали птичий гомон. Человек… или привидение. Может быть, дух первокурсницы, повесившейся на чердаке из-за несчастной любви? Нет, ерунда! Амалия помотала головой. Никаких призраков не существует. А людей ученице темного мага бояться не пристало. Кот чуть покрутился у ног, пока она надевала туфли, а потом запрыгнул на кровать и тут же засопел. Амалия накинула на плечи плащ и вышла в коридор. Путь вниз, на первый этаж, освещался почти двумя десятками свечей. А лестница наверх?

Конец коридора утопал во тьме – дверей в жилые комнаты здесь не было. Только какие-то чуланы или кладовки, в которые давным-давно никто не заглядывал, а за ними – пыльные деревянные ступеньки, уходившие под потолок. Амалия кое-как разглядела на стене уродливый старый подсвечник, в котором не осталось даже огарка свечи.

– И кому понадобилось туда лезть? – проворчала она, зажигая магический огонек. – Только пыль и сырость. Брр-р!

Ступеньки тоскливо скрипнули под ногами, но выдержали. По бокам их покрывал чуть ли не дюймовый слой пыли, но посередине было сравнительно чисто. На старом дереве отчетливо виднелись отпечатки ног. Амалия поставила рядом свою. След оказался лишь чуть крупнее бальной туфельки – на чердаке пряталась девушка. Амалия запустила магический огонек в распахнутый люк и втянула носом воздух. Ничем особенным не пахло. Загадочная незнакомка не принесла с собой смертоносного железа, не варила какое-нибудь загадочное зелье и не откручивала головы птенцам. Просто тихо плакала… и, кажется,

пила вино.

– Кто здесь? – негромко позвала Амалия. – С вами все в порядке?

– Проваливай к черту!

Магический огонек словно испугался крика и бестолково заметался по чердаку, а потом прицепился к какой-то балке, выхватывая из темноты огненно-рыжую шевелюру. Не просто волосы – будто бы живое пламя, подобного которому в замке Ринвуд не было. Агнешка сидела на перевернутой деревянной бадье около слухового окна. Без плаща, в бальном платье, кое-как державшемся на одном плече. У ее ног валялась пара бутылок из темного стекла.

– А-а-а, это ты, леди Фалмут. – Агнешка мотнула головой. – Кур-р-р-вамать… Я думала, бал еще не скоро закончится. Что ты забыла в этой дыре?

– Просто услышала тебя… – пробормотала Амалия. – Зачем ты вообще сюда забралась?

– Грязный вонючий чердак. – Агнешка отхлебнула из бутылки. – Мокрый, холодный и темный. Отличное место для такой, как я, разве не так? Да-да, мое место здесь, среди крыс и птичьего дерьма. А вовсе не на празднике для богатых и знатных господ.

– Да что с тобой такое? – Амалия нахмурилась и шагнула вперед. – Что ты несешь? Ты ничем не отличаешься от меня или Ливи!

– Разумеется. – Агнешка пьяно хихикнула и чуть покачнулась. – Разумеется, я точно такая же, как дочь герцога или виконта. Бестолковая девка из Серединных Земель со странным именем. Агнешка, которая вечно влипает в какие-то истории. Агнешка, которая может перепить любого стражника. Агнешка, которую в первый же день в Академии трахнули в Дозорной Башне! Точно такая же?!

– Значит, и мое место тоже здесь. – Амалия решительно толкнула соседку и уселась рядом. – Я тоже удрала с этого чертова бала.

– Ты? – прыснула Агнешка. – Амалия Хэмптон, особенная девочка? Иногда мне кажется, что вся Академия крутится лишь вокруг одной тебя. Ректор, старик Коннери… даже страшила Дерек Каннингем сошел с ума от малышки Ами. А я-то надеялась, что хоть этот достанется мне. – Агнешка горько рассмеялась.

– Но я не виновата! – Амалия схватила соседку за руку. – Я не знала… не думала…

– Конечно, милая. – Агнешка легонько погладила пальцы Амалии. – Даже если бы я хотела, я бы все равно не смогла на

тебя злиться. Да и кому нужен этот Дерек?.. Нет, я совсем не о нем.

– Ты влюбилась в кого-то? – догадалась Амалия. – Из-за этого ты… такая?

– Пьяная и бестолковая? – Агнешка рассмеялась. – Можно сказать и так. Он все равно никогда не сможет полюбить меня. Никогда не женится на такой – безродной девчонке, от которой даже собственная мамаша поспешила избавиться. Мы с ним… нет, мне даже думать об этом смешно. Между нами пропасть.

– Мой Мастер?! – Амалия привстала на месте. – Коннери?!

– Сядь на место, валькирия. – Агнешка бесцеремонно толкнула Амалию в грудь. – Никто не собирается срывать камзол с твоего драгоценного старикашки, хотя без своей дурацкой бороды он стал еще лучше. Нет, я не о нем. Можно сколько угодно любоваться на его великолепные руки, спину и задницу… но в его глазах Преисподняя. Ты ведь знаешь, о чем я, леди Фалмут?

Амалия молча кивнула.

– С ним нельзя играть, его невозможно любить, – продолжила Агнешка. – Обычную женщину он спалит дотла. День, месяц, год – больше не продержится никто. Подобные старику Коннери всегда одиноки. Разве что… разве что когда-нибудь ему встретится такая же, как он сам. Но разве это возможно? Нет, малышка, я не о твоем Мастере. Но и тот, кого я люблю, тоже… тоже твой.

– Алекс, – тихо произнесла Амалия и зачем-то уточнила: – Брат Ливи. Старший.

– Глупо, да? – вздохнула Агнешка. – Мы ведь с ним совсем разные. Но я ничего не могу с собой поделать – с того самого дня, как впервые увидела. Благородный болван, само совершенство, курвамать. И даже если на тебя свалится флюгер Дозорной Башни, мы все равно… все равно не будем вместе. Никогда!

Последние слова дались Агнешке с явным трудом, а потом она снова тихо разрыдалась, уткнувшись лицом в ладони. Амалия тряхнула головой. Она ни в чем не провинилась перед подругой – но гадкое чувство все-таки скреблось в груди маленькими коготками. Будто Амалия украла что-то чужое, и украла не из нужды, а только лишь из глупого и низменного желания обладать. Агнешка, вечно улыбающаяся во все зубы, – даже когда дела шли совсем плохо, сейчас рыдала, словно маленькая девочка. Слезы тоненькими ручейками текли между пальцами и капали на залитый вином подол платья. Сколько же она держала в себе это, неизменно скаля зубы при встрече с Алексом, – и даже слова не сказала! Не желала мешать подруге, не желала бросать тень на счастье Амалии. От этого становилось еще тяжелее –

хотелось рухнуть на пыльные доски чердака и расплакаться вместе с Агнешкой.

– Глупая ты, – всхлипнула Амалия. – Почему не сказала? Я бы тогда даже не стала бы… Почему ты всегда ведешь себя так, будто терпеть не можешь Алекса?!

– Хм. Ну, вот тебе урок жизненной мудрости от старой Агнешки. – Соседка шмыгнула носом, но голос ее зазвучал чуточку веселее. – Иногда ты будешь делать что угодно – кроме того, чего хочешь на самом деле. Чтобы никто и никогда не догадался, как сильно тебе это нужно. Может быть, даже получится самой поверить… и это хорошо, ведь так легче. Потому что ты никогда не сможешь получить. Потому что ты просто недостойна.

– Не говори так! – Амалия почувствовала, как и по ее щекам потекли слезы. – Мне все равно, откуда ты и кто твои родители. Ты самая смелая, самая верная и добрая на свете! И очень красивая!

– Даже так? – Агнешка обняла Амалию за плечи. – Ты мне бессовестно льстишь, леди Фалмут.

– Неправда! – Амалия даже топнула ногой. – Ты заслуживаешь всего, чего заслуживаю я или Ливи… нет, даже больше! Когда-нибудь ты точно выйдешь замуж за герцога или даже принца крови!

– Малышка Ами. – Агнешка протянула руку и смахнула со щеки Амалии слезу. – Да не нужен мне герцог, и даже принц не нужен. Я просто хочу, чтобы меня любили. Вот и все.

– Я тебя люблю! – Амалия изо всех сил сжала ладони подруги. – Честно!

– Сильно любишь? – Агнешка подалась еще немного вперед. – Насколько?

– Очень-очень! И не только…

Про то, что Агнешку любит еще и Ливи, Амалия сказать так и не успела. Горячее дыхание с легким цветочным ароматом обожгло лицо. Но губы Агнешки оказались еще горячее. Сладкие от выпитого вина, мягкие, они сначала едва ощутимо коснулись губ Амалии, но с каждым мгновением становились все настойчивее. Амалия хотела было отпрянуть, но соседка скользнула кончиками пальцев по шее вверх, на затылок, взъерошивая волосы и придерживая. Совсем немного, но и этого оказалось достаточно, и никаких сил не было оторваться от этого неправильного, но такого пьянящего и будоражащего поцелуя. Амалия затаила дыхание, позволяя Агнешке ласкать себя, и это продолжалось, продолжалось… продолжалось…

– Ох, – тихо выдохнула та целую вечность спустя. – Да уж,

теперь я понимаю, почему мужчины вокруг тебя буквально сходят с ума, леди Фалмут.

– Что… что это вообще такое было? – пробормотала Амалия, едва находя в себе силы подняться на ноги. – Ты?..

– Не волнуйся, малышка, я все еще предпочитаю мужчин. – Агнешка улыбнулась и лукаво закрыла один глаз. – Хоть ты и заставила меня всерьез засомневаться. Не обращай внимания. Я просто пьяная и глупая Агнешка. Которая вечно выкидывает что-нибудь дурацкое.

– Это точно. – Амалия зажмурилась и потрясла головой. – Ты сумасшедшая. И тебе надо ложиться спать.

– Именно. – Агнешка покачнулась, но все же кое-как встала с бадьи. – Пойдем… и, леди Фалмут!

– Да?

– Расскажешь кому-нибудь – я тебя поджарю. Серьезно.

Глава 10

Амалия спала – и знала, что спала. Она уже давно научилась отличать эти сны – темные, тягучие… страшные? Пожалуй, нет. Не всегда. Но неизменно гадкие, мутные, словно застоявшаяся вода в пруду. После них на коже оставался липкий холодный пот, который хотелось поскорее смыть, но вода не приносила облегчения, а будто бы загоняла противную мелкую дрожь вглубь, и Амалия иногда почти час стояла под горячими струями в бане, а потом вновь ложилась в измятую кровать и не могла уснуть до утра. Даже кот, бесстрашно стоявший на страже покоя хозяйки, ничего не мог поделать с терявшимися в серой дымке башнями, бесконечными скрипучими лестницами, тихим шепотом драугров, что ворочались в своих каменных гробницах глубоко под замком Ринвуд. С черным чудовищем, тянувшимся тысячью щупалец из каждого темного угла, и юношей, чье лицо Амалия каждый раз почти узнавала. Почти – и каждый раз просыпалась.

На этот раз все началось так же, как обычно. Амалия вновь поднималась вверх по узкой винтовой лестнице, пытаясь убежать от следовавшего по пятам белесого тумана. Вперед и вверх – туда, где прямо среди черной пустоты то ли неба, то ли чего-то совсем чужого, нездешнего, висел позеленевший от времени бронзовый колокол. Обычно висел. Но теперь лестница закончилась неожиданно быстро, туман отступил, и Амалия оказалась перед небольшой деревянной дверцей. Ни замка, ни скважины – только ручка из тусклого желтоватого металла. За спиной – лишь мокрая пелена и холод, ни конца ни края. Как-то раз Амалия пробовала брести наугад, выставив руки вперед, но в тумане не было ничего. Бесполезно. Значит, ей нужно туда, за эту низенькую дверцу. Амалия взялась за ручку и потянула.

Небольшая комната освещалась лишь едва теплящимся пламенем камина. В огне догорал последний кусок дерева. Снаружи, перед решеткой, оставалось еще достаточно дров, но хозяйка комнаты то ли не хотела подбросить в огонь еще, то ли попросту не нуждалась в свете. Мадам Мерсье сидела в нескольких футах от камина. Можно было подумать, что старуха задремала, если бы не глаза, отражавшие умирающее пламя, – два крохотных огонька, в которых собралась вся жизнь, что еще оставалась в дряхлом морщинистом теле. Мерсье куталась в свою любимую цветастую шаль и не сводила взгляда с камина. Ждала. То ли пока погаснет огонь, то ли чего-то, известного ей одной. В сторону Амалии она даже не смотрела – да и едва ли могла бы увидеть. Это был сон, в котором Амалия оказалась лишь

зрителем, – молчаливым и бесплотным. В тишине едва слышался только скрип древнего, как и сама хозяйка, кресла-качалки. Вперед-назад. И потрескивание остывающих угольков. Огонь будто бы из последних сил еще несколько раз мелькнул на кончике почерневшей головешки и совсем погас. И только тогда старуха заговорила.

– И давно ты здесь? – раздался скрипучий, как иссохшие половицы, голос.

Амалия вздрогнула. Неужели?.. Но нет. Мерсье разговаривала не с ней. А с тем, кто появился сразу после того, как в камине погас последний огонек.

– Достаточно давно, – прошелестело в ответ.

По полу вдруг протянуло холодком, и угольки в камине еще потускнели, погружая комнату во тьму. Но Амалия все же смогла разглядеть, как из угла шагнула невысокая худощавая фигура. Почти человеческая. Только от людей во все стороны не тянутся черные щупальца, которые тут же опутали стены и потолок – и только около камина замерли, словно испугавшись обжечься.

– Ничего не меняется. – Мерсье откинулась в своем кресле назад. – Ни тогда, ни сейчас. Ты все так же боишься света.

– Ты ждала меня.

Ночной гость не спрашивал – ответ и так был ему известен. Его щупальца вновь зашевелились и черными змеями поползли по креслу старухи, поднимаясь все выше и выше.

– Ждала, – усмехнулась Мерсье. – Все остальные тебе или не по зубам… или не страшны.

– Пока, пока не по зубам, старая ты кошелка, – в тихом шелесте чудовища прорезалась злоба. – А ты… Где же защитные заклятья? Почему не зовешь своего драгоценного Грегора Коннери?

– Ты вошел в эту комнату. – Мерсье чуть повела плечами под шалью. – И уж точно не забыл поставить купол отчуждения. Теперь я бессильна.

– Неужели это будет так просто? – Смех ночного гостя напомнил скрежет ржавых петель. – Ты так старалась защитить девчонку, сделала все, чтобы ее отдали Коннери, месяцами сплетала вокруг нее кокон Силы – и что теперь? Ее сны мне неподвластны, но она все равно будет моей. Еще немного – и я стану даже сильнее, чем был до того, как они прикончили меня! Даже Коннери…

– Коннери отрежет твои яйца, – каркнула Мерсье. – И выбросит собакам. Вернее, выбросил бы – если бы они у тебя были…

– Можешь сколько угодно делать вид, что не боишься

умереть. – Черное щупальце захлестнуло горло старухи. – Кто знает, может быть, так оно и есть. Ты гниешь уже так долго, что даже Элвин Торвальдсен для тебя младенец. Но боль… Боли боятся все. Разве не так?

– Ты слишком много болтаешь. – Мерсье покачала головой. – Когда-нибудь эта привычка тебя прикончит. И куда быстрее, чем ты…

– Так приступим! – Тьма вокруг кресла старухи дернулась и оплела дряхлое тело сплошной сетью. – Сними с девчонки защиту – и обещаю, ты умрешь быстро!

Мерсье не ответила. Только вцепилась узловатыми кривыми пальцами в подлокотники кресла, обламывая ногти. Но не издала ни звука – пока кончики черных щупалец не превратились в острые пики и не вонзились ей под кожу. И тогда старуха закричала. Амалия зажала уши руками, но исступленный вой умирающей страшной смертью древней ведьмы прогрызался сквозь пальцы и ввинчивался в голову, лишая сил и воли. Ни шагнуть, ни вздохнуть, ни позвать на помощь – только смотреть, как умирает та, кого Амалия с самой первой встречи считала если не врагом, то уж точно не другом. Умирает, но не предает глупую девчонку, которая так ничего и не поняла.

– Неужели ты передумала? – Чудовище чуть ослабило свою хватку. – Хочешь что-то мне сказать?

– Хочу. – Мерсье сверкнула глазами, в последний раз растягивая в уродливой улыбке залитые кровью губы. – Ублюдок. Кастрат. Merde. Сын больной шлюхи. Ко…

Амалия проснулась от хруста лопающихся костей.

* * *

– Леди Фалмут. Леди Фалмут! Курвамать, держи ее, маркиза, она слишком сильная!

Амалия еще несколько раз дернулась в руках соседок и открыла глаза. В комнате было светло – одинокий огарок свечи на столе выбрасывал пламя высотой в добрую половину фута – так всегда получалось, когда Агнешка нервничала. И сейчас она нервничала очень сильно. Они с Ливи вдвоем навалились на Амалию, вдавливая ее в подушки, и вид у обеих был самый что ни на есть испуганный.

– Проклятье, малышка, я думала, ты переломаешь себе все кости, – облегченно выдохнула Агнешка. – Ты так колошматила по стене… Плохой сон, да?

– Не знаю… – Амалия кое-как оторвала гудящую голову от

подушки и села. – Я видела, как тот… тот, черный, из моих снов, – он убил мадам Мерсье!

– Привидится же такое. – Агнешка скривилась. – Эта старая карга сама кого хочешь прикончит.

– Может быть, стоит рассказать Кроу? – озабоченно произнесла Ливи. – А что, если это все по-настоящему? Как тогда!

– Не знаю, что там со старухой Мерсье, – фыркнула Агнешка, – но если мы разбудим Кроу посреди ночи, мы точно умрем. Просто дурацкий сон…

– Ужасный сон! – Амалия сбросила босые ноги на пол. – Голова раскалывается! Но Ливи права – лучше рассказать Кроу… Где она сейчас?

– У себя, в левом крыле Дома Четырех Стихий, – проворчала Агнешка. – Я покажу дорогу. Но стучаться будете сами – мне и так до конца года хватит дополнительных занятий.

– Так идем же скорее. – Ливи плюхнулась на кровать и принялась натягивать сапожки. – О подобном сразу нужно рассказывать, как же иначе. Кроу все поймет!

– Мне бы твою уверенность, маркиза. – Агнешка рывком затянула ворот плаща. – Ставлю две пинты на то, что леди Фалмут получит неделю в архивах у Крамера. Или будет убита на месте… я бы на ее месте предпочла второе.

Последние слова Агнешки потонули в дружном топоте каблуков по лестнице. Вниз, налево и снова вниз – к двери на улицу. Ветер тут же сорвал с головы Амалии капюшон и швырнул в лицо горсть ледяных крошек. На мгновение площадь вокруг Старины Боба озарила яркая вспышка, а потом откуда-то сверху загрохотало.

– Ураган, – тоскливо выдохнула Агнешка. – Курвамать… Ты не могла увидеть дерьмовый сон в другую ночь?

Амалия не ответила. Ветер хлестал по щекам и трепал полы плаща, будто бы желая поднять ее в воздух и играючи забросить на крышу жилого корпуса. Чтобы хоть как-то двигаться вперед среди бушующей вьюги, приходилось пригибаться к земле. Ветви Старины Боба натужно скрипели и, казалось, вот-вот были готовы сломаться под ударами стихии – но пока каким-то чудом держались. Амалия с трудом могла разглядеть стены ближайших зданий или проход к Дому Четырех Стихий – только чуть слева мелькали три огонька… Факелы? И кому могло понадобиться выходить на улицу ночью в такую вьюгу?

– Смотрите, там стражники. – Ливи подняла руку. – Двое… трое… Пятеро! Сразу! Что тут случилось?

– Похоже, они что-то тащат… длинное, узкое… – Агнешка прикрыла руками глаза, защищаясь от кромсавшего лицо снега. –

Носилки! Там мертвый!

– Мадам Мерсье… – прошептала Амалия. – Идем!

Высокие фигуры в меховых плащах мелькали всего лишь в половине ярда, но путь через сугробы показался бесконечно долгим. Амалия несколько раз спотыкалась, падала ладонями в колючий снег, перемахивала через свежие сугробы, но трепещущие на ветру огоньки фонарей, казалось, становились только дальше.

– Стойте! – закричала она. – Подождите!

И почти сразу же уткнулась в чей-то мягкий живот.

– Проклятье! – выдохнул мужской голос. – Леди… что вы забыли здесь? Да еще и в такой час?..

Амалия подняла голову. Хорошо знакомый ей по тренировкам на оружейном дворе стражник Хорас был чуть ли не вдвое выше ее и при этом обладал огромным животом. Коннери нередко ставил Амалию в тренировочном поединке против этого могучего, но неповоротливого толстяка, и в последнее время ему ни разу не удалось выйти победителем. Что, впрочем, не мешало уже немолодому Хорасу относиться к Амалии как к дочери и иной раз баловать ее сладостями. Пожалуй, из всех стражников Академии старина Хорас был самым приятным, но сейчас его лицо казалось хмурым и уставшим – и дело явно было не только в урагане.

– Что тут происходит, Хорас? – Амалии пришлось перекрикивать свист ветра. – Куда вы идете?

– Ох, малышка, это ты, – стражник узнал Амалию. – Господин Коннери отправил нас… по важному… да, по важному делу! А что ты делаешь на улице в такой час? Юным леди не пристало разгуливать по Академии посреди ночи! Если попадетесь кому-нибудь из профессоров, вас накажут! И нас заодно…

Хорас попытался состроить грозную физиономию, но бегающие скорбные глаза выдавали его. Стражник врал, и врал неумело.

– Зачем вам носилки? – требовательно спросила Агнешка, указывая на ношу стражников. – Что там у вас?

Амалия шагнула в сторону, чтобы получше рассмотреть, и Хорас тут же попятился назад, пытаясь закрыть носилки своим огромным телом.

– Проклятье, Хорас, прекрати болтать с девками, – рявкнул грубый голос из-за его спины. – Пусть убираются к Дьяволу!

– Кто-то умер, да?! – закричала Амалия, пытаясь обойти Хораса. – Это мадам Мерсье?!

Стражник изменился в лице и вдруг наклонился к Амалии. Так близко, что его колючая щетина царапнула щеку.

– Вот что я тебе скажу, малышка, – быстро зашептал он. – Не надо вам лезть в это темное дело. Лучше возвращайтесь к себе и ложитесь спать. Не заставляйте тащить вас домой силой!

В голосе Хораса послышалась мольба. Кто-то или что-то до полусмерти напугало огромного, как платяной шкаф, старого стражника. Амалия кое-как разглядела носилки. Меж длинных жердей лежал увесистый сверток, припорошенный снегом. Старое тряпье, под которым вполне могли примоститься два или три мешка с пшеницей… или изломанное тело старой ведьмы. Вот только кому бы понадобилось тащить под покровом ночи пшеницу?.. Амалия прикрыла глаза и втянула носом воздух. Истинное Зрение едва ли помогло бы увидеть что-то неживое, но запах… запах у носилок был. Едва заметный, но тяжелый, давящий. Чуть сладковатый и отдающий железом. Кровь. Смерть.

– Идем, – прошептала Амалия и нашарила руку Агнешки. – Идем скорее. Я должна рассказать Кроу.

Стражники прошли мимо, вполголоса бормоча под нос то ли ругательства, то ли молитвы. Слов было не разобрать – так сильно завывал ветер, становившийся все злее. Казалось, сама стихия хотела заставить Амалию и ее соседок повернуть назад. Но они все равно упрямо шагали через сплетение улочек, помогая друг другу пробираться через сугробы. На дорогу до Дома Четырех Стихий ушло почти четверть часа, хотя путь едва ли был длиннее пары-тройки ярдов.

– Я думала, мы там околеем. Курвамать, – выругалась Агнешка, растирая замерзшие щеки. – Ног не чувствую…

– Я тоже. – Ливи пару раз подпрыгнула на месте и затворила дверь, за которой бесновалась метель. – Куда дальше?

– Вверх и налево. – Агнешка махнула рукой в сторону лестницы. – Проклятье, леди, вы правда думаете, что старуха Мерсье отдала душу Всеотцу? Темный из сна Амалии прикончил ее, и теперь стражники несут…

– Коннери должен знать, – вспомнила Ливи. – Они говорили, что это он приказал!

– Они сделают все, что старик прикажет, – проворчала Агнешка. – Боятся его как огня. Может, это он сам и убил старуху и теперь пытается скрыть…

– Не болтай! – Амалия дернула соседку за рукав. – Мой Мастер бы точно не стал такого делать!

– Пожалуй, – согласилась Ливи. – Признаться, у меня до сих пор дрожат коленки, когда Коннери проходит мимо, но убить старую женщину ночью… Ни за что не поверю!

– Пусть Кроу с этим разбирается. – Агнешка свернула в коридор налево. – В конце концов, мы ничего такого не скажем…

надеюсь. Сюда!

Амалия нерешительно остановилась перед тяжелой дубовой дверью с золоченой ручкой. Личные покои грозной Кеттрикен Кроу, которая очень не любила, когда ее беспокоили по пустякам. Страшный сон, увиденный студенткой первого курса, отряд стражников с носилками… А что, если Кроу вообще не станет их слушать?.. Нет! Не для того они пробирались сквозь бурю, чтобы сейчас повернуть назад! В Академии только что случилось что-то страшное, и Кроу должна об этом узнать – чего бы это ни стоило трем замерзшим студенткам. Амалия выдохнула и постучала в дверь.

Старое дерево отозвалось едва заметным дрожанием, а потом с той стороны послышался тихий звон колокольчиков – наверное, сработало какое-то несложное заклятье. Кроу всегда была готова принять незваных гостей. Возможно, потом этим гостям придется мчаться вниз по лестнице, сбивая пламя с полыхающих юбок, – но та, кого Торвальдсен оставил вместо себя, уж точно не стала бы спокойно спать, когда кто-то стучался к ней в дверь. Амалия услышала торопливые шаги – Кроу так спешила, что даже не успела надеть туфли и шла босиком. Ручка дернулась вниз, и дверь распахнулась.

– Хэмптон. Монтгомери… – Кроу хмуро переводила взгляд. – И, разумеется, Ковальски. Посреди ночи. Почему я не удивлена?

– Профессор Кроу… – Амалия нервно сглотнула. – Я думаю, что в Академии случилось что-то страшное. Я видела сон, в котором…

– И из-за этого вы решили, что можете вытаскивать меня из постели в такой час?

Кроу выглядела недовольной. Очень недовольной. Но уж точно не заспанной. Синие ледяные глаза метали молнии, волосы – чуть взъерошены, но совсем не так, как это бывает после долгого и крепкого сна. На щеках Кроу играл румянец. Она руками придерживала запахнутые полы длинного темно-красного халата – затянуть пояс так и не успела. Неужели так быстро вскочила с постели, что уже стряхнула с себя все следы сонливости… Или?..

– Прошу простить меня, профессор, – снова заговорила Амалия. – Мне приснилось, что кто-то убил мадам Мерсье, и я решила, что…

– Это что, какая-то дурацкая шутка? – Кроу сдвинула брови. – Вы находите это смешным?!

– Я не шучу! Это правда! – закричала Амалия, делая шаг вперед. – Ее убили! Я сама видела!

– Во сне? – Кроу приподняла бровь.

– Именно так, профессор. – Агнешка встала рядом с Амалией. – А по пути сюда мы видели стражников с носилками – их послал профессор Коннери. А на носилках лежало…

– Тело мадам Мерсье? – Кроу криво усмехнулась. – Вы это хотите сказать, госпожа Ковальски?

– Да… – Агнешка поежилась. – А еще я считаю, что ее мог убить профессор Коннери. Если, конечно, это его настоящее имя…

– Продолжайте, юная леди, – раздался хриплый голос. – Это начинает казаться забавным. По-настоящему забавным.

Сердце Амалии пропустило удар. На мгновение ей захотелось развернуться и просто убежать – неважно куда, лишь бы подальше отсюда. Она бы не удивилась, если бы Мастер Коннери, как и всегда, незаметно возник за спиной, но его голос звучал из покоев Кроу. Огромная фигура на мгновение заслонила свет и шагнула вперед. Коннери уже успел избавиться от ненавистного камзола и остался в одной шелковой рубахе и темных штанах. Что он вообще забыл у Кроу? И почему он тоже босиком?..

– Итак, я под покровом ночи прокрался в жилище беззащитной пожилой женщины и придушил ее. – Коннери сложил руки на груди. – И на самом деле меня зовут… как, госпожа Ковальски?

– Мастер Коннери! – Амалия выставила вперед ладони. – Мне снова приснился сон, где был тот, черный без лица! И он пытал мадам Мерсье, а потом убил ее!

– У тебя очень богатая фантазия, – оскалился Коннери. – Или ты пытаешься превзойти госпожу Ковальски в остроумии?

– Да нет же!

Амалия задрала рукав. Там, где ее руки коснулось чудовище из сна, до сих пор остались четыре неровные белые полоски – следы когтей. Неужели Мастер не помнит?! Он ведь сам прогнал черную тварь и целую ночь провел под окнами на страже! А теперь…

– Похоже, ты была права, Кет. У девочки слишком нежный характер. Так волноваться из-за плохого сна…

Коннери чуть склонил голову и будто бы невзначай приобнял Кроу за талию. Недопустимая вольность – пусть они и знают друг друга почти полтора века! Конечно, та должна была немедленно убрать его руку или хотя бы сделать шаг в сторону… но вместо этого Кроу чуть откинулась назад и уткнулась затылком в грудь Коннери.

– Не знаю, Грег, – устало вздохнула она. – Может быть, еще не поздно все изменить? Если Амалия вернется в Эйлсбери, к семье…

– Что?!

Амалия не могла поверить своим ушам. Эти двое стояли прямо перед ней и обсуждали ее будущее так, будто бы ее здесь и вовсе не было! Кроу хочет выгнать ее, Амалию, из Академии, а Мастер Коннери просто молчит?! Молчит – и даже не смотрит в ее сторону. Конечно же, все его внимание приковала к себе Кроу! Наверное, они оба считают ее маленьким и глупым ребенком. Но она прекрасно знает, почему Мастер Коннери вдруг оказался посреди ночи в покоях профессора Кроу… и почему она совсем не выглядит заспанной. И почему им нет дела ни до покойной Мерсье, ни до трех замерзших студенток!

– Я никуда отсюда не уйду! – Амалия сжала кулаки. – Слышите! Не уйду!

Воздух вокруг загустел, наливаясь Силой. По коридору пробежал ветер. Не тот, что бесновался снаружи. Другой – куда злее и опаснее… Амалия уже не могла остановиться. Пусть только попробуют выгнать ее! Ее дом – здесь. Ни отец, ни даже мать не примут чудовище со шрамом на лице обратно в Вудсайд Хаус. Мастер Коннери и Кроу предали свою ученицу, так легко отказались от своих слов.

– Ты забываешься, – угрожающе проговорил Мастер. – Немедленно отправляйтесь домой, юные леди. Не стоит беспокоить нас вашими глупыми выходками.

– Вы болван! – закричала Амалия, делая шаг вперед. – Мерсье убили, и вы это прекрасно знаете! И вы знаете, что это сделал…

Резкая боль заставила ее замолчать на полуслове. Конечно, она даже не успела заметить, как Мастер оказался рядом. Его пальцы стальными клещами сомкнулись на плече. Амалия рванулась, и он нажал чуть сильнее, заставив ее с рыданиями рухнуть на колени.

– Девчонка, – презрительно бросил Мастер. – Глупая бесполезная девчонка. Кажется, пришло время преподать тебе последний урок.

– Не трогай ее, слышишь, ты, грязный…

Агнешка попробовала было приблизиться к Мастеру, но тот лишь сверкнул на нее зелеными глазами, и она с тихим клекотом схватилась за горло.

– Ковальски, Монтгомери – пошли вон! – Коннери повернулся к Кроу. – Ложись спать, Кет. Нам с госпожой Хэмптон предстоит долгая ночь.

Глава 11

– Мастер, прошу вас, – простонала Амалия. – Мне больно!

– Заткнись.

Коннери напоследок стиснул плечо так, что потемнело в глазах, а потом швырнул ее на холодный пол тренировочного зала. Амалия едва могла шевелить левой рукой, но все же попыталась подняться.

– Как я мог так ошибаться. – Мастер неторопливо прохаживался взад-вперед, склонив косматую голову. – Бесполезная трата времени. Из тебя никогда не выйдет боевого мага. Твой Дар так же ничтожен, как и ты сама. Почти полгода – и ты даже не можешь удержать меч.

– Неправда! – Амалия кое-как встала.

Ноги едва держали ее, но она все-таки старалась снова не упасть, не согнуться под тяжелым взглядом Мастера. Как будто это имело хоть какое-то значение…

– Ты будешь со мной спорить? – усмехнулся он. – Хорошо, пусть так. Бери меч.

Амалия доковыляла до оружейной стойки и взяла свой любимый тренировочный клинок. Не слишком длинный, легкий – сейчас с другим она бы точно не управилась.

– Брось эту игрушку, – приказал Мастер. – Бери тот, крайний. Неделю назад какая-то бестолковая деревенщина пыталась протащить его в Академию для госпожи Амалии Хэмптон.

Амалия молча сомкнула пальцы на рукояти. Благородное оружие, купленное на ярмарке в Вудроу, вернуло ей капельку сил – теперь она могла хотя бы ровно стоять. Что бы ни придумал Мастер, она больше ни о чем его не попросит.

– Нападай. – Коннери отступил на шаг и чуть отвел плечи назад, разминая мышцы. – Смотри, я без меча. Сможешь хотя бы поцарапать меня – останешься в Академии. Не сможешь – отправишься домой.

Значит, так? Амалия несколько раз выдохнула и встала в стойку. Конечно, Мастер может обратить ее в прах одним лишь взглядом. Но он не станет нарушать собственные правила. Честная схватка – сталь против человеческой плоти, меч против руки. Но Амалия слишком хорошо знала, на что способны эти руки. Останавливать остро отточенное железо. Ломать, уничтожать. А еще – снимать боль, приносить тепло… Нет, больше никогда! Амалия тряхнула головой и пошла вперед. Стоит хоть на мгновение отпустить клокочущую внутри ярость – и она просто не сможет ударить Мастера. А тот лишь следил за ней

одними глазами, словно дразня, давая подойти ближе, обманчиво подставляя под клинок из голубой стали ничем не защищенное огромное тело.

Но Мастер не стал играть. В любой другой день он мог бы хоть целый час ускользать от выпадов Амалии, доводя ее до изнеможения, но сейчас все было иначе. Она вложила в удар все остатки Силы, которые только смогла собрать, и движение получилось правильным. Меч сверкнул молнией. Быстрее стрелы, быстрее самого убийственного заклятия, быстрее ветра – но Мастер оказался еще быстрее. Его ладони сомкнулись на лезвии, и Амалия почувствовала, как рукоять вырывается из пальцев, обдирая кожу до крови. Мастер отбросил меч в сторону и уже не спеша размахнулся и отвесил Амалии звонкую затрещину. Потом еще одну. Потом еще – пока она не свалилась на пол.

– Как я и думал, – устало выдохнул он. – Где ты вообще раздобыла эту железку?

Амалия упрямо стиснула зубы. Теперь никто и никогда не смог бы заставить ее рассказать, для чего она купила меч. Точнее – для кого.

– Никчемная игрушка. Поддельная иберийская сталь, жалкая фальшивка. – Мастер присел рядом с Амалией и проговорил уже тише: – Такая же, как и ты.

Поднявшись, он подобрал клинок, несколько раз крутанул им в воздухе и с размаха обрушил на пол.

– Нет… – только и смогла прошептать Амалия.

Острые осколки камня брызнули во все стороны. Но и сталь не выдержала. С прозрачным и жалобным звоном лезвие меча переломилось пополам.

– Чертова девка, – выругался Мастер, стаскивая через голову рубаху. – Проваливай отсюда и собирай вещи. Если завтра увижу тебя в Академии – прикажу отхлестать розгами и вышвырнуть за ворота голой. Проклятье! – Мастер сбросил на пол ремень. – Мне надо помыться. Столько времени потрачено зря, черт бы тебя побрал…

Но Амалия уже не слушала его злобное ворчание. Не смотрела, как он удаляется в сторону ванной комнаты, шлепая по полу босыми ногами. Все ее внимание приковал к себе старый солдатский ремень. И пряжка – не большая, которую Мастер носил на поясе. Другая. Совсем крохотная, потемневшая от времени. К этой он наверняка пристегивал ножны меча. Когда-то давным-давно.

* * *

Дерека не было ни в библиотеке, ни в «Вересковом меде». Мужской корпус пустовал с самого утра – почти всех студентов согнали в Дом Четырех Стихий прибираться после вчерашнего бала. Но и среди неторопливо снующих туда-сюда юношей с недовольными лицами Дерека не оказалось. Конечно, он сбежал с подобной работы – много ли радости в том, чтобы двигать тяжеленные столы среди источающих густой похмельный аромат старшекурсников? Амалия заглянула даже в «Одноглазую фею», потом на конюшни и в конце концов вышла за ворота и неторопливо зашагала по тропинке, ведущей в Звенящий Лес. Мог ли Дерек по какой-то причине оказаться там? Дерек мог вообще что угодно. Амалия даже не пыталась догадаться, чем он занимается и что ему на самом деле нужно. У него была страница из книги, на которой вполне мог быть изображен портрет… Мастера Коннери? Амалия устало выдохнула. Ну как не запутаться во всей этой круговерти событий, подсказок, строк из древних книг?.. И куда бежать, если Агнешка окажется права? Если мрачный старик, раскрывший Темный Дар Амалии, действительно окажется главным героем детских страшных сказок? Владыкой Матабером, едва не утопившим в крови Серединные Земли полтора века назад? Нет, так даже думать нельзя! Сначала получить заветную страничку из «Хроник» и только потом – действовать. Сбежать из Академии, спрятаться, найти кого-нибудь из Высших магов. Высшие справятся, даже если Кроу окажется на стороне Коннери. Двое против целого мира – разве они смогут выстоять?.. А что будет, если смогут? Проклятье!

– Дерек, черт бы тебя побрал, – устало пробормотала Амалия. – Где же тебя носит?..

– Прямо здесь.

Амалия вздрогнула и задрала голову. Дерек сидел, свесив ноги, на ветке могучего дуба почти над самой тропинкой. И как она его не заметила? Он был без плаща, в той же самой черной одежде, что и вчера, но холод, похоже, не причинял ему никаких неудобств.

– Могла бы просто позвать, – усмехнулся Дерек. – Как видишь, это совсем несложно. Уже успела соскучиться, или у тебя что-нибудь для меня есть?

– Я готова поменяться, – осторожно произнесла Амалия.

В конце концов, ему ничего не стоило отобрать пряжку силой. Всех тренировок с Мастером Коннери не хватило, чтобы отделать Дерека вчера после бала. Неизвестно, откуда в худощавом теле взялась такая силища. Амалия чуть прищурилась и посмотрела на него Истинным Зрением. Серые тени, тусклые всполохи, немного

красок. Ничего. Ничего особенного. Дерек умел хорошо прятать свою сущность… да и тех у него было целых две. И с этой Амалии связываться не хотелось.

– Чудесно!

Дерек спрыгнул с дерева прямо на тропинку. Ловко приземлился, чуть стукнув о еще не растоптанный снег сапогами – будто бы ему вовсе не пришлось пролететь полтора десятка футов.

– Ты просто чудо, Ами. – Глаза Дерека радостно сверкнули. – Пряжка с тобой?

– Может быть. – Амалия отступила на шаг. – А ты принес, что обещал?

– Ты боишься, что я тебя обману? – Дерек расхохотался. – Чего ради? Мне нет никакого толку от твоего старья. Вот, пожалуйста.

Он порылся в карманах и извлек на свет сложенную вчетверо пожелтевшую бумажку. Страницу из «Хроник», ту самую? Пожалуй. Слов было не разобрать, но Амалия без труда разглядела крупный угловатый шрифт. Точно такой же, как и в украденной из библиотеки книге!

– Отдай. Сначала ты. – Амалия нащупала в сумке пряжку и изо всех сил стиснула ее в кулаке. – Потом получишь свое.

– Я всегда получаю свое, малышка. – Дерек протянул ей страницу. – Держи. Теперь твоя очередь.

– Черт бы тебя побрал, – проворчала Амалия, отбирая свой трофей. – Вот. Лови!

Даже здесь у нее не получилось переиграть Дерека. Тот лишь легонько щелкнул пальцами, и пряжка вынырнула из сугроба и послушно легла ему в ладонь.

– Твое упрямство нравится мне даже больше, чем твое личико. – Дерек подбросил пряжку и снова поймал. – День обещает быть хорошим.

Амалия торопливо развернула страничку. Вот! Портрет сохранился плохо, но все же достаточно, чтобы на нем можно было узнать… Тяжелый взгляд, длинные седые космы и борода могли принадлежать только одному человеку.

Массерио Лунный Шепот.
1162–1237 Лето от Рождения Солнца.

Точное место и день рождения Массерио Тавеса неизвестны. Некоторые рукописи указывают юг Иберии, в других говорится, что будущий темный маг появился на свет в одном из Вольных Городов или даже на землях Остерайха. Способности к волшебству

проявились…

Массерио Лунный Шепот? Амалия пробежала глазами весь листок до конца, потом вернулась к началу и прочитала уже медленнее. Темные искусства, жертвоприношения, дар перевоплощения… Оборотень-людоед Массерио за свою жизнь сотворил немало зла, но ничто не связывало его с кайзером Маркусом-Герартом. Массерио сожгли на костре за пять лет до начала Осенней Войны! И портрет… Оборотень действительно напоминал Мастера Коннери – но лишь на первый взгляд. С вырванной из книги страницы на Амалию смотрел глубокий старик. Больной и худой, с ввалившимися щеками и глазами. Судя по морщинистой коже и впалому рту, у Массерио не осталось и половины зубов. Шея тощая, волосы редкие, свалявшиеся, борода уродливыми клочками… Амалия вспомнила могучую фигуру и оскал Мастера. Нет, невозможно. Уродливый старик с безумным взглядом никак не мог превратиться в пышущего силой и здоровьем мужчину. Это был совершенно другой человек. Не Мастер Коннери. Не Матабер.

– Ты меня обманул. – Амалия подняла глаза от бумаги. – Это не тот…

– Разве, малышка? – Дерек широко улыбнулся. – Ты хотела страничку – ты ее получила. Разве я виноват, что ты не нашла на ней того, что искала? Я сдержал слово.

– Нет! – Амалия бросилась вперед. – Отдай!

– Глупышка.

С лица Дерека вмиг исчезло все благодушие. Он не сдвинулся с места, не использовал Силу – просто встретил Амалию ударом ноги в живот. Простой и подлый прием, которого следовало ожидать. Мастер всегда говорил, что гнев – ненадежный союзник, и сейчас Амалия снова убедилась в его правоте. Она рухнула в снег, не имея даже сил вздохнуть. Как же больно! Амалия сжала зубы, зажмурилась, но все равно не смогла сдержать слез. Фигура Дерека сначала расплылась, а потом и вовсе исчезла среди снега и деревьев. Амалия осталась одна. Боль понемногу отступала, но вставать не хотелось. Просто лежать в снегу, пока не замерзнешь, – разве плохо? Отдать холоду и боль, и обиду, и глодающую изнутри пустоту. Уйти от обмана и предательства. Заснуть и больше никогда не просыпаться…

– Вставай.

– Не хочу. – Амалия уткнулась лицом в колючий снег. – Не буду. Оставьте меня в покое.

– Я понимаю твою боль.

Селина не рассердилась на грубость. Амалия едва ли могла

представить себе что-то, способное вывести из себя древнее создание с голосом, похожим на звон серебряных колокольчиков.

– Нет, вы не понимаете. – Амалия кое-как выбралась из сугроба и села. – Вы отказались от боли. Ее больше нет.

– Зато я могу чувствовать чужую. – Селина протянула маленькую руку и помогла Амалии подняться. – Кто-то тебя обидел. Очень сильно.

Амалия отряхнула заснеженный плащ. Ее обидели? Мастер Коннери? Кроу? Дерек? Какая теперь разница? Ей придется покинуть Академию, и она больше никогда не увидит ни Агнешку, ни Ливи, ни Алекса. Интриги, загадки, мучения – все останется в прошлом. Наверное, отец теперь отправит ее в монастырь. Если во всей Ритании найдется обитель, готовая приютить темного мага.

– Мне все равно, – убито выдохнула Амалия. – Я устала.

– Может быть. – Селина мягко улыбнулась. – Может быть, твое время почти настало. Иногда внутри становится так много печали, что сердцу не под силу его выдержать. Но что для Леса человеческая тоска? Лишь короткий миг в вечной безмятежности.

Амалия чуть прикрыла глаза. Но на этот раз Звенящий Лес не ответил.

– Не торопись, – негромко произнесла Селина. – Тебе больше незачем спешить. Я уже слышала, что твой Мастер решил отказаться от тебя… но ты можешь пойти со мной.

– Пойти? – удивилась Амалия. – Куда?

– На эти земли вернулась Тьма. – Селина обхватила себя за плечи. – Звенящий Лес меняется. Я должна уйти. Мы сможем найти новое место, еще не тронутое болезнью. Там твоя душа исцелится.

– Вы… вы знаете, что происходит? – пролепетала Амалия, поднимая глаза. – Что вернулось?

– Тот, само присутствие которого извращает и калечит все живое, – прошептала Селина. – Я не боюсь смерти – но его я боюсь.

– Назовите мне имя! – Амалия схватила дриаду за руки. – Его можно остановить?

– У Зла нет имени, милая. – Селина тяжело вздохнула. – Его Сила слишком велика. Я могла бы встретить его и умереть здесь, в Звенящем Лесу… могла бы, да. Но мой путь не в битве. Мы с тобой найдем другое место и…

Снова эти отговорки, игры словами.

– Не будет никакого другого места. – Амалия выпрямилась и кулаком вытерла слезы. – Не будет! Можно бежать хоть на самый край света. Только что вы сделаете, когда Зло придет и туда?

Когда убегать будет уже некуда?

– Не знаю. – Селина опустила глаза. – Я не умею сражаться. Давным-давно я выбрала другую дорогу.

– В таком случае мне с вами не по пути! – крикнула Амалия.

– Как много в тебе от твоего Мастера… – Селина отступила на шаг. – Воля и ярость… Мне нечему научить тебя, девочка.

Амалия крутанулась на пятках и зашагала обратно к замку Ринвуд. Пусть так – дриада права. Пусть будет больно, пусть даже впереди только Тьма и смерть. Но это все равно лучше, чем бежать и вечно прятаться от неизбежного, сдавая безымянному Злу шаг за шагом. И разве так важно, был ли Мастер Коннери тем самым загадочным Матабером? Он учил ее только одному – драться. До того, как предал. Но у Амалии оставался еще один учитель. Тот, кто никогда не сдавался, – даже когда против него встал чуть ли не целый мир. Только вперед и до самого конца. И она, Амалия Хэмптон, леди Фалмут, ученица темного мага, должна справиться. Должна хотя бы попробовать. Но сейчас ей нужно было всего несколько слов, которые она могла найти только в одном месте.

* * *

Черная книжечка сразу раскрылась на нужной странице. До этого Амалия много раз пролистывала ее вдоль и поперек, но могла разобрать только те строчки, что уже читала раньше. Неужели чистая, без единой чернильной кляксы страничка действительно пряталась в конце почти у самой обложки? Нет, едва ли – пропустить ее было невозможно. Просто ее время пришло только сейчас.

Сегодня утром на нас напали. Несколько десятков вооруженных до зубов рейтаров. Я не верю в такие случайности. Должно быть, кто-то предал. Или Он воспользовался своей дьявольской силой, чтобы отыскать крохотный отряд, затерявшийся среди свежих снегов где-то под Виенной. Я сам не знал, где именно мы находились. На размокших картах кое-как видны дороги, но мы сошли с них давным-давно.

Шесть человек, включая меня и Кошку. Конечно, нам было не выстоять. Абрахам, Варли, Шон и Говард. Я не забуду того, что вы смогли сделать, – ни на этом свете, ни на том. Вряд ли этот бой когда-нибудь попадет в баллады. Уже скоро не останется ни одного из тех, кто мог бы рассказать, что творилось на рассвете.

Я тоже должен был умереть. Не знаю, скольких я отправил к

Дьяволу на этот раз – но они все равно победили. Рейтары забрали Кошку – я знаю, я чувствую, что она жива. Только эта мысль заставляет мое сердце биться, а изрубленное мечами обескровленное тело двигаться. Ублюдки даже не потрудились как следует меня похоронить – просто швырнули в яму вместе с остальными и слегка забросали землей. Я не собираюсь прощать им этой ошибки. Сегодня мертвецы поднимутся из земли. Я найду Кошку и уничтожу любого, кто встанет у меня на пути. А потом настанет черед Матабера. Я смогу отдохнуть, только когда вырву из груди его черное сердце.

Будущее ведомо одному лишь Всеотцу. Мое сердце полно решимости, но враг силен. Я не отважусь доверить бумаге имена моих друзей Кошки и Бродяги. Тех, кого я люблю больше самой жизни. Тех, ради кого я поднял бы меч даже против своего Короля – да простит меня Его Величество за то, что я посмел написать подобное. Но свое имя я не скрываю. Им я запечатаю этот дневник от чужих глаз, ведь больше мне сказать нечего. Я завершаю мой скромный труд, и пусть он попадет в руки достойного.

3 декабря,
Лето 1242 от Рождения Солнца
Милостью Всемогущего Отца
рыцарь Его Величества
Грегор Коннери

Черная книжечка выпала из рук Амалии и со стуком ударилась о пол.

Глава 12

До самых ворот Академии Амалия мчалась без остановки и только за серыми стенами замедлила бег, вслушиваясь в непривычную тишину. Происходило… что-то. Непонятное и страшное. Даже морозный воздух как будто стал другим – никак не получалось вдохнуть его полной грудью. Амалия прикрыла глаза. У Силы, клубившейся над черепичными крышами и Дозорной Башней, могло не быть имени. Но цвет у нее был. Темный, темнее самой длинной и холодной зимней ночи. Неудивительно, что никому не хотелось выходить на улицу. Но в отличие от прочих обитателей замка Ринвуд Амалия чувствовала не только тоску и уныние. Огромный сгусток Темной Силы внушал ужас и трепет – но и какой-то сумасшедший восторг тоже. Амалия раскрыла свой Дар и снова побежала – еще быстрее, чем раньше. Это ее Сила, ее проклятье – почему бы не ухватить хотя бы немного? Когда дорого каждое мгновение, не приходится выбирать правильные средства. Каждый шаг, приближавший Амалию к цели, давался все легче. Вперед и вверх, быстрее ветра. Она ни разу не остановилась отдышаться, огромными прыжками преодолевая бесконечные ступеньки Дозорной Башни. Вот и нужная дверь. Заперто? Не страшно. Нет времени стучаться, нет времени объяснять. Коротко выдохнув, Амалия ударила каблуком прямо в замок. Дерево жалобно хрустнуло, и дверь распахнулась.

– Мастер Коннери! – выпалила Амалия. – Я знаю, кто разбил Кристалл и убил мадам Мерсье!

– Чудесно. В таком случае не отвлекай. Я как раз собираюсь отправить его к Дьяволу. Снова.

Мастер Коннери даже не оглянулся. Он стоял спиной к двери и затягивал на поясе ремень. Тот самый, с которого Амалия сняла пряжку чуть больше часа назад. Кроу сидела за столом и сосредоточенно разглядывала разложенные на нем амулеты.

– Слишком мало, – выдохнула она, не обращая внимания на Амалию. – Мы не справимся, Грег.

– Я, – коротко отрубил Мастер. – Против него тебе не продержаться и минуты.

– Это мой однокурсник, – снова заговорила Амалия. – Я не знаю, как он…

– Дерек Каннингем, – кивнул Мастер. – Вернее, был им.

– Вы… вы знали? – прошептала Амалия. – Но почему тогда?..

– Мы не были уверены, – вместо Мастера заговорила Кроу. – Времени уже совсем не оставалось, и нам пришлось… – Кроу виновато вздохнула. – Пришлось пойти на крайние меры.

Надеюсь, ты когда-нибудь сможешь простить нам это гадкое представление…

– Но мне очень нужно было, чтобы ты взяла ту дурацкую пряжку, – закончил Мастер Коннери. – Теперь я могу следить за ублюдком. Уверен, он начал действовать…

Амалия почувствовала, как пол под ногами содрогнулся – словно кто-то вдруг приподнял весь замок Ринвуд на несколько футов и уронил обратно на землю.

– …прямо сейчас. – Мастер на мгновение замер, словно прислушиваясь к чему-то. – Может быть, у нас получится…

– Я ничего не понимаю! – простонала Амалия. – Что здесь вообще происходит?

– Сущая ерунда. – Коннери пристроил на пояс короткий меч. – Из Преисподней вернулся самый сумасшедший сукин сын из всех, которых мне когда-либо приходилось убивать.

– Прошу тебя, Грег. – Кроу встала из-за стола. – Мы и так упустили все, что могли упустить. Девочка имеет право знать.

– Хорошо, – согласился Мастер. – Пусть будет так.

Амалия вся превратилась в слух. Ну же!

– Когда-то давным-давно на землях Остерайха появился на свет… Впрочем, – Коннери тряхнул головой, – тебе едва ли будет интересно слушать о том, кем был Альфред Мебиус до того, как взял другое имя.

– Матабер, – тихо произнесла Амалия.

– Верно. – Мастер снова кивнул. – Тот, кто пожелал полностью подчинить себе Изначальную Тьму. Разумеется, ему это не удалось. Даже великий Дар и великая воля не в силах совладать с Хаосом. Альфред Мебиус перестал существовать полтора века назад. Точно так же, как перестал существовать твой друг Дерек. Вместо него на свет появился Матабер – безумное чудовище, чье единственное желание – уничтожить все живое. Войны, болезни и даже сама смерть – лишь игрушки в его руках. Но на его пути встали… встали три мага. Их звали Бродяга, Кошка…

– …и Грегор Коннери. – Амалия улыбнулась. – Кажется, эта часть легенды мне известна, Мастер.

– Боюсь даже спросить, кто тебе все это разболтал, – Коннери покачал головой. – Матабер внушал страх. Такой сильный, что его постарались поскорее забыть. Все – и маги, и правители, и обычные люди. И у них это неплохо получилось. Настолько хорошо, что, когда он вернулся, в это никто не поверил.

– Прости, Грег. – Кроу уткнулась головой в плечо Мастера. – Если бы я послушала тебя раньше, если бы Эл…

– Но как, как он вернулся? – воскликнула Амалия. – Разве

может маг обрести бессмертие?

– Разумеется, нет. – Мастер шагнул вперед. – Магу – будь он хоть втрое могущественнее самого Элвина Торвальдсена – не дано победить смерть. Мы можем жить безумно долго, но нас не так уж сложно убить. Матабер же сменил жизнь на иное существование. Я бы сказал, что он уже давным-давно мертв.

– Он шагнул за грань смерти задолго до того, как мы сожгли его гниющее тело, – добавила Кроу. – Стоит ли удивляться, что этого оказалось недостаточно. И тогда мы запечатали безумный дух Матабера древним заклятием и тремя зачарованными предметами.

– Никакой особой романтики, девочка. – Мастер невесело оскалился. – То, что оказалось под рукой. Перстень с черным камнем, принадлежавший Элвину Торвальдсену. Серебряная брошь Кет. А оборванному рыцарю было нечего предложить, кроме…

– Старой пряжки ремня? – догадалась Амалия и убитым голосом добавила: – Которую я сама отдала Матаберу, верно?

– Отчасти. – Мастер улыбнулся и разжал руку. – Вот этой самой пряжки. Когда пропали брошь Кет и перстень из кабинета ректора, я уже знал, что он придет и за ней – рано или поздно.

На широкой ладони лежал крохотный кусочек потемневшего от времени металла. Невзрачный и убогий, на ярмарке даже самый щедрый покупатель не дал бы за него и ломаного медяка. Но если это та самая пряжка, то Дереку досталась…

– У Матабера подделка. – Мастер снова сжал кулак. – Очень хорошая – даже ему не раскусить обман. Без третьей части заклятия он не сможет завершить ритуал и вернуть себе всю Силу. И у меня появится шанс.

– Вы сможете победить его, Мастер? – тихо спросила Амалия.

– Я очень постараюсь. – Коннери подошел вплотную и присел. Теперь их глаза оказались почти вровень. – Когда-то мы едва справились втроем. Он намного сильнее меня.

Дозорная Башня вновь содрогнулась. Откуда-то снаружи послышались крики.

– Ты только погибнешь зря, Грег. Мы еще можем уйти. – Кроу умоляюще посмотрела на Мастера. – Найдем Эла… или соберем остальных – Стрелковского, Лакруа… Вместе мы…

– Академия – мой дом! – рявкнул Коннери. – И я не собираюсь бежать, когда какой-то дохлый ублюдок убивает моих студентов!

– Тогда я иду с тобой. – Кроу расправила плечи. – Я смогу поддержать тебя Силой. Хотя бы немного.

– И я! – выпалила Амалия.

– И мы тоже!

Никто не заметил, как Агнешка и Ливи проскользнули в каморку Мастера Коннери. Сердце Амалии сжалось. Неужели соседки видели, как она мчалась через всю Академию, и пришли на помощь? Что же с ними будет, если…

– Это настоящий бой, – медленно проговорила Кроу. – Совсем не то же самое, что удрать ночью в «Одноглазую фею» или даже забраться в катакомбы. Нас всех могут убить.

– Мы понимаем! – Агнешка нетерпеливо тряхнула рыжей шевелюрой. – Но мы не бросим нашу Ами. А она ни за что не бросит вас с профессором Коннери!

– Если… если профессор Коннери не справится, – негромко добавила Ливи, – Матабер все равно убьет всех в Академии, ведь так? Или обратит в своих рабов…

Мастер Коннери склонил голову. Амалия подошла и взяла его за руку. Пусть попробует прогнать. Она все равно пойдет с ним, потому что больше ей идти некуда.

– Держитесь за моей спиной, – наконец выдохнул Мастер. – Не пытайтесь атаковать. Я возьму вашу Силу на щиты. Если Матабер победит… что ж, вы едва ли надолго меня переживете.

– Я отдам столько, сколько понадобится, Мастер, – пообещала Амалия.

– Верю. – Коннери слегка сжал ее пальцы. – Наверное, сейчас не время говорить об этом, но я хочу, чтобы ты знала: у меня еще никогда не было столь способного ученика. Ты лучше всех, девочка.

Амалия выдохнула – и не смогла вздохнуть. Ну почему, почему он никогда не говорил этого раньше? Зачем? Почему-то хотелось смеяться и плакать одновременно, хоть Дозорная Башня уже тряслась так, будто вот-вот должна была обрушиться. Мастер негромко добавил еще что-то, но его шепот затерялся среди грохота трескавшихся стен.

* * *

– За что?! Свет, ненавистный свет! Биение сердец. Когда-то наши сердца тоже бились. Когда-то мы тоже были живыми. Зачем, почему нас позвали?! Нет, мы хотим вернуться обратно! Нет! НЕТ!

Если бы не крепкие руки Ливи и Агнешки, Амалия бы точно свалилась со ступенек. Виски сдавило, а в глаза плеснула темнота. Нет, сейчас никак нельзя падать в обморок! Пусть у

Амалии есть лишь крупица Силы Мастера Коннери, именно этой крупицы ему может не хватить! Сжав зубы, она заставила голоса драугров звучать в голове хотя бы немного тише. Уже открывая тяжелую дверь, ведущую наружу, Мастер обернулся и одобрительно кивнул. Конечно, он тоже слышал, как немертвые истошно кричат, – но даже не покачнулся.

У подножия Дозорной Башни столпилось не меньше сотни драугров. Слепые иссушенные тела утопали по колено в снегу, но все же упрямо двигались вперед, протягивая костлявые руки к Мастеру Коннери. То ли Матабер поднял из Некрополя свое воинство, то ли драугры сами не смогли оставаться в могилах, услышав эхо Темной Силы, вихрем закручивавшейся над Академией. Мастер развел в стороны руки, а потом резким движением соединил ладони, и огненный смерч прокатился через арку до самой Белой Лестницы, испепеляя и расшвыривая драугров. Одно мгновение – и путь был свободен.

– Силен, – восхищенно прошептала Агнешка. – У господина Матабера большие неприятности.

Мелкие кучки драугров, попавшиеся на пути к Дому Четырех Стихий, Мастер развеивал в прах, даже не совершая пассов руками, – одним лишь взглядом. Но за Академию сражался не только он один.

Амалия не сразу узнала сутулого и неказистого библиотекаря Крамера. Он где-то потерял очки, и вместе с ними с него будто бы свалилась маска испуганного маленького человечка. Крамер стоял на самой верхней ступеньке Белой Лестницы и остервенело кромсал подбиравшихся снизу драугров сияющей магической плетью.

– Хвала Всеотцу, вы живы, Алистер! – могучий голос Мастера Коннери перекрыл звуки боя. – Где остальные?

– Хотел бы я знать! – заорал в ответ Крамер, одним махом разрубая напополам сразу троих драугров. – Я сразу бросился сюда. Де Вилья уехал сегодня на рассвете!

– Крысы первыми бегут с тонущего корабля, – прорычал Мастер. – К черту! Справимся и без него.

– Вам понадобится помощь, профессор? – Крамер отер пот со лба. – Кажется, под замком Ринвуд открылись врата Преисподней.

– Вы настоящий мужчина, друг мой. – Мастер похлопал Крамера по плечу. – Но вы нужнее здесь. Соберите всех, кого сможете, и пробивайтесь к западным воротам. Боюсь, у вас совсем немного времени.

– Как скажете, профессор. – Крамер оскалился. – Все-таки вы были правы: без хорошей драки жизнь становится невыносимо скучной.

Академия превратилась в поле боя. С высоты лестницы Амалия смогла разглядеть еще нескольких уцелевших. В переулке, ведущем к жилым корпусам, несколько стражников отбивались от наседавших драугров. Огромная фигура Хораса неторопливо орудовала гигантской алебардой, и с каждым ударом сразу несколько ходячих трупов обретали окончательное упокоение. Внизу, на небольшой площади, кишевшей драуграми, Роб с Уиллом стояли спина к спине и рубили мертвое воинство Матабера. Крамер медленно, но верно пробивался к ним, выжигая себе дорогу смертоносной магией. Сейчас низкорослый и взъерошенный библиотекарь был по-настоящему страшен. Откуда-то издалека слышались крики Берты. Старая хозяйка таверны не звала на помощь – она сражалась наравне со всеми. Где же Алекс?.. Как же Амалии хотелось броситься на помощь всем, кто дрался за Академию в этом страшном последнем бою, – но сейчас она должна была идти вперед.

В Дом Четырех Стихий.

За своим Мастером.

До самого конца.

* * *

– Ну, вот и все. Ты готов, Грег?

Кроу поравнялась с Мастером Коннери и взяла его за руку. Не жестом друга или возлюбленной – так было проще делиться Силой. Амалия мучительно выдохнула. Кроу отдавала последнее, выдавливая из измученной души даже самые крохотные искорки. И без того немыслимо мощная защита Мастера становилась совершенной, непроницаемой – разве могла существовать Сила, способная ее пробить?

– Будто бы у меня есть выбор, – усмехнулся Мастер. – Стойте за моей спиной.

Амалия протянула руки. Левую – Агнешке, правую – Ливи. В этом бою они могли только поддержать Мастера своими крохотными искорками Дара. Стоит хоть немного ошибиться, высунуться из-за магического щита, – и все. Конец. Наверное, даже не успеешь почувствовать боли…

Там, за тяжелыми дверями кабинета ректора Торвальдсена, скрывалось Зло. Зло с лицом худощавого юноши знало, не могло не знать, что за ним пришли, – но не пыталось затаиться или бежать. И даже стальные великаны, безмолвные охранники кабинета, окутанные Темной волей, вовсе не выглядели попыткой остановить незваных визитеров – разве что задержать на

несколько мгновений. Огромные фигуры двинулись вперед, поднимая оружие, но Мастер Коннери выставил вперед ладонь – и они отлетели обратно, разваливаясь на искореженные обломки и разнося в щепки двери. Уже совсем не страшные. Просто девятифутовые доспехи, пустые внутри. Оболочки, наполненные лишь Силой и Мраком.

Точно так же, как и то, что еще совсем недавно было Дереком Каннингемом. Страшилище из сна, монстр с тысячью шипящих голосов, воплощенное Зло, вернувшееся из небытия. Тот, кого все так старались забыть. Матабер. Невысокое и нескладное тело Дерека не могло вместить столько рвущейся на свободу Темной Силы и уже начало меняться.

– Прелес-с-с-стно, – проговорил он широким, похожим на змеиную пасть, ртом, в котором оставалось уже совсем немного человеческого. – Я как раз с-с-собирался отправиться к вам.

Глаза Матабера-Дерека наполняла густая непроглядная тьма. Хаос рвался наружу тонкими нитями, сплетался в уродливые щупальца, пронизывающие одежду и обескровленную кожу. Из-за огромного стола ректора Торвальдсена была видна только верхняя половина исковерканного Силой тела бывшего первокурсника, но никаких сомнений, что и нижняя выглядела ничуть не лучше, уже не оставалось.

– Моя малыш-ш-ш-шка. – Взгляд Матабера уколол Амалию льдом. В самое сердце. От одной мысли, что это чудовище прикасалось к ее коже, внутри все застывало и сжималось. – Я с-с-скучал по тебе. Пос-с-сле того, как я разберусь с твоими никчемными друзьями, никто не станет нам меш-ш-шать…

– Мастер Коннери тебя уничтожит. – Амалия посильнее стиснула пальцы соседок. – Или я умру вместе с ним.

– А-а-а-а, мой с-с-старый враг. – Матабер оскалился в жуткой улыбке. – Ты тоже с-с-стал с-с-сильнее, ты многому научился. Как жаль, что ты черпаешь лишь крупицы того могущ-щ-щес-с-ства, для которого был рожден. Но твой трюк с пряжкой хорош-ш-ш! Мне даже немного жалко будет тебя убивать.

– Слишком много болтаешь.

Голос Мастера Коннери звучал тускло и устало – будто бы тот готовился покинуть скучное застолье, а вовсе не сражаться насмерть с воплощенной Тьмой. И тем внезапнее оказалась его атака. На этот раз никакого огня – даже Силы Амалия не почувствовала, но стол ректора вдруг пошел рябью и обратился в прах. Фигуру Матабера скрутило, скомкало, но тот уже ставил щиты, тянулся вверх жуткой черной тенью, утрачивая последние крупицы сходства с человеком. Ответный удар заставил Мастера покачнуться, но он тут же вновь вскинул руки и пошел вперед.

Черные щупальца Матабера клубились уже на добрую половину кабинета, закрывая свет из окон и норовя подобраться если не к самому Мастеру Коннери, то к кому-нибудь другому. Магический щит чуть потускнел, и Амалия почти слышала, как он с тихим треском сминается.

Сколько же Силы высосала эта тварь?! Возможно ли вообще победить того, кто черпает свое могущество из Хаоса, из самой Изначальной Тьмы? Все нутро Амалии сводило от беспросветного ужаса. Хотелось убежать, укрыться или хотя бы просто беспомощно упасть на пол. Лишь только вид широкой спины Мастера, упрямо продавливавшего густой смертельный мрак, вдыхал в Амалию хоть немного воли и жизни. Каждый шаг давался Коннери все с большим трудом. Едва ли у него был какой-то хитроумный план – не стоило рассчитывать победить Матабера одной лишь боевой магией. Бросить всю Силу на щиты, подобраться вплотную и вонзить сияющий клинок в самое сердце клубящейся Тьмы. Только так.

Мрак против Мрака. Мастер Коннери натужно рычал, сдерживая в узде свой Темный Дар. Сейчас Амалия чувствовала его, как никогда раньше. Хорошо знакомый ей соблазн. Перестать цепляться за свой страх, за любовь, за то, что и называется бессмертной душой. Раскрыться навстречу Тьме, напитаться ее безграничной мощью и играючи смести врага. Но что будет потом? Матабер падет, но вместо него появится другое чудовище, одержимое жаждой смерти и разрушения. Поэтому Мастер держался. Держался, пока хватало собственных сил, но потом и их оказалось недостаточно.

Первой сдалась Кроу. Ее Дар на мгновение вспыхнул, а потом сжался в крохотную точечку, а сама она медленно осела на пол, из последних сил протягивая руки к Мастеру. Амалия застонала и выгнулась, пытаясь не выпустить холодеющие пальцы Агнешки и Ливи. Мастер беспощадно высасывал и их Силу, поддерживая разваливающийся щит. Их же не хватит надолго!

– Мастер Коннери, возьмите лучше у меня! Возьмите еще!
– Нельзя, девочка. Ты можешь умереть.
– Ну и пусть! Лучше я, чем они! Мы должны победить!
– Нет. Я должен. Прости, Ами.
– Мастер, нет, не надо!!!

Связь разорвалась. Магический щит лопнул, и вихрь Силы промчался по коридору, круша мебель и швыряя Амалию с соседками на пол. Острый осколок стекла впился в щеку, но она лишь отмахнулась от досадливой боли, попыталась подняться на

ноги, чтобы снова драться, чтобы отдать Мастеру еще немного себя.

Но ему уже не требовалась помощь. На этот раз Матабер ударил огнем. Ослепительно-белое пламя с треском окутало Мастера Коннери. Высокая черная фигура сгорала и плавилась, словно воск, становясь все тоньше и тоньше, – но все равно продолжала шагать.

– Мастер!!! – закричала Амалия.

Раскаленный боевым огнем воздух тут же хлынул в горло, превращая крик в едва слышный хрип. Не было сил ни подняться, ни даже ползти. От нестерпимого жара на глаза наворачивались слезы. Хотелось закрыть лицо руками. Хотелось – но Амалия не могла. Оставалось только смотреть, как ее Мастер рассыпается в пепел. Но не останавливается. Перед тем как нанести последний удар, он все-таки на мгновение обернулся назад. На сожженном лице живыми остались только глаза, сиявшие непобедимым зеленым огнем.

– Мой Мастер… – одними губами прошептала Амалия.

Клинок в обугленной руке вспыхнул так, что стало больно глазам. Тысячеголосая Тьма заревела, брызнула во все стороны черными кляксами, заметалась по кабинету ректора, пытаясь вновь собраться воедино, но уже таяла, расползалась…

А потом рухнул потолок.

Глава 13

Темно. Светло. Снова темно и снова светло. Больше ничего. Иногда Амалия выныривала из густого, как кисель, небытия, но лишь для того, чтобы через несколько мгновений вновь погрузиться в него с головой. Иногда она слышала голоса – далекие и смутно знакомые, но так и не могла ни разобрать слов, ни понять, кто же там, за темнотой. Близко или далеко? Иногда она ощущала, как теплое одеяло ужасной тяжестью давит на грудь, и звала, звала на помощь. Но никто не приходил. Голоса не было. Ни слов, ни чувств, ничего. Только темно и светло. Холодно или невыносимо жарко. Наверное, это проходили дни. Сколько же их было?

А потом чувства вернулись. Все, разом. Амалия осторожно втянула носом воздух. Запахи. Много-много запахов. Дым из труб, сено из далеких конюшен. Пыль. И что-то еще. Приятное, знакомое, но будто бы давно забытое. Глаза открывать не хотелось. Так было честнее – вспомнить или хотя бы догадаться. Несколько минут Амалия просто лежала без движения под одеялом и вдыхала, вдыхала далекий аромат. Травы, цветы, свежая листва. Весна. Это весна! Сколько же времени прошло с тех пор, как…

Боль нахлынула ледяной волной. Вместе с чувствами вернулась и память. Все – полчища драугров, Дерек, превратившийся в Матабера, Кроу, медленно оседающая на пол, холодные руки Агнешки и Ливи… И Мастер Коннери, шагающий в огне навстречу гибели. Как же Амалии хотелось открыть глаза и увидеть его! Как тогда, после сумасшедшей скачки к Белой Скале, когда Мастер несколько дней не отходил от ее постели… Но его больше нет. А Амалия осталась жива только потому, что он не решился забрать всю ее Силу на щиты! И никогда она не сможет снова услышать его недовольное ворчание, никогда не сможет поблагодарить его за все, что он сделал для нее, не сможет сказать тех слов, которые должна была сказать давным-давно. Амалия почувствовала, как по ее щекам скатилась горячая слезинка. Наверное, нужно встать или хотя бы позвать кого-нибудь… Но зачем?

– Кажется, ты уже проснулась.

Этот мягкий голос Амалия бы узнала из тысячи – хоть она уже и не ожидала услышать его снова.

– Вы здесь, ректор…

Дневной свет больно резанул отвыкшие глаза, а собственный слабый шепот загремел в ушах Амалии громче колокола. Но надо

было возвращаться – обратно в мир живых. Она уже и так пропустила слишком много. И если кто-то и мог дать ей все ответы, то только сам Элвин Торвальдсен.

Точно такой же, каким она его запомнила. Безукоризненный черный камзол с серебром. Руки, покоящиеся на коленях. Одна обычная, человеческая, другая – блестящий металл. Аккуратные седые волосы и пронзительно-голубые глаза. Разве что крохотных морщинок на лице стало чуть больше. Где же ректор был все эти долгие месяцы, когда Академия так в нем нуждалась? И что ему пришлось пережить?

– Я снова здесь, – кивнул Торвальдсен. – Там, где и должен был быть уже давно. Моя самонадеянность дорого обошлась вам всем. Я слишком далеко забрался, охотясь на Тьму, которая все это время скрывалась в Академии.

– Стоит ли винить себя, ректор? – Амалия вздохнула. – Я и представить себе не могу, насколько могущественен Матабер. Он может быть везде.

– Увы, это так. – Торвальдсен опустил голову. – Было так. На этот раз все закончилось. Зло уничтожено – но какой ценой!

– Кто… кто погиб? – Амалия поднялась с подушек. – Ливи, Агнешка – они живы?

– С ними все хорошо, – ответил Торвальдсен. – Ты все узнаешь, девочка. Но пока что отдыхай. Ты слишком слаба, тебе стоит…

– Я в порядке! – Амалия рывком села на кровати. Перед глазами сразу же поплыли цветные круги, ослабевшее от долгой болезни тело отказывалось слушаться, но упрямство побеждало. – Скажите мне, ректор, прошу вас!

– Ты так похожа на своего Мастера. – Торвальдсен улыбнулся. – Настоящий темный маг куда прочнее обычного человека. Есть ли способ заставить тебя поесть и поспать хотя бы еще немного?

– Рассказать мне все. – Амалия бесцеремонно вцепилась в металлическую руку ректора и сбросила ноги на пол. – Прямо сейчас.

– Упрямая девчонка, – проворчал Торвальдсен, и все же одобрения в его голосе было куда больше, чем недовольства. – Сможешь идти?

Вместо ответа Амалия потянулась за башмаками. Сколько же они ее дожидались? Впрочем, какая разница? Надо идти. Надо, даже если сил едва хватает на то, чтобы сползти с кровати. Дар Амалии медленно разгорался внутри, по капле вливая жизнь в одеревеневшие от долгого лежания мышцы. Потом тело отомстит, и за вернувшуюся подвижность придется расплачиваться

сумасшедшим аппетитом и болью в ногах, но сейчас это неважно. Там, за тяжелой дверью больничного крыла, еще оставались ответы, и Амалия любой ценой собиралась их получить.

– Ступай осторожнее. – Торвальдсен аккуратно взял ее под локоть. – И надень хотя бы плащ.

Вниз, по бесконечно длинной лестнице, на улицу. Через уже почти позабытые улочки замка Ринвуд. То ли для того, чтобы подготовить Амалию к новым потерям, то ли чтобы просто скрасить невыносимо тяжелый путь, ректор рассказывал. Обо всем – о Матабере, об Осенней Войне, о том, как трое магов, чьи имена не сохранила история, остановили Тьму в смертельной схватке под Виенной полтора века назад. О том, как Тьма вернулась. О том, что больше этого никогда не случится. О том, что в Дозорной Башне Академии теперь сияет новый Кристалл, еще сильнее предыдущего. Амалия почти не слушала. Самого главного Торвальдсен все равно не рассказал бы – ей придется увидеть своими глазами. И если на то будет воля Всеотца, она справится. Если не ради себя самой, то ради Мастера Коннери.

– Мы пришли, – тихо произнес ректор и остановился перед Белой Лестницей.

Академия изменилась. Нет, от иссохших тел драугров и шрамов, которые могли бы впечатать в камень боевые заклинания, не осталось и следа. Дозорная Башня устояла, крыши все так же задорно сияли красной черепицей, и даже изрядно пострадавший Дом Четырех Стихий теперь выглядел нетронутым. Но черного камня, клином врезавшегося в нижние ступени лестницы, здесь раньше не было. Но он останется навсегда – как предостережение, как память. На стесанной поверхности виднелись золотые буквы. Приблизившись, Амалия смогла прочитать. Ни титулов, ни дат – ничего. Только имена тех, кто отдал жизнь, защищая Академию.

Алистер Крамер
Роберт Морган
Уильям Конли
Хорас Макферсон
Кеттрикен Кроу

– Как же… как это случилось, ректор? – Амалия не смогла сдержать слез. – Она же была жива, тогда…

– Профессор Кроу отдала даже больше, чем имела. – Торвальдсен склонил голову. – Все, что у нее оставалось. Выжала себя до капли, чтобы в последний раз защитить Грега. Когда я нашел их, она еще дышала… но даже мне не под силу исцелить

такое. Прости.

– Скажите мне, ректор, – прошептала Амалия. – Профессор Кроу и мой Мастер… они любили друг друга?

На этот раз Торвальдсен молчал так долго, что Амалия уже и не надеялась услышать ответ.

– Я не уверен, что скажу все правильно, – наконец выговорил он. – Хоть я и помню их еще юными и неразумными… по моим меркам, конечно же. Помню, как встретил их в первый раз во время Осенней Войны. Она была еще совсем девчонкой, а твой Мастер уже тогда напоминал огромного седого медведя. Его Дар сложно было не заметить. Удивительно, как ему удавалось держать в узде свою ярость. Еще тогда, когда он считал себя обычным человеком, всего лишь одним из солдат Короля, когда ничего не знал о своей истинной сущности. Это ведь Кет инициировала его. – Торвальдсен горько усмехнулся. – Я был против, но они, как всегда, поступили по-своему. Упрямцы. Впрочем, я и сам тогда был немногим мудрее их, хоть и прожил на свете больше двух веков. Эта война изменила нас всех. Любили ли они друг друга, девочка? – Ректор покачал головой. – Я не знаю. Они были близки. Близки так, как только могут быть близки Мастер и его ученик. Даже ближе. Возможно, Кет могла бы полюбить Грега, останься он человеком. Но он выбрал свой путь, зная, что это навсегда их разделит. Нельзя любить темного мага – его страсть так же смертоносна, как и его гнев. Надеюсь, я ответил на твой вопрос.

Амалия молча кивнула и продолжила читать расплывающиеся золотые буквы. Еще полтора десятка незнакомых имен – студенты или стражники. Мужчины и женщины. Последним в страшном списке стоял Дерек Каннингем.

– Думаю, он заслужил свое место здесь. – Торвальдсен еще на шаг приблизился к черному камню. – Да, Матаберу не под силу занять чужое тело самому. Он каждый раз предлагал своим жертвам что-то взамен. Вечную жизнь, богатство, могущество, любовь – и каждый раз обманывал. Я не знаю, что он обещал Дереку… Но верю, что Дерек до самого конца сражался.

– Я знаю, – прошептала Амалия, касаясь последней надписи ладонью. – Я это видела…

Она прочитала список еще раз. Потом еще. Нет, никакой ошибки. Самого важного, самого дорогого для Амалии имени в списке не было. Грегор Коннери. Неужели его просто забыли? Или… или это сделали специально?!

– Мой Мастер. – Слезы сменились яростью. – Почему его нет здесь?!

– Знаешь, я почти целый месяц думал, как я скажу тебе то,

что должен сказать. – Торвальдсен взял Амалию за плечи. – Мастер Коннери… пока что я не могу считать его мертвым – но и в мире живых его тоже больше нет.

– Как такое возможно, ректор? – Амалия рванулась и отступила на шаг. – Я сама видела, как он сгорел в огне! Что с ним?!

– Под развалинами моего кабинета я нашел… – начал Торвальдсен, но тут же осекся, мотая головой. – Нет, девочка, лучше тебе даже не слышать о том, что открылось моему взору. Но Изначальная Тьма наделяет своих детей необычным могуществом и крепостью. И пока огонь Дара профессора Кроу угасал, твой Мастер отчаянно цеплялся за жизнь. Я просто вливал в него Силу, а он глотал – исступленно, жадно, поднимаясь из пепла и обугленных костей. Никогда бы не подумал, что такое возможно…

– Он жив?! – Амалия не могла поверить своим ушам. – Мой Мастер не погиб?!

– Тело, увы, лишь его тело. – Торвальдсен сокрушенно покачал головой. – Восстановить его, наполнить жилы кровью и вновь заставить биться сердце оказалось не так уж сложно. Но неукротимый дух Грегора Коннери вернуть не удалось. Твой Мастер остался в вечном мраке Хаоса, и всех моих сил не хватит, чтобы вырвать его оттуда. Впустить Изначальную Тьму в свою душу или навек раствориться в ней самому… он сделал правильный выбор. Ради всех нас.

– Снова. – Амалия сжала кулаки. – Пожертвовать всем и не получить ничего – даже букв на черном камне. Разве это справедливо, ректор? И что же мы будем делать теперь?

– Тело Грегора Коннери будет дышать, пока я подпитываю его Силой, – тяжело произнес Торвальдсен. – Но мы должны отпустить его, девочка. Он не вернется. Что до тебя… – Торвальдсен на мгновение задумался. – Ты вольна сама выбрать свой путь, как и всегда. Ты можешь посвятить жизнь наследию твоего Мастера и хотя бы попытаться самой пройти через то, что пришлось пройти ему. Ты можешь довериться Селине. Можешь остаться в Академии и после окончания обучения – уверен, я смогу подыскать тебе достойное занятие. В конце концов, – Торвальдсен улыбнулся, – ты можешь поступить и иначе. Некий Александр Монтгомери почти не отходил от твоей постели все это время. Думаю, вам есть что сказать друг другу.

Амалия тихо усмехнулась. Значит, вот так? Запереть себя в Дозорной Башне и изучать древние манускрипты, пытаясь отыскать несуществующий способ справиться с Темным Даром? Или позволить дриаде вытащить из себя саму человеческую

природу, чтобы заменить ее вечным покоем Звенящего Леса? А может быть, просто сделать вид, что все закончилось, и выйти замуж за красивого и учтивого сына герцога? Родить детей и молиться Всеотцу, чтобы ни у одного из них в ауре не расцвели черные всполохи… Хорошие и правильные решения – выбирай любое. Но Амалия слишком долго пыталась быть правильной. Только зачем? Все равно у нее ничего бы не вышло.

– Где сейчас мой Мастер? – спросила она. – Скажите, ректор. Я должна его увидеть.

Взгляд Торвальдсена вдруг изменился. Стал другим. Не сердитым, не испуганным, даже не любопытным – просто внимательным и испытующим, словно он пытался увидеть то, что скрывалось даже от Истинного Зрения. Или ректору почему-то просто не хотелось отвечать?

– Мастер Коннери у себя в комнате, – медленно проговорил он. – Ты уверена, что готова к…

– Я уже давно готова. – Амалия даже не стала дослушивать предостережение. – Прошу меня простить, ректор.

Странно, но подъем почти на самый верх Дозорной Башни дался ей даже легче, чем путь к Белой Лестнице. Хотя, скорее, дело было лишь в решимости. Амалия настырно вбивала каблуки башмаков в каждую ступеньку, шаг за шагом приближаясь к цели. Только перед самой дверью в покои Мастера Коннери она на мгновение замерла, впитывая могильную тишину всеми чувствами. Нет, ничего. Там, внутри, лишь его тело. Мертвее драугра, хоть сердце еще бьется. Что может сделать юная девушка, если даже всемогущий Элвин Торвальдсен оказался бессилен?

Мастер Коннери лежал на своей кровати. Амалия едва смогла его узнать. Огромные ладони, покоившиеся на одеяле, еще могли принадлежать тому, кого она помнила, – но худые немощные руки с обвисшей кожей были чужими. Знакомые шрамы, знакомые седые волосы и густая жесткая щетина – но щеки впалые. Не ее Мастер – лишь тень, жалкое подобие. В нем осталось едва ли полторы сотни фунтов – так он высох и съежился. Разве за этим Амалия пришла сюда?

– Мастер Коннери, – тихо прошептала она, присаживаясь на край его ложа. – Как жаль, что вы меня не услышите. Я ведь все узнала, все поняла. Неужели слишком поздно? У вас всегда был ответ на любой мой вопрос – почему же вы молчите сейчас?

Нет ответа. Плохие слова, неправильные. Сожаление, упрек, даже благодарность – это мог бы сказать любой. Но у Амалии были другие слова. Те, которые она больше не собиралась скрывать.

– Я люблю тебя, Грегор Коннери, – твердо и звонко произнесла она, но потом не выдержала и бросилась на неподвижное тело, прижимаясь мокрым от слез лицом к мягкой ткани рубашки. Это же ее Мастер! Только ее, и ничей больше. Исхудавший, немыслимо изменившийся, – да пусть даже мертвый! Все равно. Ее Мастер. Амалия продолжала шептать, приглаживая руками непослушные седые волосы. – Я люблю тебя. Нет, конечно, не с первого взгляда. Тогда ты казался мне просто жутким старикашкой, грубым и жестоким. А потом… потом все вдруг изменилось. Сама не знаю, когда именно. Я изменилась. Нет, не так! Ты изменил меня, сделал своей, и теперь я без тебя не могу. Не могу, слышишь меня? Мы ведь с тобой одинаковые – ты и я. Осколки чего-то целого. Но если не будет тебя, – Амалия всхлипнула, – то и меня тоже не будет.

Нет ответа.

Эпилог

Только слышно, как в когда-то могучей груди Мастера бьется сердце. Спокойно, размеренно, будто бы он просто крепко спит. Но от этого сна не будет пробуждения. И Амалия останется одна. Медленно погрузится туда же – к нему, за ним. В Хаос, в саму Изначальную Тьму, из которой не найти выхода.

– Как я могу жить без тебя? Без твоих вечных придирок, без ворчания, без дурацких уроков? Лучше просто лечь и умереть рядом с тобой. Я всю жизнь была калечной, неполной – а ты подарил мне себя… и меня тоже. И теперь снова отобрал. Так… так нечестно!

Нет ответа. И боль начинает сменяться гневом. Мрак раскрывает свои объятия, манит – еще немного, и можно будет с головой нырнуть туда, где нет боли.

– Ненавижу тебя! – Амалия в бессильной ярости вцепилась в ворот рубашки Мастера. – Ублюдок! Благородный болван! Снова жертвуешь собой во имя какого-то чертова добра, во имя спасения всех подряд. А ты подумал, что станет со мной?! Как я теперь?! Вставай!

Тонкая ткань затрещала.

– Вставай, Грегор Коннери, черт бы тебя побрал! Или ты такой слабак, что не можешь даже пошевелить рукой?! Ты, бесполезный старый кусок…

Нет ответа. Но левое запястье вспыхивает болью, словно его вдруг сжали стальными клещами. Рядом на бледном неживом лице зажигаются два грозных зеленых огонька. И только после этого негромко раздается ставший таким родным и бесконечно нужным хриплый голос:

– Никогда. Больше. Не смей. Говорить. Таких. Слов.

Амалии больно. Даже исхудав до костей, даже пролежав без движения несколько долгих месяцев, Мастер сохранил нечеловеческую силу. Но это сладкая боль, ведь теперь она снова связывает их – на этот раз навсегда. И Амалии хочется, чтобы он никогда ее не отпускал, – но он отпускает, неторопливо разжимая пальцы. А она просто бестолково тычется лицом в колючую щетину, покрывая его лицо поцелуями. Здесь и сейчас, пока он не догадается оттолкнуть ее. Но он не отталкивает. Мягко, бережно касается плеч. Отворачивается, но прижимает ее к себе. Так проходит вечность.

– Ты долго собираешься так лежать? – наконец звучит его голос.

Амалия не отвечает. И тогда он просто садится на кровати.

Пытается встать – раз, другой, третий, но у него ничего не получается. Ему стыдно просить, стыдно признаться, что двухсотлетний ветеран по имени Грегор Коннери все же не железный, – но он просит.

– Проклятье. Помоги мне выбраться из этой дыры. Я достаточно провалялся в кровати.

Амалия ловко подныривает ему под руку, подставляя плечо, и они поднимаются. Вместе. Идут к двери. Потом наружу.

На улице почти никого нет. Или все специально прячутся от двух исхудавших и больных людей, упрямо волочащих непослушные ноги к воротам замка? Они все еще идут медленно. Он – потому, что пока не хватает сил. Она – потому, что боится отпустить сладкие мгновения, боится расплескать хоть немного пьянящего и безумного счастья. Но уже за подъемным мостом все меняется. Мастер Коннери ступает по зеленой траве. Сначала неуверенно, но потом его вес перестает давить Амалии на плечо. Еще немного – и ему уже не нужна помощь. Он какое-то время идет рядом, но потом медленно вырывается вперед. И с каждым шагом возвращается сила. Походка Мастера вновь наливается тяжестью – той, которая присуща лишь тем, кто готов нести на усталых плечах целый мир. Может быть, Амалия ему совсем не нужна? Он расставляет руки чуть в стороны, подставляя лицо солнцу, еще холодный весенний ветер треплет отросшие волосы. Но потом Мастер все же поворачивается.

– Впереди еще очень много войн, девочка, – говорит он. – Ты должна завершить свое обучение. Ты должна стать боевым магом, и тогда Древний Кодекс…

Амалии плевать на Кодекс. И она не собирается снова упустить все, не собирается позволить Мастеру уйти в разговор о деле, о долге и прочей немыслимо важной ерунде. Она подходит к нему вплотную. Он такой высокий, что ей приходится запрокинуть голову и прищуриться – солнце светит прямо в глаза.

– Я знаю, что это против правил Академии. Знаю, что уже нарушила Кодекс и сейчас нарушу еще раз. Если понадобится, за это я пробегу хоть сто, хоть тысячу кругов по Звенящему Лесу! Пробегу – но потом. А сейчас…

Амалия на мгновение замолкает. Жмурится – то ли от томительного предвкушения, то ли от самого обычного страха. Безумно сложно повторить то, что совсем недавно казалось таким естественным. Приходится чуть помолчать, чтобы набраться храбрости. Мастер терпеливо ждет, и Амалия наконец решается:

– А сейчас, Грегор Коннери, просто заткнись и поцелуй меня!